

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 20

ВИТЕБСК 2015

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2015 • Том 20

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бен-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 23.04.2015 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (*главный редактор*),
М.А. Слемнев (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, П.А. Водопьянов, Е.В. Давлятова, А.Н. Дулов, В.С. Елисеев,
А.П. Косов, О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, М.А. Можейко,
С.А. Моторов, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, И.Р. Чикалова, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*),
Эрик Екабсонс (*Латвия*), И.А. Королева (*Россия*), А.А. Михайлов (*Россия*),
В.Н. Никитин (*Россия*), Н.Л. Пушкарева (*Россия*), Т.А. Ященко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – Т. 20. – 232 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бен-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2015

Оглавление

Contents

История

Мандрик И.В. Профсоюзы – значимое общественное формирование в структуре социально ориентированного государства ...

Косов А.П. Двусторонние отношения США со странами Латинской Америки после окончания «холодной войны» в оценках российских исследователей

Мусина Н.Е. Комсомол и молодежное движение в Беларуси (начало XX века) ..

Уваров И.Ю. Проявление сословных интересов шляхты ВКЛ на вальном сейме 1551 г.

Гребень Е.А. Повседневные практики городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации

Яковлева Г.Н. Реклама и объявления в витебских газетах 1920-х гг. как источник изучения повседневной жизни горожан

Шандра И.А. Биржи как форма представительства интересов предпринимателей пореформенного периода (на примере украинских и белорусских губерний)

Матюшевская М.И. «Апология истории» М. Блока в контексте смены парадигм исторической науки XX – начала XXI века

Моторова Н.С. Санитарные попечительства белорусско-литовских губерний в пореформенный период

Даніловіч В.В. Маніторынг стану здароўя моладзі і арганізацыя мерапрыемстваў па яе аздараўленні ў Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.)

Сугако Н.А. Исторические взгляды М.П. Погодина и его роль в научной жизни России XIX в.

Лесная О.Ю. Музейная политика БССР в послевоенное пятилетие

Чореф М.М. К каталогу позднесредневековых бахчисарайских надписей

Подберезных И.Е. Сотрудничество стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Соединенных Штатов Америки

History

Mandrik I.V. Trade Unions as a Significant Public Association in the Structure of Socially Aimed State

Kosov A.P. Bilateral USA – Latin American Countries Relations after the End of «Cold War» in Russian Researchers' Assessments

Musina N.Y. Komsomol and Youth Movement in Belarus (Early XXth Century) ..

Uvarov I.Yu. Manifestation of Class Interests of Grand Duchy of Lithuania's Nobility at 1551 Valny Seimas

Greben E.A. Daily Practice of Urban Population of Belarus under Nazi Occupation

Yakovleva G.N. Advertizing in Vitebsk Newspapers of the 1920s as the Source of Studies of Urban Population Everyday Life.....

Shandra I.A. Exchanges as a Form of the Representative of Post-Reform Period Businessmen's Interests (on the Example of the Ukrainian and Belarusian Provinces)

Matsiusheuskaya M.I. M. Bloch's «Apology of History» in the Context of Changing Paradigms of the XXth – Early XXIst Century History

Motorova N.S. Sanitary Boards of Guardians of Belarusian-Lithuanian Provinces in the Post-Reform Period

Danilovich V.V. Monitoring the Health of Youth and Setting Up Events for its Improvement in Soviet Belarus (1921–1939)

Sugako N.A. Historical Ideas by M.P. Pogodin and his Role in the Scientific Life of the XIXth Century Russia

Lesnaya O.Yu. Museum Policy of the BSSR in the Post War Five Year Period

Choref M.M. To the Catalog of Late Medieval Bakhchysarai Inscriptions

Podberezhnykh I.E. Cooperation of Association of Southeast Asia Countries and the United States of America

Философия

Philosophy

<i>Белокрылова В.А.</i> Образы «врага» и «друга» в исторической памяти свидетелей войны: теоретико-методологические основания реконструкции	113	<i>Belokrylova V.A.</i> Friend and Enemy Images in the Historical Memory of War Witnesses: Theoretical and Methodological Base of Reconstruction	113
<i>Цыбульский М.Л.</i> Асноўныя ракурсы эстэтыкі і паэтыкі мастацкага авангарда ..	121	<i>Tsybulski M.L.</i> Main Sides of Art Vanguard Aesthetics and Poetics	121
<i>Кривоносова Е.Э.</i> Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи	131	<i>Krivososova E.E.</i> Spiritual and Moral Values of Student Youth	131
<i>Бродецкая Ю.Ю.</i> Тотальность как деконструкция социальной целостности: аутентичность тотальных практик	139	<i>Brodetskaya Y.Y.</i> Totality as Social Integrity Deconstruction: Authenticity of Totality Practices	139

Филология

Philology

<i>Мезенка Г.М.</i> Сучасны стан беларускай тапанімікі	147	<i>Mezenka G.M.</i> Contemporary State of Belarusian Toponymy	147
<i>Сидоренко Р.С.</i> Сущностная характеристика понятий «стиль языка», «стиль речи», «текст» в лингвистике, теории речевой деятельности и в курсе русского языка в системе общего среднего образования Республики Беларусь	159	<i>Sidorenko R.S.</i> Essence Characteristics of the Concepts of Language Style, Speech Style and Text in Linguistics, Theory of Speech Activity and in the Course of Russian within the System of General Secondary Education of Belarus	159
<i>Сердюкова Е.И.</i> Архитекстуальный диалог в современной русскоязычной поэзии Беларуси	166	<i>Serdziukova E.I.</i> Architextual Dialogue in Modern Russian Language Poetry of Belarus	166
<i>Бобчинец Л.И.</i> Семантические особенности фразеологических единиц в лексике азартных игр в испанском языке ...	171	<i>Bobchynets L.I.</i> Semantic Peculiarities of Idioms in the Lexicon of Gambling in the Spanish Language	171
<i>Храбан Т.Е.</i> Специфика языковой игры в сфере художественной литературы ..	176	<i>Khraban T.E.</i> Specificity of the Language Game in Fiction	176
<i>Бобрикова Е.П.</i> Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество»	184	<i>Bobrikova E.P.</i> Prognostics of Analogies in the Derivational Processes of Lexemes Denoting Large Numbers	184
<i>Марчишина А.А.</i> Ризоматическая гетерогенность гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе	189	<i>Marchyshyna A.A.</i> Rhizomatic Heterogeneity of Gender Identity in Postmodern Discourse	189
<i>Трофимович Т.Г.</i> Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года как памятник древнерусской деловой письменности ..	195	<i>Trofimovich T.G.</i> The Inscription on the 1161 Cross of Saint Euphrosyne as a Monument of Ancient Russian Business Writing	195
<i>Синкевич Т.И.</i> Репрезентация древних верований славян в лимнонимии Витебщины	200	<i>Sinkevich T.I.</i> Representation of Ancient Slavonic Beliefs in Lymnonymy of Vitebsk Region	200
<i>Клемят Л.Е.</i> Лингвокреативная деятельность и ее проявления в интернет-дискурсе	206	<i>Klemiat L.E.</i> Linguistic and Creative Activity and its Manifestations in the Internet Discourse	206
<i>Пивоварчик Т.А.</i> Праздничный дискурс в районной прессе	214	<i>Pivovarchik T.A.</i> Festive Discourse in Local Press	214
<i>Зайцева К.А.</i> Месца рэгіянальных даследаванняў у анамастыцы	222	<i>Zaytseva E.A.</i> Place of Regional Research in Onomastics	222
Рецензия	227	Review	227

УДК 94/476

Профсоюзы – значимое общественное формирование в структуре социально ориентированного государства

Мандрик И.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова», Витебск

Стремление собственников к получению высокой прибыли за счет минимизации издержек на рабочую силу приводит к высокой степени эксплуатации работников, порождает открытое противостояние и напряженность в социально-трудовой сфере. Такое состояние было характерно еще для средневековья, усложнилось оно в Новое время и до сих пор остается предпосылкой для объединения трудящихся при защите своих законных прав и интересов. Со временем наемные работники нашли эффективную форму, способную объединить усилия в отстаивании своих требований. Для этого в большинстве стран мира создавались профессиональные союзы, которые потом превратились в системное организованное структурированное профсоюзное движение. Не посягая на прерогативы работодателей, обязанности и права государства, профсоюзы развитых стран как законные представители и защитники трудящихся набирались опыта и становились полноправной стороной становления гражданского общества и сохранения его стабильности. В наше время в странах со свободной экономикой в интересах сохранения социальной стабильности между государством, работодателями (нанимателями) и профсоюзами широко практикуется конструктивное сотрудничество, известное как система социального партнерства. В Беларуси, начиная с 90-х годов прошлого столетия, профсоюзы как посредники в трудовых отношениях между государством, работодателями и трудящимися вынуждены были (с переходом к рынку) сделать крутой поворот в важнейших направлениях своей деятельности, внести изменения в стратегию и тактику, утвердившуюся в советское время.

Цель исследования – выявление состояния и поиск путей оптимизации взаимодействия профсоюзов с государственными структурами и нанимателями в сфере труда современной Беларуси.

Материал и методы. При подготовке статьи автор опирался на положения Конституции Республики Беларусь, конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ), Трудового кодекса Республики Беларусь, Указы Президента страны, которые предусматривают регулирование государством отношений в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон. Использовались также фундаментальные работы ученых индустриально развитых стран, где анализируется деятельность социальных партнеров по формированию и становлению социального государства, способного обеспечить реальное равноправие как отдельных индивидов, так и всех групп и слоев общества. Положения и выводы в исследовании сформулированы на основе процессов, происходящих в белорусском обществе, в котором профсоюзы на протяжении всей своей истории являются важным социальным институтом.

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод, принципы историзма, социальнойности, системности рассмотрения изучаемых фактов и явлений.

Результаты и их обсуждение. В статье в обобщенном виде раскрывается генезис идей о действенных механизмах, способствующих утверждению социальной справедливости в системе производственных отношений в странах, вставших на путь индустриального развития. Анализируется деятельность профсоюзов в системе социально-трудовых отношений в советской планово-директивной экономике. Раскрыты противоречия между субъектами социально-экономической политики (государственными структурами и профсоюзами) в Республике Беларусь на начальном этапе перехода к рыночным отношениям (1991–2002 гг.), которые затрудняли осуществление социального партнерства в оптимальных, цивилизованных формах. Прослежено изменение во взаимоотношениях государственных структур, нанимателей и профсоюзов при согласовании социально-трудовых отношений в период 2003–2010 гг.

Заключение. После перехода Беларуси к рыночным отношениям парадигма строительства советских профсоюзов, когда государство возлагало на профсоюзы социально-экономические и социокультурные функции, а на себя брало всю полноту ответственности за социальное благополучие общества и каждого отдельного его гражданина, требовала серьезной корректировки. Профсоюзы как представители наемных работников отреагировали на вызов времени. В республике положено начало системе, которая основана на принципах трипартизма. Не без трудностей, постепенно стала складываться модель социального партнерства, отвечающая специфике национальной экономики республики. Ключевую роль в реализации профсоюзами защитной функции играл институт коллективных договоров и соглашений, который в условиях перехода к рыночной экономике выступал важнейшим элементом системы социального партнерства, а следовательно, основой социальной стабильности.

Ключевые слова: социально ориентированное государство, стабильность в обществе, наемные работники, профсоюзы, социальное партнерство.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 5–19)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

Trade Unions as a Significant Public Association in the Structure of Socially Aimed State

Mandrik I.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Owners' craving for high income at the expense of minimization of labor force expenditures results in high degree exploitation of workers, breeds open confrontation and tension in the social and labor sphere. This state was typical of medieval times, aggravated in modern times and is still a precondition for uniting workers when protecting their lawful rights and interests. As time went on employees found an efficient form which could unite efforts in defending their rights. To do this in most countries trade unions were set up, which later became a system, organized and structured trade union movement. Not trying to take up employers' functions, obligations and rights of the state, trade unions of developed countries, as lawful representatives and defenders of working people, gained experience and became a lawful side in the maturation of the civil society and preservation of its stability. At present countries with free economies, in the interests of social stability preservation, between the state, employers and trade unions practice constructive cooperation known as social partnership system. In Belarus since 1990-s trade unions, as intermediates in labor relations between the state, employers and workers, had to (with the transition to the market) make a u-turn in the most important directions of their activities, transform strategy and tactics of the Soviet times.

The aim of the research is finding out the state and discovering ways of optimization of trade union interaction with state bodies and employers in the labor sphere of contemporary Belarus.

Material and methods. The author applied in his work the Constitution of the Republic of Belarus, Conventions and Guidelines of the International Labor Organization, Code of Labor Laws of the Republic of Belarus, President's Decrees which envisage regulation by the state of relations in the social and labor sphere between bodies of state management, employers' unions and trade unions on the basis of social partnership principles and interaction of sides. Fundamental works by scholars from industrially developed countries were also used which analyze activities of social partners on shaping and maturation of social state, able to provide real equality of both individuals and all the strata and groups of the society. Conclusions and statements in the research are formulated on the basis of processes which take place in Belarusian society, where trade unions throughout their history are a significant social institution.

The methodological basis of the research is the historical and comparative method, the principle of historicism and social approach, system consideration of studied facts and phenomena.

Findings and their discussion. The study discloses in a general way the genesis of the ideas of active mechanisms which promote social justice in the system of production relations in countries that chose the industrial development route. Trade unions activities in the system of social and labor relations in the Soviet plan and directive economy are analyzed. Contradictions among subjects of social and economic policy (state bodies and trade unions) in the Republic of Belarus at the initial stage of the transition to market relations (1991–2002) are disclosed, which retarded implementation of social partnership in optimal and civilized forms. Changes in the interrelations among state bodies, employers and trade unions when agreeing on social and labor relations between 2003 and 2010 are traced.

Conclusion. After the transition of Belarus to market relations the paradigm of building up Soviet trade unions, when the state delivered trade unions social and economic as well as social and cultural functions, while taking the whole amount of responsibility for social welfare of the society and its individuals on itself, required serious correction. Trade unions as representatives of employees faced the challenge of the time. The system which is based on tripartite principles has been set up in the Republic. Not lacking difficulties, gradually, the social partnership model was shaped, which corresponded the specificity of the national economy of the Republic. The key role in implementation by trade unions the protection function was played by the institute of collective agreements, which, in the conditions of the transition to market economy, was the most important element of the social partnership system, and, consequently, the basis of social stability.

Key words: socially oriented state, stability in society, employees, trade unions, social partnership.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 5–19)

Эксперты Международной организации труда (МОТ), ученые, созданные во многих государствах Национальные советы по проблемам труда находятся в постоянном поиске приемлемых способов решения социальных проблем в усложняющихся политических и экономических условиях. Становление зарубежной историографии по проблеме налаживания конструктивного сотрудничества между работодателями и профсоюзами по поддержанию социальной стабильности в обществе начинается с середины XX

столетия. Тематика научных исследований достаточно широка и разнообразна. Историки, юристы, экономисты, политологи, философы и психологи концентрируют внимание на создании системы, способной регулировать социально-трудовые отношения в триаде *государство, профсоюзы, наниматели*. Актуальность данной проблемы обусловлена поиском эффективных путей согласования интересов работников, работодателей, властных структур путем заключения договоров, соглашений, достижения компромиссов, консенсуса,

регулирующих возникающие противоречия в социально-трудовой сфере. Все авторы, участвующие в разработке и освещении этой темы, сходятся во мнении, что в странах со свободной рыночной экономикой между государством, профсоюзами и работодателями в основном сформировалась система норм и правил их взаимодействия, что позволяет наиболее разумным и эффективным способом производить коренные перемены в производственной и социальной сфере. Вместе с тем в исследованиях отмечается потребность в постоянном пристальном внимании к этой жизненно важной проблеме. Необходимость вызвана тем, что, несмотря на столь значимый временной период совместной практики, имеется еще немало нерешенных вопросов, которые ставят часто социальных партнеров в сложное положение. Чаще всего это происходит в период затяжных экономических кризисов. Ключевое значение здесь имеет поведение работодателей и государственных структур, которые, являясь стороной социального партнерства, не выполняют принятые на себя обязательства [1].

Научные труды советских ученых, имевших крупные достижения в изучении социально-экономических процессов, основывались на государственной идеологии, которая декларировала отсутствие противоречий между трудом и капиталом, а следовательно, и причин для социальных конфликтов и необходимости их устранения. И только в конце 1980-х гг., с началом крупных социальных перемен, ученые СССР подошли к исследованию таких категорий общественных отношений, как социальная напряженность, механизм цивилизованного разрешения социальных конфликтов, присущих обществу рыночной экономики. С середины 2000-х гг. появились фундаментальные разработки российских ученых по данной проблеме [2]. В силу исторических традиций и с учетом опыта ныне формирующегося Союзного государства России и Беларуси для нас разумное использование этих теоретических разработок может иметь важное значение.

После перехода к рыночным отношениям заинтересованно относятся к изучению проблемы деятельности институтов социального диалога ученые и практики Беларуси. Значительное количество исследований, раскрывающих систему социального партнерства в республике, принадлежит инициаторам его формирования – профсоюзам, их учебному уч-

реждению – Международному университету «МИТСО» и его филиалам в Витебске и Гомеле. Здесь проводились десятки международных научно-практических конференций, на которых рассматривались проблемы, имеющие базовое значение для профсоюзного движения республики в обеспечении устойчивого эволюционного развития общества.

Месту и роли профсоюзов как наиболее значимому общественному формированию в структуре социально ориентированного государства в процессе модернизации белорусской экономики посвящено данное исследование. Оно проводится в рамках разрабатываемой в ВГУ имени П.М. Машерова госбюджетной темы «Государственные и общественные институты в процессе становления белорусской модели социально ориентированного государства (1991–2010)» (научный руководитель доктор исторических наук, профессор И.В. Мандрик), являющейся составной частью государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (научный руководитель доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа», «История и культура» (научные руководители доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя; кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович; доктор исторических наук, профессор В.С. Кошелев; член-корреспондент НАН Беларуси А.И. Лакотко).

Цель исследования – выявление состояния и поиск путей оптимизации взаимодействия профсоюзов с государственными структурами и нанимателями в системе социального партнерства в сфере труда современной Беларуси.

В соответствии с этим были поставлены следующие задачи:

- исследовать объективные предпосылки установления партнерских отношений между государством, работодателями и представляющими интересы наемных работников профсоюзами;
- рассмотреть генезис идей о регулировании трудовых отношений и социальной защиты в контексте общественно-исторического развития в странах, вставших на путь индустриального развития;
- показать место и роль профсоюзного движения в системе социально-трудовых отношений в планово-директивной экономике;

- выделить факторы и специфические особенности участия профсоюзов как представителей наемных работников в коллективно-договорном процессе при переходе к рыночной экономике;

- раскрыть формы и методы согласованного взаимодействия государства, нанимателей и профсоюзов в системе социального партнерства в условиях модернизации белорусской экономики.

Материал и методы. При подготовке статьи автор опирался на положения Конституции Республики Беларусь, конвенций и рекомендаций Международной организации труда (МОТ), Трудовой кодекс Республики Беларусь, Указы Президента страны, которые предусматривают регулирование государством отношений в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон. Использовались также фундаментальные работы ученых индустриально развитых стран, где анализируется деятельность социальных партнеров по формированию и становлению социального государства, способного обеспечить реальное равноправие как отдельных индивидов, так и всех групп и слоев общества. Положения и выводы в исследовании сформулированы на основе процессов, происходящих в белорусском обществе, в котором профсоюзы на протяжении всей своей истории являются важным социальным институтом.

Методологической базой исследования являются историко-сравнительный метод, принципы историзма, социальности, системности рассмотрения изучаемых фактов и явлений.

Результаты и их обсуждение. Исторический экскурс позволяет отметить, что с разделением общества на собственников и работников, имеющих разные социально-экономические интересы, возникали противоречия, которые довольно часто приводили к конфликтам, острым столкновениям, перерастающим порой в востания. С началом и развитием крупного промышленного производства быстро росла и набирала силу торгово-промышленная буржуазия, появился и рос современный рабочий класс. Становление крупной машинной индустрии, формирование буржуазии и промышленного пролетариата было прогрессивным явлением. В то же время в странах, вставших на путь индустриального

развития, сразу же возникли сложности во взаимоотношениях между этими классами. Стремление собственников к получению высокой прибыли и минимизации издержек на рабочую силу и зарплату приводило к высокой степени эксплуатации наемных работников. Невероятно тяжелые условия труда, низкая заработная плата, к тому же и отсутствие демократических свобод порождали недовольство и протесты рабочих. Естественно, что передовые слои общества искали пути перехода от противостояния между различными социальными группами и слоями населения к сотрудничеству. Создавались различного рода теории справедливого устройства общества, в том числе теория построения коммунистического общества, при котором предполагались господство общенародной собственности на средства производства и отсутствие эксплуатации человека человеком. Осмысление происходящих процессов общественного развития привело новое поколение рабочего класса к необходимости совместной защиты своих законных прав и интересов. Исторически сложилось так, что в развитых странах самыми структурированными массовыми общественными организациями, объединившими усилия наемных работников в требованиях за достойные условия труда, соответствующую оплату за труд, своевременность ее выплаты, являлись профсоюзы. В Англии, которая в числе первых провела промышленный переворот и где рабочий класс подвергался эксплуатации, объединение рабочих в профессиональные организации началось уже во второй половине XVIII столетия. Массовым движением тред-юнионизм здесь стал после отмены антирабочего законодательства.

В США, Франции, России, других странах становление и развитие профсоюзного движения происходили позднее, но в целом по английскому образцу. Создавались профсоюзы для защиты трудовых и, как сегодня принято говорить, социально-экономических прав и интересов работников разных профессий. На протяжении длительного времени, на разных исторических этапах руководящие коллегии профсоюзов, опираясь на своих членов, стремились на практике доказать собственную способность обеспечить эффективную защиту работников наемного труда. В тех отраслях промышленности, где наемным работникам удавалось создать и сохранить сильное организованное профсоюзное движение, они смогли реализовать главное предназ-

начение – обеспечить динамичное равновесие и подвижный баланс интересов с государством, устоять в противостоянии с работодателями и добиться достойного уровня оплаты труда и социальных гарантий. Их настоячивые требования вынуждали руководство индустриальных стран принимать и совершенствовать законодательные акты, согласующие интересы государственных структур, организаций трудящихся и работодателей.

Становление организованного профсоюзного движения в большинстве стран мира укрепило статус профсоюзов как законных представителей и защитников трудящихся. Не посягая на прерогативы работодателей, обязанности и права государства, профсоюзы развитых стран набирались опыта и становились полноправной стороной становления гражданского общества и сохранения его стабильности. Интересы сохранения социальной стабильности в обществе привели к тому, что работодатели (наниматели) и профсоюзы при посредничестве государства перешли к сотрудничеству, известному сегодня как система социального партнерства.

Социальное партнерство – основной тип отношений государства, работодателей и профсоюзов (которые являются полномочными представителями наемных работников) на основе согласования их интересов методами социального диалога с целью конструктивного сотрудничества в социально-трудовой сфере рыночной экономики.

Модели социального партнерства, их содержание в каждой стране в процессе развития определялись их национальными и культурными особенностями и представляли собой сочетание конкретных форм социальных отношений. В основу классификации положен порядок участия работников в коллективно-договорных отношениях и управлении производством. Согласно этому принципу в настоящее время по своей специфике выделяются три модели социального партнерства: **представительская, представительской демократии и плюралистическая** [3].

При представительской модели (она характерна для Франции, Испании, Греции, Люксембурга и Ирландии) работники участвуют в управлении на принципах представительства. Представители работников избираются в советы директоров предприятий и наблюдательные советы, где они имеют те же права и обязанности, что и представители акционеров, то есть участвуют непосредственно в приня-

тии решений на паритетных началах с менеджерами. Любая существенная инвестиционная деятельность, меры по изменению мощности или производительности, которые могут привести к изменению занятости на предприятии, должны приниматься на совместном собрании. Модификация этого вида партнерских отношений основана на том, что принятие совместных экономических решений предприятиями и представителями работников сфокусировано на социальных последствиях, связанных с изменениями в заработной плате, организацией труда и занятости.

Модель прямой представительской демократии характеризуется тем, что представительские функции работников отводятся профсоюзным организациям. Она сводится к заключению коллективных договоров на предприятиях. В данной модели присутствуют принудительный трудовой арбитраж и посредничество. Государство компенсирует свое отстранение от вмешательства в отношения социальных партнеров на стадии коллективных договоров тем, что активно воздействует на отношения при проявлении трудового конфликта сторон. Без прохождения обязательной процедуры примирения стороны не вправе прибегнуть к забастовке или локауту. Данная модель социального партнерства характерна для таких стран, как Канада, Япония, Франция, а также большинства развивающихся стран Азии, Латинской Америки и англоязычных стран Африки.

Плюралистическая модель в большей мере характерна для США. В этой стране коллективные переговоры ведутся только на уровне предприятий. Примирительно-арбитражные процедуры коллективных трудовых конфликтов функционируют на основе конкурирующей юрисдикции. В роли посредника в разрешении возникающих конфликтов выступают Федеральная служба посредничества и примирения либо частная организация Американской ассоциации арбитров. Работники здесь принимают участие в управлении только опосредованно. В Великобритании не сложились организационные основы для трипартизма. Здесь коллективные договоры и решения зависят от соотношения сил в каждой отрасли или регионе, а то и на отдельном предприятии [4]. Важно отметить, что ни одна из названных моделей не представлена в развитых странах в чистом виде. Скорее можно говорить о многообразии форм взаимодействия субъектов социально-экономической полити-

ки договаривающихся сторон с определением общей цели и обязанностей каждого участника в соблюдении требований международных правовых стандартов и принципов.

В Беларуси профсоюзы образовались более 110 лет назад. История их создания имела как общие черты, характерные для европейского и мирового профсоюзного движения в целом, так и отличительные, обусловленные наличием национального фактора и спецификой развития региона. До 1917 года создание и развитие профессиональных объединений здесь было неразрывно связано с общероссийским профдвижением, мало отличалось от процессов становления, которые были присущи другим странам. При советской власти модель согласования интересов трудящихся и государства претерпела существенное изменение. В силу объективных обстоятельств, когда государство брало на себя обеспечение населению основных социальных гарантий, профсоюзы выполняли принципиально отличные функции от тех, что были характерны профсоюзам стран с рыночной экономикой. Согласно советской модели, которая декларировала равенство интересов государства и населения в процессе труда и общественных отношений, профсоюзы как самая массовая организация трудящихся были наделены рядом внушительных полномочий, которых никогда не было да и не могло быть у профсоюзов капиталистических стран. Свою работу они максимально приближали к производству, осуществляли надзор за соблюдением законодательства о труде и охраной труда, управляли делом социального страхования, оздоровления и культурного развития трудящихся. Усилия профсоюзов в основном были направлены на поддержание дисциплины труда, организацию трудового соперничества, экономическую учебу трудящихся, и только в особых случаях, при серьезных конфликтах руководителя предприятия или учреждения и работников, они включались в их разрешение. Не без успеха профсоюзные организации выполняли работу по вовлечению рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих в управление производством, развитие их трудовой и производственной активности в сфере экономики, прежде всего через социалистическое соревнование. Организация соцсоревнования на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях занимала в профсоюзной работе важнейшее место и несла немало рационального. Состязание друг с другом всегда при-

суще людям по самой природе коллективного труда. Поэтому рабочие, в массе своей, поверили в идеалы соревнования, в том числе и в движение за коммунистическое отношение к труду. На стадии принятия социалистических обязательств и в течение их реализации многие соревнующиеся отзывались на призыв профсоюзов добросовестно трудиться, выходить на субботники, повышать собственную квалификацию. Благодаря этому множилось число передовиков и новаторов производства, расширялась учеба рабочих и служащих по вечерней и заочной формам образования в высших и средних учебных заведениях. Похвально постоянное стремление профсоюзных организаций к расширению участия трудящихся в управлении производством через постоянно действующие производственные совещания (ПДПС) и рабочие собрания, к участию в техническом совершенствовании оборудования через бюро по рационализации и изобретательству (БРИЗ), научно-технические общества (НТО), другие формы.

Для повышения работоспособности, повышения производительности труда, утверждения здорового образа жизни и культурного уровня трудящихся профсоюзные организации использовали находящиеся в их ведении культурно-просветительные и физкультурно-спортивные объекты. Центрами этой работы были библиотеки, дома и дворцы культуры, многочисленные спортивные сооружения. Таков был результат реализации советской концепции профсоюзного движения как школы вовлечения широких масс в дело управления производственными и общественными делами [4]. Как видно, данная специфическая модель советских профсоюзов существенно отличалась от модели, характерной для стран с рыночной экономикой. Субъекты партнерских отношений – профсоюзы, администрация предприятий, учреждений, организаций, государственные органы – являлись элементами единой системы, полностью подчинялись партийно-государственным директивам. Трудовых отношений, основанных на взаимодействии различных, относительно независимых друг от друга сил, в таком соотношении просто не могло быть. В главном действия всех этих субъектов были унифицированы, направлены на выполнение планов социально-экономического развития. На протяжении всего советского периода профсоюзы совершенствовали практику по разработке и заключению коллективных договоров на произ-

водственных предприятиях и в организациях. Активно вели себя на стадии их предварительного обсуждения и защиты, при подведении предварительных и конечных итогов.

Правда, в профсоюзном движении советского периода можно найти и целый ряд негативных особенностей и нерациональных действий. Подобные моменты в их деятельности, конечно же, связаны со сложившейся в стране системой управления, основанной на жестком централизме и детальном регламентировании. На отдельных этапах профсоюзные комитеты не проявляли должной настойчивости в корректировке принимаемых государственными органами решений, которые на данный период вступали в противоречия с общественным мнением, носили противоестественный характер. Слабо просматривались требования профсоюзов к отказу от уравнилельных тенденций в распределении результатов труда, порождающих отчужденность и равнодушие работников. Как в центре, так и на местах профсоюзы мало занимались анализом макроэкономической ситуации, выявлением мнения трудящихся о содержании государственной социальной политики по удовлетворению духовных и культурных потребностей населения (отсюда в отдельные периоды – остаточный принцип при выделении бюджетных средств на развитие социальной сферы, материальной базы культуры и спорта). Устремленность профорганизаций к чрезмерной масштабности социалистического соревнования, постоянному поиску его новых организационных форм порождала формализм и бюрократизм, рапортоманию и бумаготворчество. Не всегда срабатывал механизм профсоюзного (общественного) контроля за выполнением коллективных договоров и соглашений. Выносимые вопросы на рассмотрение рабочих собраний, ПДПС, советов трудовых коллективов на отдельных предприятиях глубоко не прорабатывались, предложения и рекомендации, внесенные в резолюции, не указывали конкретных методов и средств исправления критических замечаний. Однако то внимание, которое проявлялось к человеку труда со стороны профсоюзов, их усилия по формированию у трудящихся коллективизма, трудолюбия и патриотизма, других положительных ценностных качеств должны стать объектом пристального изучения и применения. Не случайно, что многое из арсенала советского прошлого (конкурсы на лучшего по профессии, конкуренция (то есть соревнование) при достиже-

нии высоких производственных результатов), занесение передовых коллективов на Доску почета, организация субботников и т.д.) с успехом используются и сегодня. Поэтому от авторов научно-прикладных исследований по истории, теории и практике профсоюзного движения периода советской власти требуются взвешенность в оценках, отказ от одностороннего негативного освещения (что имеет место в исторической литературе и публикациях).

Методология исследования истории профсоюзов не может не учитывать того обстоятельства, что в этом общественном объединении состояли миллионы людей, их трудом созданы огромные богатства, плодами которых пользуется нынешнее поколение. Только глубокое научное раскрытие деятельности самой массовой организации в стране по развитию производственной и общественно-политической активности трудящихся (конечно, с критическим подходом) может быть прочной основой общественного подъема, ускорения в развитии отраслей промышленности и сельского хозяйства современной Беларуси. Объективный анализ сложного, изобилующего противоречиями пути профсоюзного движения периода 1917–1990-х годов поможет установить неразрывную социальную связь поколений, одновременно станет тормозом в преодолении распада исторического сознания белорусов, поспособствует профсоюзам в совершенствовании своей деятельности по защите интересов трудящихся в текущем времени.

С распадом СССР и начавшимися в 1990-х годах политическими и социально-экономическими преобразованиями, переходом к рыночной экономике профсоюзы Беларуси оказались в сложной ситуации. Утверждение многоукладной экономики, что привело к изменению социальной формации, потребовало существенной корректировки в их деятельности. Переход от планово-директивной модели управления экономикой к рынку стал обоснованием пересмотра ранее сложившейся профсоюзной парадигмы. Встал вопрос о переходе от советской модели профсоюзного строительства, которая утвердилась и функционировала продолжительный период в сфере труда, к иной, к той, в которой должна была преобладать защитная функция. Задача по сути сводилась к необходимости использования белорусскими профсоюзами опыта западных тред-юнионов по формированию системы

гибких коллективных трудовых отношений, базирующихся на диалоговой системе согласования интересов, в принятом наименовании – социальное партнерство. Следует отметить, что определение отношений государства и профсоюзов понятием «социальное партнерство», которое в начале 90-х гг. XX ст. стало применяться в официальных документах Республики Беларусь, не было в нашей стране совершенно новым явлением. Новым можно признать лишь терминологию. В БССР, которая с 1954 г. являлась членом Международной организации труда, были признаны и не нарушались основные идеи и принципы конвенций этой организации «О свободе ассоциаций и защите права на организацию» и «О применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров», в которых заложена базовая правовая конструкция социального партнерства [5].

Перемены в конституционно-правовом устройстве и социально-экономическом развитии Республики Беларусь обусловили изменение стратегии и тактики в деятельности профсоюзов. Появление предприятий, организаций и учреждений с частной формой собственности выдвинуло на первый план задачу защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов членов профсоюза и установления равноправных отношений с социальными партнерами. Профсоюзы стремились занять свою нишу в соответствии со стандартами, присущими плюралистическому, гражданскому обществу. Органы законодательной и исполнительной власти республики были также заинтересованы в дееспособном профсоюзном движении. 22 апреля 1992 г. был принят Закон «О профессиональных союзах», а через семь месяцев (24 ноября) Закон «О коллективных договорах и соглашениях», в январе 1994 г. – Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [6]. Данные законы составили юридическую основу партнерских отношений между работниками и нанимателями, а также между государственными органами, объединениями профсоюзов и нанимателей. Однако в условиях экономического кризиса и политической нестабильности, что наблюдались в республике в начале 1990-х гг., механизм социального партнерства давал сбой как на региональном, так и на республиканском уровне. Отсутствие реальных подвижек к лучшему в повседневной жизни и надлежащей социальной защиты, по сравнению с советским

временем, вызывало у населения беспокойство и тревогу. В белорусском обществе нарастала социальная напряженность. В связи с резким снижением уровня жизни, неуверенностью своего положения в сфере труда рабочие, ИТР и служащие предъявляли претензии не только нанимателям, но и профсоюзным организациям. Как представлялось наемным работникам, их тяжелое положение, низкая оплата труда, отсутствие возможности обеспечить достойный уровень жизни для своей семьи связаны с тем, что профсоюзы всех уровней недостаточно вникают в их положение и не защищают их права и интересы. Происходили ослабление интереса к профсоюзной работе у рядовых членов, общее падение роли профсоюзов в производственной и общественной жизни. В таких непростых условиях в мае 1990 г. VIII пленум Белсовпрофа проанализировал положение дел в профсоюзном движении республики, принял курс на развитие самостоятельности в работе профсоюзных организаций по защите прав и интересов трудящихся. В августе–сентябре 1990 г. во всех областях прошли межсоюзные профсоюзные конференции, были образованы областные объединения профсоюзов. 4–6 октября 1990 года на XVII съезде профсоюзов Беларуси, который конституировался в Первый съезд Федерации профсоюзов Беларуси, образована Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ), приняты Устав и программа действий. Являясь правопреемником Белсовпрофа, ФПБ с этого времени приняла на себя роль объединительного и организационного центра. На 1 ноября 1990 г. в ФПБ входило 6 областных объединений, 24 самостоятельных отраслевых и 1 республиканский комитет профсоюза (союзного значения). В ФПБ насчитывалось в это время 5080762 члена профсоюза [6, с. 45].

Свои отношения с входящими в ее состав профсоюзными организациями ФПБ намеревалась строить на принципах реальной демократии и равноправия. Как в самой федерации, так и в областных объединениях, отраслевых профсоюзах, профсоюзных организациях наблюдалась решительная настроенность на качественное выполнение присущей профсоюзному движению в рыночной экономике функции – защиты интересов трудящихся независимо от их политической, национальной, религиозной ориентации. Было заявлено о намерении строить взаимоотношения с государством и нанимателями на принципах равноправия и при необходимости конструктивной

оппозиции правительству республики, исполнительным и хозяйственным органам на местах. Однако, в силу особой прочности корпоративно-патерналистских отношений в советском обществе, процесс этот осуществлялся нелегко. Медленно менялись организационная структура, характер внутренних взаимоотношений и главное – менталитет значительной части профсоюзных работников да и основной массы рядовых членов профсоюза. Впрочем, иначе и не могло быть, профсоюзы – значимая часть общества, а любое общество обладает большим запасом инерции. Для изменений нужно время. К тому же возможности профсоюзов влиять на происходящие в обществе процессы были минимизированы и по той причине, что в 1993–1994 гг. они были лишены права законодательной инициативы, утратили право надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, от них отняли фонд социального страхования, функцию оздоровления и санаторно-курортного лечения населения.

Серьезное воздействие на ситуацию в профсоюзах оказали разрушительные процессы, охватившие экономику страны, другие сферы жизни общества. Кризис, затронувший практически все отрасли экономики, привел к обвалу промышленного и сельскохозяйственного производства. Хозяйственный комплекс республики не выходил на прогнозные показатели в обеспечении социальных благ для населения. Они в реальности до 1995 г. оказывались ниже плановых. Высокая инфляция, неполная занятость трудоспособного населения, растущие внешние долги вынуждали правительство сокращать поддерживающие программы уже после подписания соглашений с профсоюзами. В результате у сотни тысяч людей снизился материальный уровень жизни.

Не наблюдалось единения и солидарных действий и в самом профсоюзном движении. Часть профсоюзных структур, особенно руководящее ядро в центре (в администрации ФПБ), пытаясь определиться в приоритетах своей работы, склонялись к политической деятельности, принимали участие в общественно-политических акциях, направленных против существующих органов власти. Занятая на этом этапе руководящим составом профсоюзов позиция привела к обострению их отношений с Президентом страны, государственными органами и нанимателями.

Из-за перетока рабочей силы в негосударственный сектор, появившихся безработных, вмешательства государственных структур во внутривпрофсоюзную жизнь, лишения профсоюзов ранее выполняемых ими в государстве существенных для населения функций, других причин доверие к профсоюзам у работников всех сфер производства резко снизилось. В этих условиях профсоюзы оказались в финансовом кризисе, незначительным стало влияние профсоюзных организаций трудовых коллективов на хозяйственную деятельность, они лишились возможности защищать трудовые права граждан.

Это ослабило профсоюзы, обусловило весьма значительное сокращение профсоюзных рядов. Часть членов профсоюза потеряла веру в это общественное формирование. За период с 1990 по 2002 год профсоюзное членство в республике сократилось на 1,8 млн человек, отдельные профсоюзные организации вообще прекратили свою деятельность. На роль представителей трудящихся стали претендовать стачкомы, всевозможные рабочие союзы, советы и комиссии. На предприятиях шло образование альтернативных профсоюзов [6, с. 53–54].

По мере нарастания кризисного положения в экономике защищать права рабочих становилось все труднее, эффективность применения системы социального партнерства была низкой, и, как следствие, в отдельных производственных коллективах и отраслях наблюдалось конфликтное состояние социально-трудовых отношений. Происходил срыв договоренностей, что в нормах поведения сторон называется необязательностью. Это создавало огромные трудности в достижении общей цели, сформулированной в соглашениях партнеров всех уровней. Не выполнялись отдельные пункты Генерального и отраслевых тарифных соглашений. Это касалось, прежде всего, мер оздоровления финансового состояния предприятий, обеспечения согласованного уровня оплаты труда. Так, например, соглашение, подписанное в 1998 г. между Витебским облисполкомом, областным объединением профсоюзов и союзом нанимателей, не выполнили по самому значимому элементу социальной защиты населения – зарплате. Не достигли, как это предусматривалось Соглашением: а) опережающего роста зарплаты перед ростом потребительских цен; б) не справились с пунктом о 130% уровне зарплаты в отраслях хозяйственного комплекса от минимального потребительского бюджета; в) на многих пре-

дприятиях не стали своевременными выплаты зарплаты. Наблюдался срыв договоренностей и в более масштабных границах: в радиоэлектронной промышленности республики вместо условленного роста реальной зарплаты произошло ее падение [6, с. 22].

Федерация профсоюзов Белорусская (так она стала называться с 1995 г.) квалифицировала подобную неурегулированность сторон низким уровнем гражданской и правовой ответственности своих социальных партнеров. Низкий коэффициент полезного действия и несоблюдение баланса интересов и равноправия сторон объяснялись недостатком законодательной базы. Руководство федерации внесло предложение о принятии законодательного акта, определяющего ответственность должностных лиц и участников социального партнерства за выполнение принятых на себя обязательств и законодательного закрепления за профсоюзами права единственных представителей наемных работников. Инициатива ФПБ была одобрена Главой государства. В мае 1998 г. издан Указ Президента Республики Беларусь № 252 «О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам». Этим Указом решался вопрос о повышении статуса Национального совета, наделении принятых им в рамках компетенции сторон решений силы нормативного документа, обязательного для исполнения соответствующими структурами. Национальный совет был наделен также функцией проведения экспертизы проектов законодательных актов, связанных с регулированием трудовых отношений и социальной защитой работников, рядом других полномочий [6, с. 16].

Улучшающееся состояние экономики республики, что имело место после 1995 г., и принятые документы внесли коррективы в поведение субъектов, способных оказывать влияние на производственные отношения. Профсоюзы, постепенно освобождаясь от ранее выполняемых ими функций, окончательно определились: доминирующей в их деятельности стала защитная функция. Это оказало воздействие на трансформацию взглядов в обществе на профсоюзы. В 1999 г. на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете деятельность профсоюзов на Вашем предприятии?» 30% отметили, что их профсоюзные организации успешно выполняют свои функции, при этом важно, что старшие возрастные группы респондентов (в возрасте старше 55 лет), которые имели возможность сравнить их работу

в прошлом, значительно выше оценили деятельность профсоюзов на этом этапе. Более 90% респондентов предприятий, где финансово-экономическое состояние, в основном, совпадало с социальными ожиданиями работников, отметили заметно ощутимое влияние профсоюзных организаций на происходящие положительные подвижки в их коллективах [7].

На предприятиях республики шло расширение сотрудничества профсоюзов с властью и нанимателями на основе коллективных договоров. По состоянию на 1 января 1999 г. из 27825 предприятий, учреждений, организаций коллективные договоры заключены на 19572 (70,3%). Заключено также около 600 отраслевых и территориальных соглашений [6, с. 11]. Коллективные договоры и соглашения способствовали решению социальных вопросов и стабилизации ситуации в трудовых коллективах. На вопрос анкеты, сформулированный информационно-аналитическим центром ФПБ в 1998 г., «Способствуют ли коллективные договоры, принятые на предприятиях, улучшению условий труда, решению социальных проблем?» около 50% работников предприятий с негосударственной формой собственности и 42% работников государственных предприятий дали положительный ответ. Самую высокую оценку коллективным договорам дали руководители предприятий (66,9%), меньшее удовлетворение от их реализации получал рабочий класс (39,6%). В ответе на данный вопрос прослеживается та же закономерность, которая наблюдалась при ответе на вопрос о деятельности профсоюзных организаций: более высокая доля работников, положительно оценивающих значение коллективных договоров, была в данном периоде в благополучных отраслях – химической (68%) и нефтехимической (65%) [7, с. 12–13].

К 2002 году отношения между государственными структурами и профсоюзами нормализовались. IV внеочередной съезд Федерации профсоюзов Белорусской (состоялся 18–19 сентября) принял решения, в которых обосновывался новый курс на организационное укрепление и солидарность профсоюзного движения, сотрудничество с государственными структурами на основе социального партнерства. С учетом заявленного **Федерацией профсоюзов Беларуси** (такое название профсоюзам предоставлено Указом Президента Республики Беларусь № 584 от 25 ноября 2002 г.) курса о прекращении ненужного противоборства с властью создавались предпосы-

лки для повышения эффективности в работе профсоюзных организаций, условия для роста рядов профсоюзов, укрепления их финансового положения. После съезда работа ФПБ и составляющих ее организаций стала вестись в тесной связи с государственными структурами и нанимателями, что позволило снять социальное напряжение в трудовых коллективах, положить конец ярко выраженным кризисным явлениям профдвижения. Профсоюзы Беларуси провели работу по обновлению, организационному укреплению и упорядочению своих структур, расширению социальной базы. Происходило вступление новых, восстановление в профсоюзах рабочих, ИТР, служащих и учащихся, ранее покинувших их. С этого времени в республике отмечался постоянный рост профсоюзного членства. На предприятиях, в учреждениях государственной формы собственности (почти на всех, даже там, где насчитывалось не более десятка сотрудников) начали вновь функционировать профсоюзные организации. Большое число профсоюзных организаций в эти годы было создано на предприятиях с частной формой собственности. В завершение 2010 года в профсоюзах состояло большинство экономически активного населения страны. Охват профсоюзным членством в республике в это время приблизился к советскому периоду (более 4 млн человек) и находился на уровне 94,8%.

ФПБ расширила внешние связи, сферу взаимодействия и сотрудничества с другими институтами общества и, прежде всего, упорядочило коллективно-договорную практику с государственными институтами и объединениями работодателей в решении наиболее важных социально-экономических проблем. Сотрудничество и более тесное взаимодействие социальных партнеров способствовали устойчивому развитию промышленности, сферы услуг и предпринимательства, повышению жизненного уровня населения республики. Корректное отношение между субъектами социального партнерства подняло имидж профсоюзов. Как показали анкетные опросы, проведенные в 2007 и 2009 годах на Витебщине, профсоюзы Беларуси вошли в число основных ведущих социальных сил общества. Респонденты – рядовые члены профсоюза и руководители областных и районных структур – отнесли свою организацию по заинтересованности в решении проблем, стоящих перед обществом, на третье место, отдав ей чуть

менее 20% голосов (после Президента и Правительства, которые получили соответственно 71% и 21,2%) [8]. Позади профсоюзов остались политические партии, милиция, суд и прокуратура, все другие государственные учреждения и общественные объединения. То, что профсоюзы оказались в данном опросе следом за Президентом и Правительством, для ученых, конечно же, не стало неожиданностью.

Анкетирование подтвердило изначально выдвинутую исследователями посылку: члены профсоюза должны отводить своей организации ключевую роль в решении социально-экономических проблем, но в период становления рыночных отношений они едва ли смогут отдать ей предпочтение перед государственными структурами. Эта изначально выдвинутая посылка связывалась с основополагающим положением, определяющим социально ориентированное государство: поддержание качества жизни, которое обеспечивает нормальное воспроизводство общества, – важнейшая функция социального государства. Закономерно, что надежды граждан республики на улучшение жизненных условий респонденты связали, прежде всего, с президентской вертикалью и государственными учреждениями.

Неслучайным стало и то, что анкетированные (все люди, состоящие в профсоюзах, определяющие и ощущающие их позицию и влияние) поставили профсоюзы выше других организаций и учреждений, отметив тем самым силу профсоюзов, их способность осуществлять защитную деятельность работников наемного труда. Однако двадцатипроцентный рейтинг общественного объединения среди своих членов показывает, что как социальному партнеру государства профсоюзам с учетом процессов, протекающих в белорусском обществе, предстоит приложить дополнительные усилия по защите прав и интересов трудящихся. На такой подход профсоюзы ориентирует Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, который постоянно акцентирует внимание на том положении, что профсоюзам в нашей стране отводится значительная роль в решении внутренних проблем и активизации социально позитивных процессов формирующегося гражданского общества. В специфических условиях, пока в стране не сформировалась партийно-политическая система, профсоюзы, как он считает, являются партией трудящихся. Так, во время выступле-

ния на VII съезде ФПБ руководитель страны отметил: «Вы партия трудящихся. Вы являетесь основным проводником государственных идей. И вам должно быть до всего дело! Закреплено это государством в законах или нет».

Президент призвал профсоюзы к значительному расширению поля своей деятельности, быть на передовой в решении всех насущных проблем общества. В выступлении Главы государства было указано на необходимость усиления позиций профсоюзов в трудовых коллективах, повышения роли по созданию на предприятиях нормальных условий труда и быта [9]. Как показывает реальная жизнь, задача, выдвинутая Главой государства, по совершенствованию профсоюзной работы основного и самого массового структурного звена ФПБ – первичных профсоюзных организаций – весьма актуальна. Имеются примеры их неадекватной реакции на нарушения, которые допускаются нанимателями в области оплаты труда, охраны труда и здоровья работников в трудовых коллективах. Например, в отраслях производства республики из-за несоблюдения правил охраны труда и техники безопасности по-прежнему высок процент несчастных случаев, причем в текущем 2015 г. каждый четвертый погибший был в нетрезвом состоянии.

Что касается такого важного направления в деятельности профсоюзных организаций в рыночных условиях, как система оплаты труда, здесь, к сожалению, также наблюдается низкая результативность. В агропромышленном комплексе Минской области в 2012 году специалисты обкома и райкомов профсоюза выявили 700 нарушений по оплате труда труженикам села. После проверок администрация хозяйств (в этом примере нарушения выявлены в 372 организациях) вынуждена были возратить работникам более 2 млрд 122 млн рублей, которые были им недоплачены или незаконно удержаны [10]. В Витебской области результаты проверок со стороны областного объединения профсоюзов показали, что и здесь в 2014 году имелось свыше 3 тысяч нарушений при начислении или незаконном удержании сумм заработной платы [11].

Сами по себе примеры выявления нарушений и установления справедливости говорят как бы о содержательной деятельности профсоюзов по защите социально-трудовых прав трудящихся. Областные и районные комитеты профсоюза, обладая представительскими, посредническими и консультативными функци-

ями, вправе оказывать поддержку работникам – членам профсоюза предприятий и организаций. В то же время эти же примеры наглядно показывают: многие первичные профсоюзные организации, в большей мере представляющие сельскохозяйственные предприятия, в непростой экономической ситуации оказываются попросту не способными выдержать давление работодателей в вопросах социальной защиты трудящихся, справедливой и своевременной оплаты за труд. Столь серьезные нарушения со стороны администраций в начислении и оплате труда работникам хозяйств свидетельствуют о низком коэффициенте полезного действия в работе профсоюзных организаций первичного звена – на предприятиях, в учреждениях, где, согласно нормативным документам, должен осуществляться основной объем социальной работы, связанной с выражением и отстаиванием интересов и гарантий работников трудового коллектива. Именно здесь через конкретные результаты наиболее ярко проявляются все основные функции профсоюзов, ведется основная работа по составлению коллективных договоров и соглашений, осуществляется контроль за их реализацией. Первичная профсоюзная организация является центральным звеном по расширению членской базы профсоюзов. Здесь же, в первую очередь, складываются все важнейшие мотивационные факторы профсоюзного членства.

Запоздалое или неумелое решение насущных проблем человека труда со стороны первичных профсоюзных организаций, что наблюдалось в агропромышленном комплексе Минской и Витебской областей, высокий уровень травматизма на производстве свидетельствуют: порой даже крупные по численности (не говоря о малочисленных) и мощные в потенциале профсоюзные организации не способны на солидарные действия.

Слабым местом в работе профсоюзных организаций было и пока остается недостаточное внимание с их стороны привлечению широкого круга работающих к подготовке, обсуждению и принятию соглашений и коллективных договоров, а также к периодическому информированию коллектива работающих об их выполнении.

Исследование эффективности принятых коллективных договоров на предприятиях Витебщины показало: коллективные договоры между сторонами социального партнерства в настоящее время получают в обществен-

ном мнении довольно высокую оценку. Сложившаяся система их заключения и принятия в отдельных отраслях хозяйственного комплекса достаточна отлажена. Профсоюзные комитеты стали более требовательно относиться к достижению согласованных в договорах прогнозных обязательств, связанных с интересами работников. При обобщении ответов анкеты об информированности членов трудовых коллективов о наличии и содержании коллективных договоров на предприятиях (в организациях), а также степени участия опрашиваемых в подготовке предложений в проекты соглашений и коллективные договоры получены следующие ответы: 62,5% респондентов знают об имеющихся на их предприятиях коллективных договорах, 32,7% – затруднились ответить на данный вопрос, 4,8% – убеждены в их отсутствии. При этом 31% анкетированных отметили, что коллективный договор – это основной инструмент защиты интересов работников, 41% – убеждены в том, что это важный инструмент влияния на нанимателя, хотя и не считают коллективный договор абсолютной формой защиты своих интересов на производстве. Только у 12,2% респондентов сложилось мнение, что данный документ, несмотря на заложенные в него определенные льготы и гарантии, бесполезен, так как его нормы, как правило, не выполняются. Результат анкетирования свидетельствует: в целом респонденты достаточно высоко оценивают роль коллективных договоров в создании условий для высокопроизводительного труда и достойной оплаты. В оценке опрошенных видятся сильные стороны коллективных договоров и необходимости их принятия во всех без исключения трудовых коллективах. В то же время анкетный опрос показал слабые места в практике коллективно-договорной работы. Низкой оказалась осведомленность респондентов о содержании Генерального, областных, городских (районных) и отраслевых соглашений. Знают о наличии, но не знакомы с их содержанием 24,5% респондентов, 10,2% знакомы с содержанием в общих чертах, а 24,5% не знали о том, что они принимаются, 61,2% анкетированных не имели представления о том, в какой связи может находиться коллективный договор предприятия (организации) с региональными и отраслевыми соглашениями.

Невысоким остается уровень информированности работников о том, как полно реализуются коллективные договоры на предприя-

тиях. На вопрос «В какой степени Вы владеете информацией о реализации пунктов коллективного договора на вашем предприятии?» ни один из респондентов не дал ответа, что он полностью владеет этой проблемой, знают о реализации соглашений в общих чертах 6% опрошенных, плохо владеют 14,2%, не знают о полноте реализации принятых сторонами обязательств 28%, испытали затруднения с ответом на этот вопрос 51,7%. Неутешительные показатели, полученные в ходе исследования, очевидно, можно объяснить тем фактом, что к подготовке коллективных договоров привлекается крайне мало рядовых членов профсоюза. Только 10% опрошенных вносили предложения в проекты соглашений, еще меньше респондентов присутствовало на собраниях (конференциях) при принятии коллективных договоров.

И сегодня еще немало примеров невыполнения принятых на себя обязательств со стороны нанимателей. Профсоюзы относят причины такого положения, как правило, к объективным (что иногда не расходится с действительностью), с помощью примирительных процедур наниматели идут на компромисс, уступки. Во многих случаях – это благо: удается исключить радикальные средства в решении трудовых споров. Однако подобный способ решения социально-экономических сложностей в трудовом коллективе ставит профсоюзный комитет в неудобную позицию. Появляются (порой не без оснований) публикации о бюрократизации профсоюзов и их огосударствлении, о сомнительности компромиссов, о полной зависимости профсоюзных руководителей от администраций предприятий. Для профсоюзного движения это оборачивается потерей престижа, снижением мотивации профсоюзного членства. Конечно, сводить невыполнение соглашений и договоренностей к нежеланию Правительства Беларуси, местных государственных органов или нанимателей было бы неправильно, как, впрочем, и обвинять руководителей профсоюзов в неустойчивости их взглядов, нежелании противостоять до конца. При наличии просчетов субъективного плана в республике существуют и объективные причины, не позволяющие в полном объеме выполнять взаимные обязательства. В то же время можно с высокой долей уверенности утверждать: эффективность коллективно-договорной практики в системе социального партнерства можеткратно возрасти, если будет налажена система привлечения

рядовых членов профсоюза к участию в разработке соглашений и коллективных договоров и трудящиеся информированы о проводимой профсоюзами работе по их реализации.

Заключение. Исторически сложилось так, что вместе с промышленным переворотом в буржуазных странах набирал силу рабочий класс, который подвергался эксплуатации со стороны собственников средств производства. По мере усложнения экономических условий труда между работодателями и наемными работниками возникали конфликты. Этот фактор и стал основанием для поиска путей установления в обществе социальной ответственности за обеспечение и соблюдение условий для социальной справедливости в сфере производства, труда, распределения и потребления национального продукта. Осмысление происходящих процессов общественного развития привело передовых рабочих к мысли о необходимости совместной защиты своих законных прав и интересов, к созданию своих профессиональных организаций. На начальном этапе для объединения усилий в отстаивании своих требований к собственникам наемные работники в большинстве стран мира создавали организации, которые не выходили за рамки материальной поддержки работников своего предприятия. Впоследствии разрозненные организации превратились в системное организованное профсоюзное движение. Набираясь опыта, профсоюзы становились законными представителями трудящихся, полноправной стороной становления гражданского общества. Со временем в интересах сохранения социальной стабильности в странах со свободной экономикой между государством, работодателями (нанимателями) и профсоюзами сложилось конструктивное сотрудничество, известное как система социального партнерства. Это партнерство является обязательным элементом государственного устройства в социальном государстве, так как является важнейшим принципом организации взаимодействия между работниками и работодателями в социально-трудовой сфере. Генезис развития моделей социального партнерства стал итогом длительного социально-экономического и политического развития. Особая роль в системе социального партнерства как цивилизованного механизма сохранения гражданского мира и согласия в обществе при урегулировании социально-экономических и трудовых отношений принадлежит профсоюзам.

В Беларуси создание и развитие профессиональных объединений мало отличались от тех процессов, которые были присущи другим странам. При советской власти модель согласования интересов трудящихся и государства претерпела существенное изменение. Согласно советской модели, профсоюзы как самая массовая организация трудящихся были наделены рядом внушительных полномочий, которые не свойственны профсоюзам капиталистических государств. Свою работу профсоюзные организации максимально приближали к производству, осуществляли надзор за соблюдением законодательства о труде и охраной труда, управляли делом социального страхования, оздоровления и культурного развития трудящихся и только в особых случаях, при серьезных конфликтах руководителя предприятия или учреждения и работников, они включались в их разрешение. Усилия профсоюзных организаций были направлены на вовлечение рабочих, колхозников, инженерно-технических работников и служащих в управление производством, развитие их трудовой активности в сфере экономики, прежде всего через социалистическое соревнование. Организация соцсоревнования на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях занимала в профсоюзной работе важнейшее место и несла немало рационального.

Наблюдались в профсоюзном движении советского периода и не рациональные действия, которые были связаны со сложившейся в стране системой управления, основанной на жестком централизме и детальном регламентировании. На отдельных этапах профсоюзные комитеты не проявляли должной настойчивости в корректировке принимаемых государственными органами решений, которые на данный период вступали в противоречия с общественным мнением, носили противоестественный характер. Слабо просматриваются требования профсоюзов к отказу от уравнилельных тенденций в распределении результатов труда, порождающих отчужденность и равнодушие работников. Устремленность профорганизаций к чрезмерной масштабности социалистического соревнования, постоянному поиску его новых организационных форм порождала формализм и бюрократизм, рапортоманию и бумаготворчество. Не всегда срабатывал механизм профсоюзного (общественного) контроля за выполнением коллективных договоров и соглашений.

С переходом республики к рыночным отношениям профсоюзы далеко не сразу смогли адаптироваться к новым условиям. Невысокий коэффициент полезного действия при выполнении профсоюзами защитной функции опосредован кризисом внутрипрофсоюзного движения, сложными экономическими и политическими условиями, патерналистским отношением к сотрудничеству с ними государственных структур. К 2002 году отношения между государственными структурами и профсоюзами нормализовались, происходило формирование национальной модели социального партнерства. Корректное отношение между субъектами социального партнерства подняло имидж профсоюзов в белорусском обществе. Сотрудничество и более тесное взаимодействие социальных партнеров способствовали устойчивому развитию промышленности, сферы услуг и предпринимательства, повышению жизненного уровня населения республики.

Как видно, регулирование социально-трудовых отношений на основе обеспечения баланса интересов действующих в экономике субъектов (с участием профсоюзов) благотворно воздействует на формирование здорового морально-психологического климата в стране. Такой подход может быть использован в качестве эффективного механизма при решении стратегических задач современной Беларуси.

Литература

1. Fukuyama, F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity / F. Fukuyama. – Tokyo. – Penguin Books, 1982; Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. – М.: Социо-Логос, 1983.
2. Ветров, А.В. Соперничество или партнерство / А.В. Ветров. – М., 1990. – 268 с.; Гайнуллина, Ф.И. Становление системы социального партнерства / Ф.И. Гайнуллина. – М., 1998. – 202 с.; Иванов, О.И. Социальное партнерство: некоторые вопросы истории / О.И. Иванов. – СПб.: РАН, Ин-т социал.-экон. проблем, 1994. – 145 с.; Семенов, В.И. В поисках новой модели социальной защиты / В.И. Семенов // Труд и социальные отношения. Приложение. – 2000. – № 3. – С. 92 и др.
3. Буданова, М.А. Социальное партнерство в системе социально-трудовых отношений / М.А. Буданова, В.И. Гостенина. – М.: Прометей, 2003. – С. 31–57; Ваисов, М.С. Наемный труд в современной Англии / М.С. Ваисов. – М.: Наука, 1980. – С. 61–285; Домарацкая, Э.И. Социальное законодательство Франции / Э.И. Домарацкая. – М.: Наука, 1975. – С. 144–170.
4. Мандрик, И.В. Очерки истории профсоюзов Витебщины / сост.: И.К. Возмитель; редкол.: И.В. Мандрик [и др.]. – Витебск: Витебская областная типография, 2015. – 504 с.: ил.; МОТ. Рекомендация № 94 «О консультациях и сотрудничестве между предпринимателями и трудящимися на уровне предприятия»: принята 26.06.1952 г. // Конвенции и рекомендации, принятые МОТ, 1919–1956. – Т. 1. – Женева: Междунар. бюро труда, 1991. – С. 1087; МОТ. Рекомендация № 169 «О политике в области труда и занятости»: принята 26.06.1984 г. // Конвенции и рекомендации, принятые МОТ, 1957–1990. – Т. 2. – Женева: Междунар. бюро труда, 1991. – С. 2047–2060.
5. Профессиональные союзы Беларуси: история и последняя треть XX в. / под ред. Л.П. Козика. – Минск: Федерация профсоюзов Беларуси, 2007. – 672 с.
6. Витко, Ф.П. Профсоюзы и социальное партнерство / Ф.П. Витко // Социальное партнерство: концепция, опыт, проблемы: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 22–23 апр. 1999 г. / ред.: И.В. Мандрик [и др.]. – Витебск, 1999. – С. 49.
7. Мандрик, И.В. Социальная безопасность: место и роль профсоюзов в ее обеспечении / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 2. – С. 7–12.
8. Профсоюзы – опора общества // Беларускі час. – 2015. – 5 июня. – С. 7.
9. Азаренко, К.В. Одни экономят на зарплатах, другие возвращают недоплаченные деньги работникам / К. Азаренко, В. Симанович // Беларускі час. – 2013. – 22–28 февр. – С. 2–3.
10. Возмитель, И.К. За нами – люди труда / И.К. Возмитель // Витьбичи. – 2015. – 30 мая. – С. 13.
11. Мандрик, И.В. Степень информированности членов профсоюза о содержании соглашений и коллективных договоров / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2007. – № 1. – С. 3–7.

Поступила в редакцию 22.06.2015 г.

УДК 327(7/8):930(470+571)

Двусторонние отношения США со странами Латинской Америки после окончания «холодной войны» в оценках российских исследователей

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается российская историография двусторонних отношений США со странами Латинской Америки после окончания «холодной войны». Данное направление исследований является недостаточно разработанным в современной русскоязычной литературе. Это объясняется рядом объективных и субъективных факторов, влияющих на развитие постсоветской российской историографии внешней политики США и латиноамериканских государств. Тем не менее, в ней насчитывается ряд публикаций, в которых с разных позиций изучаются основные проблемы отношений США с Кубой, Мексикой, Бразилией, Аргентиной, Венесуэлой и другими странами.

Цель работы – проанализировать российские оценки отношений Вашингтона со странами Латинской Америки в постбиполярный период.

Материал и методы. *Представленное исследование осуществлялось на основе изучения современных публикаций российских авторов о международных отношениях в Латинской Америке, внешней политике США и латиноамериканских государств в постбиполярный период с использованием общенаучных и специально-исторических методов.*

Результаты и их обсуждение. *Особое внимание обращается на российские интерпретации двусторонних отношений США со странами Латинской Америки после окончания «холодной войны». В первую очередь анализируются взгляды российских латиноамериканистов и международников на актуальные проблемы развития американо-кубинских, американо-мексиканских, американо-бразильских, американо-аргентинских и американо-венесуэльских отношений. На основе изучения современных публикаций отмечается, что взаимоотношения Вашингтона с другими латиноамериканскими странами в постбиполярный период представлены в российской историографии значительно скромнее.*

Заключение. *Делается вывод о рассмотрении ситуации в Латинской Америке российскими исследователями с реалистических позиций. Авторы подчеркивают влияние геополитических реалий современности на двусторонние отношения США с латиноамериканскими государствами, что способствует как их сотрудничеству, так и проявлению различных противоречий между ними.*

Ключевые слова: *российская историография, исследователи, внешняя политика, США, Латинская Америка, Куба, Мексика, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, постбиполярный период.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 20–28)

Bilateral USA – Latin American Countries Relations after the End of «Cold War» in Russian Researchers' Assessments

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Russian historiography of bilateral USA – Latin American countries relations after the end of «Cold War» are considered in the article. This research direction is insufficiently developed in contemporary Russian language literature. It can be explained by a number of objective and subjective factors which influence the development of post Soviet Russian historiography of the USA foreign policy and Latin American countries. However, there are a number of publications in which basic issues of the relations of the USA with Cuba, Mexico, Brazil, Argentina, Venezuela and other countries are considered from different positions.

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

The aim of the work is to consider Russian assessments of the relations between Washington and Latin American countries in post bipolar period.

Material and methods. *The research is based on studies of current publications by Russian authors on the international relations in Latin America, the USA and Latin American countries foreign policy in the post bipolar period with the application of general scientific and special historical methods.*

Findings and their discussion. *Special attention is drawn to Russian interpretations of the bilateral USA – Latin American countries relations after the end of «Cold War». Firstly, ideas by Russian Latin American and foreign researchers of current issues of the development of American – Cuban, American – Mexican, American – Brazilian, American – Argentinean and American – Venezuelan relations are analyzed. On the basis of the analysis of current publications it is pointed out that relations between Washington and other Latin American countries in the post bipolar period are insufficiently presented in Russian historiography.*

Conclusion. *Conclusion is made about consideration of the situation in Latin America by Russian researchers from realistic positions. Authors stress the impact of contemporary geopolitical realities on bilateral relations between the USA and Latin American countries, which facilitates both their cooperation and manifestation of different contradictions between them.*

Key words: *Russian historiography, researchers, foreign policy, the USA, Latin America, Cuba, Mexico, Brazil, Argentina, Venezuela, post bipolar period.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 20–28)

Окончание «холодной войны» открыло новую эпоху во взаимоотношениях двух Америк. Межамериканские отношения стали характеризоваться намного большим динамизмом, нежели в предшествующий период. В 1990-е гг. многим экспертам казалось, что в Западном полушарии начался процесс формирования самого мощного в мире интеграционного блока государств. Однако в XXI в. ситуация существенно изменилась – двусторонние отношения вошли в полосу спада и противоречий, что нашло свое отражение и в российской историографии международных отношений и внешней политики США и латиноамериканских стран.

Цель представленной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть российские оценки отношений Вашингтона с государствами Латинской Америки в постбиполярный период. Ведь на сегодняшний день данный аспект в достаточной степени не изучен. Работы, посвященные исследованию российских оценок взаимоотношений Соединенных Штатов и латиноамериканских стран, отсутствуют. Для достижения поставленной цели необходимо:

- определить уровень разработанности данной проблематики в современной российской историографии;
- охарактеризовать подходы российских авторов к изучению проблем двусторонних отношений США с латиноамериканскими странами в постбиполярный период.

На наш взгляд, исследование работ об отношениях Вашингтона и стран Латинской Америки поможет воссоздать полноту картины развития современной российской историографии внешней политики США после окончания «холодной войны».

Материал и методы. Представленная статья основывается на современных публикациях российских международных о внешней политике США и латиноамериканских государств в постбиполярный период, которые были подвержены полномасштабному историографическому анализу в целях выявления сущности российской историографии внешней политики Соединенных Штатов в постбиполярный период. В основном были рассмотрены исследования российских латиноамериканистов – Б.И. Гвоздарева, Л.Л. Клочковского, Б.Ф. Мартынова, З.И. Романовой, В.П. Сударева, И.К. Шереметьева, а также российских международных – К.Н. Брутенца, Д.В. Кузнецова, А.С. Шишкова и др.

Методологической основой является совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), а также нарративный и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность российской историографии двусторонних отношений США со странами Латинской Америки в постбиполярный период.

Результаты и их обсуждение. В современной российской историографии большинство работ, посвященных отношениям США с латиноамериканскими государствами, написано сотрудниками Института Латинской Америки РАН. Именно они задают тон в этой сфере исследований. Российские американисты и международники обращаются к изучению

двусторонних отношений США со странами Латинской Америки значительно реже. На наш взгляд, данный факт объясняется второстепенностью для российских ученых изложенной проблемы. Тем не менее, отдельные аспекты взаимоотношений двух Америк после окончания «холодной войны» нашли свое отражение в ряде публикаций современных авторов.

При рассмотрении двусторонних отношений США со странами Латинской Америки в постбиполярный период наибольшее внимание российские исследователи уделяют развитию американо-кубинских, американо-мексиканских, американо-бразильских, американо-аргентинских и американо-венесуэльских связей. Взаимоотношения Вашингтона с другими латиноамериканскими странами представлены в российской историографии значительно скромнее.

Российские оценки американо-кубинских отношений. Одним из традиционных направлений исследований российских авторов продолжает оставаться изучение американо-кубинских отношений. К данной теме в рамках своих работ обращаются такие авторы, как Д.Е. Горовцов, К.О. Лейно, В.П. Сударев и др. В их публикациях анализируется состояние отношений Вашингтона и Гаваны, а также характеризуются факторы, влияющие на кубинскую политику Соединенных Штатов в постбиполярный период. По словам заместителя директора Института Латинской Америки РАН В.П. Сударева, после окончания «холодной войны» американо-кубинский конфликт напоминал саморегулирующуюся систему со своим собственным циклом, на которую влияние мирового сообщества было весьма ограничено [1, с. 181]. В таком ключе ученым и рассматривается эволюция двусторонних отношений США и Кубы. По его мнению, в 1990-е гг. основные структурообразующие компоненты американо-кубинского конфликта не претерпели каких-либо качественных изменений. Между Вашингтоном и Гаваной продолжилась политико-дипломатическая война [1, с. 156]. В.П. Сударев утверждает, что принятый Вашингтоном в мае 1992 г. Закон Торричелли, ужесточавший режим санкций в отношении Гаваны и экстерриториальностью своего действия нарушавший международное право, вызвал резко негативную реакцию многих государств мира [2, с. 225]. По словам ученого, администрация Буша-ст., идя на ужесточение блокады острова Свободы, принимала в расчет существенные перемены,

произшедшие в политике Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза в отношении Кубы. Тем самым США резервировали за собой право принимать односторонние меры, не считаясь с тем, что те затрагивают интересы других стран Латинской Америки [2, с. 294–295].

Доктор экономических наук К.О. Лейно указывает на то, что президент Б. Клинтон выступал за значительное смягчение торгового эмбарго в отношении Кубы. С точки зрения эксперта, вероятнее всего так бы и случилось, если бы не инцидент во Флоридском проливе 24 февраля 1996 г., который спровоцировал Конгресс США на ответные действия, имевшие для кубинского режима крайне неблагоприятные последствия [3, с. 62]. В результате Соединенные Штаты ужесточили политику в отношении Гаваны, приняв Закон Хелмса–Бертон, существенно ужесточивший кубинскую политику Вашингтона.

Практически сразу же российские исследователи осудили данный закон. Так, Д.Е. Горовцов охарактеризовал его принятие как «акт жестокой агрессии против кубинского народа, заключающийся еще в одной попытке навязать Кубе гегемонистскую и экспансионистскую политику, вынашиваемую влиятельными кругами в Соединенных Штатах» [4]. При этом, по признанию академика Е.М. Примакова, кубинское руководство было весьма заинтересовано в улучшении американо-кубинских отношений, попросив Москву выступить посредником в этом вопросе [5, с. 190].

С точки зрения В.П. Сударева, Закон Хелмса–Бертон был принят в результате мощного лоббирования в Конгрессе, осуществленного Кубино-американским национальным фондом, который оказался едва ли не главным конструктором антикастровской политики администрации Клинтона [2, с. 298]. Дело в том, что в 1990-е гг. политику США в отношении Кубы по-прежнему определяла кубинская диаспора [1, с. 171]. Его принятием Вашингтон предпринял попытку интернационализировать двусторонний конфликт с Кубой, заставив другие страны следовать установленным Соединенными Штатами нормам отношений с этим государством [2, с. 297]. При этом, по словам ученого, США, максимально используя «новое партнерство» со странами Латинской Америки, предприняли попытку не просто нейтрализовать негативную реакцию государств региона на Закон Хелмса–Бертон, но и опереться на их голоса в ООН [2, с. 300].

В 2000-е гг. администрация Буша-мл. продолжила жесткий курс в отношении Кубы. Исследователи указывают на то, что Вашингтон сохранил тактику давления на Гавану в политической и экономической сферах [3].

После прихода в Белый дом Б. Обамы в российской историографии появились экспертные оценки американо-кубинских отношений в последние годы [6–7]. Российские авторы подчеркивают, что он пошел на самые значительные за последние десятилетия изменения в политике Вашингтона по отношению к Кубе, начав постепенный процесс сближения с Гаваной. По их мнению, Б. Обама выполнил практически все свои предвыборные обещания и начал диалог на высоком уровне по вопросам миграции, возобновления почтовой связи, снятия ограничений на поездки на Кубу американцев, а также на перевод ими денежных средств своим родственникам, а также принял меры, способствовавшие увеличению образовательных и культурных контактов между странами. Переизбравшись на второй президентский срок, он заговорил о необходимости «обновления» кубинской политики США [8, с. 112; 9, с. 60]. Эксперт из Российского института российских исследований А.С. Шишков указывает на главную причину изменения политики Соединенных Штатов – осознание многими представителями американского политического истеблишмента того факта, что «изоляция» Кубы не дала ожидаемых результатов. Поэтому Белый дом решил попробовать иные подходы для достижения прежней цели – «демократизации» Кубы путем использования «мягкой силы», что теоретически должно привести и к политическим преобразованиям [9, с. 61].

Российские авторы в качестве одного из факторов, повлиявших на изменение кубинской политики США, называют и изменение настроений американской общественности в пользу нормализации американо-кубинских связей и отмены торгового эмбарго [9, с. 61; 10, с. 55]. Правда, определенные круги, и речь идет в первую очередь об американцах кубинского происхождения, по-прежнему выступают за сохранение жесткого курса [10, с. 54].

Таким образом, анализируя развитие американо-кубинских отношений в постбиполярный период, российские исследователи указывают на появившуюся возможность спустя почти двадцать пять лет преодолеть последние реликты эпохи «холодной войны».

Российские оценки американо-мексиканских отношений. Другим традиционным направлением для российских ученых является изучение американо-мексиканских отношений. Об этом свидетельствуют работы Л.Л. Клочковского, В.П. Сударева, И.К. Шереметьева и др. В основном авторы делают акцент на экономической составляющей сотрудничества Вашингтона и Мехико в контексте интеграционных процессов, а также анализируют миграционные проблемы и борьбу с наркотрафиком. Так, по словам главного научного сотрудника Института Латинской Америки РАН И.К. Шереметьева, для США участие Мексики в НАФТА должно было открыть американским товарам и капиталу более широкий доступ на мексиканский рынок. Кроме того, Мексика должна была своим примером продемонстрировать другим латиноамериканским государствам все выгоды участия в подобных интеграционных объединениях [11, с. 15].

Рассматривая американо-мексиканские отношения, российские авторы обращают внимание и на проблемы границы между двумя странами. Например, согласно Т. Петровой, американо-мексиканская граница является не просто государственной границей. Это «разлом» между европейской цивилизацией в ее североамериканском варианте и латиноамериканской цивилизацией, отвергающей западные ценности [12, с. 79]. Как отмечают исследователи, с одной стороны, американо-мексиканская граница стала районом активного трансграничного сотрудничества США и Мексики, а с другой – ее «непрозрачность» часто становится фактором споров между Вашингтоном и Мехико ввиду попыток Соединенных Штатов воспрепятствовать нелегальной миграции с мексиканского направления [12, с. 80; 13]. Так, решение администрации Буша-мл. о направлении шести тысяч национальных гвардейцев на укрепление южных рубежей страны немедленно вызвало негативную реакцию со стороны мексиканского правительства, обвинившего США в милитаризации границы в нарушение положений о зоне свободной торговли. Объяснения Белого дома о том, что гвардейцы будут лишь собирать информацию, не возымели на Мехико особого успеха [12, с. 81; 13].

Однако, по словам экспертов, несмотря на серьезные трения, трансграничное сотрудничество США и Мексики продолжает активно развиваться, а приграничная социально-

экономическая инфраструктура сделала в последние годы серьезные шаги в своем совершенствовании [13].

С точки зрения В.П. Сударева, положение в соседней Мексике стало главной проблемой для Б. Обамы. Эксперт отмечает, что здесь появились признаки «колумбизации» данной страны. В перспективе это может превратиться в угрозу национальной безопасности США, сковывая активность Вашингтона на других региональных направлениях. Поэтому ученый подчеркивает, что Б. Обама первым из американских президентов признал ответственность Соединенных Штатов за происходящее в соседней стране, поскольку наркокартели вооружаются за счет контрабанды оружия из США [8, с. 113].

Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Л.Л. Клочковский признает, что США проявили готовность учитывать определенные экономические интересы Мексики, ее стремление провести модернизацию страны. По словам эксперта, развитие экономического взаимодействия с США создало предпосылки для повышения темпов экономического роста. Вместе с тем эти процессы сопровождались четко выраженной тенденцией к усилению доминирования американского капитала в мексиканской экономике и появлению многообразных форм хозяйственных привязок Мексики к США [14].

А.С. Шишков отмечает, что Мексика является одним из главных американских союзников в Латинской Америке. По его мнению, приход в 2012 г. к власти в Мексике Э. Пеньи Ньето привел к беспрецедентному за последнее время уровню американо-мексиканского сотрудничества, основанному на политической воле двух президентов. Поэтому ученый констатирует, что взаимодействие между странами в сферах экономики, миграции и безопасности носит стратегический характер [9, с. 55]. С точки зрения А.С. Шишкова, мексиканская политика Соединенных Штатов состоит в более активном вовлечении этой страны в мировые и региональные дела. И Мехико, в целом, оправдывает надежды Вашингтона: по многим международным вопросам поддерживает позицию США. Однако попытки администрации Обамы использовать эту страну в качестве своеобразного «тройного коня» в различных латиноамериканских интеграционных объединениях не всегда оказываются успешными, поскольку Мехико

не хочет осложнять отношения с другими латиноамериканскими государствами [9, с. 56].

Таким образом, российские авторы подчеркивают наличие целого ряда проблем в американо-мексиканских отношениях. К тому же в последние годы Мехико стал более самостоятельным по отношению к Вашингтону. Тем не менее, Мексика по-прежнему является одним из ведущих партнеров США в Латинской Америке.

Российские оценки американо-бразильских отношений. Третьим традиционным направлением в российской историографии является исследование американо-бразильских отношений. Они получили освещение в работах Б.Ф. Мартынова, З.И. Романовой, В.П. Сударева, А.С. Шишкова и др. Как правило, авторы заостряют внимание на проблемном характере развития отношений между Вашингтоном и Бразилией в постбиполярный период. Например, как отмечают авторы, в последние пятнадцать лет двусторонние взаимоотношения развиваются весьма непросто [15; 16, с. 33]. А.С. Шишков полагает, что стремление Бразилии к лидерству в Латинской Америке и желание играть более важную роль в мировых делах не всегда находят понимание в США [9, с. 52]. Ученые называют конкретные примеры, свидетельствующие о сложности американо-бразильских отношений. Так, Бразилия выступила против американского вторжения в Ирак, начала сближение с Венесуэлой и Тегераном, а также, по сути, заблокировала проект Вашингтона по созданию масштабной интеграционной группировки АЛКА, сплотив вокруг себя практически весь регион в противовес США [9, с. 52–53; 14; 17, с. 343; 18, с. 24; 19, с. 42].

По мнению профессоров МГИМО Е.М. Астахова и В.П. Сударева, если сразу после избрания бразильским президентом Л.И. Лулы да Силва Вашингтон разразился жесткой критикой в адрес «покрасневшей» Бразилии, то несколько позже тон американцев явно изменился в сторону разговоров о необходимости двустороннего стратегического сотрудничества. Как отмечают российские исследователи, США даже просили Бразилию поумерить антиамериканский радикализм латиноамериканских лидеров, в частности У. Чавеса [19, с. 42; 20, с. 34]. Тем самым, по словам заместителя директора Института Латинской Америки РАН Б.Ф. Мартынова, Вашингтон признал региональное лидерство и «глобальную ответственность» Бразилии в мире [18, с. 19].

Большое внимание российскими исследователями уделяется развитию американо-бразильских отношений в последние годы. Так, с точки зрения Б.Ф. Мартынова, приход к власти Б. Обамы многими рассматривался как шанс значительно улучшить американо-бразильские отношения. Однако этого не произошло, поскольку в 2010 г. между двумя странами возникли разногласия по вопросам ядерной программы Ирана. В результате президент Л.И. Лула да Силва даже охарактеризовал латиноамериканский курс Обамы как «провальный». Правда, его преемница Д. Русеф дала понять Вашингтону, что Бразилия открыта для продуктивного диалога с Вашингтоном. Но новые расхождения позиций двух стран – на этот раз по поводу ливийского кризиса весной 2011 г. и скандала, связанного с прослушкой АНБ разговоров Д. Русеф, – вновь не позволили им сблизиться [18, с. 25–26].

Тем не менее, российские ученые подчеркивают, что, несмотря на все разногласия, США и Бразилия нуждаются друг в друге. Например, согласно К.Н. Брутенцу, Соединенным Штатам приходится считаться с усилением Бразилии и занимать, по крайней мере на словах, соответствующую позицию [21, с. 543]. А.С. Шишков считает, что Вашингтон традиционно рассматривает Бразилию в качестве стабилизирующего фактора в латиноамериканском регионе, и как государство с установившейся демократической системой. Бразилия, в свою очередь, стремится к привлечению американских технологий и инвестиций и не заинтересована в долгосрочной конфронтации с США [9, с. 54].

Таким образом, российские авторы уделяют значительное внимание развитию американо-бразильских отношений в постбиполярный период. Основной причиной их интереса к данной проблеме является геополитическое усиление Бразилии в современном мире, на которое США вынуждены реагировать, меняя свои подходы к отношениям с этой латиноамериканской страной.

Российские оценки американо-аргентинских отношений. Четвертое направление исследований в российской историографии касается изучения американо-аргентинских отношений после окончания «холодной войны». Например, к данной проблематике обращаются В.П. Сударев, Н.М. Яковлева и др.

Согласно В.П. Судареву, в 1990-е гг. ни одна другая страна латиноамериканского региона не сотрудничала с США на таком высо-

ком политическом уровне, как Аргентина. По мнению эксперта, в условиях конкурирования двух интеграционных трендов – НАФТА и МЕРКОСУР – Вашингтону удалось вбить клин между двумя главными действующими лицами в последней группировке – Бразилией и Аргентиной, а заодно осложнить отношения последней с Чили, с декабря 1996 г. ставшей ассоциированным членом этого объединения [2, с. 272]. Тем самым Соединенные Штаты продолжали осуществлять политику «разделяй и властвуй», добиваясь своих интересов в данном регионе.

Старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Н.М. Яковлева, рассматривая внешнеполитический курс Аргентины в период президентства Н. Киршнера, считает, что на первом этапе его формирования с мая 2003 г. по октябрь 2005 г. приоритет Буэнос-Айресом был отдан отношениям с США в целях решения проблемы внешней задолженности страны и уменьшения степени зависимости от международных финансовых организаций. Поэтому на этом этапе в двусторонних отношениях прослеживалось наличие общих интересов, в частности, в области борьбы с терроризмом, наркоторговлей и распространением ядерных вооружений. В те годы одобрение Вашингтона вызывали политика аргентинского президента в области защиты прав человека, а также сотрудничество в деле восстановления Гаити [22, с. 75]. Однако с 2006 г. Н. Киршнер стал тотально критиковать неолиберальные реформы 1990-х гг. и попытался противопоставить свой внешнеполитический курс «кровному альянсу» правительства президента К. Менема с Вашингтоном [22, с. 76].

Как считает Н.М. Яковлева, после прихода к власти в Аргентине К. Фернандес де Киршнер американо-аргентинские отношения не улучшились. Несмотря на обоюдные попытки стран сгладить ситуацию, отношения США и Аргентины оставались далекими от нормы. Во многом это объяснялось той позицией, которую занимал Вашингтон в отношении Буэнос-Айреса, реагируя на поведение аргентинского правительства. К примеру, высокопоставленные лица администрации Буша-мл. исключали Аргентину из числа посещаемых латиноамериканских стран, что больно ударило по самолюбию правящей четы [22, с. 77].

Таким образом, российские авторы, характеризуя американо-аргентинские отношения, подчеркивают наличие противоречий между Вашингтоном и Буэнос-Айресом в XXI в.

в отличие от 1990-х гг., когда Аргентина все еще продолжала следовать в фарватере внешней политики США.

Российские оценки американо-венесуэльских отношений. Следующим направлением в российской историографии является изучение американо-венесуэльских отношений, о чем свидетельствуют публикации ряда авторов – Э.С. Дабагяна, В.П. Сударева, А.С. Шишкова и др. В основном учеными исследуется их развитие в XXI в., когда к власти в Венесуэле пришел подполковник У. Чавес Фриас.

Сегодня российские исследователи отмечают, что в 2000-е гг. главным раздражителем для Вашингтона стала Венесуэла, лидер которой поставил перед собой задачу создать широкую антиамериканскую коалицию в регионе и за его пределами [23, с. 4–5]. Ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Э.С. Дабагян считает, что баснословные доходы от продажи нефти вскружили голову У. Чавесу, возмнившему себя лидером народов региона в борьбе с американским империализмом. В пик США в 2004 г. венесуэльский президент даже запустил собственный интеграционный проект АЛБА. К нему помимо Венесуэлы последовательно присоединились другие страны левой ориентации – Куба, Боливия, Никарагуа, Доминика и Гондурас [22, с. 58]. Поэтому А.С. Шишков отмечает, что Соединенные Штаты справедливо увидели в правительстве Чавеса угрозу своим политическим и экономическим интересам в Латинской Америке [9, с. 56].

При этом, с точки зрения В.П. Сударева, в начале первого десятилетия XXI в. Белый дом просто не знал, как вести себя с режимом У. Чавеса, поскольку, с одной стороны, венесуэльский президент все чаще делал прямые выпады против США, периодически угрожая Вашингтону прекратить поставки нефти, а с другой – бесперебойно поставлял нефть на американский рынок, ни разу не нарушив своих обязательств [1, с. 130–131; 24, с. 7]. По этой причине в 2000-е гг., подчеркивает А.С. Шишков, американская стратегия в отношении Венесуэлы заключалась в поддержке венесуэльской оппозиции различными средствами. Соединенные Штаты были заинтересованы в свержении У. Чавеса. Однако, когда надежды на приход прозападной оппозиции к власти не оправдывались, США предпринимали шаги по сближению с венесуэльским правительством [9, с. 56]. Тем более, что, как

констатирует известный российский международник К.Н. Брутенц, попытки Вашингтона изолировать Венесуэлу не были поддержаны латиноамериканскими государствами левоцентристской ориентации [17, с. 343; 21, с. 511]. В результате периоды острых конфликтов между Вашингтоном и Каракасом чередовались с попытками наладить диалог, которые, впрочем, заканчивались для администрации Буша-мл. безрезультатно [9, с. 56].

По словам А.С. Шишкова, приход к власти Б. Обамы кардинально не изменил ситуацию: Вашингтон продолжил применять различные инструменты давления по отношению к Венесуэле [9, с. 57]. Эксперт указывает, что очередное обострение отношений с Венесуэлой произошло на фоне сближения с Кубой, которое, как посчитали в Соединенных Штатах, должно было значительно улучшить отношения с Латинской Америкой в целом. По его словам, это в очередной раз обнажило непоследовательность и отсутствие координации в американской внешней политике. Новые санкции против Венесуэлы стали результатом серьезного давления конгресса, на поводу у которого пошла администрация Обамы [9, с. 58]. При этом Вашингтон, пытаясь оказывать ограниченное давление на венесуэльские власти, не планирует полностью порывать контакты с правительством Венесуэлы [9, с. 59].

Таким образом, российские авторы исследуют американо-венесуэльские отношения, отмечая их сложность и противоречивость в XXI в. Ученые подчеркивают, с одной стороны, заинтересованность Вашингтона в установлении в Каракасе лояльного прозападного правительства, а с другой – неспособность реализовать свои планы в этом направлении, что заставляет Соединенные Штаты продолжать американо-венесуэльское сотрудничество там, где это необходимо для США, например, в нефтяной сфере.

Российские оценки взаимоотношений США с другими латиноамериканскими странами. Связям Вашингтона с другими латиноамериканскими странами после окончания «холодной войны» в российской историографии посвящено значительно меньше публикаций. Тем не менее, отдельные проблемы нашли свое отражение у российских авторов – Л.Л. Клочковского, Ю.М. Лезгинцева, З.И. Романовой, В.П. Сударева, А.С. Шишкова и др.

Так, отдельные исследователи обращаются к изучению американо-колумбийских отно-

шений. Например, по словам В.П. Сударева, Вашингтон всегда большое значение уделял урегулированию ситуации в Колумбии в целях устранения очага нестабильности в регионе и одного из основных производителей наркотиков, поступающих в Соединенные Штаты [1, с. 135]. Поэтому «Колумбия в начале XXI в. стала, пожалуй, единственным латиноамериканским государством, с которым США установили действительно союзнические отношения» [1, с. 136].

С такой оценкой статуса этого латиноамериканского государства соглашается и А.С. Шишков. По его мнению, сотрудничество Вашингтона и Боготы охватывает самые разные сферы – борьбу с наркотрафиком и организованной преступностью, оборону, торговлю, борьбу с бедностью, права человека и т.д. При этом эксперт указывает, что во время второго президентства Буша-мл. Соединенные Штаты стали постепенно снижать объемы финансовой помощи Колумбии. При Б. Обаме эта тенденция продолжилась. Правда, несмотря на сокращение, Вашингтон продолжает выделять Боготе все еще значительные финансовые средства [9, с. 59]. Однако, как считает А.С. Шишков, несмотря на то, что между двумя странами налажено тесное сотрудничество, они имеют определенные противоречия. Например, в последние годы Богота активно призвала Вашингтон к нормализации американо-кубинских отношений, а также указывала на необходимость пересмотра общей стратегии борьбы с наркотрафиком, что вызвало серьезные трения между США и Колумбией, поддержанной рядом других латиноамериканских государств. Тем не менее, по мнению эксперта, в обозримой перспективе страны будут оставаться стратегическими партнерами [9, с. 60].

Следующим направлением, к которому время от времени обращаются российские авторы, являются американо-перуанские отношения. Так, по словам российского дипломата Ю.М. Лезгинцева, сближению Вашингтона и Лимы содействовал провал АЛКА. По этой причине американцы попытались выработать новую стратегию континентальной интеграции, основанной на создании системы двусторонних договоров, которые в дальнейшем могут быть сведены в «разноуровневую» (по объему льгот и привилегий с каждой страной) АЛКА [25, с. 25]. При этом эксперту совершенно ясно, что Вашингтон стремится добиться максимального подчинения собственным интересам своих потенциальных торговых партнеров [25, с. 29].

Очередным направлением в российской историографии является изучение сотрудничества между США и Чили. Так, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН З.И. Романова отмечает, как непросто складываются американо-чилийские отношения, несмотря на то, что с ней в 2003 г. Вашингтон заключил соглашение о свободной торговле. Тем самым Чили стали второй латиноамериканской страной после Мексики присоединившейся к американскому интеграционному проекту. Однако, согласно эксперту, сторонами так и не был отрегулирован вопрос об антидемпинговых пошлинах [16, с. 33].

Российские авторы периодически обращаются и к изучению взаимоотношений США со странами Центральной Америки и Карибского бассейна. Например, по мнению Л.Л. Ключковского, подход Вашингтона к данным странам строится в основном на основе мексиканской модели с определенной корректировкой на слабость их политических и экономических позиций. Это, с точки зрения ученого, дает американцам возможность в меньшей степени считаться с национальными интересами данных государств. Таким образом, как отмечает Л.Л. Ключковский, в рамках Центральной Америки и Карибского бассейна было сформировано подконтрольное американскому капиталу экономическое пространство, которое более или менее подготовлено к интеграции с США на предлагаемых Вашингтоном условиях. Это пространство противопоставляется остальным латиноамериканским государствам и служит опорным плацдармом для реализации стратегических планов Соединенных Штатов межамериканского масштаба [14].

Заключение. Таким образом, уровень разработанности двусторонних отношений США с государствами Латинской Америки после окончания «холодной войны» в современной российской историографии уступает уровню разработанности других региональных направлений внешней политики Соединенных Штатов. Тем не менее, отдельные проблемы взаимоотношений Вашингтона и латиноамериканских стран получили освещение в российских публикациях. В первую очередь, авторы обращаются к изучению различных аспектов американо-кубинских, американо-мексиканских, американо-бразильских, американо-аргентинских и американо-венесуэльских отношений. Оценки отношений США с другими латиноамериканскими государствами представлены слабее.

В целом, российские исследователи с реалистических позиций рассматривают ситуацию в регионе и подчеркивают влияние геополитических реалий конца XX – начала XXI в. (подъем отдельных латиноамериканских стран, «левый поворот» в регионе, уход и приход в регион американских конкурентов, занятость Вашингтона другими регионами) на двусторонние отношения Соединенных Штатов с государствами Латинской Америки, что способствует как их сотрудничеству, так и проявлению различных противоречий между ними.

Литература

1. Сударев, В.П. Две Америки после окончания «холодной войны» / В.П. Сударев. – М.: Наука, 2004. – 205 с.
2. Сударев, В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов: США и Латинская Америка (вторая половина XX века) / В.П. Сударев. – М.: ИЛА РАН, 2000. – 360 с.
3. Лейно, К.О. О проблемах эмбарго в американо-кубинских отношениях при Дж. Буше / К.О. Лейно // Латинская Америка. – 2003. – № 1. – С. 62–72.
4. Горовцов, Д.Е. Российско-кубинские отношения и Закон «Хелмса–Бертон» [Электронный ресурс] / Д.Е. Горовцов // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. – 1996. – № 8. – Режим доступа: http://www.niiss.ru/mag11_rus_cub.shtml. – Дата доступа: 23.09.2015.
5. Примаков, Е.М. Годы в большой политике / Е.М. Примаков. – М.: Изд-во «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
6. Бочинин, А. США и Куба: новая глава в отношениях? / А. Бочинин // Компас. – 2015. – № 7. – С. 21–25.
7. Покутний, И. Куба и США: на переговорах без существенных перемен / И. Покутний // Компас. – 2015. – № 26. – С. 15–17.
8. Сударев, В. Тренд неопределенности в Западном полушарии / В. Сударев // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 3. – С. 110–117.
9. Шишков, А.С. Политика администрации Б. Обамы в Латинской Америке / А.С. Шишков // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 4(31). – С. 44–65.
10. Кузнецов, Д.В. Куба и общественное мнение США / Д.В. Кузнецов // Латинская Америка. – 2009. – № 10. – С. 42–60.
11. Шереметьев, И.К. Растроченный престиж «восходящего гиганта» / И.К. Шереметьев // Латинская Америка. – 2008. – № 9. – С. 11–21.
12. Петрова, Т. США–Мексика: по обе стороны границы. Проблемы трансграничного сотрудничества / Т. Петрова // Обозреватель. – 2007. – № 10. – С. 76–82.
13. Хейфец, В.Л. Трансграничное сотрудничество США и Мексики: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / В.Л. Хейфец // Центр изучения внешней политики и безопасности. – 2010. – 24 мая. – Режим доступа: <http://ru.forsecurity.org/трансграничное-сотрудничество-сша-и-мексики-проблемы-и-перспективы>. – Дата доступа: 21.06.2010.
14. Ключковский, Л.Л. Экономический гегемонизм США и Латинская Америка [Электронный ресурс] / Л.Л. Ключковский // Латинская Америка. – 2005. – № 11. – Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=264>. – Дата доступа: 25.05.2010.
15. Варламов, И. Бразилия–США: партнерство без доверия / И. Варламов // Компас. – 2013. – № 43. – С. 11–14.
16. Романова, З.И. США и Латинская Америка: взаимодействие или противостояние? / З.И. Романова // Латинская Америка. – 2006. – № 3. – С. 21–38.
17. Брутенц, К.Н. Закат американской гегемонии / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 2009. – 512 с.
18. Мартынов, Б.Ф. Бразилия на мировой арене: внешняя политика Партии трудящихся / Б.Ф. Мартынов // Свободная мысль. – 2014. – № 1. – С. 19–34.
19. Сударев, В.П. США после выборов: перспективы нового латиноамериканского курса / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2009. – № 7. – С. 39–47.
20. Астахов, Е.М. Перспективы развития Латинской Америки и ее место в будущем мироустройстве / Е.М. Астахов // Латинская Америка. – 2009. – № 7. – С. 32–37.
21. Брутенц, К.Н. Великая геополитическая революция / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 2014. – 688 с.
22. Международная жизнь Латинской Америки сегодня // Латинская Америка. – 2008. – № 11. – С. 54–81.
23. Лексютина, Я.В. Закат доминирования США в Латинской Америке? / Я.В. Лексютина // Латинская Америка. – 2014. – № 11. – С. 4–11.
24. Сударев, В.П. США и «левый поворот» в Латинской Америке / В.П. Сударев // Латинская Америка. – 2007. – № 5. – С. 4–17.
25. Лезгинцев, Ю.М. Перу–США: соглашение о свободной торговле / Ю.М. Лезгинцев // Латинская Америка. – 2006. – № 7. – С. 21–31.

Поступила в редакцию 30.11.2015 г.

УДК 061.213(476)«XX»

Комсомол и молодежное движение в Беларуси (начало XX века)

Мусина Н.Е.

**Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск**

Изучение места и роли комсомола в развитии молодежного движения при тщательном анализе причин возникших деформаций необходимо для более глубокого представления о становлении и развитии молодежного движения. Осмысление уроков прошлого в преломлении молодежных проблем важно также для понимания места и роли молодежи, ее объединений в происходящих процессах. При этом, по возможности, следует избегать негативных тенденций.

Цель работы – проанализировать процесс зарождения комсомольской организации, ее место и роль в молодежном движении на этапе его становления в условиях Беларуси.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе документов РГАСПИ, частью которого стали фонды бывшего Центрального архива ВЛКСМ, и некоторых других документов по молодежному движению. В работе были использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы, а также элементы структурно-функционального и институционального подходов.

Результаты и их обсуждение. С момента создания КСМ эта организация, как и ее история, начинали играть большую роль в развитии отечественного молодежного движения. Однако сводить все молодежное движение к деятельности комсомола необоснованно. Для более полного и целостного представления о развитии молодежного движения можно выделить в нем различные этапы, проследив истоки, начальные формы активности молодежи, а также различные направления в молодежном движении. В 1920-е годы на территории Беларуси происходят утверждение коммунистического, революционного направления в лице КСМ и вытеснение или поглощение других организаций. Анализируются причины подобного развития событий, а также некоторые противоречия в деятельности КСМ, оказавшие влияние на активность и самоорганизацию молодежи.

Заключение. Процесс становления и развития молодежного движения в условиях Беларуси представляется довольно сложным и противоречивым, а роль комсомола в нем не столь однозначной.

Ключевые слова: молодежь, молодежное движение, комсомол, общественная организация.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 29–35)

Komsomol and Youth Movement in Belarus (Early XXth Century)

Musina N.Y.

**Educational Establishment «Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University»,
Vitebsk**

Studying the place and role of Komsomol in the development of youth movement with careful analysis of the causes of the deformities is necessary for a deeper understanding of the maturation and development of the youth movement. Understanding the lessons of the past concerning youth issues is also important for understanding the place and the role of young people and their associations in the ongoing processes, possibly avoiding the negative trends.

The objective is to analyze the process of emergence of the Komsomol organization, its place and role in the youth movement at the stage of its maturation in the conditions of Belarus.

Material and methods. The research was based on documents of RSASPH, part of which was the funds of the former Central Archives of the Young Communist League, and some other documents concerning the youth movement. The historical and genetic, the historical and comparative and the historical and systematic methods were used as well as elements of structural and functional and institutional approaches.

Findings and their discussion. Since the establishment of the Young Communist League, this organization, as well as its history, began to play a major role in the development of national youth movement. However, to reduce the activities of the youth movement to Komsomol is not quite correct. For a more complete and holistic view of the development of the youth movement we can identify in it different stages, tracing the origins, initial forms of youth activities, as well as various directions in the youth movement. In the 1920s on the territory of Belarus establishment of the communist revolutionary direction in the face of the CSM (YCL) and the displacement or acquisition of other organizations takes place. The article analyzes the reasons for such developments, as well as some of the contradictions in the work of the YCL(CSM), which influenced the activity and self-organization of young people.

Адрес для корреспонденции: e-mail: Nadya_evlg@mail.ru – Н.Е. Мусина

Conclusion. *The process of maturation and development of the youth movement in the conditions of Belarus is quite complicated and contradictory and the role of Komsomol it is not so unambiguous.*

Key words: *youth, youth movement, Komsomol, public organization.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 29–35)

В сентябре 2015 года исполняется 95 лет со дня проведения I съезда комсомола Беларуси. Это событие – достаточно серьезный повод для осмысления исторического опыта данной организации, ее роли в общественно-политической жизни страны, а также месте и роли в молодежном движении.

В течение многих лет в отечественной историографии молодежное движение связывалось с деятельностью именно этой организации, и тема истории комсомола (Коммунистического Союза Молодежи, КСМ) может показаться вполне исчерпанной. Действительно, созданию и деятельности союза посвящено множество книг, статей, диссертаций, популярных брошюр. Практически с первых лет существования комсомольской организации стала не просто освещаться ее деятельность, но и создаваться ее история. В мае 1921 года была создана Комиссия по истории пролетарского юношеского движения. В последующие 1920-е годы ее изучением занимались Центральный Истмол при ЦК РКСМ и его отделения при ЦК комсомола союзных республик. Помимо статей в периодике и брошюр только с 1926 по 1928 г. было издано 6 выпусков «Комсомольской летописи». Вряд ли можно говорить в эти годы о данном направлении истории как академической науке, ее объективности. В силу сложившейся ситуации и общественной потребности это была не столько беспристрастная летопись, история как таковая, сколько способ, фактор воздействия на молодое поколение и саму молодежную организацию. Впрочем, процесс создания комсомола в те годы еще и не стал историей, поэтому агитационно-пропагандистский характер литературы первых лет существования комсомола вполне понятен, а ее воспитательная функция очевидна. Значимость этой функции сохранялась и в последующие годы, что, наряду с существующими идеологическими установками, накладывало отпечаток на научные исследования.

Тема истории комсомола, на наш взгляд, остается актуальной и на сегодняшний день. Эта мысль достаточно ярко и точно высказана авторами одной из монографий: комсомол – не просто молодежная организация, это поистине феноменальное явление отечественной истории, сущность которого выяснена не до конца [1, с. 7].

И дело даже не в том, что требуется восполнить еще какие-нибудь «белые пятна» или вскрыть «темные стороны» в деятельности этой организации. Дело в том, что для более глубокого представления о становлении и развитии отечественного молодежного движения и роли комсомола в нем многие вопросы требуют переосмысления с позиций современности при тщательном анализе причин возникших деформаций, кризисных явлений. Осмысление уроков прошлого в преломлении молодежных проблем важно также для понимания места и роли молодежи, ее объединений в происходящих процессах, что дает возможность избегать негативных тенденций. Это важно еще и потому, что в переломные периоды истории роль и значение молодежи особенно возрастает.

Цель работы – проанализировать процесс зарождения комсомольской организации, ее место и роль в молодежном движении на этапе его становления в условиях Беларуси¹.

Материал и методы. В советской исторической науке вся история молодежного движения сводилась в основном к истории комсомола. И тема эта стала весьма популярной (по истории комсомола Беларуси диссертационные исследования продолжались вплоть до 1986 г.). Благоприятствовали данному направлению исторических трудов не только соответствующие партийные установки, но и создание архивов (центрального, союзных республик, местных), накопление документов, ставших обширной источниковедческой базой упомянутых исследований. Их теоретической и методологической базой выступали произведения классиков марксизма-ленинизма и решения партийных съездов. Деятельность комсомольских организаций рассматривалась через призму партийного руководства. Для современных исследователей открываются

¹ Это не попытка искусственно ограничить анализ рамками «отечественной» истории, имея в виду нынешний статус Беларуси как самостоятельного государства. Понятно, что схожие процессы в рассматриваемый период происходили по всей стране. Региональный опыт позволяет воссоздать общую картину явлений и происходящих процессов в наиболее полном и достоверном виде. Использование термина «отечественное» применительно к молодежному движению представляется возможным именно с учетом взаимосвязи происходивших в стране событий и явлений социально-политического характера и территориальных изменений.

новые возможности для анализа молодежных организаций (КСМ в том числе) с применением различных концептуальных подходов и методологических приемов. Вводимые в научный оборот документы тех же комсомольских архивов позволяют по-иному взглянуть на события прошлых лет.

Исследование, отраженное в данной статье, осуществлялось, главным образом, на основе документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), частью которого стали фонды бывшего Центрального архива ВЛКСМ, и некоторых других документов по молодежному движению. В работе были использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Кроме того, учитывая междисциплинарный характер исследуемого объекта были применены элементы структурно-функционального и институционального подходов.

Результаты и их обсуждение. Становление и развитие комсомола необходимо рассматривать в контексте всего молодежного движения, в совокупности всех его направлений. Это послужит основой для более целостного и объективного изучения молодежи в историческом аспекте и молодежного движения в целом. При подобном подходе уместно определить ряд направлений и этапов в развитии отечественного молодежного движения. Так, октябрь 1917 г. можно считать определенным историческим рубежом. К моменту установления Советской власти в Беларуси был накоплен некоторый опыт деятельности политических партий и общественных организаций, в том числе и с участием молодежи. К началу XX века происходило зарождение собственно юношеского движения в России и Беларуси, разнообразного по составу и направлениям деятельности молодежных организаций, наибольшую активность в них проявляла студенческая и учащаяся молодежь. Все это позволяет выделить первый этап в истории отечественного молодежного движения: с конца XIX в. до октября 1917 г.² Второй этап (до конца 1920-х гг.) связан с возникновением и развитием Коммунистического Союза Мо-

лодежи, укреплением его позиций и усилением влияния. Многие общественные организации, существовавшие на тот момент, в значительной степени по своему составу были молодежными. Но собственно молодежной массовой организацией стал именно комсомол. Это привело к утверждению и дальнейшему развитию в БССР (как и во всем СССР) молодежного движения именно коммунистической направленности³.

Первых два этапа, на наш взгляд, заслуживают особого внимания, поскольку в них прослеживается генезис отечественного молодежного движения со всеми его достижениями, трудностями, противоречиями и проблемами, его развитие в условиях социальной трансформации. При этом ряд вопросов остается открытым.

Так, например, одни исследователи считают, что начало массовому молодежному движению в России, в том числе и Беларуси, положили революционные союзы молодежи, комсомол. Другие (например, В.И. Соколов) [2] утверждают, что эту роль сыграли религиозные организации юношества, возникшие еще до Октябрьской революции. Действительно, практически при каждой сектантской общине действовали детские и юношеские кружки со своими сложившимися формами и методами агитационной работы. Судя о намерении привлечения сектантов к социал-демократическому движению, о чем говорилось, например, на II съезде РСДРП в 1903 г. и было отражено в одной из резолюций съезда, религиозные (сектантские) организации являлись существенным фактором общественной жизни начала XX века. На тот момент РСДРП видела в этих организациях одно из проявлений демократического движения, направленного против существующего порядка [3, с. 70]. В начале XX века в России возникло Христианское молодежное движение, инициированное Всемирным Христианским Союзом Молодых Людей (ХСМЛ), впоследствии превратившееся в самостоятельное общество под названием «Маяк». В силу перечисленного вполне логично связывать истоки молодежного движения с религиозным направлением. В то же время в начале XX века в России в рамках спортивного и физкультурного зароди-

² Некоторые авторы «взрывным» в молодежном движении называют 1917 год; выделяют особо период с Февральской буржуазно-демократической революции до начала 1920-х годов, связывая его с всплеском активности, инициативы молодежи в создании различных объединений [1, с. 62]. Ввиду неравномерности проявления этой тенденции на территории всей страны нам представляется возможным предложить этапы, обозначенные в тексте статьи.

³ Два последующих этапа в развитии молодежного движения – с начала 1930-х по конец 1980-х гг. и с начала 1990-х гг. по настоящее время – связаны с существованием, а затем с распадом Советского Союза, образованием самостоятельного государства Республики Беларусь, соответствующими трансформациями политической и партийной систем, а также изменениями идеологического характера.

лось и развивалось скаутское и сокольское движение. Создаваемые кружки и общества «соколов» и скаутов ставили своей целью физическое и нравственное воспитание подрастающего поколения. Иногда – в сочетании с национальным воспитанием, поскольку организация этих кружков могла проводиться по национальному признаку. Так, например, в списке действующих спортивных клубов в Витебске на апрель 1918 г. значились Еврейская спортивная организация, самый многочисленный спортивный клуб «Маккаби», польские «Сокол» и «Скаут», членами которых могли быть лица польского происхождения. Был еще и «Русский скаут» [4, л. 11, 14, 15, 19]. Первоначально Советская власть пыталась даже использовать скаутские организации в целях допризывной подготовки юношества. Затем в 1923 г. они были разогнаны. На территории Беларуси активно действовала Еврейская социал-демократическая партия Бунд. Она имела при себе детско-юношеские организации («Югенд-Бунд»), которые впоследствии реорганизовались в спортивные группы «Маккаби» и «Шомеры».

Учитывая, что первые комсомольские ячейки на территории Беларуси стали создаваться в 1918 г., вопрос о том, какие формы молодежной активности положили начало массовому молодежному движению, пожалуй, требует дальнейшего исследования и обсуждения. И дело здесь не в первенстве как таковом, а именно в зарождении форм, в целях, характере деятельности этих организаций и факторах, способствующих самоорганизации молодых людей в конкретных исторических условиях. Добавим, что становление и развитие молодежного движения в Беларуси (как и в России) оказалось тесно связанным с развитием общественной активности населения в целом, а также с революционным, профессиональным движением, идейно-политической борьбой и деятельностью политических партий. Так, в 1917 г. в России существовало порядка 70 политических партий, 36 из них имели свои молодежные организации. Наиболее влиятельными и активными из них на территории Беларуси были объединения, патронированные эсеровскими и националистическими политическими партиями. Социал-демократические союзы рабочей молодежи (молодежная организация меньшевиков), возникшие и действовавшие зачастую в полулегальных условиях в начале 1920-х годов во многих промышленных центрах Советской

России и Украины, были, например, и в Витебске [5, с. 23].

В числе проблем, на наш взгляд, требующих осмысления при анализе процесса становления и развития отечественного молодежного движения, – готовность к самоорганизации самой молодежи и потребность в КСМ как общественно-политическом объединении.

Изначально молодежное движение складывалось как довольно разнообразное по своему характеру и направлениям деятельности. Оно включало не только партийные (политические), но и различные национальные, религиозные, патриотические, образовательные, культурно-просветительские, благотворительные, спортивные и другие организации. Различные направления активности молодежи довольно отчетливо проявились еще в начале 1920-х годов. Затем эта сфера жизни все больше бралась под идейно-политический контроль со стороны Коммунистической партии при активном участии (руководстве) комсомола (со второй половины 1920-х годов).

При том, что после Октябрьской революции и установления власти большевистской партии некоторые организации были инициированы сверху, надо признать в ряде случаев проявление активности, самостоятельности и инициативы со стороны самих молодых людей. Таким примером явилось краеведческое движение. В то же время не стоит переоценивать готовность к самоорганизации молодежи России и Беларуси. Одна из причин тому – большая часть крестьянского населения, консервативного по своей природе, и низкий культурно-образовательный уровень значительной части молодежи тех лет. Так, например, уровень образования первых комсомольцев Беларуси был невысоким: в основном – начальное либо они даже не имели такового [6, с. 75]. По возрасту – около 40% на ноябрь 1922 г. это были молодые люди до 17 лет [6, с. 77].

Недостаточные зрелость, подготовленность молодежи к самоорганизации, на наш взгляд, проявлялись, например, в достаточно жесткой непримиримости, нетерпимости по отношению к другим молодежным объединениям (даже социалистической направленности). Подобные установки поощрялись комсомольскими лидерами. Например, Лазарь Шацкий, один из организаторов РКСМ, выступая с докладом на I съезде союза (1918 г.), настаивал на коммунистическом характере создаваемой молодежной организации. Заявлял о неприемлемости участия в ней социалистов всех толков, считая, что все остальные тече-

ния в рабочем классе должны быть «выброшены революцией за борт» [7, с. 78–79]. Это выступление показательно основными изначальными установками на непримиримость по отношению к другим организациям молодежного движения на последующие годы как в центре, так и в союзных республиках. Подобные указания тут же принимались к сведению и исполнению. Так, на I пленуме ЦК КСМ Белоруссии (ноябрь 1920 г.), собравшемся вскоре после организационного оформления этого союза на I съезде, в числе обсуждаемых были вопросы о ликвидации организации бойскаутов, о борьбе с Югенд-Бундом и евкомолом. Выступающие настаивали на «самом резком» отношении к ним, недопустимости всяческих компромиссов и соглашений с ними [8, л. 10]. Названные проблемы, видимо, представлялись не менее значимыми, чем, например, борьба с бандитизмом, безработицей, антисоветские настроения в деревне, апатия молодежи, поскольку о них говорилось на том же пленуме в связи с трудностями в организации работы союза [8, л. 6]. Стоит отметить, что на тот момент в силу геополитического положения Беларуси проблем социально-экономического и политического характера было предостаточно.

Любая общественная организация, по определению, по своей сути, предполагает самодеятельность, самоорганизацию, активность граждан на основе общности их интересов. Насколько комсомол был такой организацией? Или это некая идеологическая конструкция, искусственное образование, созданное по инициативе сверху и руководимое (ведомое) впоследствии коммунистической партией? Для анализа этой ситуации следует учесть, как минимум, следующие факторы. Партийное руководство изначально понимало необходимость юношеской организации и прилагало усилия для ее создания, включая материальную поддержку⁴. Сама молодежь, ее часть активистского типа, увлеченная революционным обновлением общества, жаждала проявить свою активность, проявляла стремление к созданию такой организации. Так, на II съезде КСМ Белоруссии довольно большое внимание уделялось необходимости самодеятельности, самоорганизации, проявления инициативы как основы создаваемой комсо-

мольской организации. Тут же, правда, отмечалась недостаточно высокая степень активности членов союза – представителей рабочих, по сравнению с другими категориями этой организации (интеллигенцией и др.) [10, л. 25, 26, 29].

В то же время часть молодежи вступала стихийно, «все пошли, и я пошел», проявляя конформизм либо преследуя свои собственные цели («чтобы поехать учиться», например). Об этом свидетельствуют проводимые опросы [11, л. 180–191]. По признанию одного из партийных руководителей Н.И. Бухарина на III съезде РКСМ (1922 г.), многие члены организации не имели никакого представления о будущем общества [12, с. 59]. Это при том, что Программа КСМ в числе главных целей формулировала создание нового общества. Одновременно, учитывая ситуацию революционных преобразований, для молодых людей вступление в КСМ было способом адаптации к новой системе. Так что, с точки зрения институционального подхода, общественная потребность в подобной организации сложилась (в такой своеобразной форме). Для молодежи – как новая форма коллективности, как средство включения в систему складывающихся отношений и способ утверждения в этой системе. Для руководства Компартии и советского государства – как способ организации и мобилизации масс в достижении поставленных целей. При этом самостоятельной, автономной организацией КСМ не был. Это изначально не предполагалось, хотя подобная сторона, как и вопрос о взаимоотношениях с партией в целом, неоднократно обсуждались как на I съезде РКСМ [9, с. 61], так и на последующих комсомольских съездах и пленумах ЦК.

Определенная искусственность, замкнутость организации проявлялись в регулировании ее социального состава. Комсомол создавался как классовая организация, по своему составу рабоче-крестьянская, но ядром ее должна была стать пролетарская молодежь. Вступление в комсомол из интеллигенции, зажиточных слоев крестьянства было затруднительным. Чтобы упрочить влияние пролетарской молодежи, устанавливалось определенное соотношение (40% рабочих, 50% крестьян). При этом, как отмечалось в докладной записке В.М. Молотову, иногда дело доходило до того, что подобная механическая разверстка доводилась даже сельским ячейкам [13, л. 94]. Внутри самой организации существовали противоречия между рабочей и крестьянской частями союза молодежи. На серьезность положения в связи с этим обращалось внимание,

⁴ На I съезде РКСМ обсуждался и вопрос финансирования, была принята соответствующая резолюция. Пункт I ее гласил: «Субсидирование Союза производится государством через соответствующие органы» [9, с. 111].

например, в упомянутой докладной записке и других документах [13, л. 47–48, 94–95].

В 1920-е годы произошло значительное расширение рядов комсомола. Если на ноябрь 1922 года в рядах КСМБ числилось 2 586 членов, то в 1926 году (с учетом территориальных изменений республики) – уже 40913 членов [6, с. 77]. Расширение рядов КСМБ продолжилось и в последующие годы. КСМ стал самой массовой молодежной организацией. Вместе с этим закладывались некоторые противоречия, которые проявились впоследствии: противоречия между массовой по охвату и замкнутостью, классовой сущностью этой организации. Именно в массовости, значительном расширении численного состава, а также стремлении охватить своим влиянием и контролем все сферы жизни молодых людей (образование, воспитание, быт, досуг, профессиональную и физическую подготовку и т.д.) кроется, на наш взгляд, одна из причин кризисных, «болезненных» явлений, которые стали проявляться уже в середине 1920-х годов. Разнонаправленные тенденции: стремление к массовости при сохранении классовой замкнутости организации, демократизм и централизм с жесткой дисциплиной, не допускающей никакой фракционности, оппозиционности и плюрализма, стремление к самостоятельности, проявлению инициативы, с одной стороны, и строгое следование партийным установкам – с другой, – все это неизбежно должно было вылиться в серьезные противоречия. В сочетании интересов молодежи и интересов государства доминирующими становились интересы государства.

При анализе причин сложившейся ситуации в молодежном движении, когда комсомол в течение нескольких лет практически вытеснил и подчинил своему влиянию все проявления активности молодежи, в числе значимых факторов следует принять во внимание демографическую ситуацию и некоторые социально-психологические особенности молодежи как социально-демографической группы. Молодежь в начале XX века в количественном отношении являлась значительной частью общества. Исследователи характеризуют общество первой четверти XX века как общество демографической молодости [14, л. 63–64]. Начавшиеся процессы преобразования (модернизационные, социалистические) оказали влияние на ее активность. Однако уровень образования и политической культуры большей части молодежи был невысоким, что не-

збежно сказалось на развитии молодежного движения в целом. Молодежь более динамична, чувствительна к несправедливости, инстинктивно ощущает время, более восприимчива к новым идеям и ценностям. Вместе с тем она более уязвима и неопытна, подвержена влиянию, для нее в большей степени характерны неприятие социальных запретов и авторитетов, склонность к быстрым переменам, бескорыстному риску. Отсюда иное, несколько романтическое восприятие таких явлений, как война, революция, борьба, героизм, увлечение идеями революционного обновления общества.

Заключение. Итак, в начале XX века лишь шел процесс становления молодежного движения. Разнообразные формы и направления активности возникали в условиях незрелости гражданского общества, преобладания крестьянской части населения, невысокого уровня грамотности и образования самой молодежи. Истоки массового молодежного движения можно связывать не только с революционным движением, идейно-политической активностью всего общества, но и с религиозными организациями, спортивным движением и другими направлениями.

Для определения места КСМ в структуре и общем процессе становления и развития молодежного движения в условиях Беларуси историю создания комсомола логично рассматривать в рамках всего молодежного движения и утверждения в нем (во 2-й половине 1920-х годов) одного из направлений – коммунистического, революционного.

Отдавая должное вкладу комсомольцев, комсомольской организации в послереволюционных (революционных) преобразованиях общества, – практически вся советская литература посвящена именно этому, – следует отметить, что в целом роль комсомола в молодежном движении представляется не столь однозначной. С одной стороны, в тех конкретно-исторических условиях комсомол сыграл определенную мобилизующую функцию в общественных преобразованиях, в самом молодежном движении, стал важным фактором (институтом) социализации молодежи. Это проявилось, в частности, в развитии ее активности и самосознания, осознании своей общности не просто на основе формальных признаков (возрастных), а именно как *субъекта* социальных отношений. В то же время КСМ практически вытеснил различные общества и организации, возникшие в начале XX века, заняв монопольное положение. Он стремился

контролировать различные сферы, направления и формы активности молодых людей. Комсомол становился самой массовой и практически единственной молодежной организацией. В силу наметившейся тенденции в молодежном движении – его политизации – изначально в деятельности КСМ был заложен ряд противоречий, которые негативным образом проявились в дальнейшем и сказались на развитии молодежной активности в целом.

Анализируя происходящие процессы в молодежном движении, важно учитывать контекст событий: революция, надежды, определенные ожидания в обществе на обновление, социалистические преобразования и, вместе с этим, нарастание авторитарных (тоталитарных) тенденций в политической системе общества. Большое значение имели и такие факторы, как демографический и социально-психологический.

Таким образом, процесс становления отечественного молодежного движения представляется довольно сложным и противоречивым. Но полученный опыт не является менее ценным. Были и достижения, и ошибки. И еще: оценивая деятельность и роль КСМ прошлых лет (с каких бы то ни было концептуальных подходов и методологических приемов), стоит помнить, что комсомол – это люди, молодые люди со своими переживаниями, надеждами и разочарованиями. На их долю выпало немало трудностей и испытаний, героического и драматического. Многие комсомольцы проявляли неимоверный героизм и трудовые подвиги. Забыть об этом, об этих людях было бы несправедливо.

Литература

1. Криворученко, В.К. Молодежь. Комсомол. Общество: от Октябрьской революции до Отечественной войны: монография / В.К. Криворученко, Л.С. Цветлюк. – М.: НОУ ВПО «Институт непрерывного образования», 2012. – 438 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.7480040.ru/images/.doc>. – Дата доступа: 29.05.2015.
2. Соколов, В.И. Из истории молодежного движения в России (1900–1926 гг.) / В.И. Соколов // Социс. – 1996. – № 12. – С. 122–125.
3. Второй съезд РСДРП. Брюссель–Лондон. 17(30) июля – 10(23) августа 1903 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд. – М.: Политиздат, 1983–1989. – Т. 1: 1898–1917. – 1983. – С. 58–100.
4. Витебский губернский военный комиссариат, г. Витебск. Устав Польского гимнастического общества «Сокол», сведения и другие документы о спортивных обществах г. Витебска (11 июня 1918 г. – 20 августа 1918 г.) // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1582. – Оп. 1. – Д. 109.
5. Молодежное движение в России (1917–1928 гг.). Документы и материалы / под общ. ред. А.А. Алексеева, В.В. Хорунжего. – М., 1993. – Ч. 1. – 260 с. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
6. Ленинский комсомол Белоруссии в цифрах и фактах: 1920–1980 / И.А. Сороковик, О.А. Здравенин, А.Г. Гуринович [и др.]. – Минск: Беларусь, 1980. – 142 с.
7. Доклад Лазаря Шацкого на I съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) // Молодежное движение России в документах (1905–1938 гг.) / ред.-сост. П. Деркаченко. – М.: ОМП-пресс, 2000. – С. 75–79.
8. Протокол и материалы первого Пленума ЦК КСМ Белоруссии от 26 ноября 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 338.
9. I съезд РКСМ, 29 октября – 4 ноября 1918 г.: Протоколы (Из комсомольского архива); сост. А.С. Трайнина [и др.]. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 191 с.
10. Стенограмма и материалы 2-го и 3-го съездов КСМ Белоруссии (20 апреля 1921 г. – сентябрь 1921 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 340.
11. Материалы комиссии ЦК ЛКСМБ и редакции газеты «Чырвоная змена» по обследованию производственных ячеек Борисовской организации ЛКСМБ (октябрь–ноябрь 1928 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 830.
12. Строканов, А.А. Пять первых съездов. (Заметки на полях стенографических отчетов съездов РКСМ) / А.А. Строканов, В.А. Фронин. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
13. ЦК ВЛКСМ. Информационное письмо № 4 (строго секретно); Докладная записка тов. Молотову // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 1. – Оп. 23. – Д. 296.
14. Латышева, В.А. Население Беларуси по переписям 1897 и 1926 гг.: сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Латышева. – Минск, 2007. – 134 л.

Поступила в редакцию 12.06.2015 г.

УДК 947.6

Проявление сословных интересов шляхты ВКЛ на вальном сейме 1551 г.

Уваров И.Ю.

*Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого», Гомель*

Статья посвящена актуальной теме становления и развития института сословного представительства власти в Великом княжестве Литовском вального сейма. Эволюция этого органа власти связана с этапами развития феодального общества и государства в эпоху правления Ягеллонов.

Цель – проведение комплексного анализа содержания постановлений, принятых сеймующими делегатами.

Материал и методы. При написании настоящей работы были привлечены материалы опубликованных источников Литовской Метрики, отражающих основные вопросы, которые обсуждались шляхтой на сеймовой сессии 1551 года. Воплощением методологических принципов при исследовании данной проблемы стал общенаучный метод исторического исследования.

Результаты и их обсуждение. Учреждение и становление системы сословного представительства эпохи феодализма – особая страница в политической истории ВКЛ. В данный период значительно возросла роль сословно-представительного учреждения, которым на тот момент в ВКЛ был вальный сейм. Это привело к тому, что уже к середине XVI в. на заседаниях сеймовых сессий значительно начинает возрастать влияние представителей первенствующего сословия шляхты. Наиболее знатные люди того времени старались всячески обосновать позицию правящей элиты и придать ее домогательствам характер особой программы действий, что представляло собой получение новых привилегий для шляхты. Таким образом, статус всего шляхетского сословия определял его отношение с великим князем и великокняжеской администрацией.

Заключение. В условиях развития новых политических отношений продолжал совершенствоваться институт вального сейма ВКЛ. Сама деятельность этого органа управления позволяет проследить, как осуществлялся диалог власти и общества, которое представляли исключительно светские и духовные феодалы. На основании исследованных источников автор изобразил картину прошлого и то, что представляла собой система управления феодальным государством посредством представительного органа власти, сейма.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, сейм, сословия, шляхта, правящая элита, политическая иерархия, рада, магнateria, феодальное государство.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 36–41)

Manifestation of Class Interests of Grand Duchy of Lithuania's Nobility at 1551 Valny Seimas

Uvarov I.Yu.

Educational Establishment «Gomel State Technical P.O. Sukhoy University», Gomel

The article centers round the topic of maturation and development of the institution of class representation of power in Grand Duchy of Lithuania of Valny Seimas. The evolution of this body of power is connected with the stages of feudal society and state development in the epoch of the Yagellons rule.

The aim of the article is complex analysis of the contents of decrees by Seimas delegates.

Material and methods. This work involved materials of published sources by Lithuanian Metrics which reflected basic issues discussed by the nobility at 1551 Seimas session. The general scientific method of historical research became the implementation of methodological principles in the research.

Findings and their discussion. Setting up and maturation of the system of class representation of the epoch of feudalism is a special page in the political history of GDL. The role of class representation institutions considerably increased at that time, which then was represented by Valny Seimas. This resulted in the increase in the influence of representatives of the primary class of nobility by mid-XVIth century at Seimas meeting sessions. People of most prominent origin of that time tried to substantiate the position by the ruling elite and attach the character of a special program of actions to its harassment, which were in fact new privileges for the nobility. Thus, the status of the whole class of nobility defined its relations with the Grand Duke and his administration.

Адрес для корреспонденции: e-mail: artemcrips@yandex.ru – И.Ю. Уваров

Conclusion. *In the conditions of maturation and development of new political relations the institution of Valny Seimas of GDL continued improving. The activity of this body of government makes it possible to trace the dialogue between the authorities and the public, which was exclusively represented by secular and spiritual feudalists. On the basis of the studied sources the author presented the picture of the past as well as what the system of government of feudal state was like in the form of the representative body, Seimas.*

Key words: *Grand Duchy of Lithuania, Seimas, class, nobility, ruling elite, political hierarchy, Rada (Council), magnateriya, feudal state.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 36–41)

Становление института вального сейма в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. явилось результатом длительной эволюции сословно-представительной системы власти в феодальном обществе. Развитие этого органа власти связано с поэтапными периодами становления государственности на территории белорусских земель и формированием предпосылок для создания Речи Посполитой.

Цель исследования – проведение комплексного анализа содержания постановлений, принятых сеймующими делегатами.

Материал и методы. Для написания статьи использовались опубликованные материалы источников, имеющие непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам на вальном сейме ВКЛ 1551 года. Несомненно значимым источником информации к изучению данной темы явились материалы Литовской Метрики, которые отразили содержание основных вопросов, обсуждаемых на сейме. Этот памятник исторического прошлого ярко иллюстрирует характер требований шляхты и варианты различных ответов великого князя на вопросы служилых землевладельцев об изменении условий жизни и обороне государства.

При написании настоящей работы автор опирался на общенаучный метод исторического исследования. Этот метод охватывает определенные аспекты научно-познавательной деятельности, являясь одним из средств решения исследовательских задач. Общенаучный метод можно применять к конкретным историческим ситуациям. Его значение заключается, прежде всего, в обосновании и взаимодействии различных процессов, протекающих в те или иные периоды прошедшей эпохи.

Результаты и их обсуждение. Как свидетельствуют факты времени, господарская власть в лице монарха ВКЛ искала у своих подданных различной поддержки в виде помощи, а сам верховный правитель выступал в роли просителя, убеждая шляхту в необходи-

мости собирать налоги для нужд государственной обороны и т.д. Такое положение дел в истории сейма ВКЛ первой половины XVI в. изобилует множеством фактов, отраженных в ряде документов. Все это может опровергнуть различные теории о якобы существовавшей в ВКЛ шляхетской демократии и парламентаризме до середины XVI в. [1, с. 31–33]. Тем более, что данные два понятия стали применимы к политическим режимам западноевропейских стран только в XIX в. Как пишет по этому поводу литовский историк Д. Вилимас, «в середине XVI в. магнаты находились в составе господарской рады и своим большинством наполняли сейм». Как всем известно, демократия – власть народа, шляхта как сословие не являлась народом. Поскольку власть в ВКЛ принадлежала узкому кругу лиц, то мы можем говорить о власти олигархов. Таким образом, вся полнота верховной власти как в Княжестве, так затем и в Речи Посполитой имела олигархическо-аристократический характер. Вся верховная власть в стране принадлежала исключительно магнатам [2, с. 150, 153]. Э. Гудавичус также утверждает, что система управления в феодальном обществе ВКЛ осуществлялась через магнатских представителей, которые считали свою власть неограниченной [3, с. 415–419].

Учреждение и становление системы сословного представительства эпохи феодализма – особая страница в политической истории ВКЛ. В данный период значительно возросла роль сословно-представительных учреждений, которым на тот период в ВКЛ был вальный сейм. Это привело к тому, что уже к середине XVI в. на заседаниях сеймовых сессий значительно начинает возрастать влияние представителей первенствующего сословия шляхты. Наиболее знатные люди того времени старались всячески обосновать позицию правящей элиты и придать ее домогательствам характер особой программы действий, что представляло собой получение новых привилегий для шляхты. Таким образом, статус всего шляхетского сословия определял его отно-

шение с великим князем и великокняжеской администрацией.

Сейм ВКЛ отличался от органов сословного представительства стран Европы тем, что в княжестве отсутствовала строгая политическая иерархия в структуре власти. В отличие от Европы, где на парламентских сессиях могли заседать университетские профессора, купцы и предприниматели, в ВКЛ, а затем и в Речи Посполитой все места в нижней палате сейма были заняты всевластвующей шляхтой [4, с. 100]. Однако при изложении отдельных аспектов политической истории ВКЛ стоит все-таки придерживаться того, что в деятельности вального сейма можно рассматривать некоторые признаки и характерные черты преддемократических форм, которые стали проявляться в начальный период Нового времени.

Следует согласиться с тем, что сейм ВКЛ был феодальным конгрессом, своего рода законодательным учреждением данной эпохи, на котором согласовывались важные общегосударственные мероприятия. Сама деятельность сейма не способствовала укреплению феодальной власти. Сенаторы сейма не могли укрепить господарский аппарат в стране, поскольку из-за разногласий, царивших в среде шляхетского сословия, весь механизм верховной власти подвергался дестабилизации. Изначально сейм ВКЛ не был предназначен для укрепления государства, скорее наоборот, вседозволенность шляхты, ее стремление к удовлетворению интересов личного характера только расшатывали основы верховной власти. В этих условиях сам орган сословного представительства начал терять свое значение и постепенно пришел в упадок.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. политическая система ВКЛ переживала сложный период в своей истории. Кризисные явления негативно отразились на деятельности сенаторов представительного учреждения. В такой обстановке деятельность вальных сеймов и принятие судьбоносных для страны решений принимали важное значение. С этого времени сеймы начинают оказывать огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику в государстве.

Созыв вального Виленского сейма 1551 г. был назначен на 29 сентября и продолжался до середины декабря. Основываясь на материалах опубликованных документов видно, что на сейм прибыли представители от всех земель ВКЛ для обсуждения ряда вопросов, имеющих всеобщее значение. Из господарс-

кого выступления было ясно, что Сигизмунд-Август стремился проявлять заботу о своих подданных, чтобы ничего не мешало всеобщему благу. На сейме шляхта ходатайствовала о том, чтобы паны-рады обращались со служилыми шляхтичами с почтением и уважением, соблюдая правила деловой этики, а в судах магнаты не судили своих вассалов шляхетского звания по вопросам, касающимся их чести [5, с. 553]. На эту просьбу Сигизмунд-Август ответил, что ему уже известны подобные случаи, в связи с чем он рекомендовал избегать данного рода противоречий в среде самих феодалов. Кроме того представители поветовой шляхты привезли широкий перечень вопросов в адрес Сигизмунда-Августа, а тот подготовил для них ряд ответов. По содержанию они отражали широкий спектр проблем: от внесения изменений в существующее законодательство до получения разрешений шляхте строить корчмы на территории своих имений.

На заседании этой сессии шляхта просила господаря, чтобы все сеймовые постановления имели силу закона, с ведома совета высшей магнатории и всего поветового шляхетства. Укрепляя корпоративную замкнутость своего сословия, шляхтичи просили у верховной власти воспрепятствовать выдвижению «простых холопов и сомнительных шляхтичей» над людьми благородного звания. На эти вопросы господарь заявил, что он будет решать все сам со своим советом панов-рады, выполнявшим роль высшего органа государственной власти. Отдельные представители этого органа власти являлись личными советниками великого князя. Укрепление сословно-представительной системы ВКЛ способствовало сплочению трех сословий – магнатов, шляхты и духовенства. В период их общего сбора на заседании сейма они осуществляли политическую активность по управлению феодальным государством. Однако следует помнить, что совет панов-рады при всем желании всех его членов в XVI в. взять полностью власть в свои руки не мог. Господарь и радные паны опирались на ряд политических институтов, стараясь удерживать контроль и власть ценой существенных уступок поветовой шляхте.

С исследованием новых источников более детально проанализируем работу вального сейма ВКЛ. Однако научно доказать принципы выборов поветовых представителей на вальный сейм пока невозможно, поскольку от-

сутствуют документы местного делопроизводства либо они вовсе не изучены по причине их малодоступности. Нам известно, что поветовые послы, они же сенаторы сейма, в местах своего постоянного проживания занимали различные должности. Это были бискупы, архибискупы от католических костелов, земские писари, воеводы и прочие. Мнения и настроения этих людей разделяла вся поветовая шляхта, интересы которой они представляли на сейме.

Созыв вального сейма всецело зависел от интересов великокняжеской власти. Господарь созывал сейм в тех случаях, когда ему была нужна военно-политическая и финансовая помощь от представителей первенствующего сословия. Однако сам факт привлечения феодальной знати к обсуждению государственных дел свидетельствовал о сохранении интересов самой шляхты, которая разрешала правительству собирать налоги. Это было абсолютно необходимо, так как получение денег из прибылей имений шляхты требовало их добровольного согласия через сеймовых представителей. Так, стало традицией, чтобы господарь спрашивал разрешение у шляхты на новые налоги и различные денежные сборы. При этом следует помнить, что сбор финансовых средств на государственные нужды определялся неустойчивой внешней и внутренней политикой ВКЛ. Таким образом, представители имущего сословия добились у господаря расширения своих привилегий и активного влияния на работу сейма.

По установленному порядку верховная власть раздавала привилегии шляхте и рассматривала ее различные обращения. В отношении тех или иных пожеланий шляхты господарь сам решал, какие рекомендации ему следует исполнять и какого содержания должны быть ответы. На сейме 1551 г. шляхта, желая расширить свои вольности и привилегии, выдвигает ряд требований.

Так, например, шляхтичи из разных имений быховской, ляховичской и других волостей просят господаря сохранить их сословные права [6, с. 14–119]. Следовательно, был поднят вопрос о внесении изменений в действующий Статут с целью защиты имущества, домов и земель служилых феодалов. Было принято решение ввести новые наказания для лиц, совершивших злоумышленное нападение на шляхетские дома и поместья «о кгвалтовно наеханье на дом». Виновные в этом злодеянии лица обязаны возместить хозяину нанесенный

ущерб. Кроме этого правонарушитель платил денежный штраф в пользу господарского скарба: «...тогда за таковой кгвал мает быти плочоно двенадцать рублѣв грошей», что составляло в системе денежно-счетных единиц середины XVI в. около пяти с половиной «литовской копы» (одна копа – 60 монет серебром). Но при условии, что из владельцев никто физически не пострадал без причинения телесного ущерба: «...азнаку бы ран, ани кривавых ани синих, на оном кгвальте не было» [7, с. 195].

В отношении других просьб шляхты по внесению изменений в Статут господарь заявил, что необходимо создать комиссию с согласия панов-рады из десяти человек, которая включала пять человек католиков и пять человек православного вероисповедания. Но только при условии, если сеймующая шляхта «станы сейма» найдет финансовые средства на содержание законотворцев, которым будет поручено исправлять существующий Статут: «...вчынити, иж мело обрано быти несколько особ, людей добрых, веры годных, росторопных и права посполитого и теж стародавних звычайе тутешного паньства добре сведомых, которые мели тут же у Вильни на певный час занести и статут поправити...» [7, с. 183].

Еще одним актуальным вопросом сеймующей шляхты было требование, чтобы административные должности в пограничных староствах занимали люди, способные управлять, это значит, молодые и крепкого здоровья, знающие военное дело. В отношении должностных лиц, которые имеют достаточную выслугу лет и определенные заслуги перед государством, говорилось, что они должны быть переведены в наименее опасные места для дальнейшей службы и приумножения интересов государства. В отношении урядников, которые не желают подчиняться власти поветовых старост, шляхта просила господаря расширить полномочия старост с привлечением к суду не желающих подчиняться закону урядников. На все эти просьбы поветовых представителей верховная власть в лице короля дало свое согласие. С общего одобрения шляхетских представителей было принято решение учредить в каждом повете судью и присяжного писаря [7, с. 184].

Кроме вопросов общегосударственного значения, шляхта выдвинула ряд других требований. Одним из них был вопрос о наследственных правах шляхетских девушек-сирот и выдачи их замуж. На эту просьбу господарь с

панам-рады издал особое постановление. Согласно новой «уставе», если девушка шляхетского происхождения лишилась отца, но в живых еще оставалась мать, то судьбу ее должны решать взрослые родные братья, а если таких нет, то этот вопрос должны решать двоюродные братья по отцовской линии. В том случае, если не было и таких, то тогда привлекались братья по линии матери. Однако если мать девушки проявляла несогласие с чьим-то мнением из родственников, то все спорные вопросы выносились на обсуждение главы поветовой администрации [7, с. 195]. В вопросе противоречий шляхты с мещанами и за избиение шляхтича в каком-либо городе следовало наказывать по «земскому», а не по магдебургскому праву, так, как гласит Статут ВКЛ 1529 г. [7, с. 197]. Как и на предыдущих сеймах, шляхта просила господаря не отдавать таможи в аренду иностранцам, поскольку «мытни» располагались на территории шляхетских поместий, а это в определенной степени противоречило интересам феодальной знати [8, с. 22]. Однако, желая сохранить прибыли от аренды таможен, Сигизмунд-Август дал уклончивый ответ, ссылаясь на то, что купеческие товары должны проходить таможенный досмотр. Господарь указывал на то, что такой порядок был введен еще во времена его деда Казимира в конце XV века, когда был отрегулирован механизм получения в государственную казну сверхприбылей от сдачи таможен в аренду иностранцам [9, с. 106; 10, с. 631]. В отношении строительства и эксплуатации постоянных дворов в имениях шляхты Сигизмунд-Август дал положительный ответ, но только с его личного согласия при рассмотрении каждого прошения «...за особливую ласкою и дозволением его королевской милости самого» [7, с. 196]. В отношении отмены пошлин на торговлю лесом из имений шляхты господарь дал согласие на освобождение лесного товара от складирования его в пограничных местах досмотра.

Поскольку на сейме 1551 г. присутствовали польские послы, то был поднят вопрос об унии ВКЛ с Коронной [11, с. 9]. Господарь через коронного подканцлера обратился к панам-рады и всем представителям шляхетства с предложением объединить два государства для совместной обороны и расширения рыцарских вольностей шляхты. Но присутствующие на сейме феодалы ВКЛ категорически дали отказ, не желая заключать унию с Польшей.

Как свидетельствуют факты, разноплановые вопросы, подобные вышеперечисленным, не способствовали четкой выработке действующих постановлений сейма. Определенную сложность в работе этого учреждения заключалась еще и в том, что шляхетские представители отдельных земель ВКЛ (Жмудской, Волынской, Полоцкой, Витебской и других) отстаивали интересы первенствующего сословия только своего региона [12, с. 40]. Это видно на примере требований и поведения шляхты от этих земель. В будущем подобная практика превратилась в систему, когда шляхтичи, ссылаясь на заслуги предков, к каждому новому сейму составляли подписанные лично рукой каждого феодала новые документы, отражающие интересы шляхты, заинтересованной в получении господарского разрешения на очередные льготы и привилегии.

Заключение. В завершение следует отметить, что в условиях становления и развития новых политических отношений продолжал совершенствоваться институт вального сейма ВКЛ. Сама деятельность этого органа управления позволяет проследить, как осуществлялся диалог власти и общества, которое представляли исключительно светские и духовные феодалы. На основании исследованных источников мы попытались изобразить картину прошлого и то, что представляла собой система управления феодальным государством посредством представительного органа власти, сейма. Документы вального сейма 1551 г. позволяют проследить, при помощи каких способов решались споры и конфликты, возникавшие между верховной властью в лице великого князя, господаря, и поветовой шляхтой. На основании этого открывается возможность получить представление о развитии политической культуры и политического сознания в среде шляхетского сословия ВКЛ середины XVI века. В рамках данных рассуждений следует помнить и то, что слабостью вального сейма как высшего органа власти было противоречие личных и сословных интересов шляхты и магнатской олигархии. В условиях подобной политической обстановки господарская власть стремилась переложить все тяготы государственных расходов на представителей военно-служилого сословия шляхты.

Литература

1. Голенченко, Г.Я. «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. /

- Г.Я. Голенченко // Белоруссия и Россия: общество и государство. – М.: «Права человека», 1997. – С. 31–57.
2. Вилимас, Д. К вопросу о характеристике государственного строя ВКЛ после Люблинской унии / Д. Вилимас // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–17 кастр. 2009 г. / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск, 2010. – С. 149–154.
 3. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – М., 2005. – 679 с.: ил. карта.
 4. Шатохина-Мордвинцева, Г.А. Генеральные Штаты Нидерландов в XVII–XIX веках / Г.А. Шатохина-Мордвинцева // Новая и новейшая история. Российская академия наук. – 2009. – № 5. – С. 100–114.
 5. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
 6. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М.К. Любавский. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.
 7. Литовская Метрика. Русская историческая библиотека. Отд. 1–2. Ч. 3. Книга публичных дел. Т. I / ред. И.И. Лаппо. – Юрьев, 1914. – Т. 30. – 881 с., стб. разд.
 8. Уваров, И.Ю. Вальные сеймы Великого княжества Литовского в XVI веке и их регламентация / И.Ю. Уваров // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2000. – № 1(15). – С. 20–23.
 9. Уваров, И.Ю. Организация и работа таможенной службы ВКЛ в 80–90-е гг. XV века / И.Ю. Уваров // Профсоюз Беларуси в контексте международного профсоюзного движения: междунар. науч.-практ. конф., посвященная 110-летию профсоюзов Беларуси, Витебск, 27 июня 2014 г.: сб. науч. ст. / ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”». – Витебск, 2014. – С. 106–110.
 10. Довнар-Запольский, М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Тип. ун-та, 1901. – 884 с.
 11. Довнар-Запольский, М.В. Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г. / М.В. Довнар-Запольский. – М., 1997. – 22 с.
 12. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. г-го отделения, 1848. – Т. III: 1544–1587. – 356 с.

Поступила в редакцию 31.08.2015 г.

УДК 940.53(476)

Повседневные практики городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации

Гребень Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»

Несмотря на то, что нацистский оккупационный режим в Беларуси традиционно находится в фокусе внимания отечественных ученых, до настоящего времени недостаточно исследованы повседневные практики граждан, направленные на выживание в экстремальной ситуации.

Цель работы – определение причин некоторых повседневных практик городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе документов Могилевского городского управления (постановления бургомистра, юридического бюро, решения мирового суда по апелляциям граждан относительно судебных вердиктов), хранящихся в Государственном архиве Могилевской области.

Результаты и их обсуждение. Анализ архивных источников показывает, что в экстремальной ситуации нацистской оккупации гражданское население Беларуси выработало ряд типичных повседневных практик, направленных на выживание (игнорирование распоряжений оккупационных властей, девиантное поведение).

Заключение. В условиях нацистской оккупации гражданское население Беларуси вынуждено было приспособиться к новым социально-политическим условиям. Одни вспоминали свои старые навыки и занимались ремеслом, другие, при утрате традиционных средств к существованию, торговали. В условиях чужой власти они не считали зазорным власть обманывать путем неуплаты налогов, игнорирования патентов и запретов. Стали распространяться элементы девиантного поведения, не характерные для большинства граждан в нормальной и обычной жизненной ситуации. Тяжелые жизненные условия, психологические стрессы, боязнь за жизнь своих детей и родственников способствовали бытовым конфликтам.

Ключевые слова: война, нацистская оккупация, повседневные практики, выживание.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 42–48)

Daily Practice of Urban Population of Belarus under Nazi Occupation

Greben E.A.

Educational Establishment «Belarusian State Agrarian Technical University»

Despite the fact that the Nazi occupation regime in Belarus is traditionally the focus of attention for Belarusian researchers, citizens' everyday practices aimed at surviving in the extreme situation have not yet been sufficiently explored.

The aim of the article is to determine the causes of some everyday practices of the urban population of Belarus under the Nazi occupation.

Material and methods. This article was prepared on the basis of documents of Mogilev City Administration (mayor decrees, decrees by the law office, decisions of the magistrate's court of appeals of citizens concerning the judicial verdicts) stored in the State Archives of Mogilev Region.

Findings and their discussion. The analysis of archival sources reveals that in the extreme situation of the Nazi occupation the civilian population in Belarus has developed a number of typical everyday practices aimed at survival (ignoring the orders of the occupation authorities, deviant behavior).

Conclusion. Under the Nazi occupation the civilian population of Belarus was forced to adapt to new sociopolitical conditions. Some recalled their old skills and started crafting businesses, others with the loss of traditional livelihoods, began to engage themselves in trade. In the context of the foreign power, they did not consider it shameful to deceive authorities by tax evasion, ignoring patents and prohibitions. Elements of deviant behavior, which were not typical of the majority of citizens in the normal and ordinary situations, began to spread. Hard living conditions, psychological stress, fear for the lives of their children and relatives contributed to domestic conflicts.

Key words: war, the Nazi occupation, daily practices, survival.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 42–48)

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com – Е.А. Гребень

Нацистский оккупационный режим в Беларуси традиционно находится в фокусе внимания отечественных исследователей. В то же время в новейших фундаментальных изданиях не отражены повседневные практики граждан в условиях оккупации, которые позволяют увидеть влияние оккупационного режима на жизнь и быт человека [1–2].

Цель работы – определение причин некоторых повседневных практик городского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации на примере г. Могилева.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе документов Могилевского городского управления (постановления бургомистра, юридического бюро, решения мирового суда по апелляциям граждан относительно судебных вердиктов), хранящихся в Государственном архиве Могилевской области. Источники характеризуют социально-экономическую ситуацию и специфические практики, применяемые гражданами в условиях нацистской оккупации. Используются историко-описательный, историко-системный методы, которые позволили реконструировать повседневные практики горожан в условиях оккупации.

Результаты и их обсуждение. В экстремальной ситуации нацистской оккупации городское население Беларуси выработало ряд типичных повседневных практик, направленных на выживание. Одной из них в период оккупации являлась торговля. В условиях мизерных продуктовых норм по карточкам, острой нехватки промышленных товаров многие горожане вынужденно оказывались вовлеченными в торговые операции. Несмотря на регламентацию оккупационными властями порядка торговли, многие участники торговых операций стремились выйти за рамки ограничений или обмануть власти с целью обеспечить выживание. Распространенными практиками являлись торговля без патента и обменная торговля, при помощи которой гражданам было легче и быстрее приобрести нужный товар. Инспектор уголовного розыска Могилевской полиции 30.11.1941 г. задержал на Быховском рынке гражданина, обвиняемого в спекуляции и обменной торговле. Задержанный продавал махорку по цене 15 руб. за пачку; 14 пачек махорки он накануне обменял на старые сапоги, намереваясь, таким образом, заработать 600 руб. [3, л. 4]. Ассессор городского управления 29.11.1941 г. задержал

на рынке гражданина, продававшего металлическую печку, как кустаря, не имеющего патента. Гражданин вину не признал и был оштрафован на 200 руб. [3, д. 54, л. 2, 2 об., 4–5]. В ноябре 1941 г. ассессором городского управления на рынке был задержан полицейский за реализацию картофеля на обмен [3, д. 52, л. 2–3 об.]. В декабре 1941 г. жительница Могилева была задержана на базаре за попытку обменять махорку и спички на сапоги и часы, за что была оштрафована на 800 руб., предметы обмена были конфискованы [3, д. 23, л. 9–13].

Торговля хлебом теоретически являлась государственной монополией, поскольку оккупационные власти жестко контролировали использование этого стратегического ресурса. В то же время конкуренцию государству составляли частные лица, что было не типично на фоне дефицита и дороговизны зерна и муки. Возможно, еще оставались довоенные запасы или выменянное у крестьян зерно продавалось в виде печеного хлеба, что было намного выгоднее. Медико-санитарный отдел городского управления в докладной записке бургомистру от 3.08.1942 г. отмечал увеличение количества печеного хлеба, продаваемого гражданами на Быховском рынке. При этом торговцы не имели ни патента, ни разрешения на продажу, и контролировать его качество санитарная служба не могла. Имел место случай отравления хлебом, купленным на рынке. Бактериологический анализ продаваемого на рынке хлеба выявил содержание большого количества бактерий, в частности, кишечной палочки. В итоге предлагалось запретить продавать хлеб с рук, но при этом разрешить открыть частные пекарни или хотя бы упорядочить торговлю и контролировать качество хлеба [4, л. 51].

Вопреки существующему санитарному законодательству торговцы игнорировали записи, сделанные санитарной службой в специальном санитарном журнале. По инициативе городского санитарного врача владельцы пунктов общественного питания периодически штрафовались за антисанитарное состояние и игнорирование предыдущих записей в санитарных журналах [4, л. 4, 50]. При осмотре санитарным врачом закусочной по ул. Быховской, 6 12.09.1942 г. было зафиксировано антисанитарное состояние кухни, персонал обслуживал посетителей без халатов, санитарный журнал велся неаккуратно. Владельца приговорили к штрафу в 100 руб. и предупредили его и владельцев других закусочных

о том, что, в случае дальнейших нарушений, закусочные будут закрыты [5, л. 24].

Нарушали порядок торговли или использовали служебное положение в своих корыстных интересах и сами сотрудники местной администрации. Контролеру-ревизору финансового отдела совместно с представителем продовольственно-торгового отдела городского управления было поручено провести внезапную проверку взимания сборов по Быховскому рынку. В ходе проверки за период с 4.05 по 14.07.1942 г. была установлена нехватка денег у коменданта рынка, собранные деньги не сдавались ежедневно, учет средств велся с нарушениями, некоторые торговцы не имели квитанции об уплате сборов [6, л. 2, 13].

На фоне массовых нарушений порядка торговли и ремесленной деятельности контролировались сотрудники государственных учреждений. Местная администрация проводила мониторинг на предмет того, занимаются ли они ремесленной деятельностью на дому помимо основной работы. Налоговый инспектор городского управления 10.05.1944 г. составил акт по итогам обследования работы мастера-сапожника, работавшего при воинской части. Соседи дали показания, что гражданин сапожным ремеслом на дому не занимался, за исключением мелкого ремонта обуви для своей семьи [6, д. 207, л. 27].

В условиях товарного дефицита распространенным правонарушением было производство самогона. В марте 1942 г. в Могилеве на рынке была задержана жительница Быховского района, торговавшая самогоном. Свидетели утверждали, что гражданка продавала самогон систематически. Очевидно, производя самогон в сельской местности, женщина привозила его в город, где данный товар пользовался спросом и легко реализовывался по высокой цене, обеспечивая регулярный доход [3, д. 249, л. 3]. Тогда же следователь полиции рассмотрел дело по обвинению гражданки в незаконном хранении самогонного аппарата (уликой стала найденная брага). Обвиняемая вину отрицала, невиновность ее подтверждал допрошенный в качестве свидетеля квартирант, показавший, что найдена не брага, а растворенные в ведре мука и картошка – пойло для свиней. Очевидно, факт самогонного варения доказать не удалось, поэтому штраф за незаконное хранение аппарата составил всего

100 руб. [3, д. 222, л. 8, 10–11]. 8.10.1942 г. городской голова рассмотрел присланные фельдкомендатурой материалы об обнаружении у гражданина 3 л самогона, браги и самогонного аппарата, которые изъяла у него фельджандармерия. Мужчина заявил, что произвел самогон для угощения гостей на предстоящих крестинах, хотя и знал о запрете самогонного варения. Городской голова расценил наличие самогонного аппарата как доказательство того, что производством самогона гражданин занимался как промыслом, классифицировал данное правонарушение как наиболее злостное, поскольку на производство самогона расходуется много зерна, и приговорил нарушителя к месяцу принудительных работ и 300 руб. штрафа с заменой на 1,5 месяца ареста в случае неуплаты [5, л. 148]. Инспектор и бургомистр Могилева, проверявшие 4.09.1943 г. павильон на Быховском рынке, составили акт на гражданку по факту самогонного варения. Постановлением бургомистра от 7.09.1943 г. она была оштрафована на 2000 руб. за продажу самогона [7, л. 118, 122]. В другом случае 9.07.1943 г. участковый надзиратель 9-го жилищного участка после обнаружения факта самогонного варения изъял у гражданина самогонный аппарат и бочку браги. Начальник управления полиции предложил бургомистру оштрафовать нарушителя [7, л. 12–13].

Сотрудники местной администрации и полиции порой не только не препятствовали, но и способствовали производству самогона. Последние могли лишь изредка получать алкогольную продукцию, что вынуждало их не просто закрывать глаза на самогонное варение, но часто вымогать самогон у граждан или принуждать к его производству. Сотрудники полевой жандармерии 7.04.1943 г. уличили в самогонном варении судебного исполнителя. В приказе по городскому управлению от 16.04.1943 г. бургомистр констатировал, что проступок совершен работником суда, «стоящего на страже законности», за что полагается суровое наказание. Нарушитель получил небольшой штраф в 200 руб.; бургомистр принял во внимание его удовлетворительную работу и обстоятельства, при которых совершалось нарушение (якобы выгнал самогон на крестины дочери) [7, д. 56, л. 55].

Одним из факторов выживания в тяжелых условиях оккупационной повседневности являлось владение скотом. Право собственности на скот периодически приводило к конф-

ликтам между гражданами. Постановления бургомистра г. Могилева по апелляциям граждан на решения мирового суда интересны в плане иллюстрации повседневной практики владения скотом. Бургомистр г. Могилева 9.06.1943 г. рассмотрел жалобу гражданина на решение мирового суда, обязавшего его возратить корову гражданке, сестре жалобщика и истице. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что истица ранее временно передала корову брату, опасаясь санкций за несдачу молока (молоко не сдавала якобы из-за болезни коровы ящуром). Ответчик заявил, что, корова была ему продана за 1000 руб. и 12 пудов зерна, крупы и муки. Свидетели показали, что истица получила от ответчика часть продуктов. Бургомистр, принимая во внимание действия истицы, получившей оплату, а потом попытавшейся аннулировать сделку, решение мирового суда не утвердил и отправил дело на доследование [7, д. 60, л. 13–14]. Дело интересно тем, что конфликт на почве владения коровой происходил между близкими родственниками. Владение коровой как залогом выживания стало выше родственных чувств данных граждан. 17.06.1943 г. была рассмотрена жалоба гражданки, которая отказывалась возвращать истцу 10000 руб. Выяснилось, что истец обменял корову на лошадь, которая через две недели пала. Поскольку ему не сообщили о болезни лошади, он требовал вернуть корову или выплатить компенсацию. Экспертное заключение показало, что у лошади была хроническая болезнь, протекавшая в скрытой форме. Решением суда убытки от падежа лошади были разделены между сторонами пополам, но бургомистр отправил дело на дальнейшее рассмотрение [7, д. 60, л. 17]. 26.06.1943 г. была рассмотрена жалоба гражданина на решение суда, которого обвиняли в присвоении отданного ему на хранение поросенка. Когда истица захотела забрать поросенка, ей был предъявлен другой, меньшего веса, что подтвердил свидетель. Жалоба была оставлена без последствий [7, д. 60, л. 22]. 27.06.1943 г. предметом разбирательства бургомистра стала жалоба гражданина на судебное решение, который судился с другим гражданином относительно размера оплаты за пользование лошадью. Из-за отсутствия четкой аргументации жалоба не была удовлетворена [7, д. 60, л. 30]. Показательна жалоба гражданки на решение суда, постановившего передать лошадь транспортному отделу. Лошадь была получена от еврея в

1941 г., но бургомистр отметил, что евреи были ограничены в праве распоряжаться имуществом, а значит, лошадь нельзя рассматривать как принадлежащую гражданке, и оставил судебное решение в силе [7, д. 60, л. 33].

В юридической практике периода оккупации зафиксирован случай жестокого обращения с животным. В частности, такое дело было рассмотрено в Могилевском мировом суде 28.10.1942 г. Подсудимый колом избил чужую корову, принадлежавшую другому гражданину, которая случайно зашла в его огород. Факт побоев был подтвержден справкой ветеринарного врача. Корова потеряла удойность на 50%, и к тому же побои привели к аборту. Владелец коровы оценил убытки в сумму 17850 руб. (оплата лечения, случки коровы и потери молока). За жестокое обращение с животным суд приговорил ответчика к принудительным работам на 5 суток и штрафу в 100 руб. и выплате в пользу потерпевшего 200 руб., в остальном отказал, рекомендовав подать гражданский иск для компенсации указанных убытков. Спустя 35 дней ответчик пытался обжаловать приговор, но юридическое бюро оставило жалобу без последствий [3, д. 495, л. 14, 22].

В период боевых действий лета 1941 г. многие граждане погибли или покинули свое место жительства. Вещи, оставшиеся в брошенных хозяевами квартирах, могли передаваться городской администрацией в пользование другим гражданам, которым выдавался соответствующий ордер. Пользование бесхозным имуществом порождало махинации. В Могилеве 10.02.1942 г. произошел конфликт женщин по вопросу владения буфетом, который обвиняемая силой забрала из квартиры потерпевшей, нанеся материальный ущерб в размере 800 руб. и причинив телесные повреждения. Спорный буфет принадлежал ранее детскому дому и был выдан потерпевшей. Выяснилось, что обвиняемая три года назад произвела обмен мебели с заведующим детским домом, а теперь вознамерилась вернуть бывшее имущество. Юридическое бюро квалифицировало подобные действия гражданки как самоуправство и приговорила ее к штрафу в 600 руб. или аресту на 8 суток в случае несостоятельности [3, д. 185, л. 1, 1 об., 14–15]. Жилищный отдел городского управления 18.03.1942 г. направил в юридическое бюро материалы на гражданина, подделавшего ордер на получение мебели. Нарушитель был оштрафован на 300 руб. [3, д. 247, л. 1, 5].

Жесточайший дефицит порождал злоупотребления со стороны тех, кто был связан с производством и распределением продуктов питания. Сотрудник продовольственно-торгового отдела городского управления и учетчик контрольного стола во время ревизии магазина 19.12.1941 г. выявили махинации с талонами на хлеб, производимые заведующим магазином. В результате изменения чисел на талонах получалось, что хлеб был отпущен потребителям в те дни, когда он в действительности не выдавался. Всего было обнаружено 477 таких талонов на 139,2 кг хлеба. Заведующий был освобожден от занимаемой должности и приговорен к штрафу в 1000 руб. и 14 суткам ареста, замененным на дополнительные 500 руб. денежной компенсации [3, д. 95, л. 1–5, 31]. В феврале 1942 г. следователь полиции рассмотрел материалы по обвинению возчика торгового отдела, доставлявшего зерно на мельницу в Луполово. В ходе следствия выяснилось, что район заготовки зерна находился на значительном удалении от города, вследствие чего не было возможности сдавать его в день приезда. Возчик ехал с ним домой, и сдавал его на мельницу на следующий день, что давало время для махинаций. В некоторых мешках зерно содержало до 5% примеси песка, который досыпался, чтобы компенсировать вес похищенного зерна. Нарушитель был взят под стражу [3, д. 160, л. 4, 17]. За выявленные в ходе проверки злоупотребления билетами 31.07.1943 г. был отстранен от должности и приговорен к двум месяцам принудительных работ кассир городской бани [7, л. 83].

Следствием тяжелейшего материального положения граждан был рост краж общественной и частной собственности. В ноябре 1941 г. к административной ответственности был привлечен житель Могилева за попытку хищения со двора духовной семинарии телефонных столбов на дрова [3, д. 26, л. 2–4, 7–8]. Могилевское юрбюро 26.02.1942 г. рассматривало дело гражданки 1919 г.р., русской, малограмотной, обвиняемой в соучастии в краже. В постановлении юрбюро отмечалось, что она является членом воровской шайки. Во время обыска у нее были обнаружены украденные вещи, поэтому женщина была признана виновной и приговорена к аресту на 14 суток и штрафу в 1000 руб. с заменой штрафа еще на 14 суток ареста в случае неуплаты [7, д. 31, л. 3]. 15.04.1942 г. юрбюро, рассмотрев

уголовное дело по обвинению гражданки в краже домашних вещей, постановило подвергнуть ее к 14-дневному тюремному заключению и штрафу 1000 руб. с заменой на дополнительное 14-дневное заключение в случае неуплаты. Потерпевшей было разъяснено, что она может возбудить иск на сумму понесенного ущерба [7, д. 47, л. 51].

Иногда взрослые могли подстрекать к кражам малолетних. В январе 1942 г. жительница г. Могилева была приговорена к штрафу за подстрекательство детей к воровству вещей из квартиры гражданки. Обвиняемая инициировала кражу, произведенную ее 11-летним сыном и еще одним малолетним, за что была оштрафована на 1000 руб. [3, д. 103, л. 8, 8 об., 12]. Месяц спустя сын гражданки повторно совершил кражу (украл хлеб и мыло), но был пойман. Дело направили в юридическое бюро для наложения взыскания на мать малолетнего нарушителя [3, д. 149, л. 7].

Грабежи могли случаться в светлое время суток. Например, 10.03.1942 г. житель Могилева проник в дом гражданки, в котором находились ее мать и двое малолетних детей, похитил серебряные часы и нанес ранения пожилой женщине, пытавшейся его остановить [3, д. 233, л. 9]. В другом случае на Быховском рынке гражданин похитил из кошельки гражданки 2 куса масла и кусок сала, при задержании один кусок масла у него был изъят, остальное успел реализовать здесь же на рынке. Гражданин 28 лет, глухонемой (для допроса привлекался сурдопереводчик) вину признал и 22.06.1942 г. был приговорен юридическим бюро к 14 дням ареста и 500 руб. штрафа [5, л. 145].

Расследование одной кражи могло вывести на след другой. В марте 1942 г. из квартиры граждан посредством взлома были похищены вещи. Подозрение пало на гражданина, который на допросе свою вину признал, отрицая лишь количество похищенного. Потерпевшая гражданка также созналась в том, что во время переселения евреев в гетто присвоила вещи из их домов, и впоследствии они с обвиняемым не смогли их поделить. Гражданка 1919 г.р., безработная, одинокая, малограмотная, судимая в 1936 г. за уголовное преступление, была приговорена юридическим бюро к 14 суток ареста и 1000 руб. штраф [5, л. 143]. Могли случайно выявляться не зарегистрированные по месту жительства лица. Жительница Могилева 1.09.1941 г. подала в

полицию заявление о краже вещей из ее квартиры, указав, что по соседству проживают предполагаемые грабители. В ходе полицейского расследования подозрения не подтвердились, однако было установлено, что данные граждане проживали без регистрации, за что были оштрафованы [3, д. 12, л. 3–6, 8].

Жители города и окрестностей не только нарушали порядок регистрации, но и игнорировали комендантский час и запретные для передвижения гражданского населения зоны. Так, две горожанки 17.01.1942 г. были задержаны полицейским во время комендантского часа, за что их оштрафовало юридическое бюро на 50 руб. каждую с заменой двухдневным заключением в случае неуплаты штрафа [3, д. 163, л. 1, 6]. В апреле 1942 г. на станции Могилев патрульным была задержана переходившая железнодорожные пути гражданка, ее приговорили к пяти дням принудительных работ, отбыть которые следовало на той же железной дороге. На допросе она подтвердила, что была информирована о запрете хождения по железной дороге [3, д. 220, л. 2, 4].

Имели место нарушения режима светомаскировки. Могилевский мировой суд 28.07.1942 г. за нарушение режима светомаскировки приговорил двух гражданок к штрафу в 50 руб. [5, л. 82]. Два дня спустя было рассмотрено дело по обвинению гражданина в нарушении правил светомаскировки. Гражданин признал вину, заявив, что зажег лампочку для осмотра больного ребенка. Очевидно, это обстоятельство было принято судом во внимание, и гражданина приговорили к незначительному штрафу в 50 руб. с заменой двумя сутками ареста в случае несостоятельности [5, л. 85]. В ноябре 1942 г. на имя городского головы Могилева поступило прошение гражданки об отмене штрафа за несоблюдение светомаскировки. Гражданка заявила, что окно ее комнаты выходит в огород, всегда завешено, нет никакого источника света, кроме коптилки, в другой комнате проживает семья полицейского, их окна выходят на улицу и не завешиваются, и когда патрульные полицейские увидели в доме свет, то, не разобравшись в ситуации, оштрафовали ее [5, л. 169].

На заседаниях мирового суда рассматривались дела, связанные с нарушением общественного порядка, обвинением граждан в азартных играх, бытовые конфликты. Так, житель

Могилева 27.11.1941 г. был арестован за то, что, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сквернословил и нападал на прохожих. Во время допроса он признал свою вину, хотя не смог вспомнить произошедшее, и был оштрафован на 100 руб. [3, д. 38, л. 4–6]. Четверо могилевчан 8.12.1941 г. были арестованы на квартире во время игры в карты на деньги (игра «в очко»). Задержанным инкриминировалась систематическая игра в карты по крупным ставкам, и проигравшие часто расплачивались вещами (были конфискованы норковое пальто, пара сапог и 2500 руб.) [3, д. 82, л. 4–5, 13]. Происходили ссоры между супругами на почве подозрения в измене. Гражданин избил супругу, что подтверждалось медицинской справкой и показаниями свидетелей. Гражданин работал на шелковой фабрике и был 30.06.1942 г. приговорен юридическим бюро к 5 суткам принудительных работ по месту его работы, а также к штрафу в 300 руб. [5, л. 144].

Городская администрация фиксировала нарушения порядка пользования средствами связи. В декабре 1941 г. жительница Могилева была подвергнута аресту на трое суток за хранение дома радиоприемника вопреки распоряжению немецких властей об их сдаче до 7.11.1941 г. [3, д. 21, л. 7, 7 об., 10]. Юридическое бюро г. Могилева 27.10.1943 г. в ответ на требования радиоузла наказать пятерых граждан за самовольное включение радио затребовало акты о правонарушениях; 20.03.1943 г. мировой суд постановил подвергнуть нарушителей штрафу на сумму от 100 до 200 руб. [3, д. 576, л. 13, 15].

Заключение. Таким образом, в условиях нацистской оккупации гражданское население Беларуси вынуждено было приспосабливаться к новым социально-политическим условиям. Одни вспоминали свои старые навыки и занимались ремеслом, другие, при утрате традиционных средств к существованию, торговали. При этом в условиях оккупации и чужой власти они не считали зазорным эту власть обманывать путем неуплаты налогов, игнорирования патентов и запретов и т.д. Стали распространяться элементы девиантного поведения, не характерные для большинства граждан в нормальной и обычной жизненной ситуации. Дефицит продуктов питания, карточная система распределения продовольствия среди городского населения, нехватка топлива вынуждали некоторых горожан к присвоению

частной или государственной собственности, злоупотреблению чиновниками властью в личных интересах Тяжелые жизненные условия, психологические стрессы, боязнь за жизнь своих детей и родственников способствовали бытовым конфликтам.

Литература

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (руководитель авторского коллектива) [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (председ.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – 480 с.; Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (председ.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – 358 с.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). – Фонд 257. – Оп. 1. – Д. 51.
4. ГАМог. – Фонд 271. – Оп. 1. – Д. 22.
5. ГАМог. – Фонд 255. – Оп. 1. – Д. 15.
6. ГАМог. – Фонд 269. – Оп. 1. – Д. 80.
7. ГАМог. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 66.

Поступила в редакцию 18.06.2015 г.

УДК 94(476.5)«1920/1929»:316.728:658.8

Реклама и объявления в витебских газетах 1920-х гг. как источник изучения повседневной жизни горожан

Яковлева Г.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск*

Уникальность периодики как исторического источника заключается в том, что «источниковой» единицей в ней может выступать каждая отдельная публикация, что позволяет определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из них. Так, в газетах печатались делопроизводственные документы, повестовательные и информационно-новостные источники. В свою очередь, к информационно-новостным источникам относятся газетные объявления и рекламные сообщения. Они не очень часто являются объектом исследовательского интереса историков, но незаменимы при изучении истории повседневности, т.к. ориентированы на потребности людей и в то же время отражают социально-политические реалии времени, в котором они созданы. 1920-е гг. стали недолгим периодом возврата коммерческой рекламы на страницы советских газет. Достаточно исследована реклама 1920-х гг., в том числе газетная, в контексте изучения развития советской культуры тех лет. В публикациях российских ученых К. Зариновой, Е. Твердюковой показаны отдельные аспекты того, как отражались в газетной рекламе и объявлениях жизнь и быт советских людей 1920-х гг. Работ в отечественной исторической науке по данной проблематике фактически нет.

Цель статьи – показать роль рекламы и объявлений в витебской печати 1920-х гг. как источников по истории повседневной жизни горожан в условиях новой экономической политики.

Материал и методы. В работе использованы витебские газеты 1920-х гг. из фонда 2289 Государственного архива Витебской области. Применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы. Основные из них – метод сравнительного анализа, описательный и исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. На основании опубликованного 8 ноября 1917 г. декрета СНК РСФСР «О государственной монополии на печатание объявлений» рекламное дело было монополизировано государством. Коммерческая реклама фактически исчезла. Рекламу политико-агитационного характера делали в Витебске в первые послереволюционные годы М. Шагал, К. Малевич, Э. Лисицкий и другие уновисовцы. В условиях нэпа произошло оживление советской коммерческой рекламы. Возрождению газетной рекламы способствовал декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. «О переводе всех органов периодической печати на начала хозяйственного расчета». Реклама кино, объявления о торгах по сдаче в аренду буфетов, аптек, бань, мельниц, лодочных переправ через Западную Двину, лавок на базарах города, производстве ремонта зданий и так далее уже в начале 1922 г. заполнили страницы витебских «Известий». Рекламу стали печатать государственные тресты и частные предприниматели. В борьбе за покупателя производители обещают «довоенное» или «высочайшее» качество товара, «качество продукции и цены вне конкуренции». Характеризуют противоречивость повседневности 1920-х гг. частные объявления. Их анализ показывает, что с окончанием гражданской войны возвращались мирные заботы и привычные интересы. Но жизнь горожан становилась иной, ее активно изменяли в проектируемом партией направлении. Активно обсуждались формы нового быта, печаталась информация санитарно-гигиенического характера, ставилось под сомнение все, что связано с религией и культом. Рабочих приглашали на разнообразные партийные и профсоюзные собрания, партийцев – на курсы, партийные дискуссии, совещания и заседания. К концу 1920-х гг. повседневность горожан все больше унифицируется, нэповская «оттепель» сходит на нет.

Заключение. Анализ рекламы и объявлений витебских газет 1920-х гг. показывает, что с окончанием гражданской войны повседневная жизнь обывателя входила в относительно спокойное русло. Потребность в музыке, потеря любимой собаки, попытки найти работу или снять жилье – эти атрибуты обыденной жизни человека вновь стали реальностью. По экономическим причинам власть мирилась с увлечением азартными играми (реклама бегов, лотерей-аллегри, отрывавшихся карточных клубов, механических игровых автоматов). Однако усиливалось влияние идеологии на повседневную жизнь людей. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации приглашали жителей Витебска на многочисленные политсуды, лекции или дискуссии по проблемам нового быта, конференции, собрания и заседания и т.д. Новые веяния в брачно-семейных отношениях «аукались» объявлениями о многочисленных разводах и актуальностью на страницах печати вопросов половой культуры. Предложения о продаже товаров к пасхальным праздникам середины 1920-х гг. сменяются объявлениями о создании местного «Союза безбожников» в 1927 г.

Что касается самой рекламы, то ее расцвет приходится на 1923–1925 гг. Производители в рекламе всегда указывали предыдущее название предприятия или его бывшего владельца как гарантию качества и узнаваемый, говоря сегодняшний язык, бренд. Самой массовой была реклама спиртных и табачных изделий, а также реклама кино, которое и тогда, в основном, было зарубежным и развлекательным. С 1926 г. количество рекламы продукции трестов резко падает, рекламируются товары, производимые, как правило, местными государственными предприятиями.

Адрес для корреспонденции: e-mail: gnyakovleva@mail.ru – Г.Н. Яковлева

Лучшей была ситуация в сфере культуры. Здесь печатная реклама, тесно связанная с задачами идеологическими, по-прежнему активно пропагандировала деятельность книжных издательств, кино и театров. Постепенно начинает расти и роль социальной рекламы.

Ключевые слова: реклама, объявление, газета, повседневность, цена, качество, идеология.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 49–58)

Advertizing in Vitebsk Newspapers of the 1920s as the Source of Studies of Urban Population Everyday Life

Yakovleva G.N.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Uniqueness of periodicals as a historical source is that every publication in it can be a «source» unit which makes it possible to identify the whole variety of the published materials as well as specificity of each. So, document processing materials, statement and information and news sources were published in newspapers. In their turn, newspaper advertisements belong to information and news sources. They are not often an object of historians' research interest, but are irreplaceable when studying the history of everyday life since they are aimed at people's needs and, at the same time, reflect social and political notions of the time when they are created. The 1920s became a short period of the return of commercial advertising in Soviet newspapers. The 1920s advertising is well studied, the newspaper one including, in the context of the study of Soviet culture of that period. In publications by Russian researchers K. Zaripova and E. Tverdyukova some aspects of how life and household of 1920s Soviet people were reflected in advertising, are presented. There are practically no publications on this topic in home historical research.

The aim of the article is to demonstrate the role of advertising in Vitebsk periodicals of the 1920s as a source on everyday history of urban population in the conditions of New Economic Policy.

Material and methods. Vitebsk newspapers of the 1920s stored in Fund 2289 of the State Archive of Vitebsk Region are used in the article. Both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and special historical methods are used. Basic methods used in the research are the comparative analysis method, the descriptive method and the historical retrospective method.

Findings and their discussion. On the basis of November 8, 1917 Russian Federation Council of People's Commissars Decree «On State Monopoly on Advertising Publication» advertising business was monopolized by the State. Commercial advertising actually disappeared. Political propaganda type of advertising was made in Vitebsk in the first post Revolution years by M. Shagal, K. Malevich, E. Lisitski and other UNOVIS members. In the conditions of NEP revitalization of Soviet commercial advertising took place. This revitalization was promoted by January 24, 1922 Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars Decree «On Transition of All Periodicals onto Commercial Basis». Cinema advertising, advertisements of leasing cafes, drug stores, bathhouses, mills, boat crossing facilities across the Western Dvina, stores at the City markets, building refurbishment etc. already in early 1922 filled the pages of Vitebsk «Izvestiya». State trusts and private businessmen started publishing advertisements. Trying to conquer customers manufacturers promise «prewar» or «highest» quality of goods, «quality of product and prices above competition». Private advertisements characterize contradiction of the 1920s everyday life well. Their analysis shows that with the end of the Civil War peace concerns and habitual interests came back. However, life of the citizens became different, it was actively changed in the Party projected direction. Forms of new household were actively discussed, sanitary information was published, everything which was connected with religion and cult was questioned. Factory workers were invited to various Party and Trade Union meetings, Party members - to courses, Party discussions, meetings. By late 1920s everyday life of the citizens becomes more and more unified, NEP «thaw» diminishes.

Conclusion. Analysis of advertising in Vitebsk newspapers of the 1920s shows that with the end of the Civil War everyday life of the inhabitants was directed into relatively calm channels. Need in music, missing pets, looking for jobs or flats to hire – all these features of everyday life became the reality again. For economic reasons authorities put up with gambling (horse races, lottery-allegory, gambling club opening, mechanical races advertisements). However, impact of ideology on everyday life increased. Party, Komsomol, Trade Union organizations invited Vitebsk citizens to lots of Party trials, lectures and discussions on the issues of new everyday lifestyle, conferences, meetings etc. New trends in marital relations echoed in advertisements of numerous divorces and topical sex culture issues on the pages of newspapers. Easter sales offers of the mid 1920s were substituted with advertisements of establishing a local «Bezbozhniki» (non believers) Union» in 1927.

1923–1925 see advertisement flourishing. Advertising producers always indicated the former name of a company or its previous owner as a guarantee of the quality and the recognized brand. Alcohol and tobacco advertising was most widely spread as well as cinema advertisements, which then also were mainly foreign and entertaining. Since 1926 trust advertising scale is reduced, instead, goods produced by local state owned companies are advertised as a rule. The situation is better in the sphere of culture. Printed advertising, which is closely linked with the tasks of ideology, actively advanced as earlier publishing houses, cinema and theater. The role of social advertising gradually increases.

Key words: advertising, newspaper, everyday life, price, quality, ideology.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 49–58)

Значимость периодической печати как источника, по мнению российского исследователя В. Рыноква, определяется тем, что она дает возможность: «во-первых, анализировать многоаспектный комплекс источников, сформировавшихся в процессе жизнедеятельности общества, в рамках определенной политической, идеологической или ведомственной направленности (в силу того, что редакция целенаправленно определяет совокупность и порядок публикаций); во-вторых, включаться в жизненный мир определенной местности, организации, группы людей.... В этом уникальность периодики, объясняющая необходимость и целесообразность ее изучения как самостоятельного феномена. ... “Источниковой” единицей в этом случае должна выступать каждая отдельная публикация, а не издание в целом (газета, журнал), что позволит определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из них» [1]. Анализируя газетные материалы, можно выделить делопроизводственные документы, повествовательные источники, информационно-новостные источники. В свою очередь, к информационно-новостным источникам относятся газетные объявления и рекламные сообщения, которые не очень часто являются объектом исследовательского интереса историков, но они незаменимы при изучении истории повседневности, т.к. ориентированы на потребности людей и в то же время отражают социально-политические реалии времени, в котором они созданы.

Достаточно исследована реклама 1920-х гг., в том числе газетная, в контексте изучения развития советской культуры тех лет. В публикациях российских ученых К. Зариповой, Е. Твердюковой показаны отдельные аспекты того, как отражались в газетной рекламе и объявлениях жизнь и быт советских людей 1920-х гг. Работ в отечественной исторической науке по данной проблематике фактически нет.

Цель статьи – показать роль рекламы и объявлений в витебской печати 1920-х гг. как источников по истории повседневной жизни горожан в условиях новой экономической политики.

Материал и методы. В работе использованы объявления и реклама, опубликованные на страницах «Известий Витебского губисполкома и губкома РКП(б)» и «Зари Запада» – местных газет 1920-х гг. из фонда 2289 Государственного архива Витебской области.

Теоретико-методологической базой статьи являются современные представления о

принципах и методах исторического исследования. Мы опирались на принципы системности, объективности и историзма. Применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы. Основные из них – метод сравнительного анализа, описательный и исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. На основании опубликованного 8 ноября 1917 г. декрета СНК РСФСР «О государственной монополии на печатание объявлений» рекламное дело было монополизировано государством. Коммерческая реклама фактически исчезла. В советских газетах публиковались материалы политико-пропагандистского характера, а также сообщения партийных, профессиональных и культурно-просветительских организаций, различных комитетов, курсов, которые именуются в наше время рубричной рекламой [2].

В постреволюционный период преобладали наружная реклама и плакат, который носил политический характер. В Витебске первую белорусскую рекламу политического, агитационного характера делали Марк Шагал, Казимир Малевич, Эль Лисицкий. Шагал руководил украшением улиц Витебска к 1-й годовщине Октябрьской революции, сам к этому событию создал несколько рекламно-агитационных панно. Потом, когда Шагал уехал из Витебска, графика улиц города перешла к «супрематической команде» Малевича. Тут появились плакаты Лисицкого, других уновисовцев, витебские трамваи покрылись рекламно-агитационным оформлением. Достаточно широко было поставлено в Беларуси в 1920-е гг. и дело выпуска плакатов. Понятно, это в основном была политическая реклама, но выпускались также плакаты и другого содержания. Например, «известный белорусский художник Я. Дроздович создал в 1921 г. плакат “Сонца навукі скрозь хмары цёмныя прагляне ясна над нашай зямлёй...”, посвященный теме народного образования» [3].

В условиях перехода к новой экономической политике начинается кратковременный период оживления рекламы. В 1920-е гг. существовали следующие ее виды: постоянная (вывески, кронштейны), открытая (плакаты), закрытая (в журналах и справочниках), а также газетная. Общеизвестно, что тогда плакат стал активно использоваться не только в политической, но и коммерческой рекламе и носил несомненные черты новаторства. В нача-

ле 1920-х гг. на основе национализированных частных предприятий создавались крупные производственные объединения – тресты, такие, как «Моссельпром», «Табакотрест», «Резинотрест» и др. Их деятельность стимулировала развитие советской коммерческой рекламы. Совместная работа В. Маяковского, А. Родченко и В. Степановой над рекламными циклами для «Моссельпрома», «Резинотреста», «Мосполиграфа», «ГУМа» – яркое воплощение конструктивистских идей «производственного искусства». В этой рекламе блестяще сочетались короткий и запоминающийся текст с ярким технократическим изображением, совершенно заслуженно она считается классикой советской рекламы.

Особую роль в возрождении газетной рекламы сыграл декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. «О переводе всех органов периодической печати на начала хозяйственного расчета». Резкое сокращение тиражей заставило редакции газет бороться за подписчика и размещать рекламу товаров и услуг. Газетная реклама была наиболее целесообразной, т.к. если производство плаката обходилось в сотни рублей, то газетное объявление стоило гораздо дешевле. И дойти оно могло до более значительного круга потребителей. Что касается художественного оформления газетных объявлений, то, в отличие от плакатной рекламы, здесь не произошло столь радикального разрыва с прошлыми традициями. Вновь на страницах прессы, особенно провинциальной, преобладали одинаковые шрифты, неудачные композиции, «декадентские» орнаменты (типа женских головок). Между тем рекламная графика требовала особого внимания. Если наружная уличная реклама могла воздействовать на зрителя броскостью, яркостью цвета, то у газетной возможности были ограничены: белый фон и серая газетная краска. Поэтому форма шрифта, заголовков, композиция полосы – все должно было способствовать привлечению внимания читателя. Однако надлежащей постановке этого дела мешало отсутствие в рекламных отделах газет работников соответствующей квалификации, а также плохое оборудование большинства типографий и общий низкий уровень полиграфии [1].

Рассмотрим, как «оттепель» нэповского периода отразилась на жизни провинциального города, а газетная реклама и объявления способны помочь нам реконструировать некоторые черты повседневности витебских горожан тех лет. В 1920-е гг. самой массовой ме-

стной газетой были «Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)». После включения губернии в состав БССР с 1925 г. они выходили как «Заря Запада» – орган Витебского окружкома КП(б)Б, окрисполкома и окрпрофсовета. Рекламу и объявления, публиковавшиеся там, по содержанию можно условно разделить на официально-информационные, культурно-просветительские и развлекательные, социально-бытовые и торгово-коммерческие, а также объявления и предложения частного характера. Им отводилась, как правило, последняя четвертая страница (варианты – шестая или восьмая). Партийные и профсоюзные объявления могли размещаться на первой или любой другой странице, причем, они, как правило, занимали верхнюю ее часть.

Интересна в связи с этим публикация «Внимание “Отделу извещений”» от 15 марта 1921 г. Автор статьи – М. Пустынин, активный сотрудник витебского отделения РОСТА и один из основателей знаменитого ТЕРЕВСАТА. Его материал стал реакцией на требования организаций к редакции газеты размещать их объявления о собраниях на первой странице и «на самом видном месте». Отвергая подобные требования, Пустынин писал, что советская печать вытравила «раз-навсегда всю коммерческую подоплеку из газет, все их торгашеское начало», придала газетным полосам вид прокламаций, разместила на «выигрышных местах» призывные передовицы или боевую информацию, «выгнала» объявления и извещения на четвертую страницу, набранные к тому же мельчайшим шрифтом, без выделений «черными» буквами и всевозможных подчеркиваний. По мнению автора, вернуть «первую страницу», заполненную объявлениями, – это значит утратить «трофей советской печати», прийти «к старому разбитому корыту – к гнилому ореху текста, прикрытому золотой скорлупой “кричащих” объявлений» [4, л. 14]. Однако идеологическая чистота оказалась бессильна перед нэповскими реалиями. И хотя «первая страница», да еще и «под самым заголовком», осталась полностью партийно-политической, но на четвертую страницу, и не только на нее, вернулись подчеркивания, «кричащие объявления», а солидные советские тресты делали свою рекламу максимально «глазастее». По нашим наблюдениям, наибольшее количество рекламы и всевозможных предложений по оказываемым услугам в Витебске приходилось на 1923–1924 годы. С 1926 г. их число резко сокраща-

ется. К концу 1920-х гг. не исчезает, пожалуй, только реклама кино.

В условиях нэпа среди газетных объявлений значительное место занимали сообщения торгово-посреднического характера и предложения об услугах. В данном случае рассматривать мы их будем только в контексте повседневных интересов обычных людей и их проблем.

В разделах «Хроника дня» постоянно публиковались сообщения о динамике эпидемической обстановки в губернии и числе венерических заболеваний. И хотя в витебских газетах совсем немного предложений медицинского характера, но симптоматично, что одним из них было предложение услуг специалиста по венерическим и кожным болезням, врача А.Л. Алявдина [4, л. 8 об.]. Этот факт отражал наличие спроса на подобных специалистов. На страницах газеты утверждалось: губерния занимает одно из первых мест по количеству больных венерическими заболеваниями. Это официально объяснялось недостатком средств, последствиями гражданской войны и длительным расположением на территории губернии многочисленных воинских частей [5, л. 108 об.]. Ситуация также усугублялась низким санитарно-гигиеническим и культурным уровнем населения, а также стала отражением своеобразной «сексуальной революции», происходившей тогда в стране.

В 1922–1923 гг. на страницах витебских «Известий» в продолжение дореволюционных традиций еще встречались объявления, в которых местные студенты сообщали о даваемых ими частных уроках. Чаще рекламировались занятия по иностранным языкам, реже – по другим предметам [6, л. 6 об., 19 об.]. Предлагал услуги по изучению английского языка и обучению декламации и местный артист [4, л. 8 об.]. Витебский художник сообщал: «Пишу портреты масляными красками натуральной величины (с натуры или с фотографической карточки)» [7, л. 210 об.].

Уже в начале 1922 г. объявления о торгах по сдаче в аренду буфетов, аптек, бань, мельниц, лодочных переправ через Западную Двину, лавок на базарах города, производстве ремонта зданий, продаже сушеных яблок, доставке льда лечебным учреждениям и так далее заполонили страницы местных «Известий» [6, л. 2 об., 4 об., 10 об.]. Однако держаться на плаву в условиях нэпа было нелегко, и в 1923–1924 гг. стали массовыми объявления в витебских «Известиях» о торгах по продаже мебели и вещей домашнего

обихода, описанных у горожан за неплатеж недоимок по уравнительному сбору и подоходному налогу. В одной из февральских газет 1924 г. перечислялись 143 фамилии таких неплательщиков, большинство из которых, учитывая этнический состав населения города, были еврейскими [5, л. 110].

Затем рекламу в газете стали печатать как государственные тресты, так и частные предприниматели. Для газетных объявлений трестов был характерен принцип: крупным шрифтом с выделением «черными буквами» набиралось наименование треста или товара, указывались фамилии администраторов (председателя, управляющего делами или арендатора) с обязательным перечислением их номеров телефонов и адресов. По своей броскости в губернской газете сразу обращали на себя внимание рекламные призывы трестов, выпускавших махорку, папиросы и сигареты. В январских номерах 1924 г. сверху на самом выгодном месте четвертой страницы размещались две зазывные рекламы. Первая требовала: «Курите **МАХОРКУ** Витебской Государств. Махорочной фабрики. Качество лучших ф-к республики». А вторая выделяла главное достоинство товара: «**ВИТЕБСКАЯ** махорка **дешевле** украинской на 30% [5, л. 4 об.]. В феврале добавилась реклама «**Лучших папирос СССР Ленинградского Табтреста**». «Кому неизвестны высокие качества **ЛЕНИНГРАДТАБТРЕСТА**? Кто не знает всемирно известных фабрик: Бывш. Лаферм, Шапошникова, Шапшала и др., объединяемых Табтрестом?», – содержал риторический вопрос текст рекламы [5, л. 128 об.]. Сделав акцент в рекламе на то, что Табтрест объединяет всемирно известные фабрики бывш. Лаферм, Шапошникова, Шапшала, авторы рекламы, таким образом, вызывали знакомые ассоциации у курильщиков. Это очень напоминает современную рекламную стратегию продаж мороженого или колбасы с названиями советских времен и апелляцией к советскому качеству («Вкус, знакомый с детства», «Стандарты советского ГОСТа»). В борьбу за потребителя включилась и «**Донская Государственная Табачная фабрика (бывшая Асмолова)**», которая открыла в Витебске свой магазин. Текст рекламы содержал намек на элитарность и требование покупательского действия: «**ТРЕБУЙТЕ: “Для знатоков” “КП” “Наша марка” “АЗА”**» [5, л. 135 об.].

Составители объявлений еще не владели многообразием рекламных приемов, но пони-

мали: потребителя нужно привлекать качеством продукции и чем-то его гарантировать. Помимо обыгрывания прежних названий фабрик или их владельцев, в рекламе появляется обещание «довоенного» или «высочайшего» качества. А Витебский Кожтрест решает проблему «цена–качество» так: «Качество продукции и цены вне конкуренции» [5, л. 28 об.]. 13 октября 1923 г. Витебский трест швейной промышленности доводит до всеобщего сведения, что для удобства публики Швейтрестом открыто с 1 октября еще одно отделение по приему заказов на мужское и дамское платье как из материала треста, так и из материала заказчиков. В объявлении подчеркивалось, что «исполнение весьма аккуратное под руководством закройщика МЕССЕРМАНА» [7, л. 16 об.]. Витебская швейная фабрика «**ПРОФИНТЕРН**» сообщала, что к наступающему весеннему сезону заготовлен большой выбор **ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ** (мужского) и (дамского), белья, спецодежды и проч. И призывала: «**НЕ ТРАТЬТЕ ВРЕМЯ!**», уверяя, что работа производится под непосредственным руководством лучших закройщиков и превосходит качество специальной заказной работы [8, л. 89 об.]. Государственный дрожжево-винокурный завод в Витебске (арендатор Н.Б. Кушлянский) призывал обращать внимание на фабричную марку и требовать «только Витебские **ДРОЖЖИ** во всех лавках города и губернии». Чтобы убедить покупателей в качестве продукции, дополнительно сообщалось, что «завод вновь оборудован новыми машинами и аппаратами и в настоящее время выпускает ежедневно свежие дрожжи самого лучшего качества, выше довоенного» [5, л. 19 об.]. Витебская государственная очковая фабрика, желая подчеркнуть качество товара (защитных шоферских и авиационных, а также оптических очков и пенсне), упоминала, что существует с 1892 г. [8, л. 31 об.].

В рекламе книжной продукции и канцелярских принадлежностей, наоборот, апелляции к наследию прошлого не просматривалось. Здесь идеологическая составляющая была преобладающей. Весной 1922 г. активно анонсировался выход в свет сборника «Смена вех», знаменовавшего «поворот в умах и настроениях русской интеллигенции» [6, л. 15 об.]. В другой газете вверху страницы на самом выигрышном месте располагалась реклама: «**ТЕТРАДИ С ПОРТРЕТАМИ ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИИ** Хорошего качества По дешевым ценам» [5, л. 100 об.]. Особенно актуальна была эта продукция в дере-

вне, где и газеты по-прежнему были редкостью. А крестьяне, по наблюдениям местных газетчиков, не могли разъяснить, что обозначают буквы СССР или СНК, не говоря уже о смысле слова «рейхстаг», встречавшегося в их текстах о событиях в Германии. Периодически проводились праздничные книжные базары и распродажи книг. В рекламе месячника дешевой книги, проходившего с 20 апреля 1927 г., Витебским отделением Белорусского Государственного издательства «Книгоснаб» предлагалась 20% скидка на все российские и белорусские книжки, которые вышли из печати до 1926 г., а проводилось это для того, «чтобы дать возможность рабочему, крестьянину, учителю, студенту приобрести дешевую книжку». В мае ко Дню печати рекламировался 2-недельник дешевой продажи книг, на который зазывали читателя скидками в 20% на издания 1926–1927 гг. и 30% на издания до 1926 г. [9, л. 178 об., 196 об.]. Если реклама промышленных товаров союзных трестов сокращалась, то количество предложений по подписке на журналы, как научные («Вестник знания»), так и популярные («Домашняя портниха», «Последние моды»), увеличивалось [8, л. 9 об., 51 об.; 9, л. 66 об.].

К концу 1920-х гг. еще не снизилась острота полового вопроса. В 1927 г., помимо регулярных объявлений о лекциях типа «Свет и тени половой жизни», «Заря Запада» рекламировала подписку на библиотечку «Половой вопрос» в двух сериях. Обещалось, что 22 выпуска серий гарантировали каждому много интересных и необходимых знаний. Библиотечка была составлена врачами-специалистами и в «общедоступных очерках с иллюстрациями» должна была ознакомить граждан с взглядами медицины того времени на норму и отклонения в половой жизни, венерические болезни, аборт, онанизм и т.д. Названия некоторых разделов этих брошюр нам сегодня кажутся, по меньшей мере, странными [9, л. 74 об.].

Конечно, жизнь стала проще, запросы гораздо скромнее, многие предметы прежнего обихода просто исчезли, но, судя по рекламе, жителям города были известны и лезвия фирмы «ШВЕДСКИЙ Шилет» («особая сталь, можно употреблять 10–15 раз»), и пианино фирмы «Беккер» и «Шредер», и заграничные парфюмерия и косметика. Крем с названием «Казими» предлагался как «лучшее испытанное средство против веснушек, красноты, загара, угрей и других недостатков кожи лица». Текст рекламы сопровождался изображением женского лица, разделенного на две половин-

ки: до и после применения чудодейственного крема [9, л. 213 об.]. Броско рекламировались «лучшие виноградные вина, русских и иностранных» производителей [5, л. 17 об.]. А Витебский трест швейной промышленности предлагал не только «спец и прозодежду, костюмы, пальто, платья, белье всякое», но и «муфты, головные уборы, горжетки, боа, меховые пальто и проч.» [7, л. 6 об.].

В борьбе за покупателя актуальной становилась и цена товара. И если сегодняшняя реклама нас убеждает, что цены реальные, доступные, а то и низкие, то тогда речь шла об «умеренных», «ценах значительно ниже рыночных», «ценах вне конкуренции». А скидки носили классовый характер. В конце декабря 1922 г. витебский завод «Левенбрей» обещал к предстоящим праздникам скидку в 10% от оптовой цены на пиво, баварское и черное, клюквенный квас, сидро и лимонад «рабочим и профсоюзным организациям» [6, л. 28 об.]. Затем бывший «Левенбрей» стал 2-м госпивзаводом «им. А. Бебеля», и в 1926 г., рекламируя изготавливаемое пиво, убеждал, что цены вне конкуренции, качество пива превышает довоенное, а заказы выполняются быстро и аккуратно [8, л. 34 об.]. Витебский склад Государственного треста резиновой промышленности в феврале 1924 г. доводил до сведения заводоуправлений и фабрично-заводских комитетов, что рабочим «на льготных условиях с рассрочкой платежей до 3-х месяцев» под гарантии заводоуправлений отпускались галоши [5, л. 132 об.]. Кстати, эта информация сопровождалась изображением фрагмента известной рекламы женских галош «Резинотреста», сделанной В. Маяковским и А. Родченко. В 1926 г. витебские пайщики Центрального рабочего кооператива извещались о поступлении очередной партии галош, при этом особо упоминалось, что поступившие дамские галоши нового фасона будут выдаваться по представленным фабзавкомами спискам и запись на них прекращена [8, л. 91 об.].

Противоречивость периода новой экономической политики проявлялась как в сфере социально-экономической, так и общественно-политической. И эта двойственность находила свое отражение и подтверждение и на страницах газет. На первых страницах апрельских номеров 1922 года размещались объявления о партийных мероприятиях, направленных на развенчание Пасхи. А на их последних страницах сообщалось, что кафе-столовая и кондитерская кооперативного объ-

единения работников ВЕПО принимали **ПАСХАЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ** на торты, бабки, мазурки, кулички, пасхи и прочее [6, л. 17 об.]. Вновь открытая с 1 апреля 1922 г. мелкая бакалейная торговля **Д. ШЕРЕСА**, чуть ниже предлагала к **ПАСХЕ** краску для яиц, горчицу, уксус, всевозможные пряности и проч. Две недели ранее эти всевозможные пряности подробно перечислялись (шафран, кардамон, ваниль и др.) и подчеркивалось: «Все сорта настоящие (не суррогаты) и высшего качества» [6, л. 15 об.]. В 1923 г. кондитерская-булочная Губернской комиссии по борьбе с последствиями голода, принимая заказы на **ПАСХАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ**, упоминала не только пасхи, бабки, мазурки, но и **В И Н А** [7, л. 6 об.]. Но своеобразным шедевром рекламного мастерства можно назвать следующий текст 1924 г.: «Крымское Южно-Бережное **ПАСХАЛЬНОЕ ВИНО** наилучших качеств можно получить только в винном магазине **М. ШМЕРЛИНГА**. К предстоящим праздникам получена крупная партия Южно-Бережных Крымских и др. разрешенных к продаже раввинами мест изготовления и разлива вин, а также местными раввинами. Просят, во избежание задержки в исполнении заказов на вино в связи сильным спросом на пасхальное вино, обращаться с заказами... заблаговременно. Имеются весьма дешевые сорта. Остерегайтесь подделок» [5, л. 210 об.]. Здесь есть все: и вина на любой вкус и доход, и прямое обращение к религиозным чувствам значительной части витебских евреев, и скрытое стремление подтолкнуть потребителя к покупке. Текст рекламы также имел надпись на идиш и сопровождался изображением винных бутылок. Во второй половине 1920-х гг. таких предложений уже не печатали. В 1927 г. еще печатаются извещения о днях празднования Пасхи для христиан и евреев, но уже появились объявления об организации витебского отделения «Союза безбожников», а в статьях антирелигиозного характера Пасху уже характеризуют «праздником дикого людоедства», праздником рабской покорности, эксплуатации и обмана [7, л. 172 об., 181 об., 194 об.].

В условиях борьбы с голодом начала 1920-х гг., а также из-за необходимости помогать многочисленным инвалидам прошедших войн и беспризорным детям, нехватки для этого материальных средств власть с целью привлечения дополнительных налоговых поступлений проявляла известный либерализм по отношению к увлечению населения азартны-

ми играми. Лотереи, разрешенные государством в 1920-е гг., – неотъемлемый атрибут эпохи. Вновь были легализованы развлечения, удовлетворявшие страсть к игре. Появилась реклама заведений с азартными играми. Целую дискуссию в местной прессе вызвало открытие в 1924 г. клуба с карточными играми при столовой Красного Креста. Рабкоры требовали найти другие способы поддержки инвалидов и закрыть клуб, где рабочие города стали оставлять свои скудные заработки [5, л. 19 об., л. 91 об.]. Рекламировались также бега, розыгрыши лотерей-аллегри (т.е. моментальных лотерей), работа механических ипподромов. Закрываемые под напором общественности эти ипподромы открывались в городе вновь и вновь. Реклама 1926 г.: «**ВНИМАНИЕ!** Сегодня, 17-го февраля, **МЕХАНИЧЕСКИЙ ИППОДРОМ** переходит в новое помещение по Вокзальной улице, дом № 39. **СКАЧКИ, БЕГА, ТОТАЛИЗАТОР.** Ипподром будет открыт ежедневно с 2-х час. дня. Малолетним ход воспрещен. Ставки от 20 коп.» [8, л. 71 об.]. 8 мая 1928 г. СНК СССР принял постановление, в котором требовалось «принять меры к немедленному закрытию всех заведений для игр в карты, рулетку, лото и другие азартные игры». Но тяга к азарту среди населения оставалась, и игра в карты, лото и др. сохранила свое место среди других форм досуга, перейдя в домашние условия.

В 1921 г. тираж витебских «Известий» доходил до 14000 экземпляров. С переходом на хозрасчет тираж упал до 2000–2500. С 1923 г. он начал расти, но после включения Витебской губернии в состав БССР и административной реформы газета стала окружной, тиражи, бюджет и перспективы упали [9, л. 198]. «Заре Запада» приходилось бороться за подписчиков, агрессивно рекламируя себя. В ноябре 1926 г. газета задавала вопрос: «**ТЫ ПОДПИСАЛСЯ НА “ЗАРЮ ЗАПАДА”?**»; в декабре редакция вновь напоминала: «**НЕ ЗАБУДЬ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ НА “ЗАРЮ ЗАПАДА”**» [10, л. 8 об., 15 об.]. Хорошим маркетинговым ходом можно признать и размещение в газете за 5 мая 1927 г. среди материалов ко Дню печати известной картины Ю.М. Пэна «Сапожник-комсомолец, читающий газету», где изображена «Заря Запада» [9, л. 195 об.]. А 29 мая 1929 г. появился совершенно удивительный текст: «**ВНИМАНИЮ УЕЗЖАЮЩИХ НА КУРОРТЫ И В ДОМА ОТДЫХА!** Чтобы на время вашего отсутствия быть в курсе всего, что творится в вашем

родном городе, **ВЫПИШИТЕ** в адрес вашего нового местопребывания свою окружную газету “**ЗАРЯ ЗАПАДА**”» [10, л. 32 об.]. Газета периодически проводила акции, направленные на увеличение числа подписчиков, вовлекала в подписную кампанию рабкоров. В 1926 г., когда количество рекламы на страницах газет резко сократилось, «Заря Запада» вынуждена была «рекламировать» саму рекламу, утверждая: «**РЕКЛАМА – ДВИГАТЕЛЬ СПРОСА И ПОТРЕБЛЕНИЯ**». Не потребитель должен искать рекламу, а реклама потребителя [8, л. 16 об.]. «**РЕКЛАМА экономит ВРЕМЯ И ТРУД.** Помещайте объявления в газете “**ЗАРЯ ЗАПАДА**”». По бокам указывались расценки стоимости объявления от 75 копеек до 4 рублей. Самая дешевая – «для лиц, ищущих труда» – 75 копеек. Самые дорогие – 4 рубля – для трудовых артелей о стоимости своего изделия, стоимость объявления частных торговых предприятий за 10 строк и стоимость объявлений о расторжении брака или смене фамилии.

Вообще реклама тех лет – это неистощимый кладезь для исследований. Чего стоят только объявления о художественных фильмах, идущих в прокате, или о театральных спектаклях! Нэповские реалии проявились здесь, пожалуй, быстрее всего. Уже в августе 1921 г. наружная реклама преобразила город. «Всегда грязный, он принял какой-то пестрый вид: с аршинными буквами афиши, разрисованные полуголыми женщинами, плакаты, извещающие о балете в 2 “грандиозных” актах, исписанные тротуары, дома, заборы, разве только не размалевано пространство» [4, л. 18]. Громадные трехаршинные афиши извещали обывателей города о приезде знаменитостей Максимова, Мозжухина, Сибора и др. Конкурируя с заезжими знаменитостями, артисты двух витебских театров систематически анонсировали новые постановки. Губернский показательный театр в марте 1922 г. приглашал на общедоступный спектакль «Марсельская красотка» из жизни Наполеона, а 2-ой гостеатр – на премьеру музыкальной комедии «Борг мир длин вайб» [6, л. 11 об.]. Интересно, что на страницах газеты в разделе «Рабочая жизнь» появилась заметка рабкора: «Что лучше: покупать ли торты и цветы или помочь беспризорным детям?». Автор выразил недовольство части рабочих-щетинщиков тем, что после окончания пьесы «Диамериканерн», проходившей во 2-м гостеатре при участии артистки М. Либерт, группа рабочих щетинной фабрики, желая доказать

«свой хороший тон, преподнесла артистке... большой торт и вазу цветов» [5, л. 206 об.].

В 1920-х гг. в «Известиях» и «Заре Запада» реклама еще оставалась без иллюстраций, но модули с яркими крупными заголовками и призывами порой это сполна возмещали. Реклама фильмов оставалась самой постоянной и массовой на страницах витебских газет на протяжении всех 1920-х гг. Авторы рекламы не стеснялись в своих хвалебных отзывах о кинолентах. Ими использовалась соответствующая лексика: крупный боевик, грандиозный американский трюковой фильм, величайший боевик советского киноискусства, роскошная постановка, незабываемая по грандиозности и простоте постановка, очередная боевая германская постановка и т.д. В 1922 г. рекламировали величайший боевик советского кинопроизводства «УКРАЗИЯ», знаменитые «КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА» и остроумную бытовую комедию «Когда пробуждаются мертвые» с лучшим комиком в СССР И. Ильинским [6, л. 11 об., 26 об.]. В 1924 г. еще никого не смущало, что в газете одновременно и рядом размещалась реклама «научно-агитационного фильма “Гигиена брака и половой вопрос”», который демонстрировался в кинотеатре «Спартак», а в «Пролеткино» – «Похороны Ленина» [10, л. 106 об.]. В 1926 г. приглашали на первый художественный фильм из еврейской жизни, «грандиозный боевик “Еврейское счастье” с Михозлсом в главной роли» [8, л. 91 об.]. В 1927 г. жителей Витебска настойчиво «программировали»: «*Куда сегодня вечером идти???* Конечно, в кинотеатр “Пролеткино”, где можно исключительно весело провести два часа в непрерывном хохоте при просмотре самой веселой комедии “Процесс о 3.000.000” с участием известных артистов И. Ильинского, О. Жизневой, А. Кторова, М. Климова» [9, л. 36 об.].

После революции повседневную жизнь людей изменяли в нужном, проектируемом партией направлении. Активно обсуждались формы нового быта, печаталась информация санитарно-гигиенического характера, ставилось под сомнение все, что связано с религией и культом. Рабочих и их жен приглашали на разнообразные партийные и профсоюзные собрания, партийцев – на курсы, партийные дискуссии, совещания и заседания. В январе 1924 г. на 3-й странице газеты размещалось извещение об обязательной явке на совещание товарищей, «участвующих в живой рождественской комсомольской газете» [5, л. 3]. В феврале Еврейский рабочий университет напоминал об очередной

лекции из цикла «Мироздание и исторический материализм» [5, л. 140 об.], а Латышское бюро губкома РКП(б) приглашало на продолжение дискуссии на тему «Формы быта и пути пролетарской диктатуры» [5, л. 107 об.].

Многочисленны извещения о политесудах, которые проводились комсомольскими, профсоюзными или партийными ячейками: над хедером, над комсомольцами, совершавшими религиозные обряды, над пьянством, над вредителями книг и т.д. Газеты 1923–1924 гг. полны сообщений о советских крестинах («октябринах»), на которых новорожденные решением партийно-профсоюзных органов получали имена в честь В. Ленина, Р. Люксембург, К. Маркса, событий 9-го января, Октябрьской революции и т.д. Заявления, опубликованные в газетах тех лет, показывают, что и взрослые жители Витебска как бы перепрограммировали свою жизнь, меняя старые имена и фамилии на новые, более звучные (Брюхов – на «Павлов», Стигевич – на «Ленский», Гейде – на «Бронский») [6, л. 17 об.]. Приведем текст 1929 г.: «Кузнецов Никифор Трофимович, происходящий из граж. г. Витебска, прожив в Витебске по Старосельской улице, д. 16 меняет фамилию на “Гарольдов”, имя на “Николай”. Лиц, имеющих препятствия к перемене фамилии и имени, просят сообщить в ЗАГС, Бухаринская, 3» [10, л. 30 об.]. С 1926 г. массовыми становятся объявления о расторжении браков, причем, даже в еврейской среде.

Характеризуют повседневность 1920-х гг. частные объявления. С окончанием гражданской войны возвращались мирные заботы и привычные интересы. Жители размещали объявления о покупке «старинных русских редких монет», продаже рояля, покупке каракулевого пальто, хорошей пишущей машинки, поиске работы, утере документов [6, л. 13 об., л. 45 об.]. Один автор объявления желал комнаты «теплой, мебелированной и в центре», другой – «комнаты в тихой семье (без детей) в дачной местности (с лесом) и не дальше нескольких верст от города» [8, л. 27 об.; 7, л. 188 об.]. Как и сегодня, горожане без конца что-нибудь теряли и просили вернуть утерянное за вознаграждение. Только писали тогда об этом несколько иначе. В декабре 1922 г. при проезде по городу был утерян брезентовый портфель. «Все утерянное никакой ценности для нашедшего не представляет, но весьма ценно для учреждения. Представившему портфель с упомянутыми документами будет выдано мною вознаграждение», – взывал к совести и карману граждан незадачливый автор объявле-

ния [6, л. 30 об.]. Рассеянным (?) советским служащим с извозчика был «уронен портфель с деньгами (465 тыс. совзнаками)». Их просили вернуть за *приличное вознаграждение*. В объявлении подчеркивалось крупными буквами, что «ДЕНЬГИ – КАЗЕННЫЕ» [5, л. 95 об.]. Проживали в городе и любители элитных пород собак. Неоднократно печатались объявления о сбежавших пойнтерах. 27 февраля 1929 г. в «Заре Запада» было опубликовано следующее объявление: «Пропал молодой понтер. Ноги и грудь белые; голова и спина – темно-коричневые с белым треугольником. Утайку преследую по закону. Просьба сообщить: Песковатинская Набережная, д. 6, Халютин» [10, л. 20 об.]. Хозяин явно предполагал кражу, отсюда – «Утайку преследую по закону». Почти трогательно звучит объявление: «Пропала свинка, пуда два (!), беленькая с маленькими ушками, в 3-ем районе. Прошу сообщить за вознаграждение» [9, л. 202 об.].

Заключение. Таким образом, реклама и объявления витебских газет 1920-х гг. показывают, что с окончанием гражданской войны повседневная жизнь обывателя входила в относительно спокойное русло и потекла своим чередом. Потребность в музыке, потеря любимой собаки, попытки решить проблемы быта, найти работу или снять жилье – эти атрибуты будничной жизни человека были не только отзвуками прошлой эпохи, но и реальностью 1920-х гг. У людей осталась неистребимой страсть к азарту, с которым тогда еще по экономическим причинам вынужденно мирилась власть. Об этом свидетельствует реклама конских бегов, грандиозных лотерей-аллегри, карточных клубов, механических ипподромов. Однако усиливалось влияние идеологии на повседневную жизнь людей. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации приглашали жителей Витебска на многочисленные политсуды (над азартным игроком, пьянством, хедером), лекции или дискуссии по проблемам нового быта, конференции, собрания и заседания и т.д. Новые веяния в брачно-семейных отношениях «аукались» объявлениями о многочисленных разводах и актуальностью на страницах печати вопросов половой культуры. Предложения о продаже товаров к пасхальным праздникам середины 1920-х гг. сменяются объявлениями о создании местного «Союза безбожников» в 1927 г.

Что касается самой рекламы, то ее расцвет приходится на 1923–1925 гг. Производители в рекламе всегда указывали предыдущее название предприятия или его бывшего владельца как гарантию качества и узнаваемый, говоря сегодняшним языком, бренд. Самой массовой и агрессивной (в тех формах, какие были доступны) была реклама спиртных и табачных изделий. Такой же была и реклама кино, которое и тогда, в основном, было зарубежным и развлекательным. С 1926 г. количество рекламы продукции общесоюзных трестов резко падает, остается реклама товаров, производимых, как правило, местными государственными предприятиями. Лучшей была ситуация в сфере культуры. Здесь печатная реклама, тесно связанная с задачами идеологическими, по-прежнему активно пропагандировала деятельность книжных издательств, кино и театров. Постепенно начинает расти и роль социальной рекламы.

Литература

1. Рынков, В. Периодическая печать: место в системе исторических источников // В. Рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/08/09/periodika/>. – Дата доступа: 31.08.2015.
2. Твердюкова, Е.Д. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа / Е.Д. Твердюкова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – Вып. 2. – Т. 4. – 2014 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dvigatel-nakladnyh-rashodov-kommercheskaya-reklama-v-sovetskih-gazetah-perioda-nepa#ixzz3aqhJLLiV>. – Дата доступа: 11.09.2015.
3. Ленсу, Я.Ю. Белорусская реклама вчера и сегодня / Я.Ю. Ленсу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.partal.by/publications/belorussskaya_reklama_vchera_16.html. – Дата доступа: 22.10.2015.
4. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 2289 (Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и неперiodических изданий). – Оп. 2. – Д. 74.
5. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 93.
6. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 87.
7. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 91.
8. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 106.
9. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 110.
10. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 95.

Поступила в редакцию 13.11.2015 г.

УДК [94(477)«18/19»:35.075.2]339.172

Биржи как форма представительства интересов предпринимателей пореформенного периода (на примере украинских и белорусских губерний)

Шандра И.А.

Донецкий национальный университет, Винница (Украина)

Биржа является одним из основополагающих экономических понятий и означает организованный рынок заменимых товаров. Однако во второй половине XIX – начале XX в. биржи в Российской империи были не столько формой рынка, сколько представительства торгово-промышленных интересов.

Цель – определить роль бирж в системе представительства интересов предпринимателей украинских и белорусских земель, особенности представительства посредством биржи, значение бирж в экономическом развитии представляемых ими регионов в пореформенный период.

Материал и методы. В статье использованы материалы периодических изданий конца XIX – начала XX в., архивные данные, исследования дореволюционных авторов, проанализированы биржевое законодательство Российской империи и уставы конкретных бирж. Применены сравнительно-исторический и системно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на увеличение количества бирж в начале XX в., их роль во внешней и внутренней торговле в это время была незначительной – подавляющее большинство торговых операций осуществлялось вне биржевых залов. Местные торгово-промышленные круги выступали инициаторами открытия все новых бирж, но совсем не для торговых сделок. Уникальность бирж Российской империи пореформенного периода заключалась в исполнении ими функций представительства интересов региональных экономических элит в государственных и общественных учреждениях. Именно необходимость представительства подталкивала предпринимателей к организации бирж. Биржи направляли ходатайства в различные инстанции, готовили материалы на запросы правительства, предоставляли статистические данные, давали заключения на законопроекты, с правом совещательного голоса принимали участие в работе государственных и общественных структур, а также были теми немногими, кто избирал своих выборщиков для формирования Государственного совета Российской империи.

Заключение. Представительная функция бирж существенно превалировала над ее экономическим назначением. Их распространенность в исследуемый период свидетельствует о признании предпринимательскими кругами эффективности такого метода содействия развитию регионов и влияния на экономическую политику правительства.

Ключевые слова: биржа, биржевое общество, биржевой комитет, представительство.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 59–66)

Exchanges as a Form of the Representative of Post-Reform Period Businessmen's Interests (on the Example of the Ukrainian and Belarusian Provinces)

Shandra I.A.

Donetsk National University, Vinnytsya (Ukraine)

An exchange is one of fundamental economic concepts that means organized market of replaceable commodities. However in the late XIXth – early XXth centuries exchanges in the Russian Empire were considered not so much as a market form, but as the form of representative office of commercial and industrial interests.

The aim is to define the role of exchanges in the system of representatives of interests of businessmen of Ukrainian and Belarusian lands, features of the representative office by means of exchange, value of exchanges in economic development of the regions presented by them in the post-reform period.

Material and methods. Actual magazines materials of the late XIXth – early XXth centuries are used in the article, archived data, researches of pre-revolution authors, the exchange legislation of the Russian Empire and charters of concrete exchanges are analyzed. The comparative and historical as well as the system and historical methods were used in the article.

Адрес для корреспонденции: e-mail: irina_shandra@ukr.net – И.А. Шандра

Findings and their discussion. In spite of increase of the number of exchanges at the beginning of the XXth century, their role in foreign and internal trade was insignificant – vast majority of trade operations were implemented out of exchange halls. Local commercial and industrial circles came forward as the initiators of opening new exchanges, but not for trade transactions. Uniqueness of exchanges of the post reform period Russian Empire consisted in execution by them functions of the representative of interests of regional economic elites in government and public institutions. It was the necessity of representative offices that pushed businessmen to setting up exchanges. Exchanges directed solicitors to different bodies, prepared materials upon requests of government, gave statistical data, gave conclusions on bills, took part in work of state and public structures with a right to deliberative vote, and also were that minority, who elected the electors to build up State Council of the Russian Empire.

Conclusion. The representative function of exchanges substantially prevailed over its economic role. Their prevalence in the investigated period testifies to confession by enterprise circles of efficiency of such method of assistance to development of regions and influence on the economic policy of the government.

Key words: exchange, exchange society, exchange committee, representative office.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 59–66)

Представительство торгово-промышленных интересов является чрезвычайно важным в современных условиях мирового экономического пространства. Слаженное взаимодействие государственных деятелей и представителей бизнеса способствует стабильному развитию экономики страны. Нынешнее представительство предпринимателей осуществляется посредством торгово-промышленных палат, союзов промышленников и предпринимателей и т.п. Во второй половине XIX – начале XX в. такое представительство интересов осуществляли биржи и их исполнительные органы – биржевые комитеты, что было характерным только для Российской империи и не встречалось в европейской практике.

Подобную особенность отечественных бирж отмечали дореволюционные экономисты, юристы и общественеды (А. Ерманский, Е. Лурье, Л. Нисселович, М. Туган-Барановский), рассматривая в своих работах некоторые примеры представительной деятельности бирж [1–4]. Из современных исследователей богатым фактическим материалом выделяются научные труды Л. Епифановой, в которых автор анализирует деятельность Московской биржи в контексте общей проблемы представительства торгово-промышленных интересов во второй половине XIX – начале XX в. [5–6]. Упоминание о представительных объединениях предпринимателей Российской империи присутствует в исследованиях и зарубежных ученых [7]. Информация же о деятельности бирж на территории украинских и белорусских губерний встречается крайне фрагментарно.

Цель статьи – определить роль бирж в системе представительства торгово-промышленных интересов украинских и белорусских земель, особенности представительства посредством биржи, значение бирж в экономическом раз-

витии представляемых ими регионов в пореформенный период. Решение обозначенных научных проблем позволит в комплексе охватить глубинные социально-экономические процессы исследуемого периода, а также дополнить фактические данные и расширить источниковедческую базу.

Материал и методы. Работа с архивными документами, а также периодическими изданиями начала XX в. («Вестник финансов, промышленности и торговли», «Лесопромышленник», «Лесопромышленный вестник», «Промышленность и торговля») позволяет восполнить недостающую информацию, а анализ законодательства Российской империи, уставов и отчетов конкретных бирж – воссоздать целостное представление о главных направлениях деятельности бирж украинских и белорусских губерний в рассматриваемый период.

В статье применены сравнительно-исторический и системно-исторический методы. Для анализа представительных организаций пореформенного периода как нельзя лучше подходят теории корпоративизма и неокорпоративизма. В современных зарубежных исследованиях этот тип предпринимательских структур рассматривается в контексте таких понятий, как «группы интересов», «корпоративные группы», «корпоративные интересы» [8]. Новые подходы, используемые в экономике, социологии и политологии, прекрасно накладываются на пореформенную историю украинских и белорусских губерний, которые испытывали значительное европейское влияние, а формирование экономической элиты регионов и их представительных организаций в подобном контексте представляется во всем многообразии методов работы и форм деятельности.

Результаты и их обсуждение. Первая в Российской империи Петербургская биржа

возникла во времена Петра I и была учреждена по желанию императора для проведения финансово-торговых операций (аналогично странам Западной Европы). До реформ середины XIX в. биржевые торги так и не превратились в главную арену оптовой торговли в стране; на украинских землях действовали только две биржи – Одесская (1796 г.) и Кременчугская (1834 г.), в 60-х гг. XIX в. возникают еще две – Киевская (1865 г.) и Харьковская (1868 г.). Активные преобразования второй половины XIX в. способствуют возрастанию количества бирж по всей стране: на 1895 г. в Российской империи их было 22 [9, с. 93]. Это свидетельствовало об углублении капиталистических отношений, поскольку вряд ли какой-либо другой экономический институт более характерен для рыночного хозяйства, чем биржа.

Толчком к массовому возникновению биржевых учреждений были события первой русской революции: с 1905 по 1917 г. их было создано еще 45 [1, с. 333]. Исследователи тех времен отмечали, что изменился и характер деятельности бирж: они стали более энергично отстаивать интересы своих членов, сложилось их централизованное общеимперское представительство – Всероссийские съезды представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (Санкт-Петербург, 1906 г.).

К 1914 г. на украинских землях действовали общетоварные биржи в Одессе, Кременчуге, Киеве, Харькове, Николаеве (1885 г.), Бердянске (1906 г.), Херсоне (1906 г.), Екатеринославе (1907 г.), Александровске (1908 г.), Феодосии (1908 г.), Мариуполе (1910 г.), Ровно (1910 г.) и специализированные в Елисаветграде (1890 г., хлебная), Харькове (1902 г., каменноугольная и железоторговая), Симферополе (1913 г., винная и фруктовая). Показательным является то, что треть биржевых городов были южными морскими портами (Бердянск, Мариуполь, Николаев, Одесса, Феодосия, Херсон), ориентированными на экспорт продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности. Из всех перечисленных торгово-промышленных центров только в Харькове находились две биржи – общая и специализированная каменноугольная и железоторговая.

На белорусских землях первым инициировало открытие биржи Минское общество сельского хозяйства. Поскольку Минск был одним из главных лесоторговых рынков империи с годовым оборотом 10–20 млн руб., в

1904 г. тут была открыта лесная биржа. В 1912 г. ее преобразовали в общетоварную, что должно было способствовать расширению ассортимента товаров [10]. В этом же году с целью упорядочения местной торговли и содействия распространению профессионального образования была учреждена Витебская биржа.

Неоднократно поднимался вопрос об открытии биржи в Гомеле. Несмотря на ежедневные крупные сделки по продаже леса, хлеба, кожи и других товаров, все они заключались «на Румянцевской улице», в гостиницах или коммерческих клубах города. Такая ситуация, по мнению местных предпринимателей, «напоминала глубокую древность, когда банки совершали свои сделки на базарах – на скамьях». Чтобы исправить положение, в начале 1916 г. местные торговцы, промышленники, землевладельцы и общественные деятели образовали организационный комитет (12 человек) с целью «немедленно открыть в Гомеле биржевое общество и биржевой комитет» [11]. «Стыдно сознаться, что в Гомеле до сего времени нет биржевого общества», – читаем на страницах «Лесопромышленника». Местным торгово-промышленным собранием был составлен и одобрен устав биржи, для поездки в Петроград с ходатайством перед министром торговли и промышленности командировали городского голову Раевского, бывшего председателя земской управы и крупного помещика Мухортова и поверенного Фейгенберга [12], но вопрос так и не был решен положительно.

Несмотря на количественное увеличение биржевых комитетов, в начале XX в. уровень их общей активности оставался достаточно низким. По подсчетам «Торгово-промышленной газеты» в 1917 г. только около 30% бирж проявляли определенную инициативность. Иллюстрируя такое положение вещей, руководство Харьковского биржевого комитета заявляло, что «отсутствует единение торгово-промышленного класса и осознание членов биржевого общества, что биржа является выразительницей тех интересов, которые занимают определяющее место в торгово-промышленном классе...» [13, с. 9, 11].

По сравнению с западноевропейскими странами в экономике Российской империи биржи не играли существенной роли. Даже в развитых торговых центрах страны большинство коммерческих операций осуществлялось за пределами бирж, о чем в своих годовых отчетах неоднократно писали сами биржеви-

ки. Так, Киевский биржевой комитет отмечал, что «значительная часть договоров была заключена вне биржи», комитет Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи жаловался, что оптовая торговля «в большинстве случаев все же происходит за пределами биржи» [14, с. 98]. В отчете Харьковского биржевого комитета за 1909 г. указывалось на отсутствие связи между биржевым комитетом и широкими кругами предпринимателей региона, призрачность реальных результатов их деятельности [2, с. 60]. В «Лесопромышленном вестнике» за 1908 г. встречаем нелестную оценку деятельности Минской лесной биржи, которая, по мнению автора, «потерпела полную неудачу... никакого практического жизненного значения в огромной лесной торговле минского района не играет... биржа никем не посещалась и сделки – самые разнообразные и весьма многочисленные – происходили и происходят вне ее стен» [15].

Используя формулу М. Туган-Барановского, что «по важности бирж в хозяйственной жизни той или другой страны можно делать вывод о степени ее капиталистической зрелости» [4, с. 24], следует признать ее посредственный уровень в Российской империи. Причинами неполноты исполнения биржами своего коммерческого назначения был ряд особенностей экономической конъюнктуры в стране: недостаточная сформированность свободного рынка, зависимость большинства крупных предприятий от государственных заказов, начальная стадия развития финансовых учреждений, сохранение значительной роли ярмарок в оптовой торговле (Контрактовая ярмарка в Киеве, Крестовоздвиженская – в Одессе, Покровская – в Харькове, Новогодняя – в Гомеле, Рождественская – в Минске). Не последнюю роль играл и менталитет самих предпринимателей, которые отдавали предпочтение личным деловым договоренностям без посредников.

Сами биржевики указывали, что «быстрое увеличение количества биржевых комитетов не является доказательством развития в России биржевой торговли, но ясно свидетельствует о том, что в среде русского купечества вполне назрела потребность в образовании торгово-промышленного представительства» [14, с. 99]. Периодические издания с нескрываемым сарказмом писали, что биржевые общества «возникают даже в медвежьих углах нашей необъятной родины», а все потому, что биржи в Российской империи являлись не то-

лько организованными рынками. Помимо главной своей функции, они выполняли роль организаций представительства интересов торговли и промышленности в правительственных кругах. Такой уникальный статус, не имеющий аналогов в западноевропейской практике, биржи приобрели стихийно в соответствии с объективным процессом развития капиталистических отношений. На первоочередности функции представительства в работе бирж настаивали и исследователи пореформенной эпохи: «Биржа, главным образом, обязана своим происхождением потребности торгового класса во встречах между собой» [3, с. 8].

Уклон в работе бирж в сторону представительства, который часто заслонял собой торгово-финансовую деятельность, ярко проявился в исследовании профессора П. Цитовича. В 1894 г. под его председательством была создана комиссия при Министерстве финансов для пересмотра законодательных норм о биржах и акционерных компаниях, которая пришла к выводу, что влияние бирж на развитие местной экономики «ошибочно преувеличено», а увеличение их количества является результатом «инстинктивного стремления» предпринимателей к объединению [6, с. 279].

Правовой основой функционирования бирж в Российской империи был Торговый устав, в соответствии с которым главная задача бирж «как места собрания [заключалась]... во взаимных по торговле отношениях и сделках» (ст. 656) [16, с. 321–322]. Кроме общего законодательства, каждая биржа имела свой собственный устав, который регламентировал ее функции и структуру. Однако дата утверждения устава и начало работы биржи могли иметь между собой существенное временное расстояние. С момента своего возникновения в 1796 г. Одесская биржа действовала без какого-либо утвержденного нормативного документа, только в 1816 г. получила «Постановление для Одесского биржевого купечества», а уже в 1848 г. был издан первый устав Одесской биржи. Отмечены ситуации и диаметрально противоположного характера: устав Киевской биржи был утвержден в 1865 г., однако на биржевые торги купечество собралось только в 1869 г.

Наличие отдельного устава каждого биржевого учреждения позволяло точнее определить ее (биржи) задачи в зависимости от региональной специфики и потребностей. Так, например, главная задача Харьковской ка-

менноугольной и железоторговой биржи состояла в заключении договоров на торговлю продукцией каменноугольной, железорудной и железообрабатывающей промышленности; в уставе Бердянской биржи значилось, что ее цель – «упорядочение местной товарной торговли» [17, л. 1; 18, с. 1].

Ни в Торговом уставе, ни в уставах отдельных бирж прямо не указывалось на выполнение ими функций организаций представительства интересов торгово-промышленного класса. К началу XX в. такими представительными структурами официального типа были комитеты торговли и мануфактур, а частного – всевозможные отраслевые съезды, совещательные конторы, общества. Однако, как показала практика, именно биржи как наиболее многочисленные торгово-промышленные институты официального характера наилучшим образом представляли региональные интересы предпринимателей.

Тот факт, что у бирж появляются функции торгово-промышленного представительства, представляет историческую закономерность развития капиталистического хозяйства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Биржа, главная задача которой быть местом организованной внутренней и внешней торговли, объективно была широкой ареной общественной деятельности представителей капитала, согласования их противоречивых позиций и кристаллизации взаимовыгодных путей взаимодействия. Предпринимательские круги пытались свою общую позицию представить на рассмотрение органов государственной власти. При почти полном отсутствии в пореформенной России общественно-политических учреждений и законодательно закрепленных возможностей самоорганизации социальных групп биржи становятся местом не только заключения торговых контрактов, но и представительным органом новой общественной силы – буржуазии.

Свои представительные функции биржи осуществляли по нескольким направлениям. Во-первых, подача ходатайств в государственные органы. Прошения биржевых комитетов охватывали все сферы социально-экономического развития: строительство новых железнодорожных линий (Витебский, Екатеринбургский, Кременчугский биржевые комитеты); подведение новых подъездных путей (Екатеринославский, Мариупольский, Харьковский биржевые комитеты); железнодорожные тарифы на перевозку грузов (Витебс-

кая, Минская лесная, Харьковская каменноугольная и железоторговая биржи); расширение коммерческого образования (Минская лесная, Одесская, Харьковская биржи); создание лесопромышленных и мукомольных банков (Минская лесная, Николаевская биржи); организация представительства биржевых комитетов за границей (Бердянская, Киевская, Минская лесная, Одесская биржи). Со временем биржи становятся влиятельными аналитическими учреждениями, аккумулируя вокруг себя все больше торгово-промышленных сил, держа руку на пульсе глубинных тенденций и направлений экономического развития и регионов, и страны в целом. Их обязанностью становится информирование правительства о потребностях местной промышленности и торговли, предоставление сведений о ценах на различные виды товаров, состоянии рынков, тенденциях развития и производственных мощностях предприятий регионов.

Во-вторых, биржи должны были давать экспертную оценку на правительственные запросы или законопроекты. Для этого при них создавались специальные комиссии (тарифные, железнодорожные, хлеботорговые, налоговые и др.) с привлечением специалистов экономического и юридического профилей. Так, в 1908 г., когда Германия ввела новый порядок определения пошлины на лес, Министерство торговли и промышленности поручило Минской лесной бирже подготовить проект создания новой организации по измерению вывозимого леса и предложить правила этих измерений [19]. Одесский биржевой комитет привлекался к разработке проекта специального учреждения по экспортной торговле хлебом [20, л. 3].

В-третьих, представители биржевых обществ принимали участие в работе государственных и общественных учреждений. Так, члены биржевых комитетов были в составе Совета по делам торгового мореплавания и Комитета по портовым делам при Министерстве торговли и промышленности, Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия и Особого по промысловому налогу присутствия при Министерстве финансов, районных комитетов по регулированию железнодорожных перевозок лесных грузов, Общего присутствия Казенных палат по делам промыслового налога, опекунских советов коммерческих учебных заведений и др.

Почти все биржевые комитеты состояли членами общеимперских представительных

объединений – Съездов биржевой торговли и сельского хозяйства и Съездов представителей промышленности и торговли [21, л. 1–4]. Принадлежность к всероссийским съездовским структурам накладывала заметный отпечаток на деятельность биржевых организаций. Одни и те же вопросы рассматривались торгово-промышленными деятелями разных регионов (проект организации торгово-промышленных палат, пересмотр торговых договоров, улучшение хлебной торговли и рабочего законодательства) [22, л. 53–54 об.], что давало возможность избежать односторонних решений.

С реформированием законодательной власти после революционных событий 1905 г. позиция бирж как органов официального представительства усилилась. Среди всех предпринимательских организаций только биржевые комитеты и комитеты торговли и мануфактур получили право участия в выборах Государственного совета через избрание выборщиков от торговли и промышленности (Киевская, Харьковская, Одесская биржи – по два выборщика, все остальные – по одному) [6, с. 280]. Членом Государственного совета по представлению Харьковского биржевого комитета в 1912 г. стал известный горный инженер Н. фон Дитмар [23, л. 1 об.]. Ведущий деятель представительных организаций Н. Авдаков вошел в состав Государственного совета в качестве выборщика от Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи [24, с. 100].

Биржи были открытыми бессловесными собраниями. Для вступления в биржевое общество необходимо было подать заявление с просьбой стать членом биржевого общества, оплатить членские взносы, заниматься соответствующей профильной деятельностью. Последнее условие существенно отличалось в уставах отдельных бирж: в уставе Киевской отмечалось, что ее членами могут стать «заводчики и землевладельцы»; в уставе Николаевской отдельно говорилось, что в торгах принимают участие «общества и учреждения, которые могут получать право на имущество» [2, с. 52]. Одни и те же лица и фирмы могли участвовать в работе разных бирж.

Все члены биржи составляли биржевое общество. В полном составе оно созывалось несколько раз в год во главе с председателем биржевого комитета. Вопросы решались путем голосования обычным большинством голосов, если другая норма не была закреплена

в уставе конкретной биржи. Об общих сборах биржевого общества заблаговременно оповещались все его члены и местная власть (в Одессе – градоначальник, в Николаеве – военный губернатор). Общее собрание решало вопросы членства, выборов должностных лиц, распоряжалось имуществом, утверждало доклады должностных лиц и финансовые отчеты, выдвигало ходатайства к государственным органам, обсуждало полученные правительственные законопроекты. Биржевое общество насчитывало от нескольких десятков до нескольких сотен членов в зависимости от места нахождения биржи и особенностей региональной торговли. Киевская биржа в 1916 г. насчитывала 854 человека, Харьковская – 120 [25, с. 78–79].

Поскольку главные задачи бирж находились в коммерческой плоскости, большинство их членов были лицами, заинтересованными в развитии оптовой торговли. На страницах «Торгово-промышленной газеты» дается определение биржевых организаций как «объединений... местной купеческой (финансовой) аристократии, которая фактически держала в своих руках всю экономическую власть над целым районом» [6, с. 282]. Свое наиболее эффективное представительство в биржевых структурах имели те отрасли производства, продукция которых была пригодной для биржевых торгов – заменимые товары (сахар, зерно, лес, металл, каменный уголь и т.п.). Некоторые биржи по своему уставу хоть и были общими, но, учитывая региональные особенности, превращались в специальные. Так, основным товаром на Киевской бирже был сахар, поэтому и доминирующие позиции в биржевом комитете занимали сахарозаводчики; Феодосийское биржевое общество отличалось количественным преобладанием предпринимателей, связанных с производством и сбытом хлеба; наибольший торговый оборот на Одесской бирже занимали хлеб и иностранная валюта; Витебская биржа представляла интересы в основном лесопромышленников и льноторговцев. На первом месте среди товаров оптовой торговли Николаевской биржи был хлеб, на Кременчугской и Херсонской – продукция мукомольной и лесной промышленности; Харьковская биржа специализировалась на оптовом сбыте скота.

Для управления делами биржи создавался биржевой комитет, который состоял из председателя и старшин (рядовых членов комитета в количестве до десяти лиц). Он был постоян-

но действующим исполнительным органом биржи, который и сосредотачивал в своих руках все представительные функции. Члены биржевого комитета избирались на собрании биржевого общества, как правило, на три года. Его председатель и старший маклер утверждались Министерством торговли и промышленности. Заседания биржевого комитета созывались в соответствии с потребностями по распоряжению его председателя или по требованию не менее трех членов комитета. На протяжении года происходило от 10 до 50 заседаний. Именно биржевой комитет решал все текущие дела, готовил ходатайства в правительственные учреждения, исполнял хозяйственные, распорядительно-административные и финансово-торговые функции.

В уставах некоторых бирж имелись нормы, ограничивающие избрание в ее руководящие органы. Так, в уставе Витебской биржи указывалось, что не менее половины членов биржевого комитета должны были быть русскими подданными [26, с. 9]. Устав Минской лесной биржи содержал положение, ограничивающее право лиц нехристианского вероисповедания на занятие ими биржевых должностей. В январе 1906 г. по ходатайству биржевого комитета это положение было отменено [27].

Средства бирж состояли из прибыли от ее недвижимого имущества и капитала, платы за право посещать торги, поступлений от работы экспертных бюро и арбитражных судов при биржах, предоставления справочной информации, продажи собственных периодических изданий, рекламы на страницах биржевых изданий. Размер членских взносов устанавливался каждым биржевым обществом отдельно и мог составлять от нескольких рублей до нескольких сотен. Биржевые комитеты часто были вынуждены вводить разные дополнительные сборы, даже штрафы за пребывание на бирже сверх регламента. Среди альтернативных источников финансовых поступлений имели место следующие: повагонный сбор с объемов продаж и производства мукомольных предприятий (Кременчугская биржа); арендная плата за предоставление торговых помещений (Киевская биржа); средства за отбор проб экспортного зерна (Феодосийская биржа); сбор с иностранных пароходов за вывозимое зерно (Одесская биржа); налог с лиц, имеющих промысловые свидетельства первых двух и промышленные первых пяти разрядов (Екатеринославская биржа). Такие дополнительные сборы приносили биржевым общест-

вам от 7 до 17 тыс. руб. в год [28]. Годовой бюджет Николаевской биржи входил в пятерку наибольших в Российской империи и составлял более 50 тыс. руб., Бердянской – 23 тыс. руб., Киевской – 18 тыс. руб., Феодосийской – 16 тыс. руб., Херсонской – 6 тыс. руб. [29; 28, с. 628]. Финансовые возможности подавляющего большинства бирж находились в пределах 2–4 тыс. руб. в год (Витебская – 3,5 тыс. руб.), а некоторые ограничивались всего несколькими сотнями рублей.

Недостаточность средств не могла не отразиться на выполнении биржами представительных функций. Елисаветградский биржевой комитет в своем отчете за 1909 г. указывал на невозможность принимать участие в съездах и даже выборах в Государственный совет именно из-за отсутствия средств [30, с. 121, 129]. В связи с этим среди биржевиков возникла идея введения законодательно закрепленного обложения промышленных и торговых предприятий в пользу бирж, которая не была реализована. В то же время самофинансирование бирж принадлежало к тем особенностям, которые обеспечивали им определенную независимость в действиях.

Заключение. Каждая биржа была уникальной организацией, которая сформировалась на основе местных особенностей; такой же своеобразной была и их роль в общей системе представительства торгово-промышленных интересов. Биржи наилучшим образом выражали интересы территориальных торгово-промышленных групп. Именно биржи и их исполнительные структуры – биржевые комитеты – были первоначальными центрами накопления деловой информации и экономической статистики, официальными институтами постоянного общения промышленников и торговцев в непрерывной взаимосвязи с государственными органами. При посредничестве биржевых комитетов предприниматели получали возможность решения первоочередных производственных задач, что в результате имело действенные результаты для страны и проявилось в экономическом подъеме базовых отраслей экономики в конце XIX – начале XX в.

Биржи, таким образом, стали самыми многочисленными и распространенными представительными организациями буржуазии пореформенного периода, а возрастание их количества находилось в прямой зависимости от потребностей представительства интересов торгово-промышленного класса. Феноменально объединяя в себе и экономические, и

представительные функции, биржи стали воплощением взаимодействия власти и капитала, спроса и предложения, внутренней и внешней торговли. Учитывая исторические особенности их деятельности на украинских и белорусских землях, становится понятной важность современных форм представительства торгово-промышленных интересов для экономического развития, а работа действующих бирж будет более эффективной за счет ее расширения представительными функциями.

Литература

1. Ерманский, А. Крупная буржуазия до 1905 года / А. Ерманский // Общественное движение в России в начале XX-го века / [под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова]. – СПб.: Типография товарищества «Обществ. польза», 1911. – Кн. 2. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 313–348.
2. Лурье, Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России / Е.С. Лурье. – СПб.: Изд. СПб. политехн. ин-та Императора Петра Великого, 1913. – 191 с.
3. Нисселович, Л.Н. О биржах (обзор важнейших законодательств сравнительно с русским правом) / Л.Н. Нисселович. – СПб.: Типография А.Е. Ленлау, 1879. – 189 с.
4. Туган-Барановский, М.И. Значение биржи в современном хозяйственном строе / М.И. Туган-Барановский // Банковая энциклопедия / под общ. ред. проф. Л.Н. Яснопольского. – К.: Типография Киевской 2-й артели, 1917. – С. 24–39.
5. Епифанова, Л.М. Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии (1870–1913 гг.) / Л.М. Епифанова // Экономическая история. Ежегодник. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 235–261.
6. Епифанова, Л.М. Представительство интересов. Биржевые общества и комитеты / Л.М. Епифанова // История предпринимательства в России: в 2 кн. – М.: РОССПЭН, 2000. – Кн. 2. – С. 265–342.
7. Gregory, P. Russian National Income, 1885–1913 / P. Gregory. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. – 359 p.
8. Granovetter, M. Business Groups and Social Organization / M. Granovetter // Handbook of Economic Sociology, Neil Smelser and Richard Swedberg, 2nd edition. – 2004. – P. 429–450.
9. Бондаренко, Е. «Представительные» организации крупного капитала в России / Е. Бондаренко // Научные доклады высшей школы. Экономические науки. – 1961. – № 4. – С. 92–98.
10. Промышленность и торговля. – 1912. – № 6. – С. 339.
11. Промышленность и торговля. – 1916. – № 10. – С. 292.
12. Лесопромышленник. – 1916. – № 10. – С. 155.
13. Отчет Харьковского биржевого комитета за 1910 г. – Харьков: Типография губернского правления, 1911. – [разд. паг.].
14. Лившин, Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX – начале XX в. / Я.И. Лившин // История СССР. – 1959. – № 2. – С. 95–117.
15. Лесопромышленный вестник. – 1908. – № 32. – С. 299.
16. Свод законов Российской империи: в 4 кн. / сост. и издал А.М. Нюренберг. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1910. – Кн. 3. X–XII т. – [разд. паг.].
17. Государственный архив Харьковской области. – Фонд 45. – Оп. 1. – Д. 2817.
18. Устав Бердянской биржи. – Бердянск: Типо-литография Г.А. Эдигера и К^о, 1906. – 22 с.
19. Промышленность и торговля. – 1908. – № 15. – С. 171.
20. Государственный архив Одесской области. – Фонд 2. – Оп. 2. – Д. 185.
21. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 397.
22. ГАРО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 22.
23. ГАРО. – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 385.
24. Фомин, П.И. Горная и горнозаводская промышленность Юга России: в 2 т. / П.И. Фомин. – Харьков: Хоз-во Донбасса, 1924. – Т. 2. – 202 с.
25. Торгово-промышленный мир России, иллюстрированный ежегодник: в 4 ч. – Петроград: «Сириус», 1916. – Ч. 2. – 82 с.
26. Устав Витебской биржи. – Витебск: Типо-литография М.Б. Неймана, 1912. – 20 с.
27. Вестник финансов, промышленности и торговли. Постановления и распоряжения правительства. – 1906. – № 19. – С. 396.
28. Промышленность и торговля. – 1912. – № 11. – С. 628.
29. Промышленность и торговля. – 1908. – № 14. – С. 117.
30. Гушка, А.О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России / А.О. Гушка. – СПб.: Типо-литогр. Шредера, 1912. – 208 с.

Поступила в редакцию 06.10.2015 г.

УДК 930.1

«Апология истории» М. Блока в контексте смены парадигм исторической науки XX – начала XXI века

Матюшевская М.И.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье рассмотрены основные теоретические положения «Апологии истории» М. Блока как учебника по методологии истории. Цель работы – рассмотреть произведение в контексте изменения позитивистской парадигмы научного исторического знания в начале XX века, кризиса неклассической науки в 60–80-х годах XX века и современной научной рефлексии историков.

Материал и методы. Исследование выполнено с использованием методов научной компаративистики и системного подхода к изучению источниковедческих произведений европейских авторов конца XIX – начала XX века, переводившихся на русский язык и имевших в научных кругах России широкую известность, а также «Апологии истории» М. Блока. Основным методом – анализ историографических источников и научной литературы, посвященной М. Блоку и его оппонентам в исторической науке XX – начала XXI века.

Результаты и их обсуждение. В начале XX века в европейской исторической науке широкую известность получили позитивистские сочинения Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Они имели своих сторонников до середины XX столетия, однако в данный период времени позитивистская парадигма уступила место неклассической науке. Наиболее авторитетным выразителем наступивших в науке перемен стал труд М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Сегодня это произведение не утратило своей актуальности. Доказательством тому являются историографические работы последних лет, написанные французскими и российскими исследователями.

Заключение. В середине XX века «Апология истории» М. Блока явилась «ответом» неклассической науки на «вызов», брошенный в конце XIX века европейскими историками-позитивистами. Во второй половине XX века французская школа «Анналов» и ее научные оппоненты признавали значение данного произведения для развития методологии исторической науки, но, отдавая дань памяти М. Блоку как яркой цельной личности, формулировали свои методологические принципы. Сегодня в науке актуален призыв возврата к идеям, изложенным в «Апологии истории». В ее современном изучении на первое место вышла проблематика, связанная с анализом околонуучных идеологических конфликтов конца XIX – первой половины XX века, а также прагматического контекста осмысления состояния европейской культуры в наши дни.

Ключевые слова: Э. Бернгейм, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, позитивизм, классический тип рациональности, М. Блок, неклассический тип рациональности, методология истории.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 67–74)

M. Bloch's «Apology of History» in the Context of Changing Paradigms of the XXth – Early XXIst Century History

Matsiusheuskaya M.I.

Educational Establishment «Mogilev State A. Kuleshov University», Mogilev

The article describes the main theoretical positions of M. Bloch's «Apology of History» as a textbook on the methodology of history. The purpose of the article is to consider this work in the context of changes in the positivist paradigm of scientific historical knowledge in the early twentieth century, the crisis of non-classical science in the 60–80-ies of the XXth century and contemporary scientific reflection of historians.

Material and methods. The study was performed using the methods of comparative scientific and systematic approach to the study of source works by European authors of the late XIXth – early XXth century, translated into Russian and famous in academic circles of Russia as well as M. Bloch's «Apology of History». The main method of the study was analysis of the historiographical sources and scientific literature on M. Bloch and his opponents in the historiography of the XIXth – early XXIst centuries.

Findings and their discussion. In the early XXth century in European historiography widely known were works by positivists E. Bernheim, SH.-V. Langlois and S. Seignobos. They had their supporters to the middle of the XXth century, but at that time, the positivist paradigm gave way to non-classical science. The most authoritative spokesman of changes

Адрес для корреспонденции: e-mail: Marija211170@yandex.ru – М.И. Матюшевская

occurring in science was M. Bloch's «Apology of History or the Historian's Craft». Today, this work has not lost its relevance. The proof of this is the historiographical works of recent years, written by French and Russian researchers.

Conclusion. In the middle of the XXth century M. Bloch's «Apology of History» was the «answer» of non-classical science to the «challenge» posed by the end of the XIX century European historians positivists. In the second half of the twentieth century French school of «Annals» and its opponents acknowledged scientific value of the work for the development of the methodology of history, but as a tribute to the memory of M. Bloch as a bright personality, formulated their methodological principles. Today, in science a call for a return to the ideas set out in the «Apology of History» is relevant. In its present study the problems connected with the analysis of pseudo-scientific ideological conflicts of the late XIXth – early XXth century came to the foreground, as well as a pragmatic understanding of the context of the state of European culture today.

Key words: E. Bernheim, SH.-V. Langlois, C. Seignobos, positivism, classical type of rationality, M. Bloch, nonclassical type of rationality, methodology of history.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 67–74)

В современной науке прочно утвердился термин «парадигма» – совокупность убеждений, ценностей и связанных с ними научных достижений, дающих научному сообществу модель постановки и решения теоретических проблем. Это понятие вошло в широкий научный оборот в 1970-х годах благодаря американскому исследователю Т. Куну [1]. В отечественной науке оно используется наряду с понятием «тип рациональности», автором которого является В.С. Степин [2]. В трудах ученого тип рациональности рассматривается как система идеалов и норм исследования в науке определенного периода. Эти идеалы имеют философские основания: онтологические (категории «вещь», «свойство», «отношение», «процесс», «состояние», «причинность», «необходимость», «случайность», «пространство», «время» и т.д.) и эпистемологические (относящиеся к теории познания, т.е. понимание истины, метода, доказательства, теории, факта и пр.). Философские основания науки обеспечивают состыковку науки и культуры. На этом стыке складывается научная картина мира, а также идеалы и нормативные структуры науки.

По мнению В.С. Степина, за время своего существования наука прошла три основных этапа развития:

1. Классический тип рациональности (XVII–XVIII века – додисциплинарная наука; XIX век – дисциплинарно организованная наука).
2. Неклассический тип рациональности (возник на рубеже XIX–XX веков).
3. Постнеклассическая наука (начала формироваться в последнюю треть XX века и господствует до наших дней).

Каждый тип рациональности предлагал собственное видение субъекта, объекта, методов и результатов исследований, рисовал свою научную картину мира.

Выводы В.С. Степина и теоретическая характеристика каждого из выделенных им ти-

пов рациональности основаны, в первую очередь, на анализе истории естественных наук, которые всегда находились в авангарде развития научного знания. Гуманитарные науки подчинялись заданному ими ритму лишь отчасти. Здесь во все исторические эпохи гораздо ярче проявляли себя национальные и культурные особенности той или иной страны, народа, социальный заказ государственной власти и общества, интеллектуальные традиции и личный талант исследователя.

Доказательством тому является научная судьба одного из самых ярких и влиятельных произведений XX столетия – «Апологии истории», написанной знаменитым французским ученым-медиевистом М. Блоком. В 2016 году этому произведению исполнится 75 лет, но оно по-прежнему вызывает у историков живой интерес и научные споры.

Цель работы – рассмотреть «Апологию истории» М. Блока в контексте изменения позитивистской парадигмы научного исторического знания в начале XX века, кризиса неклассической науки в 60–80-х годах XX века и современной научной рефлексии историков.

Материал и методы. Исследование выполнено с использованием методов научной компаративистики и системного подхода к изучению источниковедческих произведений европейских авторов конца XIX – начала XX века, переведившихся на русский язык и имевших в научных кругах России широкую известность, а также «Апологии истории» М. Блока как учебников по методологии истории. Основной метод – анализ историографических источников и научной литературы, посвященной М. Блоку и его оппонентам в исторической науке XX – начала XXI века.

Результаты и их обсуждение. В начале XX века в исторической науке Российской империи широкую известность получили «Введение в историческую науку» (1889 г.) немецкого историка Э. Бернгейма [3] и «Введение в изучение

истории» (1898 г.) французских ученых Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса [4].

Эти исследования концентрировались вокруг проблемы: как возможно историческое познание в условиях не наблюдаемости ученым своего объекта? Э. Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос решали ее с позитивистских позиций.

Э. Бернгейм видел главную задачу исторического анализа в четкой классификации исторических источников «по степени их близости к фактам». Он выделил два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Историческими остатками Э. Бернгейм считал «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки») и «другие» (данные языка, жилые строения, продукты материальной и духовной деятельности людей). К исторической традиции он отнес все то, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом и является, по его мнению, историческим материалом – изобразительным, устным, письменным.

Такая классификация, был убежден Э. Бернгейм, показывает различные формы отражения факта в источнике и тем самым задает направление научной работе с ними. Исторические остатки требуют лишь приемов установления их подлинности. Если подлинность несомненна и вещественный предмет или документ не представляет собой подделки, то он может использоваться для изучения того факта, остатком которого этот источник является. Для исторической традиции, напротив, проверка достоверности необходима. Поскольку изучаемый историком факт передан не непосредственно, а с помощью другого лица (мемуариста, хрониста), то степень достоверности свидетельства нуждается в проверке.

Несколько иным был вариант метода исторического исследования, предложенный Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом. «Нет письменных документов – нет истории», – утверждали они. В их теоретической концепции центральное место принадлежало проблеме определения отношения, которое существует между документом («следом, оставленным мыслями и действиями некогда живших людей») и сообщаемым им фактом. Для этого учеными была разработана система правил поэтапного изучения письменного источника.

Первый этап состоял во внешней критике документа. В его задачи входила восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (выяснение, откуда

документ происходит, к какому времени относится, кто его автор).

Вторым этапом исследования предполагалась критика внутренняя. Ее целью ставилась критика толкования (разгадка истинного смысла, вложенного в текст его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить ложные сведения).

На втором этапе изучения источника Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос предусматривали также дополнительные методологические приемы. Первый из них заключался в анализе каждого свидетельства для нахождения ответа на вопрос, насколько можно ему верить. Второй прием предписывал все свидетельства документа изучать отдельно. Например, в акте о продаже отдельно проверять данные, сообщающие ее время, место, сведения о продавце, покупателе, предмете, цене, условиях договора. Что касается проверки искренности автора, то в данном учебнике рассматривались условия, которые могли бы повлиять на него. К ним относились стремление к выгоде, следование литературным этикетам и т.п.

Итогом применения своей научной методики Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос видели гарантию объективности исторического исследования. Историк, полагали они, используя описанные ими правила, сможет извлечь из документа определенную сумму единичных, вполне достоверных исторических фактов. После группировки их по хронологическому, логическому и иным признакам он получит искомую истинность результата исследования [5].

На рубеже XIX–XX веков труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса выступали как квинтэссенция накопленного позитивистскими историками теоретического опыта. В начале XX века он уже имел своих оппонентов: марксистов, неокантианцев, В. Дильтея. В России, активно перенимавшей и творчески перерабатывавшей западноевропейскую научную мысль, формировались свои исторические школы с яркими лидерами – В.О. Ключевским, А.С. Лаппо-Данилевским и др. С приходом к власти большевиков в СССР стал создаваться новый вариант марксистской методологии истории.

В 20-х годах XX века теоретические установки классической науки ушли в прошлое. Позитивистскую парадигму сменила неклассическая наука. Ее методологические постулаты были таковы [2; 6]:

1. Научный объект (в социальных науках – общество) стал характеризоваться не как физическое тело, а как сложная система, процесс, состояние которого не сводимо к сумме состояний его частей.

2. Субъект науки (ученый) рассматривался как составная часть своего объекта. Утвердилось убеждение, что субъект науки неизбежно активен в познании. Он не может быть пассивным созерцателем своего объекта.

3. Основой методологии научного познания стал диалог. Возникло понимание того обстоятельства, что ответы природы и общества на наши вопросы определяются не только их устройством, но и способом постановки вопросов. Он, в свою очередь, зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности.

4. Произошел отказ от понимания научных законов как абсолютных, раз и навсегда данных, неизблемых. Результат научных поисков также стал восприниматься как относительный. Научный факт характеризовался в качестве сложной теоретической конструкции.

5. Наука перешла к междисциплинарным исследованиям, стала проблемно ориентированной.

В неклассический период развития ускорилась дифференциация гуманитарных наук. На качественно новом уровне была осознана их связь с философией. Последовавший за Первой мировой войной и революциями в Европе крах теории прогресса усилил антиэволюционную тенденцию в социологических исследованиях. На смену рационализму пришла эпоха модернизма. Новое общество как результат индустриализации и урбанизации противопоставляло себя традиционному обществу; зачастую делало это воинственно и эпатажно – авангард.

В исторической науке неклассического периода ученые отказались от господствовавших ранее трактовок исторического источника как «вместилища» готовых фактов-«кирпичиков» научной истины и исторического факта как элементарной единицы научного знания. Наряду с пониманием того, что историческое мышление зависит от наличия исторических источников, возникло осознание «зависимости» самих исторических источников от исторического мышления, изобретательности интеллекта историка, его методологической и методической вооруженности.

Наиболее резонансным и авторитетным выразителем наступивших в исторической

науке методологических перемен стал труд М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Это произведение начинается вопросом, который задает ребенок своему отцу: «Папа, а зачем нужна история?». Наивный вопрос? Нет, рассуждает М. Блок. Любая наука будет казаться нам бесполезной, если не поможет жить лучше. Однако от истории пока рано ждать жизненных рецептов. Она – наука, переживающая детство.

Предмет истории – люди во времени. Эта наука непрестанно связывает изучение мертвых с изучением живых. Ее интересует сознание людей: отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияние и даже путаница, возникающая в их мозгу. Все это составляет для истории подлинную действительность.

Цель историка – узнать о прошлом значительно больше, чем ему угодно было открыть нам. Для ее достижения историческое исследование должно быть не повествовательным, а проблемным. Его основа – вопрос «Почему?». Этот вопрос предполагает активную исследовательскую позицию: мы играем роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором сам он не присутствовал.

У ученого есть лишь показания свидетелей – исторических источников. При работе с ними историку необходимо составить список интересующих его вопросов. М. Блок подчеркивал, что ученый может не осознавать того, что вопросы в любом случае диктуются ему утверждениями или сомнениями, которые возникают в ходе исторического исследования, его личным опытом или сложившейся научной традицией. Однако важно перевести эти вопросы в рациональную плоскость и задавать их сознательно.

Это должен быть чрезвычайно гибкий набор вопросов, способный по пути обрести множеством новых пунктов, открытый для всех неожиданностей. Исследователь знает, что назначенный при отправлении маршрут не будет выдержан с абсолютной точностью. Но без маршрута ему грозит вечно блуждать наугад.

Историческое расследование может вести только ученый-профессионал. Письменные тексты или археологические находки говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать: кремневые орудия изобиловали в наносах Соммы как до Буше де Перта, так и после него, однако не было человека, умеющего спрашивать, – не было и доисторических времен.

Научный опрос не может вести узкий специалист. Проблема возникает на стыке различных наук. Любое проблемное исследование является междисциплинарным. Поэтому историк должен быть готов к коллективному труду. За такой работой – будущее исторической науки.

М. Блок описал свое видение критического метода, которым должен руководствоваться историк. Он разделил исторические источники на намеренные свидетельства, ненамеренные и фальшивки. Намеренные свидетельства сознательно оставляются современниками исторических событий для потомков. Они важны, т.к. позволяют увидеть прошлое в связанном рассказе. Ненамеренные свидетельства более правдивы. Формулы папирусов мертвых были предназначены лишь для того, чтобы их читала находящаяся в опасности душа и слушали одни боги. Житель свайных построек, когда бросал кухонные объедки в соседнее озеро, где их ныне перебирает археолог, хотел лишь очистить хижину от мусора.

Фальшивые свидетельства требуют разоблачения лжи и ошибок. Историка должны интересовать умышленные неточности и ненамеренный обман в свидетельствах. В этом случае ученому надо сначала констатировать обман, а затем постараться за обманом увидеть обманщика и раскрыть его мотивы.

К умышленным неточностям М. Блок отнес датирование документов задним числом и канцелярские формулы их составления. Он указывал также, что существует более коварная форма лжи – потаенная переработка информации. Ученый сожалел, что газета до сих пор все еще не имеет своего Мабильона.

Ненамеренные фальшивые свидетельства, по мнению М. Блока, более разнообразны. Если обман становится типичным явлением для всего общества определенной эпохи, то ложь приобретает документальную ценность, она становится зеркалом для коллективного сознания. Чаще всего историк сталкивается с личностными причинами обмана: ошибками памяти и восприятия. М. Блок указывал, что в 1920–1930-х годах возникла новая научная дисциплина – психология свидетельства. Однако он признавал, что критика свидетельства, занимающаяся психическими явлениями, всегда будет тонким искусством. Для нее нет готовых рецептов.

М. Блок полагал: научный труд всегда является открытием, а значит – неожиданностью, отклонением от дороги, проторенной

другими исследователями. Особое искусство – уметь найти интересующих тебя свидетелей прошлого. На результате научного труда сказываются природные катастрофы и изменения климата, уничтожающие исторические источники, революции, миграции рукописей и даже иррациональные моменты: случайные, незапланированные находки.

В этой связи М. Блок рассуждал об особенностях исторического процесса в целом. Ученый характеризовал его как огромный континуум, в котором великие потрясения способны распространяться от самых отдаленных молекул к ближайшим. Исторический процесс поливариантен. В нем всегда есть возможности, мало проявляющиеся, но каждый миг способные пробудиться, бессознательные индивидуальные или коллективные настроения людей, остающиеся в тени. Поэтому историк должен рассматривать исторические источники в «большом времени». Феномен человеческой жизни – звено цепи, проходящей через века. Некоторые цепи обрываются. Цивилизации смертны.

Причинно-следственные связи, писал М. Блок, часто бывают множественными. При их анализе особое внимание следует уделять изучению структур общества. Однако их анализ нельзя абсолютизировать. В историческом процессе велика роль случайных причин. Игральная кость теоретиков – идеально уравновешенный куб. Если в одну из его граней впасть свинцовый шарик, то шансы игроков уже не будут равны. Критика свидетельств почти сплошь имеет дело с краплеными костями. Здесь постоянно вмешиваются тончайшие элементы человеческой природы, склоняя чашу весов в сторону какой-либо одной из преобладающих возможностей.

Человеческую природу надо учитывать и тогда, когда речь идет об историческом времени. Оно противится жесткому делению на физические отрезки, свойственные часам. Для него нужны единицы измерения, согласующиеся с его собственным ритмом. Такой единицей исторического времени М. Блок видел поколение.

Итог научного исторического исследования М. Блок характеризовал следующим образом. Мы имеем дело с явлениями завершенными. Исследователь доисторических времен из-за отсутствия письменных данных также не способен восстановить религиозные обряды людей каменного века, как палеонтолог – железы внутренней секреции палеозав-

ра, от которого сохранился лишь скелет. Историк имеет право сказать: «Я не знаю», – но сделать он это может только после самых энергичных и отчаянных розысков.

Ученый не должен судить предшествующие поколения. Он должен понять их мысли и поступки. Работа историка – встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если эта встреча будет братской [7].

Научные идеи М. Блока не сразу нашли положительный отклик среди историков. Как отметил А.Я. Гуревич, одновременно с написанием «Апологии истории» М. Блока в начале 1940-х годов вышел в свет труд знаменитого французского историка Л. Альфана «Введение в историю». В нем ученый доказывал необходимость дальнейшего сохранения в исторической науке позитивистского метода исследования, изложенного в трудах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Различался подход к изучению исторического процесса у М. Блока и Л. Февра – друзей и основателей французской школы «Анналов». Л. Февр был историком цивилизаций и интеллектуальной жизни эпохи Ренессанса. В центре его внимания находились выдающиеся деятели Возрождения. М. Блок интересовался преимущественно социальной и экономической жизнью обычных людей средневековья. Он выступал за «тотальную» историю, в которой человек определенной эпохи рассматривается в его целостности – человек политический, религиозный, хозяйственный, чувствующий, имеющий определенную ментальность.

По оценке А.Я. Гуревича, М. Блок как историк отличался исключительной цельностью личности: он был не только выдающимся историком, но и патриотом, который отдал свою жизнь за свободу Франции и погиб от рук фашистов. Биография М. Блока неразрывна с восприятием его теоретических идей в научном сообществе. Вместе с тем, А.Я. Гуревич констатировал: в 1960–1980-е годы школа «Анналов», сохранив в своих исследованиях традицию написания «тотальной истории», в целом ушла от методологии научного познания, которой придерживался М. Блок [8].

В СССР научные идеи М. Блока стали широко известны массовому читателю в середине 1980-х годов, когда была переведена на русский язык и опубликована вместе с работой «Феодальное общество» его «Апология истории». Основной причиной интереса к данному произведению стала дань уважения, которую советские ученые отдавали М. Блоку

и всей школе «Анналов» как основным оппонентам марксистско-ленинской методологии истории. Немаловажную роль сыграл также факт осознания кризиса развития, в который вступила историческая наука. Его признанием стал «круглый стол», проведенный совместно советскими и французскими историками в Москве в 1989 году [9].

Сегодня «Апология истории» М. Блока по-прежнему обращает на себя внимание и вызывает в научном мире живой интерес. Доказательством тому являются обобщающие работы последних лет, написанные российскими исследователями.

Н.В. Трубникова на основе анализа индекса цитирования М. Блока во французской историографии второй половины XX – начала XXI века соглашается с выводами французских историков о том, что преемники М. Блока не приняли его наследия. Со ссылкой на работы Ж. Нуарьея она сравнивает методологию истории, представленную в «Апологии истории» М. Блока и сочинении П. Вейна «Как пишут историю» (1970 г.):

Марк Блок	Поль Вейн
Профессиональная практика	Дискурсивная практика
Научная истина	Интрига
Коллективная работа	Индивидуальное сочинение
Коммуникация	Вдохновение
Дисциплинарная специализация	Междисциплинарность
Солидарность	Основание
Связь	Разрыв
Естественный язык	Теоретический язык
Отдавать отчет	Свобода мысли
Труженик	Автор
Метод	Личная философия

Н.В. Трубникова указывает: «...В настоящее время фигура великого медиэвиста в едином фокусе собирает... целый комплекс насущных вопросов. Главный из них связан с поисками легитимных оснований профессиональной деятельности историка, все более и более независимой, самодостаточной, но также вызывающей сомнение в ее общественной нужности, – то есть с тем кругом проблем, которые стали в свое время темой “Апологии истории”...» [10, с. 191].

Н.В. Трубникова переводит изучение «Апологии истории» в область прагматической историографии. Анализируя научные дискуссии современных французских историков, она пишет: «...Последние двадцать лет бытия исторической науки отмечены появлением “истории памяти”. Ее формирование

есть следствие внутренних эволюций самой дисциплины, в первую очередь, истории ментальностей... История памяти по-новому оценивает связи между историей, памятью и национальной идентичностью...» [11, с. 121]. Память о прошлом становится автономной по отношению к истории. Она распадается на личностные и групповые представления об отдельных эпизодах национального прошлого, которые ставят под сомнение общую картину официальной национальной истории. «Долг памяти» трансформируется в «светскую религию», становится систематическим предприятием социального самоутверждения меньшинств (сексуальных, религиозных или этнических) и обвинений в адрес историков. В этой связи в современной Франции образ Марка Блока качественно трансформируется. Начиная с середины 1990-х годов, он превращается в гражданскую фигуру.

Анализ французской историографической литературы последних лет, посвященной М. Блоку, представлен также в статье С.Л. Козлова. В ней автор обращает внимание на следующий момент: «...Книга Марка Блока “Апология истории” сегодня нуждается в обширном комментарии, которого не существует...» [12, с. 302]. С.Л. Козлов дает необходимый комментарий, основываясь на первом разделе третьей главы этой книги – «Очерк истории критического метода». Здесь М. Блок рассуждает о колоссальном значении в исторической науке критического метода, основы которого были заложены в XVII веке Папелброхом, Мабильоном и Р. Симоном, а затем подчеркивает современные трудности в развитии данного метода.

С.Л. Козлов отмечает, что конфликт между «порядочными людьми», «эрудитами» и «остроумцами», о котором идет речь в сочинении М. Блока, был связан с внедрением во Франции практик профессионального гуманитарного и социального знания, относящихся к сфере науки и построенных по немецкому образцу. Эти практики категорически противоречили ценностно-функциональной матрице, лежавшей в основе институционального устройства французской культуры и восходившей к культурным нормам, утвердившимся во второй половине XVII века. «...Вопрос о “порядочном человеке в старом смысле слова” оказывался вопросом об отношении современного образования к “общей культуре” и при этом предполагал совершенно определенные общественно-политические

импликации...» [12, с. 312]. По оценке С.Л. Козлова, в «Апологии истории» М. Блок стремился преодолеть бинарные классификации, свойственные сознанию его современников. Поэтому стиль «Апологии истории» подчеркнуто невоинственный. М. Блок «...противопоставляет свою позицию другим существующим позициям, но делает это всегда взвешенно и нюансированно, в спокойном тоне и с минимумом персональных полемических отсылок...» [12, с. 303].

Заключение. В середине XX века «Апология истории» М. Блока явилась «ответом» неклассической науки на «вызов», брошенный в конце XIX века европейскими историками-позитивистами. По сравнению с популярными на рубеже XIX–XX веков позитивистскими учебниками по источниковедению в «Апологии истории» «ремесло историка» описано на основе качественно иных характеристик научного метода и субъект-объектных отношений в исторической науке. Основные теоретические положения данного произведения не утратили своей актуальности и в современной постнеклассической науке.

Во второй половине XX века историографическая судьба «Апологии и истории» была сложной. С одной стороны, основанная М. Блоком и Л. Февром французская школа «Анналов» и ее научные оппоненты признавали значение данного произведения для развития методологии исторической науки. С другой стороны, отдавая дань памяти М. Блоку как яркой цельной личности, они формулировали свои методологические принципы.

В настоящее время в науке актуален призыв возврата к идеям, изложенным в «Апологии истории». В ее современном изучении на первое место вышла проблематика, связанная с анализом околонаучных идеологических конфликтов конца XIX – первой половины XX века, а также прагматического контекста осмысления состояния европейской культуры в наши дни.

Литература

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1975. – 412 с.
2. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин. – Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–19.

3. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм. – М.: Изд. М.Н. Прокоповича, 1908. – 135 с.
4. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. – СПб.: Изд. О.О. Поповой, 1899. – 275 с.
5. Матюшевская, М.И. Учебники по методологии исторического исследования рубежа XIX–XX веков как источники по изучению позитивистского типа рациональности / М.И. Матюшевская // Актуальные проблемы источниковедения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 окт. 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 13–16.
6. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки: учеб. пособие / В.К. Лукашевич. – Минск: Соврем. шк., 2006. – 320 с.
7. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
8. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.: «Индрик», 1993. – 328 с.
9. Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1993. – 207 с.
10. Трубникова, Н.В. Марк Блок: образ идеального историка и вызовы современной Франции / Н.В. Трубникова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2004. – № 284. – С. 190–195.
11. Трубникова, Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков / Н.В. Трубникова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: КомКнига, 2005. – С. 121–131.
12. Козлов, С.Л. Историческая наука и «порядочные люди»: материалы для комментария к «Апологии истории» / С.Л. Козлов // Одиссей: Человек в истории. – 2008. – № 1. – С. 302–336.

Поступила в редакцию 09.10.2015 г.

УДК 94(470)«18»:364.4:61

Санитарные попечительства белорусско-литовских губерний в пореформенный период

Моторова Н.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В пореформенный период в Российской империи приобрело актуальность решение проблем, связанных с улучшением санитарного состояния населенных пунктов, повышением эффективности противоэпидемических мероприятий. Органы местного самоуправления начали привлекать к их урегулированию население через создание санитарных попечительств.

Цель статьи – целостный анализ истории создания санитарных попечительств на территории белорусско-литовских губерний.

Материал и методы. Исследование подготовлено на основании архивных источников и опубликованных делопроизводственных материалов. Для достижения поставленной цели использовались анализ, обобщение, историко-генетический и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. Первые санитарные попечительства в регионе были созданы в Ковно, Витебске, Минске. Они формировались на добровольных началах, их функции заключались в наблюдении за санитарным состоянием городов. В 1911 г. идея создания санитарных попечительств получила поддержку на уровне МВД. На основании министерских рекомендаций к их учреждению приступили органы земского самоуправления региона.

Заключение. Процесс создания санитарных попечительств на территории белорусско-литовских губерний растянулся на весь пореформенный период. Деятельность этих учреждений способствовала улучшению санитарного состояния региона, повышению эффективности противоэпидемических мероприятий.

Ключевые слова: санитарные попечительства, органы местного самоуправления, санитарное благоустройство, противоэпидемические мероприятия, белорусско-литовские губернии.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 75–79)

Sanitary Boards of Guardians of Belarusian-Lithuanian Provinces in the Post-Reform Period

Motorova N.S.

Educational establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the post-reform period in the Russian Empire it became topical to solve the problems associated with the improvement of the sanitary condition of settlements, increasing the efficiency of anti-epidemic measures. Local authorities began to involve people to their solution through creation of sanitary boards of guardians.

The purpose of the article is to analyze the history of building up sanitary boards of guardians on the territory of Belarusian-Lithuanian provinces.

Material and methods. The paper was prepared on the basis of archival sources and published clerical materials. Analysis, generalization, historical-genetic and historical-systematic methods were used to achieve the purpose.

Findings and their discussion. The first sanitary boards of guardians in the region were established in Kovno, Vitebsk and Minsk. They were formed on a voluntary basis; their functions were to monitor the sanitary condition of towns. In 1911 the Ministry of Interior supported the establishment of sanitary boards of guardians. On the basis of the ministerial recommendations local administrations of self-government of the region began setting up new sanitary structures.

Conclusion. The process of creating sanitary boards of guardians on the territory of Belarusian-Lithuanian provinces stretched out on the whole post-reform period. The activities of these institutions facilitated the improvement of sanitary conditions in the region as well as efficiency of anti-epidemic measures.

Key words: sanitary boards of guardians, local administration of self-government, sanitary improvement, anti-epidemic measures, Belarusian-Lithuanian provinces.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 75–79)

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – Н.С. Моторова

После отмены крепостного права (1861 г.) в Российской империи на фоне постоянного роста населения приобрело актуальность решение проблем, связанных с его повседневным бытом. В большей степени это коснулось городов, где на фоне активных урбанизационных процессов требовалось постоянно работать над улучшением состояния внутригородских территорий, повышать эффективность противоэпидемических мероприятий. Эти функции были возложены на органы местного самоуправления. Городские власти создавали специализированные учреждения санитарного надзора в виде санитарных комиссий и комитетов, приглашали на службу санитарных врачей и фельдшеров, принимали обязательные постановления по санитарной части. Также они предпринимали шаги по привлечению населения к участию в санитарном благоустройстве городов через создание санитарных попечительств. Они формировались на добровольных началах из домовладельцев, а их функции заключались в наблюдении за санитарным состоянием городов, выявлении нарушений и привлечении к ответственности нарушителей.

На сегодняшний день деятельность санитарных попечительств в белорусско-литовских губерниях остается малоизученной. В работах, посвященных истории здравоохранения Беларуси и Литвы как советского периода (исследование «Основные черты развития медицины в России в период капитализма (1861–1917 гг.)», монографии Г.Р. Крючка «Очерки истории медицины Белоруссии» и В.Г. Мицельмахериса «Очерки по истории медицины в Литве»), так и постсоветского (монографии Е.М. Тищенко «Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках» и «История здравоохранения Беларуси в XX веке»), не уделяется внимание деятельности органов местного самоуправления в санитарной сфере. В них констатируются факты существования санитарных комитетов и комиссий в городах, деятельность же санитарных попечительств игнорируется.

Цель статьи – целостный анализ истории создания санитарных попечительств на территории белорусско-литовских губерний и оценка их деятельности.

Материал и методы. Работа подготовлена на основании архивных источников из фондов Национального исторического архива Беларуси и опубликованных делопроизводственных материалов органов местного самоуправле-

ния. Для достижения поставленной цели использовались как общенаучные (анализ, обобщение), так и традиционные методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. На территории белорусско-литовских губерний первые санитарные попечительства стали появляться в городах после введения в них нового Городового положения 1870 г. и создания на этой основе качественно новой системы самоуправления. Одной из первых к учреждению санитарных попечительств приступила Ковенская дума. Согласно ее постановлению от 7 апреля 1877 г. город был разделен на 7 санитарных участков, для заведования ими было избрано 14 попечителей. Затем в 1879 г. их число было увеличено до 60 [1, с. 107]. В том же году Минская дума разделила город на 25 участков, в каждом из которых было создано по попечительству [2, л. 23]. Витебск был разделен на 417 участков, причем один попечитель заведовал 3 участками [подсчитано по: 3, л. 28–29 об., 31–32 об., 36–37 об.].

Однако городские власти столкнулись с серьезной проблемой. Сама идея привлечения населения к улучшению санитарного состояния городов была, несомненно, позитивной, но при ее реализации не была предусмотрена оплата труда санитарных попечителей. На этом основании они массово начали отказываться от исполнения своих обязанностей. Например, 24 января 1881 г. Витебская санитарная комиссия сообщила городскому голове Л.Х. Познеру об отказе всех попечителей от исполнения возложенных на них обязанностей «по необязательности бесплатного труда». Трижды назначались выборы санитарных попечителей, но они не состоялись в связи с отсутствием претендентов [4, л. 26].

В целом на протяжении 1880-х гг. в источниках (как архивных, так и делопроизводственных) отсутствуют упоминания о выборах в санитарные попечительства и их деятельности, но это не означает, что они полностью прекратили свое существование. Вопросы санитарного благоустройства и повышения эффективности противоэпидемических мероприятий по-прежнему оставались актуальными для региона. На этом фоне в начале 1890-х гг. возобновился процесс создания санитарных попечительств. Органы местного самоуправления начали разрабатывать для них специальные инструкции, в которых четко прописы-

вались механизмы формирования попечительств и их функциональные обязанности.

В качестве примера можно привести «Инструкцию санитарным попечителям, составленную Витебскою городскою думою на основании 3 пункта 63 статьи Городового положения 1892 г.». Согласно этому документу Дума избирала в помощь Санитарной комиссии санитарных попечителей на 4 года. Они должны были следить за исполнением всеми лицами и учреждениями законов и обязательных постановлений по санитарной части, принимать меры для предотвращения и прекращения распространения инфекционных заболеваний. Также санитарным попечителям следовало привлекать к суду виновных в нарушении обязательных постановлений по санитарной части. В пределах вверенного участка санитарный попечитель должен был следить за санитарным состоянием городских площадей, садов, бульваров, скверов, кладбищ, мест свалок и различных мест общественного пользования, а также общественных экипажей и средств сообщения внутри города, дворов. Под их надзором находились торговые, промышленные и иные общественные заведения, связанные с продажей продуктов питания, источники водоснабжения, фабрики, заводы, мастерские, рынки, склады, а также жилые помещения и квартиры, которые имели общественный или промышленный характер и которые могли способствовать распространению инфекционных заболеваний. В их отношении санитарный надзор применялся в том объеме, в каком это предусматривалось действовавшими законодательными актами и обязательными постановлениями Городской думы. При нарушении гигиенических требований санитарные попечители были уполномочены только собирать необходимые для города сведения и предлагать свои рекомендации по улучшению «общественного здоровья». Любые требования санитарного попечителя предъявлялись непосредственно хозяевам или доверенным распорядителям соответствующих учреждений или имуществ в устной либо письменной форме в виде извещений или повесток. Если требования игнорировались, попечитель делал представление об этом Санитарной комиссии, которая затем действовала по своему усмотрению. В §6 Инструкции особенно подчеркивалось, что вознаграждения за труд санитарным попечителям не предусматривалось [5, л. 5–7].

В 1901 г. санитарное попечительство было создано в одном из крупнейших городов региона – Вильно. 27 марта 1901 г. Дума, заслушав рекомендации Городского санитарного совета по усилению санитарного надзора и его реорганизации на новых принципах, учредила институт санитарных попечителей из местных домохозяев. На заседании 24 ноября 1901 г. было избрано 19 попечителей [6, с. 122, 126, 128]. В начале XX в. санитарные попечительства начали функционировать и в других городах региона – Гродно, Двинске и пр. [7, л. 326–326 об., 329; 8, л. 134].

Новый импульс этот процесс получил после того, как он был поддержан на уровне МВД. В апреле 1911 г. Главное управление по делам местного хозяйства разослало циркуляр об участковых санитарных попечительствах. В нем отмечалось, что «одной из наиболее действенных мер к улучшению наблюдаемого почти повсеместно в Империи неудовлетворительного санитарного состояния населенных мест является, как выяснила практика, привлечение самого населения к участию в охранении санитарного благоустройства и, в частности, к наблюдению за точным исполнением установленных санитарных правил. Важность этой меры приобретает в настоящее время особое значение ввиду широкого распространения в последние годы холерной и иных эпидемий» [9, л. 497]. Но деятельность санитарных попечительств не всегда была успешной, так как органы местного управления и самоуправления зачастую по-разному трактовали действовавшее законодательство по вопросам санитарного благоустройства. Кроме того, наблюдалось крайнее разнообразие в принципах формирования попечительств и их функциях. Тем не менее, МВД считало полезным и необходимым устройство на местах санитарных попечительств в качестве постоянной меры, а для устранения перечисленных выше недостатков разработало для органов местного самоуправления «Основные положения о порядке деятельности участковых санитарных попечительств». Они носили рекомендательный характер. При учреждении санитарных попечительств в губерниях и областях могли вноситься изменения, которые органы городского и земского самоуправления признают соответствующими местным условиям [9, л. 497–497 об.].

На основании этого циркуляра были внесены изменения в деятельность уже функционировавших санитарных попечительств. Например, Витебская городская дума на заседа-

нии 3 октября 1912 г. утвердила «Правила об организации и порядке деятельности участковых санитарных попечительств в г. Витебске». Они были разработаны Городской санитарной комиссией, за основу были взяты «Основные положения...», предложенные МВД, но в них внесли изменения и дополнения [9, л. 498]. Если сравнить этот документ с Инструкцией 1892 г., то становится очевидной эволюция в понимании сущности деятельности института санитарных попечителей. В 1890-х гг. он рассматривался исключительно как вспомогательная структура в рамках городского самоуправления, чьи функциональные обязанности сводились к наблюдению за санитарным состоянием городских территорий и исполнением жителями обязательных постановлений по санитарной части. По сути, санитарные попечительства осуществляли полицейский надзор. К началу 1910-х гг. их функции существенно расширились. Так, согласно «Правилам...» участковые попечительства по-прежнему подчинялись Городской санитарной комиссии. Но теперь они обязаны были изучать санитарное состояние вверенных участков, выявляя причины их неудовлетворительного состояния и факторы, способствовавшие возникновению и распространению эпидемий, знакомить население с действовавшими «обязательными постановлениями по санитарной и ветеринарной части» и способствовать их соблюдению, популяризировать знания о гигиене, принимать меры к улучшению санитарного состояния города [9, л. 499–499 об.]. Таким образом, помимо полицейских функций, они должны были выполнять функции просветительские, не просто преследовать нарушителей, но и выяснять причины неблагоприятных явлений. Изменился и подход к порядку формирования санитарных попечительств. Ранее санитарными попечителями избирались местные домовладельцы, теперь к работе стали привлекаться квалифицированные кадры. В состав участкового санитарного попечительства должны были входить минимум три члена: санитарный врач или любой другой, состоявший на городской службе, двое гласных Городской думы либо представителей из числа избирателей. Кроме того, на добровольных началах в работе попечительства могли принимать участие все проживавшие на территории участка врачи (вольнопрактикующие либо состоявшие на государственной, общественной, частной службе), представители ведомств и благотвори-

тельных учреждений, наиболее уважаемые горожане, избранные на ежегодном собрании домовладельцев [9, л. 499–500 об.].

После опубликования циркуляра 1911 г. начался процесс создания и собственно земских участковых санитарных попечительств на территории трех белорусских губерний (Витебской, Минской и Могилевской), где было введено в действие «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г. Как правило, они учреждались в пределах отдельных уездов на основании решений соответствующих земских собраний. В частности, в 1912 г. земские участковые попечительства были созданы в Новогрудском, Могилевском, Режицком и других уездах региона [10, с. 49; 11, с. 46–47; 12, с. 82].

Процесс создания участковых санитарных попечительств охватил весь регион, но он не развернулся в полной мере в связи с началом Первой мировой войны. В условиях военного времени органы местного самоуправления были вынуждены полностью переориентировать свою деятельность в социальной сфере. На первый план выступили проблемы организации помощи беженцам, обеспечения населения продуктами питания и топливом, участия в развитии системы медицинских учреждений.

Заключение. В пореформенный период органы местного самоуправления белорусско-литовских губерний в условиях постоянного увеличения численности населения столкнулись с необходимостью принимать меры, направленные на улучшение санитарного состояния региона для предотвращения распространения эпидемических заболеваний. Наиболее актуально это было для городов. Учитывая ограниченность финансовых ресурсов и малочисленность личного состава органов самоуправления, городские власти ряда губернских центров (Витебска, Ковно, Минска) начали создавать участковые санитарные попечительства, которые формировались из местных домовладельцев на добровольных началах. Их функции заключались в наблюдении за санитарным состоянием городских территорий и исполнением жителями обязательных постановлений по санитарной части, а также в привлечении к ответственности нарушителей. После принятия нового Городового положения 1892 г. на аналогичных основаниях были созданы санитарные попечительства и в других крупных городах региона – Вильно, Гродно, Двинске и пр. Качественное изменение принципов формирования санита-

рных попечительств и структуры их деятельности произошло после опубликования в 1911 г. циркуляра МВД и разработанных им «Основных положений о порядке деятельности участковых санитарных попечительств». Как видно на примере Витебска, существенно расширились функции санитарных попечительств: выйдя из пределов полицейского надзора, они включили в себя просветительский компонент. Изменилась и их структура. В состав попечительств начали приглашаться квалифицированные медицинские кадры, что положительно повлияло на качество их работы. На основании указанного циркуляра к созданию санитарных попечительств приступили и органы земского самоуправления белорусских губерний. Развитие их деятельности в полном масштабе помешало начало Первой мировой войны.

Конечно, санитарные попечительства не всегда качественно исполняли свои обязанности. Порой в их состав попадали случайные люди из числа домовладельцев. Некоторые попечительства существовали только на бумаге. Но сама идея создания санитарных попечительств несла в себе позитивную составляющую. Она выражалась в том, что органы местного самоуправления начали привлекать население к непосредственному участию в улучшении условий повседневного быта всего региона, давая таким образом возможность проявить собственную инициативу. Фактически через подобные институты, через привлечение населения к решению наиболее острых проблем повседневной жизни начали формироваться элементы гражданского общества.

Литература

1. Двадцатипятилетие городского общественного управления в городе Ковне / сост. И.С. Горбачевский. – Ковно: Типография Губернского правления, 1903. – IV, 144 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 24 (Минская городская дума). – Оп. 1. – Д. 3582. Постановления Думы [за 1879 г.].
3. НИАБ. – Фонд 2496 (Витебская городская управа). – Оп. 1. – Д. 23. Дело о приеме и увольнении санитарных попечителей.
4. НИАБ. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 33. Дело о принятии и увольнении членов Санитарной комиссии.
5. НИАБ. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 94. Дело об увольнении ветеринарного врача городской скотобойни Худзинского и о назначении Зенковича сверхштатным городским ветеринарным врачом.
6. Протоколы Виленской городской думы за второе полугодие 1901 года. – Вильно: Тип. М.Б. Жирмунского, 1901. – 8, 195, [1] с.
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 17 (Гродненское губернское по городским делам присутствие). – Оп. 1. – Д. 520. Копии постановлений Гродненской городской думы за 1904 г.
8. НИАБ. – Фонд 2508 (Витебское губернское по городским и земским делам присутствие). – Оп. 1. – Д. 2270. Постановления Двинской городской думы за 1903 г.
9. НИАБ. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 185. Доклады Управы за 1912 г.
10. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии. – Б/м, б/г. – 105, [1] с.
11. Журналы Могилевского уездного земского собрания Могилевской губернии (с 6 по 10 октября включительно [1911 г.]) / Могилевское уездное земское собрание. 1-я очередная сессия 1911 г. – Могилев-на-Днепре: Типо-литография А.И. Шнейдера, 1911. – X, 77, [1] с.
12. Журналы второго очередного Режицкого уездного земского собрания. Сессия 27–30 октября 1912 года. – Без тит. л. – [8], 84 с.

Поступила в редакцию 16.11.2015 г.

УДК 947.6“1921/1939”-053.81:61

Маніторынг стану здароўя моладзі і арганізацыя мерапрыемстваў па яе аздаравленні ў Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.)

Даніловіч В.В.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск

Праблема ажыццяўлення маніторынгу стану здароўя маладога пакалення і арганізацыі мерапрыемстваў па яго аздаравленні ў Савецкай Беларусі міжваеннага перыяду паслядоўна і ў цэлым не даследавалася. У існуючай гістарыяграфіі толькі ўскосна закраналіся асобныя невялікія аспекты гэтай праблематыкі. У артыкуле разглядаецца эвалюцыя мерапрыемстваў па маніторынгу стану здароўя і аздаравленні юнакоў і дзяўчат, аналізуюцца асноўныя фактары, якія ўплывалі на гэты працэс.

Мэта – раскрыць тэндэнцыі і асаблівасці ажыццяўлення маніторынгу стану здароўя юнага пакалення і арганізацыі мерапрыемстваў па яго аздаравленні ў Савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг.

Матэрыял і метады. У працы выкарыстаны дакументальныя матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі, а таксама публікацыі, у якіх закранаюцца пэўныя аспекты тэматыкі даследавання. Метадалагічнай базай з’яўляюцца прынцыпы гістарызму, дакладнасці і аб’ектывнасці, сістэмнага разгляду фактаў і з’яў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле раскрываюцца асаблівасці фарміравання сістэмы медаглядаў працоўнага юнацтва Савецкай Беларусі, развіцця маладзёжнага фізкультурнага руху. Аналізуецца дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх структур па арганізацыі мерапрыемстваў па аздаравленні моладзі.

Заклучэнне. Значную ўвагу маніторынгу стану здароўя маладога пакалення надаваў камсамол, з удзелам якога былі створаны юнацкія секцыі пры цэнтральным апарате і мясцовых аддзелах Народнага камісарыята аховы здароўя БССР, праводзіліся медагляды працоўных юнакоў і дзяўчат, арганізавалася іх дыетычнае харчаванне, прапагандаваўся здаровы лад жыцця, развіваўся маладзёжны фізкультурны рух. Найбольш актыўна праца па аздаравленні маладога пакалення вялася ў гарадах. На вёсцы ж яна была слаба разгорнута. Пры гэтым прыярытэт аддаваўся камсамольцам і рабочаму юнацтву ва ўзросце да 20 гадоў. У 1930-я гг. узрасла актыўнасць прафсаюзаў у справе аховы здароўя моладзі.

Ключавыя словы: моладзь, ахова здароўя, медыцынскі агляд, фізкультура, камсамол, прафсаюзы.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 80–88)

Monitoring the Health of Youth and Setting Up Events for its Improvement in Soviet Belarus (1921–1939)

Danilovich V.V.

Institute of History of NAS of Belarus, Minsk

The issue of monitoring the health of the younger generation and setting up events for its improvement in Soviet Belarus interwar period haven't been consistently and generally not investigated. In the existing historiography some minor aspects of this issue were only indirectly touched upon. The evolution of health monitoring and rehabilitation of young people are considered in the article, main factors that influenced this process are analyzed.

The purpose of the work is to reveal trends and patterns for health monitoring of the younger generation and setting up events for its improvement in Soviet Belarus in 1921–1939.

Material and methods. We used documentary material of the National Archives of the Republic of Belarus and the Russian State Archive of Social and Political History, as well as publications that address specific aspects of the research subjects. The methodological basis is principles of historicism, reliability and objectivity, systematic examination of the facts and phenomena.

Findings and their discussion. The article reveals the peculiarities of the system of medical examinations of the working youth in Soviet Belarus, development of youth sports movement. The activity of state and public bodies to set up events to improve the health of young people is analyzed.

Conclusion. Considerable attention in monitoring the health of the younger generation was paid by Komsomol, with the participation of which youth sections of the central office and local health departments of the People's Commissariat of Health of the BSSR were created, medical examinations of working boys and girls to organize their diet were conducted,

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: Danilovich_V@Mail.ru – В.В. Даніловіч

healthy lifestyle was advertised, youth physical training movement developed. Most actively work to improve health of the younger generation was conducted in the cities. In the village it was poorly deployed. Priority was given to members of Komsomol and young people of working age of up to 20. In the 1930s activity of trade unions in protecting the health of young people increased.

Key words: youth, health protection, medical examination, physical training, the Young Communist League (Komsomol), trade unions.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 80–88)

Праблема ажыццяўлення маніторынгу стану здароўя маладога пакалення і арганізацыі мерапрыемстваў па яго аздаравленні ў Савецкай Беларусі міжваеннага перыяду паслядоўна і ў цэлым не даследавалася. У існуючай гістарыяграфіі толькі ўскосна закраналіся асобныя невялікія аспекты гэтай праблематыкі. У артыкуле разглядаецца эвалюцыя мерапрыемстваў па маніторынгу стану здароўя і аздаравленні юнакоў і дзяўчын, аналізуюцца асноўныя фактары, якія ўплывалі на гэты працэс.

Мэта – раскрыць тэндэнцыі і асаблівасці ажыццяўлення маніторынгу стану здароўя юнага пакалення і арганізацыі мерапрыемстваў па яго аздаравленні ў Савецкай Беларусі ў 1921–1939 гг.

Матэрыял і метады. У працы выкарыстаны дакументальныя матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі, а таксама публікацыі, у якіх закранаюцца пэўныя аспекты тэматыкі даследавання. Метадалагічнай базай з’яўляюцца прынцыпы гістарызму, дакладнасці і аб’ектыўнасці, сістэмнага разгляду фактаў і з’яў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Для любой краіны, якая клапаціцца аб сваёй будучыні, адным з першачарговых пытанняў з’яўляецца захаванне здароўя маладога пакалення. Аднак дзейнічаць у гэтым кірунку ўладам даводзіцца ў першую чаргу зыходзячы з рэальна існуючых сацыяльна-эканамічных магчымасцяў.

Зразумела, што цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча ў пачатку 1920-х гг. не дазваляла больш-менш паўнавартасна арганізаваць ахову здароўя юнакоў і дзяўчат.

Да таго ж у гэты час з-за сацыяльнай неўладкаванасці і эканамічнай разрухі былі шырока распаўсюджаны эпідэмічныя захворванні, да барацьбы з якімі ў 1921–1922 гг. прыцягвалася і юнае пакаленне [1, л. 6].

Разам з тым, нават у такіх складаных умовах яўрэйскія юнацкія арганізацыі вялі працу па папулярызацыі здаровага ладу

жыцця сярод яўрэйскай моладзі. Так, ужо ў верасні 1921 г. пры фербандзе ЯКСМ у Мінску была створана спартыўная студыя, у якой займаліся да 75 маладых яўрэяў [2, л. 3–4].

Не менш актуальнай з’яўлялася і праблема падрыхтоўкі кваліфікаванага медыцынскага персаналу, якога нехапала. З адкрыццём 1 лістапада 1921 г. медыцынскага факультэта БДУ, а затым асобных медыцынскіх навучальных устаноў сітуацыя з забеспячэннем медперсоналам у Савецкай Беларусі прыкладна з сярэдзіны 1920-х гг. істотна палепшылася, што зразумела станоўча адбілася на арганізацыі аховы здароўя юнакоў і дзяўчат. Аднак гэтыя працэсы закранулі найперш горад [3, с. 204].

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, увагу маніторынгу стану здароўя юнага пакалення надаваў і камсамол. Так, у 1921 г. ЦК КСМБ была праведзена кампанія па арганізацыі летніх адпачынкаў рабочых-падлеткаў, у рамках якой для іх былі адкрыты 2 дамы адпачынку ў Мінску [4, с. 115]. У лютым 1922 г. КСМБ была арганізавана юнсекцыя пры Народным камісарыяце аховы здароўя (НКАЗ) ССРБ [5, л. 4], якая актыўна ўключылася ў працу і арганізавала рэспубліканскі медыцынскі агляд каля 1 тыс. асоб працоўнага юнацтва, з якіх 40% аказаліся хворымі. У выніку для іх юнсекцыяй было атрымана ад НКАЗ рэспублікі 100 харчовых пайкоў, якія былі размеркаваны па 5 паветах: Бабруйскі – 30, Барысаўскі – 25, Слуцкі – 20, Мазырскі – 15, Ігуменскі – 10 [6, л. 8]. З гэтага можна заключыць, што найбольш хворых сярод моладзі налічвалася ў Бабруйскім, Барысаўскім і Слуцкім паветах. Акрамя таго 780 чалавек былі накіраваны ў маладзёжны дом адпачынку, хаця летам 1922 г. з-за эканамічных цяжкасцяў і была скарачана выдача харчавання для яго [5, л. 56; 7, л. 7].

Найбольш актыўна праца па аздаравленні маладога пакалення вялася ў Мінску, што можна растлумачыць яго сталічным статусам. У маі 1922 г. камсамольцы арганізавалі юнсекцыю пры мінскім гарадскім аддзеле

аховы здароўя. Яна аказвала дапамогу, у першую чаргу, хворым падлеткам праз забеспячэнне дыетычным харчаваннем, накіраванне на спецыяльнае лячэнне і арганізацыю аздараўлення ў дамах адпачынку. Намаганнямі гэтай юнсекцыі пры Цэнтральным доме адпачынку (ЦДА) у Мінску была створана дыетычная сталоўка для юнакоў і дзяўчат, за якой браніравалася 45 пайкоў, акрамя таго за ЦК камсамола ССРБ было забраніравана яшчэ 50 пайкоў ЦДА. Усяго па Мінску з мая па кастрычнік 1922 г. сярод юнацтва быў размеркаваны 351 паёк, двухтыднёвыя пайкі атрымалі 522 чалавекі, а месячныя – 90. Агулам па горадзе дыетычным харчаваннем і домам адпачынку было забяспечана 789 юных асоб (гэта амаль у 8 разоў больш, чым па паведах рэспублікі). Юнсекцыя пры мінскім гарадскім аддзеле аховы здароўя супрацоўнічала і з міжнароднымі гуманітарнымі місіямі. Так, яна атрымала ад квакераў 60 пайкоў для забеспячэння экскурсій рабочай моладзі (пайкі былі перададзены ў сталоўку ЦК КСМБ), а таксама 24 камплекты адзення (перададзены камісіі па паляпшэнні быту членаў саюза) [6, л. 7–8]. Як бачым, атрыманая гуманітарная дапамога пераважна накіроўвалася для забеспячэння камсамольцаў.

Аднак становішча са здароўем маладога пакалення заставалася складаным. Таму СНК ССРБ увёў з кастрычніка 1922 г. рэгулярны медагляд падлеткаў, занятых на вытворчасці, а Кодэксам законаў аб працы для працоўных ва ўзросце да 18 гадоў быў устаноўлены абавязковы месячны адпачынак [4, с. 121].

Праведзены ў канцы 1922 – пачатку 1923 г. медагляд рабочых юнакоў і дзяўчат. Па яго выніках у Барысаўскім павеце было адзначана распаўсюджанне сярод юнацтва алкагалізму [8, л. 9], у Мінску доля хвораў моладзі склала 58%, асабліва шмат было хворых на сухоты [9, л. 130–131].

Зноў у мэтах аздараўлення тым маладым людзям, каму было неабходна, выдаваліся дыетычныя пайкі [8, л. 4]. Так, для сістэматычнай дапамогі падлеткам у дыетычнай сталоўцы Мінска было забраніравана 140 пайкоў для горада і 170 пайкоў для павета, у іншыя паветы рэспублікі было разаслана 850 дыетычных пайкоў, што амаль у 9 разоў больш, чым у 1922 г. Навучэнцам прафесійных школ было выдадзена 200 дыетычных сняданкаў, 10% з іх прыпадала на вучняў, якія з-за цяжкага

матэрыяльнага становішча і моцных захворванняў знаходзіліся на забеспячэнні ЦВК ССРБ [9, л. 95].

У пачатку 1923 г. КСМБ зноў арганізаваў у Мінску маладзёжны дом адпачынку з браніраваннем дыетычнага харчавання, што на 70–80% забяспечвала адпачываючых. Усяго па рэспубліцы 780 падлеткаў былі накіраваны ў дамы адпачынку і санаторыі. Камсамольскія актывісты таксама разгарнулі сярод юнакоў і дзяўчат актыўную прапаганду здаровага ладу жыцця. Па прапанове саюза пры СНК ССРБ быў створаны савет па пытаннях фізкультуры [8, л. 36–37; 9, л. 100, 109, 152].

Разам з тым, нягледзячы на актыўны ўдзел у дапамозе юным хворым юнсекцыі пры гарадскім аддзеле аховы здароўя ў Мінску, у ліпені 1923 г. з-за цяжкага фінансавага становішча ў ёй была скасавана штатная адзінка [10, л. 3–4].

Напрыканцы года эканамічна-прававая камісія ЦК КСМБ упершыню зацвердзіла план медагляду рабочага юнацтва на 1924 г., пачынаючы ад падлеткаў і да асоб 1904 г. нараджэння ўключна (пры гэтым рабочымі лічыліся падлеткі, якія адпрацавалі на вытворчасці не менш за 6 месяцаў). Пры правядзенні медагляду асабліва ўвага надавалася венерычным захворванням і сухотам. Усе друкаваныя матэрыялы для яго выдаваліся за кошт НКЗ ССРБ і за рэспубліканскія сродкі сацыяльнага страхавання. Камісіі ўключалі па 3 урачы ў Мінску і па 2 урачы ў паведах, іх старшынямі прызначаліся камсамольцы. Бюро ЦК саюза 26 снежня 1923 г. зацвердзіла як дату пачатку медагляду 1 лютага 1924 г. і адзначыла, што камсамольцы будучы праходзіць яго ў агульным парадку [10, л. 82, 85]. Як бачым, у справе аховы здароўя адбылося пашырэнне адстойвання інтарэсаў несаюзнай моладзі.

Увогуле з НКЗ ССРБ і яго аддзелаў на месцах ЛКСМБ падтрымлівалася цесная сувязь. Прадстаўнікі саюза нават прынялі ўдзел у рэспубліканскім з’ездзе аддзелаў аховы здароўя [11, л. 14]. Акрамя таго камсамольцы ўдзельнічалі ў зборы лекавых раслін [12, л. 76].

Аднак, нягледзячы на ўсе захады, стан здароўя маладога пакалення паступова пагаршаўся, працэнт хворых сярод яго ўвесь час рос [13, л. 33]. Таму медагляд юнакоў і дзяўчат пачалі з 1924 г. праводзіць 2 разы на год [14, л. 21].

У 1924 г. з 3911 юных асоб, якія прайшлі медагляд, у 71,7% былі выяўлены захворванні (найбольш хворых было сярод штатнага саўгаснага юнацтва – 73%). З іх 1,9% патрабавалі лячэння на спецыяльных курортах, 23,8% – у амбулаторыях і 26,4% – у дамах адпачынку [15, л. 26; 16, л. 65, 77].

У выніку ў дамах адпачынку рэспублікі 10% месцаў было забраніравана для моладзі, а ЦБ прафсаюзаў БССР абавязалася прадастаўляць адпаведныя месцы на курортах [12, л. 59]. Усяго праз дамы адпачынку было прапушчана 1500 маладых людзей, з іх 348 ва ўзросце да 20 гадоў [11, л. 13, 15; 15, л. 27; 17, л. 28].

У пачатку лютага 1925 г. вострым стала пытанне з перагружанасцю камсамольскага актыву, што дрэнна адбівалася на яго здароўі [18, л. 3]. Так, у красавіку–чэрвені 1925 г. 48,2% актывістаў ЛКСМБ былі хворыя [19, л. 7]. У аздаравленчых мэтах на ўсіх камсамольскіх сходах, нарадах і занятках было забаронена паленне табакі [20, л. 30; 21, л. 16].

У 1925 г. медаглядам у БССР было ахоплены 8648 юных асоб (ад падлеткаў да асоб 1905 г. нараджэння ўключна), што было больш чым у 2,2 разы ў параўнанні з 1924 г. З іх падлеткаў – 3816 (43,6%) ці 72,7% усіх падлеткаў–рабочых рэспублікі, якіх налічвалася 5247 чалавек; 73,9% юнакоў і 26,1% дзяўчат (на 2% больш, чым у 1924 г.). Падаўляючую большасць агледжаных (81,4%) складалі асобы ва ўзросце 16–19 гадоў (найбольш шматлікая група – 18-гадовыя (24,4%). Пры гэтым калі ў 1924 г. з юнацтва, што прайшло медагляд, 69% складалі яўрэі і 20,4% – беларусы, то ў 1925 г. – 58,5% і 24,1% адпаведна. Толькі сярод агледжаных работнікаў шкляной прамысловасці і сельскай

гаспадаркі беларусы складалі большасць. Як бачым, медагляд праводзіўся пераважна сярод яўрэйскай моладзі, хаця і назіралася тэндэнцыя паступовага павелічэння ахопу маладых людзей іншых нацыянальнасцяў, у першую чаргу беларусаў, што заканамерна, бо апошнія складалі большасць насельніцтва. У юнакоў і дзяўчат, якія прайшлі медагляд, было выяўлена 10906 захворванняў, у многіх – па некалькі хвароб. У тым ліку 8,1% складалі хворыя на сухоты (найбольш у Мінску – 13,8% і Слуцку – 12,5%), 27,2% – хворыя на малакроўе (у Слуцку – аж 40%), 20% мелі хворыя зубы, 9,4% – зрок (у Віцебску – 23,2%), 20% – органы дыхання. Пры гэтым 1630 чалавек недамагалі з-за дрэнных умоў працы. Увогуле 5346 юных асоб (61,8%) патрабавалі тэрміновай дапамогі і змены ўмоў працы (18,8% патрабаваліся больш прыдатныя ўмовы працы, 3,7% – больш лёгкая праца, 39,2% – лячэнне). Моцны целасклад мелі 22,8% абследаваных, сярэдні – 57,2%, слабы – 17,6%, да таго ж 13,5% мелі скрыўленне пазваночніка (найбольш сярод друкароў (37,7%), шчаціншчыкаў (32,6%) і наборшчыкаў (23,7%), што тлумачыцца асаблівасцямі гэтых прафесій. Найгоршыя целасклад і харчаванне былі адзначаны ў тытунышчыкаў і тэкстыльшчыкаў, а найлепшыя – у чыгуначнікаў і папернікаў. Было высветлена, што 7,9% маладых людзей злоўжывалі алкаголем (найбольш сярод хімікаў (25,7%), а найменш – сярод тэкстыльшчыкаў (2,3%) і 31,5% палілі [22, л. 74, 76–79, 84–85; 23, л. 129]. Увогуле, як бачым, стан здароўя абследаванага юнацтва пакідаў жадаць лепшага, да таго ж трэць яго была ахоплены такой шкоднай звычайкай, як паленне.

Узрост прайшоўшых медагляд у 1925 г.

Узрост	Працэнт
да 15 год	1,4%
15 год	4,8%
16 год	15,3%
17 год	22,1%
18 год	24,4%
19 год	19,6%
звыш за 19 год	12,4%

[22, л. 78].

Працэнтныя суадносіны беларусаў і яўрэяў сярод прайшоўшых медагляд у 1925 г.

Прафесіі	Беларусы	Яўрэі
Металісты	36,5	50,3
Дрэваапрацоўшчыкі	35,9	54,3
Харчавікі	19,2	72
Друкары і наборшчыкі	8,5	82,3
Тэкстыльшчыкі	25,5	56,8
Швейнікі	4,4	92,7
Гарбары	10,6	85,8
Папернікі	43	44,6
Шкляная прамысловасць	32,8	10,9
Будаўнікі	17,5	74,2
Сельская гаспадарка	75	11
Служачыя	22	53,5

[22, л. 78].

Па выніках медагляду ў 1925 г. у дамы адпачынку і курорты было накіравана 785 чалавек ва ўзросце да 20 гадоў (гэта амаль чым у 2,3 раза больш, чым у 1924 г.), бо за моладдзю было замацавана ўжо 15% усіх месцаў у дамах адпачынку і санаторыях, а таксама 35 месцаў на курортах. У Мінску і Віцебску былі створаны і ўтрымліваліся за кошт сродкаў сацыяльнага страхавання спецыяльныя дамы адпачынку для маладых людзей [16, л. 59; 24, л. 29]. Але, нягледзячы на ўсё гэта, 60% з абследаваных працоўных юнакоў і дзяўчат заставаліся хворымі [25, л. 21].

Увогуле ЦК ЛКСМБ лічыў медагляд рабочага юнацтва немэтазгодным, бо істотных вынікаў ён не даваў і не апраўдваў затрат [26, л. 17; 27, л. 16].

Разам з тым, камсамол не паслабляў увагі да развіцця фізкультуры. Пры ячэйках і камсамольскіх клубах ствараліся маладзёжныя спартыўныя гурткі. У 1924–1925 гг. на базе гэтых гурткоў утварыліся першыя ў Беларусі спартыўныя таварыствы “Спартак” і “Дынама”. Пры актыўным удзеле саюза 27 жніўня 1924 г. у Мінску былі праведзены першае ў Беларусі свята фізкультурнікаў і першая спартакіяда [28, с. 54–55]. У 2-м Усебеларускім з’ездзе фізкультурнікаў у 1925 г. ужо ўдзельнічала камсамольская фракцыя [24, л. 183]. Аднак гэты з’езд адзначыў, што маладзёжная

фізкультура амаль цалкам адсутнічала на вёсцы, ды і ў горадзе нават камсамольцы слаба былі ў яе ўцягнуты: на сярэдзіну 1925 г. з больш чым 32 тыс. членаў камсамола БССР у фізкультурных гуртках займаліся толькі каля 4 тыс. [20, л. 15]. У 1926 г. толькі 28,9% рабочай моладзі былі ахоплены гурткамі фізкультуры [22, л. 651].

У 1926 г. медагляд ахапіў ужо 11590 маладых людзей. Падлеткі на вытворчасці былі ахоплены ім на 89,1%. Найбольш шматлікай па-ранейшаму заставалася група 18-гадовых (24,9%). З агледжаных 57,3% аказаліся хворымі, з іх 10,8% – на сухоты (на 2,7% больш, чым у 1925 г.). З абследаваных юнакоў і дзяўчат 21,6% мелі патрэбу ў дамах адпачынку, 2,8% – у курортах і санаторыях, 12,8% – у амбулаторным лячэнні і 0,4% – у стацыянарным [22, л. 650].

Як бачым, у параўнанні з 1924 г., колькасць хворых сярод абследаванага юнацтва зменшылася на 14,4%, як і колькасць патрабуючых лячэння ў амбулаторыях (на 11%) і дамах адпачынку (на 4,8%), вырасла толькі колькасць патрабуючых лячэння на курортах і ў санаторыях (на 0,9%, што зусім нязначна).

На другое паўгоддзе 1926 г. Галоўсацстрахам БССР было забраніравана для моладзі да 25 гадоў 10% месцаў на курортах і 15% месцаў у дамах адпачынку.

У выніку з 1 красавіка да 1 кастрычніка 1926 г. на курортах адпачылі 83 маладыя асобы (10,4%), але пры гэтым было выкарыстана толькі 1,2% курортных месцаў, выдзеленых пастановай ЦСПСБ (што сведчыць аб дрэннай арганізацыі ў прафсаюзах рэспублікі курортнага здаравення юнакоў і дзяўчат, з-за чаго асноўны клопат у гэтай справе лёг на Галоўсацстрах БССР); у мясцовых санаторыях – 29 (20,9%); у дамах адпачынку – 2995 (36,5%) [29, л. 6–7].

На канец 1926 г. ЛКСМБ удзельнічаў ва ўсёй працы органаў НКАЗ рэспублікі сярод рабоча-сялянскага юнацтва і дзяцей праз сваіх прадстаўнікоў ва ўсіх органах аховы здароўя, выдзеленых па ўзгадненні з імі адпаведнымі камітэтамі саюза [30, л. 180].

У выніку было вызначана, што масавыя медагледжыя рабочых падлеткаў сябе не апраўдалі: выявіўся шэраг арганізацыйных хібаў, адсутнічала зваротная сувязь з абследаванымі. Таму ў 1927 г. замест медагледжы ўвялі дыспансерызацыю, якой былі ахоплены 1597 рабочых падлеткаў. З іх 30% аказаліся хворымі: 47% на зубы, 25% на оталарынгічныя захворванні, 8,9% на вочы, 2,3% на сухоты) [31, л. 105]. Увогуле дыспансеры трымалі сувязь з камсамольскімі АК, прафсаюзамі, камісіямі аховы працы на прадпрыемствах, нават імкнуліся арганізаваць профільныя секцыі рабочых падлеткаў пры рэспубліканскім Савеце аховы здароўя. Але з-за недахопу сродкаў дыспансерызацыя рабочых падлеткаў у першую чаргу ахапіла тых з іх, што працавалі на больш шкодных вытворчасцях. Акрамя таго абавязкова падлягалі агляду дыспансерамі ўсе падлеткі, якія накіроўваліся на працу праз пасярэдніцкія бюро [32, л. 135].

Усяго ў 1927 г. 1862 юныя асобы мелі патрэбу ў пераводзе на больш лёгкую працу, а 4363 – у лячэнні і ўмацаванні здароўя. У выніку 12,4% іх былі накіраваны ў дамы адпачынку, а 2,4% – на курорты, але 87,6% пастаноў аб накіраванні не былі рэалізаваны з-за адсутнасці рэальных магчымасцяў. Вельмі мала рабочай моладзі (не больш за 8%) было накіравана ў прафілактычныя ўстановы НКАЗ БССР. Асабліва слабой была праца па ахове здароўя маладых батракоў і саўгасных рабочых [33, л. 7, 16].

У 1928 г. меўся шэраг дасягненняў у практычнай рабоце па медыка-санітарным абслугоўванні юнакоў і дзяўчат з ліку вучняў і

рабочых, нягледзячы на аб'ектыўныя цяжкія ўмовы.

Для юнацтва былі адчынены 2 дамы адпачынку, праз ЦСПСБ забраніраваны 15% месцаў у іншых дамах адпачынку і 10% месцаў на курортах, праведзена дыспансерызацыя каля 1500 юных асоб [31, л. 106; 32, л. 89]. Дыспансеры прыступілі да медагледжы і кансультацый выпускнікоў школ. Мерапрыемствы знайшлі падтрымку сярод рабочай моладзі [32, л. 136]. Гэта было зроблена, нягледзячы на пэўнае аслабленне ўвагі ЛКСМБ да аховы здароўя дзяцей і маладых рабочых [34, л. 59], што сведчыць аб выпрацоўцы ў структурах улады і кіравання разумення важнасці гэтай працы.

Увогуле каля 40% усіх маладых рабочых з'яўляліся хворымі. Існуючая лячэбна-прафілактычная сетка аховы здароўя падлеткаў была недастатковай па якасці і колькасці (дыспансеры меліся толькі ў 7 акруговых гарадах БССР). Вельмі малая колькасць юнакоў і дзяўчат была ахоплена прафілактычнымі ўстановамі [35, л. 116–117; 36, л. 136–137].

Але значныя праблемы ў справе аховы здароўя юнацтва яшчэ захоўваліся і звязаны яны былі галоўным чынам з фінансавымі цяжкасцямі. Так, на рубяжы 1928–1929 гг. у БССР налічвалася 31 тыс. юных застрахованых (15% ад усіх застрахованых). У дамах адпачынку для іх было выдзелена 810 бясплатных і 495 арэндных (325 летам і 170 зімой) месцаў на 26550 койкадзён (для рабочай моладзі патрабавалася яшчэ столькі ж). У 1929 г. у БССР функцыянавалі 2 летнія дамы адпачынку для маладых рабочых у Мінску і Віцебску. На такія ж Гомельскі дом адпачынку было выдзелена толькі 1 тыс. руб., што не дазволіла яго разгарнуць. На 1930 г. планавалася мець 5 маладзёжных дамоў адпачынку на 24 тыс. койкадзён. Для іх дзейнасці патрабавалася 60 тыс. руб., з іх 16 тыс. руб. планавалася атрымаць у выглядзе ўзносаў ад рабочых юнакоў і дзяўчат (1/3 кошту з разліку 2 рублі на койкадзень). Рэспубліканскім фондам меддапамогі для застрахованых было выдзелена 8500 руб. На дыспансерызацыю рабочых юнакоў і дзяўчат выдзелілі 4275 руб. толькі па Мінскай і Віцебскай акругах. Для астатніх акруг патрабавалася яшчэ 6 тыс. руб. [37, л. 7–8].

Аднак, нягледзячы на цяжкасці, у 1929 г. быў паспяхова праведзены медагледжы юнацтва. Значная колькасць абследаванай моладзі была

накіравана ў дамы адпачынку, санаторыі і курорты [38, л. 1]. Разам з тым адзначалася, што маладзёжнымі гурткамі фізкультуры на вёсцы кіравалі пераважна кулацкія элементы [39, л. 27], што сведчыць як аб аслабленні ўвагі да гэтага пытання з боку камсамола, так і аб палітызацыі фізкультурнай справы.

У 1930 г. маладзёжныя дамы адпачынку ў БССР былі ўключаны ў структуру ЛКСМБ (Мінскі быў перададзены ў распараджэнне ЦК саюза, а Віцебскі – Віцебскага ГК камсамола) [40, л. 142].

Актывізавалася ў рэспубліцы ў гэтым годзе і юнацкая фізкультурная праца. Маладыя фізкультурнікі БССР разгарнулі сацыялістычнае спаборніцтва са сваімі калегамі з Заходняй вобласці РСФСР [38, л. 3], акрамя таго ЛКСМБ разгарнуў спаборніцтва з грузінскім камсамолам па разгортванні веласіпеднага фізкультурнага руху [41, л. 282].

На чэрвень 1931 г. рашэнні ЦК ЛКСМБ аб арганізацыі дамоў адпачынку для рабочых юнакоў і дзяўчат у Віцебску, Мінску і Гомелі былі ў асноўным выкананы. Але вызначаны працэнт адпраўлення падлеткаў на курорты не выконваўся з-за адсутнасці праверкі з боку Галоўсацстраху рэспублікі і зусім недапушчальных адносін да гэтага пытання з боку ГК камсамола [42, л. 119].

Таксама далёка незадавальняючай з'яўлялася аздаравленчая праца сярод юнацтва ў кааперацыі з-за адносін Беларускай страхавой касы, якая не адчувала за гэта адказнасці. Дагэтуль у кааперацыі БССР медагляд моладзі не стаў сістэмай [43, л. 128].

У 1933 г. актыўнасць прафсаюзаў у справе аховы здароўя юнакоў і дзяўчат павялічылася. ЦСПСБ забраніраваў для рабочых-падлеткаў і вучняў школ ФЗВ 250 месцаў (11%) у агульных дамах адпачынку, 100 месцаў (3%) у санаторыях і 50 месцаў (5%) на курортах [44, л. 94].

Разам з тым, большасць РК і ГК ЛКСМБ штодзённа не займаліся пытаннямі маладзёжнай фізкультуры [44, л. 309].

Нягледзячы на гэта, 18 жніўня 1934 г. беларускі камсамол паспяхова правёў фізкультурны парад у Мінску. Аднак адначасова разгарнуўся канфлікт кіраўніцтва саюза з бюро фізкультуры ЦСПСБ. Бюро ЦК ЛКСМБ указвала, што трэба рабіць гэтаму бюро, патрабавала выканання сваіх рашэнняў і нават прыняло рашэнне аб зняцці старшыні бюро фізкультуры ЦСПСБ [45, л. 194, 299–

300]. Такое становішча сведчыла аб суперніцтве паміж камсамолам і прафсаюзамі ў разгортванні маладзёжнай фізкультурнай працы і жаданні першага кантраляваць усё яе правядзенне.

У 1934 г. некалькі ўзмацнілася ўзаемадзеянне ЛКСМБ з сістэмай НКАЗ БССР: 20 камсамольцаў-актывістаў мабілізавалі на працу ў раённыя аддзелы аховы здароўя. Пры ЦК камсамола рэспублікі была створана лячэбная камісія, якая абслугоўвала толькі цэнтральны апарат саюза [45, л. 88, 335].

Аднак большасць ГК і РК ЛКСМБ зусім не займаліся пытаннем выкарыстання мясцовых рэсурсаў для аздаравленчай кампаніі сярод рабочага юнацтва, не ведалі, калі моладзь ідзе ў адпачынак і не мелі планаў мерапрыемстваў па арганізацыі аздаравленчай кампаніі. Колькасць ахопу рабочых падлеткаў аздаравленчымі мерапрыемствамі на лета 1935 г. зусім не задавальняла іх патрэб [46, л. 33].

Разам з тым, працягвалася развіццё супрацоўніцтва з маладымі фізкультурнікамі іншых саюзных рэспублік. Так, у лістападзе 1935 г. для сустрэчы дэлегацыі юных фізкультурнікаў з рэспублік СССР сакратарыят ЦК камсамола БССР выдаткаваў 200 руб. [47, л. 22, 26].

Але ўжо ў 1936 г. ЛКСМБ добра падрыхтаваў і правёў медагляд 3160 рабочых-падлеткаў. Большасць іх атрымалі пунцёўкі ў дамы адпачынку і санаторыі [48, л. 181].

У жніўні 1936 г. была праведзена нарада камсамольскіх арганізатараў па 5 памежных раёнах, якія не ўваходзілі ў акругі (Заслаўе, Дзяржынск, Плешчаніцы, Мінск, Узда), па пытаннях фізкультурнай працы сярод юнакоў і дзяўчат [48, л. 161]. Камсамолам БССР таксама была разгорнута актыўная праца па арганізацыі спартакіяд і паходаў для школьнікаў [49, с. 587–588].

Аднак і ў 1938 г. ЛКСМБ крытыкавалі за слабое развіццё фізкультурнага руху сярод вясковага юнацтва [50]. Кіраўніцтва беларускага камсамола прызнавала гэту крытыку і адзначала фармальны характар працы калгасных фізкультургурткаў сярод моладзі. Увогуле рашэнні бюро ЦК ЛКСМБ аб узаемадзеянні з рэспубліканскім камітэтам па справах фізкультуры і спорту ў 1938 г. выконваліся камсамольскімі арганізацыямі на месцах слаба [51, л. 51]. Падобнае становішча можна растлумачыць складаным

арганізацыйным становішчам саюза ў гэты час, выкліканым абвастраннем у СССР палітычнай барацьбы паміж прыхільнікамі І. Сталіна і Л. Троцкага.

Заклучэнне. Такім чынам, цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча ў пачатку 1920-х гг. не дазваляла больш-менш паўнаўдасна арганізаваць ахову здароўя маладога пакалення. Разам з тым, нават у такіх складаных умовах яўрэйскія юнацкія арганізацыі папулярывавалі сярод яўрэйскіх юнакоў і дзяўчат здаровы лад жыцця.

Нягледзячы на ўсе цяжкасці, увагу маніторынгу стану здароўя працоўнага юнацтва надаваў і камсамол, з удзелам якога былі створаны юнсекцыі пры цэнтральным апарате НКАЗ БССР і мясцовых аддзелах аховы здароўя, праводзіліся медагляды рабочай моладзі, арганізавалася яе дыетычнае харчаванне, прапагандаваўся здаровы лад жыцця, развіваўся фізкультурны рух.

Найбольш актыўна праца па аздаравленні маладога пакалення вялася ў Мінску і іншых гарадах. На вёсцы ж яна была слаба разгорнута.

Увогуле прыярытэт пры правядзенні мерапрыемстваў па ахове здароўя юнакоў і дзяўчат аддаваўся камсамольцам і рабочаму юнацтву ва ўзросце да 20 гадоў. Медагляд да другой паловы 1920-х гг. праводзіўся пераважна сярод яўрэйскай моладзі, хаця і назіралася тэндэнцыя паступовага павелічэння ахопу маладых людзей іншых нацыянальнасцяў, у першую чаргу беларусаў.

Толькі з 1924 г. у справе аховы здароўя адбылося пашырэнне адстойвання інтарэсаў несаюзных юнакоў і дзяўчат, а ЛКСМБ стаў падтрымліваць цесную сувязь з НКАЗ БССР і яго аддзелаў на месцах.

Аднак, нягледзячы на ўсе захады, стан здароўя юнацтва паступова пагаршаўся, працэнт хворых сярод яго рос да сярэдзіны 1920-х гг.

Прыкладна з сярэдзіны 1920-х гг. у Савецкай Беларусі істотна палепшылася сітуацыя з забеспячэннем медперсаналам, што станоўча адбілася на арганізацыі аховы здароўя юнацтва. Аднак гэтыя працэсы закранулі найперш горад. Да таго ж у сярэдзіне 1920-х гг. востра стаяла пытанне з перагружанасцю камсамольскага актыву, што дрэнна адбілася на яго здароўі.

Замена ў 1927 г. медагляду рабочай моладзі пад уплывам ЦК ЛКСМБ, які лічыў яго неэфектыўным, на дыспансерызацыю, не

дала лепшых вынікаў, бо з-за фінансавых цяжкасцяў дыспансерызацыя не ахоплівала цалкам нават працоўнае юнацтва ва ўзросце да 20 гадоў.

Маладзёжная фізкультура амаль адсутнічала на вёсцы, ды і ў горадзе маладое пакаленне слаба было ў яе ўцягнута да 1930-х гг. А ў 1929 г. у сувязі з правядзеннем палітыкі масавай калектывізацыі нават адбылася палітызацыя фізкультурнай справы.

У 1928 г. меўся шэраг дасягненняў у практычнай рабоце па медыка-санітарным абслугоўванні юнакоў і дзяўчат з ліку вучняў і рабочых, нягледзячы на аб'ектыўныя цяжкія ўмовы, дзякуючы выпрацоўцы ў структурах улады і кіравання разумення важнасці гэтай працы. Але значныя праблемы ў справе аховы здароўя юнацтва яшчэ захоўваліся і звязаны яны былі галоўным чынам з фінансавымі цяжкасцямі.

У пачатку 1930-х гг. таксама далёка не ўсе мерапрыемствы па аздаравленні моладзі належным чынам выконваліся з-за адсутнасці кантролю.

У 1933 г. актыўнасць прафсаюзаў у справе аховы здароўя маладога пакалення ў БССР павялічылася, а ўвага камсамола да гэтай справы зменшылася. Разгарнулася суперніцтва паміж ЛКСМБ і прафсаюзамі ў справе разгортвання маладзёжнай фізкультурнай працы, што прывяло нават да канфліктных сітуацый.

Толькі з 1936 г. правядзенне медаглядаў юных працоўных рэспублікі стала масавым і належным чынам арганізаваным.

Аднак праблемы з актыўнасцю камсамола БССР у развіцці юнацкага фізкультурнага руху, асабліва на вёсцы, заставаліся і напрыканцы 1930-х гг.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 6.
2. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. – Фонд 32. – Воп. 1. – Спр. 31.
3. Ходзін, С.М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2014. – 240 с.
4. Журов, А. Под руководством партии. Деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии (1918–1925 гг.) / А. Журов. – Мінск: Беларусь, 1970. – 216 с.

5. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 18.
6. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 12.
7. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 14.
8. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 22.
9. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 19.
10. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 24.
11. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 41.
12. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 33.
13. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 57.
14. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 26.
15. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 44.
16. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 54.
17. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 49.
18. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 37.
19. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 137.
20. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 42.
21. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 60.
22. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 64а.
23. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 211.
24. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 49.
25. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 127.
26. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 51.
27. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 133.
28. Жураў, А.Я. У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі / А.Я. Жураў. – Мінск: Народная асвета, 1970. – 224 с.
29. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 212.
30. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 62.
31. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 544.
32. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 355.
33. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 66.
34. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 81.
35. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 448.
36. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 452.
37. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 505.
38. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 504.
39. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 89.
40. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 105.
41. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 101.
42. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 126.
43. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 130.
44. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 134.
45. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 136.
46. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 137.
47. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 1. – Спр. 138.
48. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 627.
49. Гісторыя Беларускай ССР. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – Т. 3. – 696 с.
50. Сухоцкий. Мы деревней не занимаемся / Сухоцкий // Красный спорт. – 1938. – 3 сент. – С. 2.
51. НАРБ. – Фонд 63п. – Воп. 2. – Спр. 635.

Паступіў у рэдакцыю 08.10.2015 г.

УДК 94(470+571)«18»:930.1

Исторические взгляды М.П. Погодина и его роль в научной жизни России XIX в.

Сугако Н.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», Минск

В среде русской интеллигенции XIX в. выделяется фигура такого ученого, как Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Своеобразие и уникальность М.П. Погодину придают его происхождение, научная карьера, широта интересов и сфер деятельности, а также вклад, который он внес в развитие исторической науки, журналистики, публицистики России XIX в. В 2015 г. отмечается 215-летие со дня его рождения. К сожалению, этот, как и предыдущие юбилеи ученого, остались без внимания современных исследователей. Вместе с тем, творческое, журналистское наследие историка, его научная и общественно-политическая деятельность заслуживают более тщательного изучения. Особенно актуально это по причине того, что в современной исторической науке наметилась тенденция к преодолению односторонних оценок предшествующих лет.

Цель статьи – определить роль М.П. Погодина в развитии исторической науки России и выявить значение его научного творчества в историографии XIX в.

Материал и методы. В работе использованы научные и педагогические труды М.П. Погодина, мемуары, автобиографические материалы, авторские публикации. Методологической базой исследования являются общенаучные методы (анализ, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный метод). Статья базируется на принципах историзма, достоверности и объективности.

Результаты и их обсуждение. Показаны основные этапы в развитии научной и педагогической карьеры М.П. Погодина в 1820–1840-х гг. Анализируется содержание научных и учебных изданий историка. Подчеркивается, что на их страницах нашли отражение не только исторические, но и общественно-политические воззрения М.П. Погодина. Раскрываются причины, по которым ученый покинул Московский университет. В статье говорится о сильных и слабых сторонах научных исследований М.П. Погодина. Дана оценка его роли в развитии русской исторической школы XIX в.

Заключение. Таким образом, исторические труды М.П. Погодина стали определенным шагом вперед по сравнению с работами его предшественников. Они способствовали развитию русской исторической науки, расширив ее источниковедческую и методологическую основу. Вместе с тем в 1840-х гг. наукой были выдвинуты новые задачи. Требовалось на основе накопленного исторического материала осуществлять системный анализ процессов, которые происходили в обществе и государстве. Однако М.П. Погодин только механически сводил и накапливал исторические источники и не давал анализа происходившим процессам. Поэтому его исследования перестали соответствовать нуждам времени и исторической науки.

Ключевые слова: Московский университет, научная и педагогическая карьера, учебник по истории, Министерство народного просвещения, теория «официальной народности».

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 89–94)

Historical Ideas by M.P. Pogodin and his Role in the Scientific Life of the XIXth Century Russia

Sugako N.A.

Educational Establishment «Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics»,
Minsk

Among Russian XIXth century intellectuals the figure of the scientist Mikhail Petrovich Pogodin (1800–1875) stands out. His origin, scientific career, wide range of interests and spheres of activity as well as his contribution into the development of the science of history, journalism, publicistics of the XIXth century Russia make M.P. Pogodin specific and unique. 2015 marks his 215th birthday. This anniversary of his as well as the previous ones unfortunately remained outside the attention of contemporary researchers. At the same time, the historian's creative, journalistic heritage, his scientific and social and political activity is worth attention and more scrupulous study. It is extremely topical now that in the contemporary science of history there is a tendency to overcome one sided assessments of the previous years.

Адрес для корреспонденции: e-mail: natashasugako@tut.by – Н.А. Сугако

The aim of the study is to identify M.P. Pogodin's role in the development of the Russian science of history and find out significance of his scientific creative work in the XIXth century historiography.

Material and methods. *M.P. Pogodin's scientific and pedagogical works, memoirs, autobiographical materials, the author's publications were used in the work. The methodological base of the research is general scientific methods (analysis, comparison, generalization) as well as special historic (the historical comparison method). The article is based on the principles of historicism, truthfulness and objectivity.*

Findings and their discussion. *Main stages in the development of the scientific and pedagogical career of M.P. Pogodin in 1820–1840 are indicated in the article. Contents of scientific and academic publications by the historian are analyzed. Their pages reflected not only historical but also social and political ideas by M.P. Pogodin. Reasons why the scholar left Moscow University are revealed. Strong and weak sides of M.P. Pogodin's research are reflected in the article. Assessment of his role in the development of Russian XIXth century historical school is given.*

Conclusion. *Analysis shows that historic works by P.M. Pogodin became a step forward compared to the works by his predecessors. They facilitated the development of Russian historical science having widened its source and methodology basis. At the same time, new objectives were put forward by science in the 1840s. On the basis of the accumulated historical material it was necessary to carry out system analysis of processes which took place in the society and the state. However, M.P. Pogodin performed only mechanical accumulation and storage of historical sources and did not give analysis of ongoing processes. That was why his studies stopped corresponding the needs of time and historical science.*

Key words: *Moscow University, scientific and pedagogical career, history textbook, Ministry of Public Education, «official public» theory.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 89–94)

В среде русской интеллигенции XIX в. выделяется фигура такого ученого, как Михаил Петрович Погодин (1800–1875). Свообразие и уникальность М.П. Погодину придают его происхождение, научная карьера, широта интересов и сфер деятельности, а также вклад, который он внес в развитие исторической науки, журналистики, публицистики России XIX в. В 2015 г. отмечается 215-летие со дня его рождения. К сожалению, этот, как и предыдущие юбилеи ученого, остались без внимания современных исследователей. Вместе с тем, творческое, журналистское наследие историка, его научная и общественно-политическая деятельность заслуживают более тщательного изучения. Особенно актуально это по причине того, что в современной исторической науке наметилась тенденция к преодолению односторонних оценок предшествующих лет.

Цель статьи – определить роль М.П. Погодина в развитии исторической науки России и выявить значение его научного творчества в историографии XIX в.

Материал и методы. В работе использованы научные и педагогические труды М.П. Погодина, мемуары, автобиографические материалы, авторские публикации. Методологической базой исследования являются общенаучные методы (анализ, сравнение, обобщение) и специально-исторические (историко-сравнительный метод). Статья базируется на принципах историзма, достоверности и объективности.

Результаты и их обсуждение. М.П. Погодин происходил из семьи крепостного крестьянина, который благодаря обучению в Моско-

вской гимназии и Московском университете получил образование и дворянский титул. Выбирая для себя дальнейший жизненный путь, историк отдал предпочтение научной и педагогической деятельности. В 1823 г. он сдал экзамен на степень магистра, а в 1825 г. успешно защитил диссертацию по теме «О начале Российского государства» [1]. Здесь М.П. Погодин предстал как сторонник норманизма. Для обоснования теории о призвании варягов он изучил все известные исторические источники по данной проблеме, сопоставил приведенные там данные. Благодаря широкой источниковой базе диссертация приобрела популярность и признание. В последующем карьере ученого развивалась успешно и весьма стремительно. С 1825 г. он преподавал всеобщую историю, а в 1828 г. получил место адъюнкта и читал курс новой и русской истории на юридическом факультете Московского университета. В 1827 г. М.П. Погодин был избран корреспондентом Императорской Академии Наук и членом Московского общества любителей Российской словесности. В 1833 г. стал ординарным профессором, а в 1835 г. возглавил кафедру русской истории, которой руководил до своей отставки. В 1820–1830-х гг. М.П. Погодин пытался реализовать себя в разных сферах. Написал ряд литературных произведений, принял участие в издании журнала «Московский вестник». Однако предпочтение отдал науке.

За годы научной и педагогической деятельности М.П. Погодин внес весомый вклад в развитие исторической науки России. Так, среди учеников историка можно отметить К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, И.А. Гончарова,

С.М. Соловьева, Ю.Ф. Самарина, В.А. Черкасского. М.П. Погодин одним из первых обратил внимание на недостаточное количество учебников по истории. Решить данную проблему первоначально он пытался, издавая переводную литературу. Совместно со студентами он осуществил перевод произведений Г.З. Байера, И.Г. Эверса, Ф.П. Гизо, К. Беттигера, А. Герена, К.В. Нича, А.-Л. Шлецера. Однако такие меры носили паллиативный характер и не могли кардинально изменить ситуацию. В итоге М.П. Погодин пришел к мысли о необходимости издания отечественных учебников по истории. Кроме этого, в 1830-х гг. правительство стало стимулировать создание отечественных учебников, в том числе и по истории. В январе 1836 г. Министерство народного просвещения объявило конкурс на написание учебника по истории. В соответствии с условиями конкурса победителю гарантировалась премиальная оплата, а учебник, признанный лучшим, планировали распространить во всех средних учебных заведениях. В рамках конкурса был заявлен учебник М.П. Погодина «Начертание русской истории для гимназий», опубликованный в 1837 г. Кроме него в 1830-х гг. были изданы «Начертание русской истории для училищ», «Краткое начертание русской истории. Сокращение гимназического курса, сочиненного профессором Погодиным» [2]. Это авторские учебные пособия, в которых достаточно кратко и схематично представлена история России с древнейших времен до 1825 г. В изложении материала М.П. Погодин руководствовался одним принципом: показать историю государства как процесс становления и развития монархии. Однако в полной мере ему не удалось справиться с поставленной задачей и в итоге его учебники получили невысокую оценку и специалистов, и современников. Следует отметить, что в конкурсе, объявленном Министерством народного просвещения, принял участие и Н.Г. Устрялов. Его учебник «Начертание русской истории для учебных заведений» одержал победу. Исследователи связывают это с тем, что в учебнике Н.Г. Устрялова было представлено больше информации, он начинался введением, содержал портреты исторических деятелей, карты, на основе исторических фактов автор более убедительно представил и обосновал идеи православия, самодержавия и народности. В последующем традиция создания авторских учебных посо-

бий была продолжена историками С.М. Соловьевым и Д.И. Иловайским.

Среди ранних работ М.П. Погодина можно отметить «Исторические афоризмы» [3]. Здесь содержатся размышления ученого над ролью истории в жизни общества и о сущности исторического процесса. Ряд научных статей, написанных в 1830–1840-х гг. («Взгляд на русскую историю» (1832), «Петр Великий» (1841), «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845) и др.), вошли в состав сборника «Историко-критические отрывки» [4]. Проводилась работа по сбору и публикации исторических источников. В 1830-е гг. ученый стал приобретать и коллекционировать рукописи, старопечатные книги, старинные вещи, портреты, печати, иконы и другие предметы старины. В результате у него накопилось целое собрание предметов старины, которое получило название Древлехранилище. Оно было открыто для ученых и студентов. Собранные материалы использовал сам М.П. Погодин, а также он привлекал студентов к исследовательской работе, изучению первоисточников.

Следует отметить, что на страницах лекций, научных публикаций, учебников М.П. Погодина нашли отражение не только его исторические, но и общественно-политические взгляды. Ученый здесь представил как идеолог теории «официальной народности». Он продемонстрировал приверженность монархии, обосновал идею об особом пути развития России, основой русского общества считал православие и глубокую религиозность русского народа.

В 1840-е гг. в научной и педагогической карьере М.П. Погодина наметился перелом. В это время в Московском университете начался конфликт между двумя группами профессоров, которых условно называли «строгановцами» и «уваровцами». К числу «уваровцев» относились преподаватели, в том числе и М.П. Погодин, которым покровительствовал министр народного просвещения С.С. Уваров, а к «строгановцам» соответственно те, которых поддерживал попечитель Московского учебного округа С.Г. Строганов. Неприязнь С.Г. Строганова по отношению к М.П. Погодину в исторической литературе связывается с противостоянием попечителя Московского учебного округа с министром народного просвещения, а также со стремлением С.Г. Стро-

ганова «выдвинуть» на руководящие должности молодых и более талантливых преподавателей.

Во время разгоревшегося конфликта М.П. Погодину поступило предложение от С.С. Уварова занять место директора департамента канцелярии Министерства народного просвещения. Данный вопрос обсуждался в ходе их переписки. М.П. Погодин согласился занять предлагаемую должность. Историк прекрасно понимал, что данная должность сулит большие перспективы. Задачи своей деятельности на новом поприще он видел в знакомстве с «устройством и деятельностью государственной машины», принятии активного участия в работе министерства, в подготовке молодых ученых для «кафедры русской истории» [5, стб. 2084–2085].

Одновременно с выражением согласия М.П. Погодин выдвинул ряд требований С.С. Уварову. Во-первых, он просил «неограниченной доверенности» и прямо заявил, что желает быть не просто «обыкновенным директором-чиновником, но директором, близким» к министру. Во-вторых, он оставлял за собой право высказывать свое мнение по любому вопросу, даже если оно не совпадало со взглядами С.С. Уварова [5, стб. 2085–2086]. В-третьих, М.П. Погодин просил возможности пользоваться материалами Археографической комиссии. В-четвертых, историк настаивал на «каком-нибудь особенном титуле, необходимом для меня в отношении к публике» [5, стб. 2088]. В-пятых, М.П. Погодин хотел сохранить звание профессора, чтобы выслужить необходимое количество лет и получить пенсию. В-шестых, были выдвинуты и финансовые требования. М.П. Погодин надеялся получить казенную квартиру, определенную сумму на «подъем и обзаведение», достаточно высокую заработную плату [5, стб. 2088–2089]. Как видно, требования и амбиции были очень высоки. Конечно, такой подход М.П. Погодина не устроил С.С. Уварова. Министр народного просвещения надеялся найти в М.П. Погодине своего сторонника и помощника, но не советника и наставника. С.С. Уваров ответил историку отказом. Он мотивировал это тем, что назначение и переезд М.П. Погодина из Москвы связан с большими финансовыми затратами. М.П. Погодин сожалел о своих действиях. Он отправил еще несколько писем с просьбой разрешить занять предлагавшуюся должность. Однако С.С. Уваров был неумолим. Министр рекомендовал М.П. Погодину сохранить дол-

жность заведующего кафедрой и не покидать университет, потому что только деятельность на ученом поприще позволит историку написать «историю, по следам Карамзина» [5, стб. 2085].

Вероятно, пока шла переписка с С.С. Уваровым, М.П. Погодин видел свое дальнейшее будущее в роли государственного чиновника. В крайнем случае, историк надеялся при покровительстве С.С. Уварова совмещать преподавательскую деятельность и государственную службу. В последующем М.П. Погодин решил покинуть университет. В 1842 г. ученый «предупредил совет университета о своем намерении, и указал в качестве кандидата для замещения своей кафедры на В.В. Григорьева, бывшего его слушателя А.Ф. Бычкова, а из последнего курса – на студента С.М. Соловьева». Свое желание временно оставить преподавание в университете М.П. Погодин объяснял двумя причинами: желанием написать новый исторический труд и необходимостью поправить здоровье. Он признавался, что «думал о такой истории, которая была бы проста и общепонятна, занимательна, жива, соответствовала бы настоящему состоянию критики и заключала результаты всех новых исследований и открытий, сделанных в продолжение пятидесяти лет после начала истории Карамзина» [6, с. 249]. Ученый планировал вернуться позже к преподавательской деятельности в Московском университете. М.П. Погодин самонадеянно полагал, что замены для него нет. Об этом свидетельствует содержание «Инструкции для посвящающих себя русской истории». В ней М.П. Погодин выдвигал следующие требования: «приехать ко мне, изучить под моим непосредственным разбором и руководством в продолжении двух лет русскую историю и все главные источники русской истории» и совершить путешествие по европейским странам [7, кн. 7, с. 291]. Только после этого, по мнению М.П. Погодина, можно заниматься российской историей и возглавлять кафедру русской истории Московского университета.

В 1844 г. М.П. Погодин ушел в отставку и, как оказалось, навсегда покинул университет. Возвращение М.П. Погодина в Московский университет в последующем стало невозможно, поскольку произошли перемены в состоянии исторической науки. Прежние методы исторических исследований устарели и не годились. Требовалось не только накопление исторических источников, но и проведение их

более серьезного внутреннего анализа. В это время ставилась задача перехода к системному анализу самого общества и политических процессов, в нем происходивших. В подобных условиях вполне объяснимо выдвижение на должность заведующего кафедрой русской истории в Московском университете молодого ученого С.М. Соловьева. Некоторые современники, среди которых был историк А.Н. Пыпин, полагали, что в научном отношении труды С.М. Соловьева стояли выше сочинений всех предшествующих историков. Существенным недостатком для М.П. Погодина как ученого являлось то, что он не смог все свои научные взгляды и идеи отразить в единой системе, не сумел выявить и объяснить причины многих исторических процессов [8, с. 193–194]. В.О. Ключевский точно обозначил все достоинства и недостатки исторических трудов М.П. Погодина. С одной стороны, по его мнению, М.П. Погодин проделал огромную работу по сбору источников и фактического материала, а с другой – все собранные факты он просто перечислял, вместо того, чтобы обрабатывать и анализировать. По мнению В.О. Ключевского, проблема М.П. Погодина как историка была в том, что он не смог «свести случайные разорванные догадки в стройную систему, в цельный взгляд» [9, с. 149–150]. Схожей точки зрения придерживался К.Д. Кавелин. Он относил М.П. Погодина к числу «толкователей», «а не историков в настоящем смысле слова» [10, с. 99].

Воспоминания С.М. Соловьева дают возможность охарактеризовать сложившуюся ситуацию и отношение М.П. Погодина к своей отставке. С.М. Соловьев подчеркивал, что М.П. Погодин «сильно жалел о своем выходе из университета и был сильно зол на университетское начальство, зачем оно не просило его остаться» [11, с. 594]. М.П. Погодин, как мог, противодействовал назначению С.М. Соловьева на вакантную должность и критиковал его докторскую диссертацию, доказывая, что труд «неудовлетворительный и в изложении нет перспектив» [11, с. 596]. Итогом противостояния явилось утверждение С.М. Соловьева на вакантную должность. В отношении М.П. Погодина было принято решение предложить ему читать лекции «в университете без всякого вознаграждения и без всякого официального значения, как приват-доцент» [11, с. 598]. Естественно, это не устраивало ученого, и он отказался от предложения таким образом вернуться в университет.

С уходом М.П. Погодина в отставку связано окончание его профессорско-преподавательской деятельности. С научной точки зрения отставка историка, как показало время, была закономерной. Он как ученый исчерпал себя, а его труды перестали соответствовать новым требованиям исторической науки. Об этом свидетельствует неудачная попытка написания М.П. Погодиным работы, посвященной всей истории России. Ведь ради будущего «великого» исторического труда он покинул университет. В 1845 г. историк вынес на суд публики первые главы своего труда. С.М. Соловьев описал это событие в воспоминаниях так: «Автор прочел перед внимательным собранием, напечатанные после в “Москвитяине”, статьи об Олеге, Игоре, Ольге, Святославе и Владимире. Публика встала со своих мест как говорится “несолоно хлебавши”, самые преданные автору люди едва выпускали изо рта обычные комплименты. Понятно, что М.П. Погодин был раздражен, не мог не заметить холодности публики, был обманут в своем ожидании, ибо ждал взрывов восторга» [11, с. 611–612].

В 1840-х – начале 1850-х гг. М.П. Погодин продолжал издавать книги по истории России. В это время вышли в свет семь томов «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» [12]. В первом томе характеризовались изученные исторические источники, во втором обосновывалась норманнская теория, в последующих томах прослеживалось развитие русского государства в эпоху средневековья. Работа издавалась на протяжении тринадцати лет. Автор обобщил опыт работы и отразил свой взгляд на древнюю историю Руси. В этом исследовании отсутствовали новые научные идеи, хотя и были использованы новые исторические источники, доводы, доказательства, которые подтверждали прежние взгляды. Сам ученый в предисловии к изданию писал: «Русская история должна ожидать от ученых величайшей пользы, в смысле дополнений, пояснений, подтверждений, но отнюдь не переворотов, что мои исследования не могут ни в коем случае подвергнуться значительным изменениям» [12, т. 1, с. VI].

Заключение. Таким образом, исторические труды М.П. Погодина стали определенным шагом вперед по сравнению с работами его предшественников. Они способствовали развитию русской исторической науки, расширив ее источниковедческую и методологическую основу. Отличительными чертами бо-

льшинства исторических трудов М.П. Погодина являются сухость изложения, обращение преимущественно к отдельным вопросам и периодам российской истории, склонность объяснять многие события с позиций провинциализма. Основу его работ составил преимущественно пересказ текстов исторических источников. М.П. Погодин не смог оформить свои исторические взгляды в стройную единую систему. В его трактовке история России – это история правителей. Сам М.П. Погодин признавался, что неоднократно пытался написать большое историческое исследование, которое отражало бы единый взгляд на всю историю России, политические, социально-экономические, культурные процессы. Однако все эти попытки заканчивались неудачей. В 1840-х гг. наукой были выдвинуты новые задачи. Требовалось на основе накопленного исторического материала осуществлять системный анализ процессов, которые происходили в обществе и государстве. Однако М.П. Погодин только механически сводил и накапливал исторические источники и не давал анализа происходившим процессам. Поэтому его исследования перестали соответствовать нуждам времени и исторической науки.

Вместе с тем, М.П. Погодин сыграл весомую роль в становлении и развитии русской исторической школы. Его заслуга как ученого заключается в том, что он основывал свои исследования на широкой источниковой базе, использовал математический метод исследования, вынес на рассмотрение многие дискуссионные вопросы русской истории.

Литература

1. Погодин, М.П. О происхождении Руси / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1825. – 176 с.
2. Погодин, М.П. Начертание русской истории для гимназий / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1837. – 408 с.; Погодин, М.П. Начертание русской истории для училищ / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1835. – 323 с.; Погодин, М.П. Краткое начертание русской истории. Сокращение гимназического курса, сочиненного профессором Погодиным / М.П. Погодин. – М.: Типография Н. Степанова, 1838. – 114 с.
3. Погодин, М.П. Исторические афоризмы / М.П. Погодин // Тайны истории. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 16–75.
4. Погодин, М.П. Историко-критические отрывки: в 2 кн. / М.П. Погодин. – М.: Синодальная типография, 1846, 1867. – Кн. 2.
5. Погодин, М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова / М.П. Погодин // Русский архив. – 1871. – № 12. – Стб. 2078–2111.
6. Погодин, М.П. Автобиография / М.П. Погодин // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета: в 2 ч. – М.: Университетская типография, 1855. – Ч. 2. – С. 230–274.
7. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. / Н.П. Барсуков. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1888–1910. – Кн. 22.
8. Пыпин, А.Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов / А.Н. Пыпин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1873. – 514 с.
9. Ключевский, В.О. М.П. Погодин / В.О. Ключевский // Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М.: Наука, 1983. – С. 138–152.
10. Кавелин, К.Д. Исторические труды М.П. Погодина / К.Д. Кавелин // Собрание сочинений: в 8 т. / К.Д. Кавелин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – Т. 1. – Стб. 95–251.
11. Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других / С.М. Соловьев // Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М.: Мысль, 1995. – Кн. 18. – С. 529–660.
12. Погодин, М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 т. / М.П. Погодин В. Головина, 1846–1859. – 7 т.

Поступила в редакцию 25.11.2015 г.

УДК 069(091)(47+57)

Музейная политика БССР в послевоенное пятилетие

Лесная О.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Оценка партийно-государственной политики в области музейного дела БССР, проводимой в послевоенное пятилетие, позволяет наиболее полно представить картину становления и развития музейного дела в республике и избежать ошибок при формировании и реализации современной музейной политики.

Цель статьи – комплексное исследование государственной политики в области музейного дела БССР в послевоенное пятилетие.

Материал и методы. Работа основана на архивных материалах фонда Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР, фонда партархива Института истории партии при ЦК КПБ, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, фонда учреждений и организаций культуры, искусства, печати, СМИ, хранящихся в Государственном архиве Витебской области: докладные, справки и сведения обкомов, райкомов КП(б)Б, Комитета по делам культурно-просветительных учреждений, постановления Совета Министров СССР и БССР о деятельности музеев республики в период с 1944 по 1950 г. При этом использовались историко-сравнительный и описательно-аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. За годы Великой Отечественной войны музейные здания, архивы и экспонаты были полностью уничтожены или оказались сильно повреждены. В 1944 г. в Беларуси начались работы по восстановлению музейной сети. В результате в республике к 1950 г. было открыто для посещения 17 музеев. Все восстановленные музеи находились в ведении системы Наркомпроса БССР, Управления по делам искусств и других ведомств. В 1945 г. организован Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК БССР, в структуре которого действовал отдел Управления музеев. Учитывая отставание в восстановлении музейной сети БССР, по сравнению с другими союзными республиками, в стране предпринималось ряд необходимых мер: организация учебы по повышению квалификации музейных работников, увеличение заработной платы работников музеев, восстановление районных краеведческих музеев.

Заключение. Была восстановлена и открыта для посещения большая часть музеев довоенного времени. К 1950 г. музейная сеть БССР насчитывала 14 музеев системы Комитета по делам культурно-просветительных учреждений, 1 музей Управления по делам искусств, 2 музея других ведомств. Основные проблемы, которые препятствовали полноценному развертыванию музейной сети БССР в послевоенное время, были связаны с недостаточно спланированной работой местных партийных и советских организаций, отсутствием помещений, необходимых для полноценного функционирования музеев, и дефицитом профессионально подготовленных кадров.

Ключевые слова: музейное дело БССР, музейная политика, восстановление музейной сети БССР.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 95–99)

Museum Policy of the BSSR
in the Post War Five Year Period

Lesnaya O.Yu.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Assessment of the Party and state policy in the field of museum business in the BSSR in the post war five year period makes it possible to have a complete picture of maturation and development of the museum business in the BSSR and to avoid mistakes while shaping and implementation of the contemporary museum policy.

The aim of the article is a complex study of the state policy in the field of museum business in the BSSR in the post war five years.

Material and methods. The study is based on archive materials from BSSR Council of Ministers Cultural and Educational Institutions Committee fund, Central Committee of the Communist Party Institute of the Party History archive fund, which are stored in the National Archive of the Republic of Belarus, culture, art, mass media institutions fund, which are stored in the state Archive of Vitebsk Region: reports, Region and District Committees data, as well as those of Culture and Education Committee, Decrees of the Council of Ministers of the BSSR and the USSR on museum activities of the Republic between 1944 and 1950. The historical and comparative and the descriptive and analytical methods were used.

Findings and their discussion. During the Great Patriotic War museum buildings, archives and exhibits were completely destroyed or heavily damaged. In 1944 in Belarus works started on the reconstruction of the museum network. As a result,

Адрес для корреспонденции: e-mail: natashasugako@tut.by – Н.А. Сугако

by 1950 17 museums had been opened for visitors. Commissariat of Education of the BSSR, Art Department and other institutions were in charge of all the reconstructed museums. In 1945 BSSR Council of Ministers Culture and Education Institutions Committee was set up within which there was the Department of Museum Management. Considering problems in BSSR museum network restoration, compared to other Union republics, a number of necessary measures were taken: updating training of museum staff, museum workers salary increase, restoration of District Local museums.

Conclusion. Bigger part of pre war museums was restored and opened for visitors. By 1950 the BSSR museum network had counted 14 museums of the system of Culture and Education Institutions Committee, 1 museum of the Art Department, 2 museums of other institutions. Basic problems, which hindered the wholesome development of museum network in the BSSR in the post war years, were connected with insufficiently planned work of local Party and Soviet bodies, with the lack of room necessary for museum functioning as well as insufficient professional training of workers.

Key words: museum business in the BSSR, museum policy, reconstruction of the museum network in the BSSR.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 95–99)

В наше время существенно возросло роль и значение музеев не только как научно-исследовательских и просветительных учреждений культуры, занимающихся сбором, хранением и показом музейных предметов, но и играющих немаловажную роль в сохранении нашей истории и становлении личности путем приобщения ее к ценностям историко-культурного наследия. Оценка партийно-государственной политики в области музейного дела БССР, проводимой в послевоенное пятилетие, позволяет наиболее полно представить картину становления и развития музейного дела в республике и избежать ошибок при формировании и реализации современной музейной политики.

Цель статьи – комплексное исследование государственной политики в области музейного дела БССР в послевоенное пятилетие.

Материал и методы. Работа основана на архивных материалах фонда Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР, фонда партархива Института истории партии при ЦК КПБ, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, фонда учреждений и организаций культуры, искусства, печати, СМИ, хранящихся в Государственном архиве Витебской области: докладные, справки и сведения обкомов, райкомов КП(б)Б, Комитета по делам культпросветучреждений, постановления Совета Министров СССР и БССР о деятельности музеев республики в период с 1944 по 1950 г. При этом использовались историко-сравнительный и описательно-аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. За годы Великой Отечественной войны были полностью уничтожены музейные здания, экспонаты и архивы Музея революции БССР, Дом 1-го съезда РСДРП, Могилевский, Гомельский, Барановичский областные историко-краеведческие музеи, Оршанский районный

краеведческий музей, музей Мицкевича в Новогрудке [1, д. 52, л. 5]. Уцелели, но оказались повреждены, здания Минского, Витебского, Пинского, Бобруйского, Брестского и Гродненского музеев [1, д. 26, л. 33].

В 1944 г. в Беларуси начались работы по восстановлению музейной сети республики. В Минске был открыт Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, стал функционировать Гомельский музей, приступил к восстановительным работам Витебский исторический музей [1, д. 26, л. 33]. Планировалось восстановить Пинский, Брестский и Гродненский областные историко-краеведческие музеи [1, д. 52, л. 6].

В 1945 г. было намечено восстановить Музей революции, музей А. Мицкевича, Бобруйский, Барановичский, Полоцкий и Полесский областные историко-краеведческие музеи, районные краеведческие музеи в Борисове, Турове, Слониме и Волковыске [1, д. 52, л. 6–7]. Обсуждался вопрос о возобновлении деятельности Государственной картинной галереи БССР [1, д. 26, л. 393], сооружении здания для Белорусского государственного музея [1, д. 281, л. 100, 167], восстановлении музея имени Орджоникидзе в Могилеве [1, д. 193, л. 181].

Восстановленные и вновь открытые для посетителей музеи состояли в ведении системы Наркомпроса БССР и Управления по делам искусств. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 24 апреля 1945 г. № 870 «О Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме БССР» был организован Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при СНК БССР на правах республиканского наркомата, а при исполкомах областных, городских Советов депутатов трудящихся – отделы культпросветработы, при райисполкомах – штат инспекторов культпросветработы. В структуре Комитета действовал отдел Управ-

ления музеев, возглавляемый В.Л. Венюковым [2, д. 1, л. 9; д. 17, л. 11; 3, с. 17].

Возрождению музеев и восстановлению музейной сети БССР способствовал Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг., принятый Верховным Советом СССР в 1946 г. и включивший план повышения материального и культурного уровня жизни народа. Согласно данному документу, в области культуры планировалось повысить государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание трудящихся города и деревни, а также восстановить в районах, подвергшихся оккупации, культурные учреждения, в том числе и музеи [4, с. 52–53].

Ограниченные материальные и финансовые возможности республики, значительная часть которой еще лежала в руинах, не позволили реализовать все намеченные планы. Так, исполкомы областных Советов депутатов трудящихся Минска, Могилева, Гомеля и Барановичей не смогли предоставить помещения для музеев, а следовательно, работа по их развертыванию была приостановлена [1, д. 52, л. 7]. Деятельность по организации и развертыванию музейной работы Государственной картинной галереи была затруднена из-за отсутствия отремонтированного помещения и искусствоведческих кадров [1, д. 26, л. 379].

Неоднократно зафиксировались случаи, когда здания, в которых размещались музеи довоенного времени, использовались не по назначению различными организациями. Так, здание Бобруйского музея было передано дому пионеров, помещение Брестского музея занимал детский кинотеатр [1, д. 26, л. 33]. Для того чтобы в будущем исключить такие случаи, Совет Министров СССР издал постановление от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому перемещение музеев из занимаемых ими помещений или полное (частичное) использование данных помещений не по назначению запрещалось. Единственным исключением из этого положения могло быть разрешение центральных органов, в ведении которых находились эти музеи (п. VI. 33) [1, д. 281, л. 99].

В вопросах восстановления музеев имела место и безынициативность органов местного управления. Нередко причинами неудовлетворительной работы партийных и советских органов были отсутствие должного руководства и контроля со стороны органов власти,

оперативности в принятии решений, своевременности в оповещении и выполнении приказов. Об этом свидетельствует Приказ от 31 октября 1947 г. № 162 Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР, где указано, что местные организации, и в первую очередь заведующие областными отделами культурно-просветительных учреждений, не проявляют инициативы и настойчивости в деле восстановления в областях краеведческих музеев. Примером осуществления такой политики был областной музей в г. Бресте, где при наличии штатного расписания и необходимых ассигнований музей так и не начал свою деятельность. Должной инициативы не было проявлено и в вопросе с восстановлением Полоцкого областного музея в помещении Софийского собора [5, д. 19, л. 302].

Отставание в восстановлении музейной сети было также обусловлено дефицитом профессионально подготовленных кадров, а иногда и их полным отсутствием. Так, восстановленные в 1944–1945 гг. музеи имели нормальные типовые штаты, в то же время краеведческие музеи, восстановленные в 1948 г., имели «карликовые» штаты, насчитывающие 1–2 сотрудника (директора и научного сотрудника) [1, д. 193, л. 179]. К 1950 г. штаты музеев, за исключением Гродненского, где не было заместителя директора по научной части, были укомплектованы. Большинство работников имело высшее образование. Так, из 81 сотрудника 14 имело среднее образование, 18 – незаконченное высшее, 47 – высшее образование. Получалось, что около 60% научных сотрудников имело высшее образование. Однако на деле ситуация была не столь радужной. Согласно справке о работе отдела музеев Комитета, штаты были укомплектованы сотрудниками, не имеющими опыта музейной работы, отсутствовали сотрудники со специальным музейным образованием [1, д. 281, л. 33–34, 166–167; д. 193, л. 180; 3, с. 48].

На собраниях и в стенной печати неоднократно выдвигались предложения организации профессионального обучения кадров. В докладной заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Беларуси С. Степина упоминается, что к 1950 г. в республике уже действовало три средних учебных заведения по подготовке кадров для культпросветучреждений, были организованы двухдневные ежемесячные районные семинары культпросветработников, месячные ежего-

дные областные курсы переподготовки. Однако зачастую двухдневные семинары проводились на низком идейном уровне, была зафиксирована низкая явка слушателей, не выполнялась программа семинаров, не соблюдались сроки проведения курсов, которые вместо нескольких дней проводились за пару часов. Разработка методических материалов и рекомендаций для лекторов семинаров практически не осуществлялась, работа Комитета ограничивалась обозначением тематики семинара [1, д. 281, л. 33–34].

Для улучшения функционирования музеев в 1950 г. планировалось укрепить кадры ведущих музеев страны выпускниками музейного отделения Московского и Ленинградского университетов, провести Республиканский семинар музейных работников по вопросам научно-исследовательской работы и улучшения экспозиции социалистического строительства в музеях, семинар заведующих областными отделами культпросветработы по вопросам музейного дела для повышения их деловой квалификации в этом направлении, двухдневное Республиканское совещание актива культпросветработников [1, д. 281, л. 167, 186–187].

Учитывая отставание в восстановлении музейной сети БССР по сравнению с другими союзными республиками, в стране планировалось предпринять ряд необходимых мер. Актуальным был вопрос увеличения заработной платы работников музеев. Особого внимания требовали к себе краеведческие музеи в западных областях БССР, которые должны были стать центром наглядной пропаганды материалистического мировоззрения. В связи с этим предполагалось восстановить областные краеведческие музеи в Бресте, Барановичах, Молодечно, районные в Лиде, Волковыске, Новогрудке, Несвиже, Сморгони, Ошмянах, Браславе, Глубоком, Ружанах, Каменце, Лунинце, Давид-Городке [1, д. 193, л. 181]. В ряде мест их надо было создавать впервые.

В результате проводимой работы музейная сеть БССР к 1950 г. уже насчитывала 17 музеев. Из них в системе Комитета по делам культпросветучреждений находилось 3 государственных музея (музей истории Великой Отечественной войны, Гродненский историко-археологический музей, Дом-музей 1-го съезда РСДРП), 8 областных краеведческих (Витебский, Бобруйский, Гомельский, Пинский, Барановичский, Полоцкий, Могилевский и Полесский), 1 районный краеведческий

в Волковыске имени П.И. Багратиона, 1 военно-исторический имени А.В. Суворова в Кобрине, 1 мемориальный имени К. Заслонова в Орше [1, д. 281, л. 163]. В ведении Управления по делам искусств находилась Государственная картинная галерея. Среди музеев других ведомств действовали музей Биофака БГУ и музей Я. Купалы [1, д. 193, л. 178].

Однако количественные показатели довоенного уровня музейной сети к 1950 г. так и не были достигнуты. В справке о работе отдела музеев Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров БССР отмечалось, что восстановление музеев к 1950 г. было выполнено только на 64% (восстановлено 14 из 22 музеев по плану). Особенно отставало восстановление районных краеведческих музеев [1, д. 281, л. 163]. Поэтому усилить темпы восстановления сети музеев БССР планировалось за счет восстановления районных краеведческих музеев в Слуцке, Климовичах, Мстиславле, Наровле, Новогрудке, Лиде, Горках, Молодечно и Барановичах [1, д. 281, л. 167].

Основными направлениями деятельности краеведческих музеев БССР в послевоенный период являлись собирательская деятельность, которая включала сбор, хранение и изучение материалов, характеризующих природу, историю и современную жизнь края; организация стационарных и передвижных выставок и экспозиций по отделам природы, истории, социалистического строительства и Великой Отечественной войны (экспозиционно-выставочная деятельность); культурно-массовая работа, проводимая в форме экскурсий, консультаций, подготовки статей и монографий, чтения лекций и докладов по тематике, разрабатываемой музеем; научно-исследовательская деятельность, в рамках которой организовывались краеведческие исследования и экспедиции по изучению родного края [2, д. 3, л. 47–51; д. 33, л. 2–5; 1, д. 52, л. 1–2].

В своей деятельности сотрудники музеев руководствовались «Типовым положением о местных музеях, краевых, областных и районных, состоящих на местном бюджете» от 1936 г., которое было переработано и дополнено в 1945 и 1946 гг. [2, д. 3, л. 47–51; д. 33, л. 2–5; 1, д. 52, л. 1–2], постановлениями Совета Министров БССР от 11 ноября 1947 г. № 1595 «О мероприятиях по улучшению показа социалистического строительства в музеях БССР» [2, д. 43, л. 291–291б], Совмина

СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» [1, д. 281, л. 99], Совета Министров БССР от 27 мая 1949 г. № 567 «Об отражении 30-летия БССР в экспозиции музеев республики» [5, д. 20, л. 708]. Методическую помощь по работе историко-краеведческим музеям и музею истории Великой Отечественной войны оказывал Научно-исследовательский институт музейной и краеведческой работы (г. Москва) [2, д. 11, л. 4, 8].

Заключение. Таким образом, в послевоенное время в БССР была восстановлена и открыта для посещений большая часть музеев довоенного времени. К 1950 г. музейная сеть насчитывала 14 музеев системы Комитета по делам культпросветучреждений, 1 музей Управления по делам искусств, 2 музея других ведомств. Музейную сеть составляли государственные, областные и районные музеи. Краеведческие музеи были самой большой группой музеев в БССР. Музеи находились в непосредственном подчинении Наркомпроса БССР, Комитета по делам культурно-просветительных учреждений и Управления по делам искусств при СНК БССР, а также других ведомств.

Основными проблемами, которые препятствовали полноценному развертыванию му-

зейной сети БССР в послевоенное время, были отсутствие помещений, необходимых для полноценного функционирования музеев, недостаточно спланированная работа местных партийных и советских организаций и дефицит профессионально подготовленных кадров. Для улучшения работы музеев планировалась организация учебы по повышению квалификации музейных работников, которая в полной мере так и не была налажена. Ассигнования, которые поступали из госбюджета, и низкие ставки заработной платы не давали возможности укомплектовать музеи квалифицированными кадрами.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 4-ПА. – Оп. 47.
2. НАРБ. – Фонд 790. – Оп. 1.
3. Гужаловский, А.А. Музеи Беларуси (1941–1991 гг.) / А.А. Гужаловский. – Минск: НАРБ, 2004. – 218 с.
4. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. – Минск: Гос. изд-во полит. лит., 1946. – 94 с.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2806. – Оп. 1.

Поступила в редакцию 30.11.2015 г.

УДК 930

К каталогу позднесредневековых бахчисарайских надписей

Чореф М.М.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижневартровский государственный университет», Нижневартовск (Россия)**

Одной из ключевых задач современной эпиграфики является изучение позднесредневековых текстов из Северного Причерноморья. Дело в том, что комплекс этих надписей содержит исчерпывающие сведения об образе жизни населения в период существования Крымского ханства. Учитывая важность задачи, попытаемся привлечь внимание к ней научной общественности путем публикации одного из таких текстов – закладной надписи Кантемира и Татара.

Цель исследования – освещение слабо изученных аспектов истории Крымского ханства, в частности, проявлений османского культурного влияния, одним из признаков которого стало возвышение незнатной городской элиты (выразителем ее интересов являлось мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии).

Материал и методы. Статья написана в результате изучения лапидарной надписи Кантемира и Татара, ныне украшающей вход в одну из городских мечетей Бахчисарая. Для ее атрибуции были задействованы османский письменный источник – мемуары Э. Челеби, лексикон арабского языка Э.В. Лейна, а также работы по восточной архитектуре и записки путешественников XVIII–XIX вв. Источниковый базис позволил сделать принципиально новые оценки и выводы.

При этом использовались идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Через прочтение и истолкование закладной надписи с именем Кантемира и Татара было установлено, что в эпоху расцвета Крымского ханства значительную роль в общественной жизни играли общины суфиев, к которым принадлежали и донаторы. Полагаем, что это могло быть вызвано османским влиянием.

Примечательно и то, что Кантемир и Татар были хотя и состоятельными, но незнатными горожанами. Не случайно они смело объявляли в тексте о своих профессиях. Полагаем, что это обстоятельство свидетельствует о значительности влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии.

Заключение. Надпись Кантемира и Татара является ценнейшим источником, освещающим социальную историю Крымского ханства периода его расцвета.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, эпиграфика, суфизм, социальная история.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 100–105)

To the Catalog of Late Medieval Bakhchysarai Inscriptions

Choref M.M.

**Federal State Funded Educational Establishment of Higher Professional Education
«Nizhnevartovsk State University», Nizhnevartovsk (Russia)**

One of key problems of contemporary epigraphics is studying of late medieval texts from Northern Black Sea Coast. The matter is that the complex of these inscriptions contains exhaustive data on the way of life of the population during the existence of Crimean Khanate. Considering importance of this task, we will try to draw attention to it of scientific community by the publication of one of such texts – Kantemir and Tatar's mortgage inscription.

The aim of the article is highlighting poorly studied aspects of Crimean Khanate history, in particular, manifestation of Ottoman cultural influence, one of the signs of which was elevation of non noble urban elite, whose interests were expressed by Muslim clergy, including mystic sufis.

Material and methods. The article is written as a result of studying of the lapidary inscription of Kantemir and Tatar which is nowadays decorating the entrance to one of the city of Bakhchysarai mosques. For its attribution an Ottoman written source – E. Chelebi's memoirs, the lexicon of the Arabic language by E.W. Lane, and also work on east architecture and notes of the travelers of the XVIII–XIX centuries were used. The source basis makes it possible to draw essentially new estimates and conclusions.

Ideographic, axiological, historical and comparative methods in organic link with principles of objectivity and historical approach are used in the paper.

Findings and their discussion. As a result of reading and interpretation of the mortgage inscription with Kantemir and Tatar's name it was established that in the era of blossoming of the Crimean Khanate the significant role in public life was

Адрес для корреспонденции: e-mail: choref@yandex.ru – М.М. Чореф

played by communities of sufis to which also donators belonged. We believe that it could be caused by Ottoman influence.

It is also remarkable that Kantemir and Tatar were wealthy, but not noble citizens. It is not incidentally that they directly declared in the text their professions. We believe that this circumstance testifies to relevancy of influence of the islamized urban population the spokesman of interests of which was Muslim clergy, including mystics-sufis.

Conclusion. *Kantemir and Tatar's inscription is the most valuable source which lightens social history of the Crimean Khanate of the period of its blossoming.*

Key words: *Crimean Khanate, Ottoman Empire, epigraphic, Sufism, social history.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 100–105)

Одной из ключевых задач современной эпиграфики является изучение позднесредневековых текстов из Северного Причерноморья. Дело в том, что комплекс этих надписей содержит исчерпывающие сведения об образе жизни населения в период существования Крымского ханства. Учитывая важность задачи, попытаемся привлечь внимание к ней научной общественности путем публикации одного из таких текстов – закладной надписи Кантемира и Татара.

Постановка проблемы вытекает из предмета статьи. В нашей работе излагаются и обосновываются соображения по поводу атрибуции закладной надписи горожан Кантемира и Татара, являвшимися членами суфийского ордена.

Цель исследования – освещение слабо изученных аспектов истории Крымского ханства, в частности, проявлений османского культурного влияния, одним из признаков которого стало возвышение незнатной городской элиты (выразителем ее интересов являлось мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии).

Материал и методы. Статья написана в результате изучения лапидарной надписи Кантемира и Татара, ныне украшающей вход в одну из городских мечетей Бахчисарая. Для ее атрибуции были задействованы османский письменный источник – мемуары Э. Челеби, лексикон арабского языка Э.В. Лейна, а также работы по восточной архитектуре и записки путешественников XVIII–XIX вв. Источниковый базис позволил сделать принципиально новые оценки и выводы.

При этом использовались идеографический, аксиологический, историко-сравнительный методы в органической связи с принципами объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Через прочтение и истолкование закладной надписи с именем Кантемира и Татара было установлено, что в эпоху расцвета Крымского ханства значительную роль в общественной жизни играли общины суфиев, к которым принадлежали и сами донаторы. Полагаем, что это могло быть вызвано османским влиянием.

Примечательно и то, что Кантемир и Татар были хотя и состоятельными, но незнатными горожанами. Не случайно они смело объявляли в тексте о своих профессиях. Полагаем, что это обстоятельство свидетельствует о значительности влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии.

Из множества квартальных мечетей⁵ Старого Бахчисарая к настоящему времени уцелели лишь единицы. Однако на ул. Севастопольской сохранились две джамии. К сожалению, их история практически не известна. Мы знаем только то, что одна из них – Молла-Мустафа (рис. 1), ныне датируется XVIII в., а вторая – Исми-хан (рис. 2–3), расположенная чуть ближе к Бахчисарайскому дворцу-музею, по рассказам местных жителей ранее была караимской кенассой⁶. Обследование этих памятников никогда не проводилось. В последние годы джамии ул. Севастопольской были реставрированы. Молла-Мустафа перестроили с использованием современных материалов, а Исми-хан покрыли новой крышей, но не укрепили ее ветхие стены, в результате чего процесс ее разрушения только ускорился (рис. 2).

Однако, несмотря на неумелую реставрацию, сохранились отдельные аутентичные элементы, которые, как нам кажется, могли бы быть интересны как историкам, интересующимся культовой архитектурой, так и эпиграфистам. Стоит обратить внимание на ложный южный вход в Исми-хан (рис. 2, 1, 3, 1). Заметим, что отнюдь не в каждом здании Старого Бахчисарая можно увидеть богато украшенный, но изначально заложенный портал.

⁵ По данным П.С. Палласа, в конце XVIII века в Бахчисарае была 31 мечеть [1, с. 29, л. 16 об.]. К середине XIX в. город вырос и их количество увеличилось. Так, по А.В. Терещенко, в нем уже было около 40 мечетей [2].

⁶ Первая мечеть была поставлена на учет решениями исполкома Крымского облсовета № 284 от 02.05.1979 г., а вторая – исполкома Крымского облсовета № 164 от 15.04.1986 г., причем, как кенасса. Соответствующие учетные документы готовились Управлением архитектуры и градостроительства и к настоящему времени не сохранились (информация предоставлена крымским историком В.Г. Зарубиным).

Однако известно, что подобные ложные входы устраивали в российских синагогах XIX–XX вв., которые по разным причинам нельзя было зарегистрировать в качестве культовых зданий (рис. 3, 2–4). Официально эти молельни считались частными домами. Действительно, непосвященному было довольно трудно определить их назначение. Ведь у них был богато украшенный парадный ложный вход с южной стороны, т.е. там, где войти в синагогу было бы невозможно, т.к. только в этой части здания располагался שְׁרֵיטָה – «Святой ковчег», в котором хранились свитки Торы (рис. 3, 2, 4). Подтверждает наше предположение и план здания – квадратного в сечении, с большой двухъярусной комнатой, стены которой на уровне второго этажа были обрамлены широкими и некогда прочными балконами из досок, опирающимися на бревна и огороженные перилами. На них во время молитвы находились женщины, наблюдающие за службой, проводимой мужчинами этажом ниже. О том, что в здании была синагога, говорит и наличие в круглых окнах второго этажа следов витражей с шестиконечными звездами (рис. 2, 2).

Как видим, информация местных жителей вполне достоверна. Позволим себе только несколько замечаний, как нам кажется, позволяющих уточнить важные моменты атрибуции этого здания. Дело в том, что жители Бахчисарая в XIX в. вряд ли знали греческое слово *συναγωγή* – «синагога, дом собрания». Зато им были знакомы созвучные ивритские термины בית כנסת или הכנסת, имеющие то же значение и достаточно хорошо распространенные в местной иудейской и караимской среде. Но только ортодоксальные евреи в Российской империи подвергались систематическим религиозным преследованиям и были вынуждены скрывать от властей свои молитвенные дома. Следовательно, Исми-хан первоначально была синагогой раввинистов⁷, построенной в первой половине XIX в.⁸ и по каким-

то не известным нам причинам переданной мусульманам. А так как в 1944 г. национальный состав населения Бахчисарая кардинально изменился, то в памяти народной сохранились только смутные сведения о первоначальном назначении этого строения. Местные жители знали только то, что в этом доме некогда находилась кенасса, а именно так большинство крымчан называет молитвенные дома караимов.

Однако обратимся к эпиграфическим памятникам. Их в мечетях довольно много. Дело в том, что пол Исми-хан в свое время был выложен обломками мусульманских надгробных плит. Причем, судя по следам подтески, их клали текстом вниз⁹. Хотя это и сберегло отдельные фрагменты эпитафий, но ломка камня для придания нужной формы сделала их практически нечитаемыми¹⁰. Зато почти целая мраморная закладная плита¹¹, размещенная над входом в Молла-Мустафа. У нее отбит только верхний левый угол, в котором, к счастью, не было текста. Начнем с этой плиты изучение неизданных эпиграфических памятников г. Бахчисарая.

Сразу же заметим, что у нас нет оснований считать, что эта плита изначально украшала вход в Молла-Мустафа. Ведь здание не раз перестраивалось. К примеру, его минарет мог быть сооружен в конце XVIII в. Тем же временем следует датировать и типично барочные пятигранные окна ее второго этажа [3, р. 360, 364]. В то же время закладная плита была высечена в 1600 г. Попытаемся прояснить это обстоятельство, проанализировав сам текст.

Заинтересовавшая нас плита представляет собой блок серого мрамора размером 39 на 25 см (рис. 4). Ее поверхность хорошо подтесана и отшлифована. На лицевой части плиты хорошо виден четырехугольный картуш со скругленными верхними углами, в который

⁷ По свидетельству А.В. Терещенко, представители этой религиозной общины проживали в Бахчисарае уже в первой половине XIX в. [2, с. 84–85]. У них был и молитвенный дом [2, с. 85]. Предполагаем, что он находился в здании современной Исми-хан.

⁸ Несмотря на то, что выяснение этого обстоятельства не является нашей основной задачей, мы не можем обойти его стороной. Наша датировка здания основывается не только на факте выкладки ее полов мусульманскими надгробиями XVIII–XIX вв., описи которых мы готовим, но и, собственно, архитектурных особенностей самого здания. Начнем с того, что у Исми-хан нет минарета. Очевидно и то, что его не было изначально. Кроме того, стены здания сложены из хорошего тесаного камня на известковом растворе, что опять-таки не характерно для крым-

ско-татарской кладки XVI–XVIII вв. Сам же ложный портал выполнен в классическом стиле. Обратим внимание хотя бы на изящные полуколонны и изысканные, но простые до безупречности обрамления высоких окон первого этажа. Поэтику здания только подчеркивают безукоризненные пояса. Столь же совершенны и круглые окна второго этажа. Вообще, складывается впечатление, что строили Исми-хан с учетом европейских строительных норм первой половины XIX в.

⁹ Сам факт использования мусульманских надгробий для выкладки пола, как нам кажется, убедительно опровергает гипотезу об изначально устройстве мечети в здании современной Исми-хан.

¹⁰ В настоящее время большая часть этих плит хранится в КРУ БИКЗ.

¹¹ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность И.В. Волкову, оказавшему неоценимую помощь в переводе этой надписи.

вписана пятистрочная низкорельефная надпись с четырьмя линиями-разделителями:

و الحسنات
و الخيرات
صاحب
و تعمير ططار
ترزى قنتمير
يچون فاتحه
الطيب روحلر
عبد
١٠٠٩
سنة

«Владыка и совершенств,
портной Кантемир, а строил
Татар,
раб Ордена¹².
Душам их –
Фатиху.
1009
года».

Текст выполнен шрифтом сулюс. Буквы переданы толстой ровной линией. Прослеживается особенность почерка мастера. Заметно, что он не выбирал фон из кружков букв *ف, ق, م, و, ة*. В надписи отсутствуют огласовки и прочие дополнительные знаки, что, впрочем, характерно для средневековой крымской мусульманской эпиграфики.

Надпись представляет собой сочетание арабских и тюркских слов. К последним можно отнести имена донаторов и слова *تعمير* – «строил» и *يچون* – «душам». Все почетные прозвища, эпитеты и благопожелания приведены на языке Корана. Из текста первой строки надписи следует, что один из донаторов именовал себя *الحسنات* – «владыка и совершенств». Эти определения не только подчеркивают благочестие и богатство жертвователя, но и свидетельствуют о его высоком положении в обществе. Очевидно, что именно он выделил средства на богоугодное дело, т.е. создал вакф. Однако донатор не принадлежал к родовой или служилой знати. Из второй строки надписи мы узнаем, что он был *ترزى* – «портной» [4, с. 100] и звали его *قنتمير* – «Кантемир». Очевидно, что жертвователь гордился своей профессией и считал ее престижной, раз уж приказал упомянуть о ней. Полагаем, что он занимал влиятельное положение в цеху бахчисарайских портных. Заметим, что сам факт участия Кан-

темира свидетельствует об усилении влияния торгово-ремесленной верхушки в жизни средневекового крымско-татарского общества, что, безусловно, должно быть увязано с относительным процветанием экономики государства. Вернее всего, именно этими обстоятельствами и следует объяснять временное улучшение монетной стопы серебра крымского чекана при Гази Гирае II (1588–1596, 1596–1607).

Но вернемся к нашей надписи. Далее по тексту упоминается Татар¹³, построивший богоугодное здание на средства Кантемира. О нем в надписи куда меньше сведений. Так как прославляющие его эпитеты в надписи отсутствуют, то он, очевидно, не принадлежал к элите. Можно даже предположить, что Татар был простым наемным работником, выполнившим поручение первого донатора. Ведь в тексте прямо сказано, что он строил на деньги Кантемира. Но в таком случае почему его упомянули в надписи? Заметим, что даже имена величайших архитекторов средневекового Востока не известны на закладных плитах их строений. Считаем, что поднятый нами вопрос достаточно важен и заслуживает тщательного рассмотрения.

К счастью, у нас достаточно информации для поиска ответа на него. Дело в том, что мы пока еще не истолковали весьма примечательную фразу *عبد الطيف*. Конечно, ее можно вовсе не переводить, посчитав одним из множества вновь выявленных средневековых татарских имен, образованных от мусульманских эпитетов. Или трактовать его как «раб призрака» или «раб видения»¹⁴. Также допустимо предполагать, что Татар был связанным какими-то обязательствами с общиной аравийского г. Таифа¹⁵. А если учесть то обстоятельство, что слово переводится и как «часть, доля» [5, р. 1905], то таинственного строителя можно вовсе посчитать если не рабом, то, в любом случае, зависимым человеком. Уж очень многозначно слово *طيف*, и совершенно однозначно трактуем термин *عبد*. Однако мы все же попробуем установить смысл выражения *عبد الطيف*.

¹² Обоснование перевода фразы *عبد الطيف* будет приведено ниже.

¹³ У нас нет никаких оснований трактовать слово *ططار* как указание на национальность строителя. Дело в том, что подобного рода обозначения не известны в мусульманской письменной традиции. Заметим, что однозвучные имена и фамилии известны у крымских татар.

¹⁴ Т.е. читать его как *طَيْف* [5, р. 1905–1906].

¹⁵ *الطائف* – арабиграфическое написание.

Начнем с того, что наличие определенного артикля *ال* говорит о том, что заинтересовавшее нас слово представляет собой некоторое общеизвестное понятие, если и нуждавшееся в уточнении, то исключительно для конкретизации. И, действительно, в лексиконе образованного жителя средневекового Ближнего Востока в то время обязательно присутствовало слово *طيف* – «группа, сообщество, организация», а именно так называли суфийские общины. А именно их члены и именовали себя «рабами Ордена»¹⁶. Полагаем, что упомянутый в надписи Татар был суфием.

Перейдем к последним словам текста. Речь идет о фразе *روحلر یچون فاتحه*. Перевести ее можно только как «душам их – Фатиху». Понятно, что речь идет о благопожеланиях, содержащихся в первой, «открывающей» суре Корана. Упоминания о ней традиционно размещали как в посвяtitельных надписях, так и в средневековых эпитафиях [7, с. 504–507, № 10–25]. В тексте указана и дата завершения строительства. Его завершили в 1109 г.х.

Но что же за сооружение воздвигли Кантемир и Татар? Полагаем, что это было важное здание, очевидно, культовое, располагавшееся если не на месте, то поблизости от современной джамии Молла-Мустафа. Иначе не было бы смысла размещать старую закладную плиту над входом во вновь возведенное здание. Вернее всего, донаторы построили мечеть.

Заметим, что нас не должно удивлять отсутствие в тексте надписи очевидного упоминания мечети. Дело в том, что подобного рода сведения отсутствуют на закладных плитах ряда джамий Востока. Известны они и в Крыму. К примеру, на закладной плите Биюк-Джами, размещенной ныне над входом в баню Сары-Гюзель, выбиты только имена донатора Сахиб Гирая I (1532–1551) и его предков [8, с. 472–480]. О назначении здания можно узнать только из текста.

Заключение. Разобрав надпись над входом в Молла-Мустафа, нам удалось установить предназначение и дату возведения здания, построенного Кантамиром и Татаром. Очевидно, что оно изначально было мечетью, посещаемой местными суфиями. Сам факт ее возведения донаторами, как было установлено, не относящимися к татарской знати, свиде-

тельствует об усилении влияния исламизированного городского населения, выразителем интересов которого стало мусульманское духовенство, в т.ч. и мистики-суфии. Заметим, что именно эту картину в Крыму наблюдал Эвлия Челеби [9, с. 51, 572, 605, 606, 607, 619–620, 623, 643–644, 647, 666, 676–677, 680–681, 687–688, 692–697]. Полагаем, что подобные новации стали возможны только в результате усиления османского влияния в регионе. Возможно, что именно с данным обстоятельством следует увязывать и одновременное проникновение в Северное Причерноморье крупной монеты турецкого чекана¹⁷. Однако поиск ответа на этот вопрос уж слишком сильно уводит нас от темы нашего исследования. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся выявить эпиграфический материал, исследование которого позволит найти ответ на поставленный вопрос.

Литература

1. Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–94 гг. / П.С. Паллас // Научное наследство. – 1999. – Т. 27. – 249 с.
2. Терещенко, А.В. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма / А.В. Терещенко // ЖМНП. – 1854. – Ч. LXXXIV. Отд. II. – С. 85.
3. Freely, J. A History of Ottoman Architecture / J. Freely. – Boston: WIT Press. – 2011. – 464 p.
4. Баранов, Х.К. Большой арабско-русский словарь / Х.К. Баранов. – М.: Живой язык, 2006. – Т. I. – 456 с.
5. Lane, E.W. An Arabic-English Lexicon. In eight part / E.W. Lane. – Beirut: Librairie du Liban, 1968. – P. V. – 1758–2219 p.
6. Trimmingham, J.S. The Sufi Orders in Islam / J.S. Trimmingham. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – 333 p.
7. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи / сост.: А. Борзенко, Ф.М. Домбровский, В.П. Кузьмин, А.Ф. Негри // ЗООИД. – 1848. – Т. II. Отд. II. – С. 489–528.
8. Чореф, М.М. Строительная надпись над входом в Сары-Гюзель / М.М. Чореф // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – Київ, 2010. – Вип. 19. – С. 472–480.
9. Celebi, E. Seyahatnamesi / E. Celebi. – İstanbul: Devlet Matbaası, 1928. – Cilt. VII. – 912 s.
10. Чореф, М.М. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI–XIX вв. /

¹⁶ Мы принимаем трактовку термина *ā'ifas*, предложенную Д.С. Тримингэмом [6, р. 67–105].

¹⁷ Нам удалось проследить это покладам [10, с. 359–362].

М.М. Чореф // МАИАСК. 2011. – Вып. III. – С. 359–370.

Список использованных сокращений

ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЗООИД Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

КРУ БИКЗ Крымское республиканское учреждение «Бахчисарайский историко-культурный заповедник».

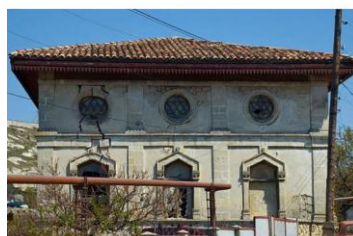
МАИАСК Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь–Тюмень.

Рис. 1. Мечеть Молла-Мустафа, современное состояние (фотография Н.В. Днепровского).

1

2

Рис. 2. Мечеть Исми-хан:

1 – вид с юга (фотография Н.В. Днепровского); 2 – вид с запада.

1

2

3

4

Рис. 3. Ложные южные порталы в синагогах Восточной Европы:

1 – южный вход в Исми-хан; 2 – синагога на Подоле (Киев), вид с юга; 3 – малая караимская кенасса г. Евпатории, вид на שַׁדְּרָחַן . В южной стене этого здания нет ложного входа; 4 – שַׁדְּרָחַן синагоги на Подоле (Киев).

Рис. 4. Закладная надпись из мечети Молла-Мустафа.

Поступила в редакцию 06.07.2015 г.

УДК 94(5-12+73)

Сотрудничество стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и Соединенных Штатов Америки

Подберезных И.Е.

*Учреждение образования «Черноморский государственный университет
имени Петра Могилы», Николаев (Украина)*

Со времени своего создания АСЕАН (1967 г.) сумела получить признанный международный авторитет как стратегически важная и влиятельная региональная организация, членами которой стали десять стран Юго-Восточной Азии: Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам. АСЕАН принадлежит исключительная роль в развитии регионального сотрудничества и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Поэтому изучение механизмов влияния США в Юго-Восточной Азии (ЮВА) имеет как теоретическое, так и практическое значение для формирования внешнеполитического курса США, в частности для выработки стратегии государства по развитию более тесных отношений со странами Юго-Восточной Азии.

Цель статьи – показать влияние США на политику государств АСЕАН, а также выделить сферы, в которых США и АСЕАН взаимодействуют.

Материал и методы. При подготовке исследования были использованы опубликованные работы американских ученых и дипломатов, которые изучают стратегические интересы политики США в странах Юго-Восточной Азии. Методологическую основу определила многоаспектность выбранной проблемы, поэтому при написании статьи были применены общенаучные методы: историко-хронологический, структурно-функциональный и компаративистский.

Результаты и их обсуждение. Исследованы этапы формирования концепции политической стабильности в Юго-Восточной Азии и выяснена динамика развития институциональных механизмов ее обеспечения, а также выявлены изменения в концепции политической стабильности в Юго-Восточной Азии через призму влияния такой ведущей страны мира, как США, в частности через сравнение мощности, уровня и интенсивности его взаимодействия со странами региона.

В исследовании использован системный подход, поскольку страны-члены АСЕАН являются центральными элементами региональной системы Юго-Восточной Азии, которая представляет собой важный элемент всей системы международных отношений.

Доказана значительная роль США во взаимоотношениях и региональной безопасности стран Юго-Восточной Азии. В результате проведенного анализа выделен ряд вопросов, которые остаются предметом прогнозирования и разработки специалистами в области истории и международных отношений.

Заключение. Выявлено, что стратегии хеджирования от США являются относительными. Для государств Юго-Восточной Азии роль США имеет решающее значение и только от них зависит, смогут ли эти страны ввести в действие свои стратегии, которые включают в себя ряд мероприятий, направленных на предотвращение дестабилизирующих факторов. Если Вашингтон захочет поддержать их, то это поможет наиболее эффективно сосредоточиться на дипломатических и экономических аспектах развития взаимоотношений со странами региона.

Ключевые слова: Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), региональная безопасность, региональная политика, Соединенные Штаты Америки (США).

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 106–111)

Cooperation of Association of Southeast Asia Countries and the United States of America

Podberezhnykh I.E.

*Educational establishment «Petro Mohyla Black Sea State University»,
Mykolayiv (Ukraine)*

Since the establishment (1967) ASEAN managed to get recognized in international authority as a strategically important and influential regional organization, the members of which were the ten countries of South-East Asian Nations: Brunei, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, Myanmar, Philippines, Singapore, Thailand, Vietnam. ASEAN has an exclusive role

Адрес для корреспонденции: e-mail: innaevgenivna@mail.ru – И.Е. Подберезных

in the development of regional cooperation and security in the Asia-Pacific Region (APR). Analysis of the problems of US mechanisms of influence in Southeast Asia can have a common theoretical and also practical importance for the formation of US foreign policy, in particular for the creation the strategy of the state for the development of closer relations with the countries of Southeast Asia.

Purpose of the work – to show the influence of the US on the policy of ASEAN, as well as highlighting areas in which the United States and ASEAN cooperate.

Material and methods. The methodological basis of the research are identified by the multidimensionality of the selected issues, so in the article was used common scientific methods, namely historical and chronological, structural-functional and comparative. These methods allow to explore the stages of formation of the concept of political stability in Southeast Asia, and to find out the dynamics of the institutional mechanisms of its maintenance, as well as to detect changes in the concept of political stability in Southeast Asia through influence of leading countries such like the US, in particular through comparing the power level and intensity of the interaction of these countries with the countries of the region.

In the research is used a systematic approach because ASEAN countries are central elements of a regional system of Southeast Asia, and this region is an important element of the whole system of international relations and Asian particular.

Findings and their discussion. It's proved a significant role of the USA in the relations and regional security of Southeast Asian countries. The analysis highlighted a number of issues which remain as the subject of forecasting and researching of experts in history and international relations.

Conclusion. It's scientific reasoned that the hedging strategy of the United States are relative. For the states of Southeast Asia the US role was crucial and only on these countries depend whether they can't or not bring to life their strategies. Strategies are a significant pragmatic alternative way to include a number of activities aimed to preventing and contrasting the destabilizing power. If Washington wants to support them, it will help to focus on the most effective diplomatic and economic aspects in the expansion of its influence on these regions.

There are two consequences of these conceptual conclusions. Firstly, the concept of power in Southeast Asia focuses on equal attention to hard military power and soft political and economic influence. Given the lack of traditional inter-state conflicts in which the United States can easily intervene, politicians of the region are more interested in how American power can be translated into «subjective» power that can be directed towards tangible results. Secondly, against this background, it becomes more difficult to balance than it is commonly understood. In fact, the strategy of limiting the influence of the United States has results. It includes not only the increasing in military arsenals and unions as deterrents, but in fact entails a sustainable and more subtle trace of the relative influence.

Key words: Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), regional security, regional policy, the United States.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 106–111)

В регионе Юго-Восточной Азии, исторически открытой для торговли, миграции и вмешательства внешних сил, стратегия безопасности ожидаемо охватывает широкий круг стран. Действительно, этот регион часто рассматривается как неотъемлемая составляющая системы безопасности Восточной Азии. В свете последних политических и экономических сдвигов ключевые страны Юго-Восточной Азии получили новый геополитический расклад в регионе. Столкнувшись с такой ситуацией, характеризующейся неопределенностью, они приняли значительные меры, попытавшись сформировать свою структуру региональной безопасности.

Цель статьи – показать влияние США на политику государств АСЕАН, а также выделение сфер, в которых США и АСЕАН взаимодействуют.

Материал и методы. При подготовке исследования были использованы опубликованные работы американских ученых и дипломатов, которые изучают стратегические интересы политики США в странах Юго-Восточной Азии. Методологическую основу определила многоаспектность выбранной проблемы, поэтому при написании статьи были применены общенауч-

ные методы: историко-хронологический, структурно-функциональный и компаративистский. Они позволили исследовать этапы формирования концепции политической стабильности в Юго-Восточной Азии и выяснить динамику развития институциональных механизмов ее обеспечения, а также выявили изменения в концепции политической стабильности в Юго-Восточной Азии через призму влияния такой ведущей страны мира, как США, в частности через сравнение мощности, уровня и интенсивности ее взаимодействия со странами региона.

В исследовании использован системный подход, поскольку страны-члены АСЕАН являются центральными элементами региональной системы Юго-Восточной Азии, которая представляет собой важный элемент всей системы международных отношений.

Результаты и их обсуждение. После «холодной войны» западные ученые, как правило, выдвигали пессимистичные прогнозы относительно потенциального сокращения доли США в этом регионе. Причинами этому были экономический подъем Китая и ремилитаризация Японии, что вело к более неопределенному ландшафту безопасности. Подобного

сценария перехода к нестабильному многополярному региональному порядку с рядом крупных государств боялись и другие развитые государства Запада. Они выбрали для ограничения данной возможности достаточно тернистый путь.

С 1990-х гг. в основном Сингапур и Таиланд настаивают на региональной структуре безопасности, чтобы привлечь как можно больше крупных государств, насколько это возможно. Идея заключается в том, чтобы привлекать эти силы к более тесным экономическим и политическим связям с Юго-Восточной Азией в целом и развивать более глубокие политические и оборонные отношения с отдельными странами. То есть эти страны не пытаются застраховаться от многополярного порядка как такового, а, скорее, работают над устойчивостью регионального порядка из-за влияния других великих держав.

Но стоит отметить, что взятые вместе стратегии безопасности в Юго-Восточной Азии способствовали продолжению американского преобладания в регионе. Для стран АСЕАН приемлемо многоуровневое участие нескольких крупных государств в региональной системе. Но ни одна из этих стратегий не может быть эффективной без участия США.

Ограничения со стороны государств Юго-Восточной Азии однако создают определенные концептуальные проблемы, когда дело доходит до разработки стратегического сотрудничества с Соединенными Штатами, так как американские аналитики и политики, как правило, смотрят на ситуацию с точки зрения сбалансированного подхода. Но, как мы видим, под «балансом сил» в Юго-Восточной Азии понимается совсем не то, что мы привыкли видеть две равноправные стороны, находящиеся в постоянном взаимодействии между собой. Скорее, «баланс сил» в регионе означает сохранение регионального равновесия, основанного на преобладании США. По иронии судьбы это совпадает с политикой, сформулированной в ключевом стратегическом документе, принятом во время первого президентского срока Джорджа Буша. В 2001 году в «Четырехлетнем анализе обороны», опубликованном после 11 сентября, было принято решение укрепить лидерство США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это обусловлено тем, что «... существует вероятность появления грозного военного конкурента в регионе с большими ресурсами», а это могло повредить национальным интересам США, так как ни

одному государству мира США не могут позволить доминирование. Таким образом, Китай косвенно, но достаточно четко был определен в качестве потенциальной угрозы интересам США в регионе. Документ также обозначил субрегион «Малая Восточная Азия» с юга Японии до Бенгальского залива, в рамках которого США планировали базирование своих военных сил, чтобы справиться с возможными вызовами и угрозами со стороны потенциальных соперников. В эту стратегию включают также увеличение численности вооруженных сил США на Гуаме и авианосцев в западной части Тихого и Индийского океанов, размещение бомбардировщиков с большим радиусом действия и другие проекты, такие, как создание системы противоракетной обороны. Данная стратегия опирается на новый подход американского развития двусторонних союзов и военных отношений в регионе. Администрация Буша снова активизировала американо-японский альянс, а также укрепила свои военно-торговые связи с Тайванем.

Война с терроризмом также привела к укреплению ключевого стратегического партнерства США со странами Юго-Восточной Азии. Учитывая идентификацию Китая как потенциально мощного соперника, все эти действия можно рассматривать как упреждающую стратегию усиления позиций США в Восточной Азии путем окружения и сдерживания или ограничения Китая, прежде чем он станет слишком сильным.

Государства ЮВА, несмотря на политику сдерживания Китая, не отказываются от сотрудничества с ним до тех пор, пока политика ограничений не будет применена против них. Такой подход к растущей китайской мощи зависит от трех элементов. Во-первых, это успешная игра в «треугольной политике» — использование двусторонних отношений с одной великой державой как рычаг, чтобы улучшить отношения с другой. Это видно, например, в стратегии Таиланда по отношению к Китаю и США. Во-вторых, КНР является усиливающейся державой, а США проводят политику и ограничения, наращивая свою мощь в регионе, а также убеждая Пекин добровольно отказаться от всякой агрессии. Эти два элемента вместе, как правило, трактуются как элементы «сбалансированной» политики. В-третьих, интеграция и социализация Китая в региональной системе, позиционирование его как ответственной, конструктивной, региональной державы. Подобная стратегия озна-

чает, что поддержки государства ЮВА просят у США [1].

В процессе поддержки политики «глубокого взаимодействия» Соединенных Штатов Стивен Брукс, Джон Айкенберри и Уильям Уолфорт подчеркнули, что приверженность безопасности США и других государств в Европе, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, вместе с американским доминированием, «душит» региональное соперничество и препятствует возрождению эпохи многополярной силовой политики [2].

В Восточной Азии США создают систему дискретных, эксклюзивных альянсов с Республикой Корея, Китайской Республикой и Японией, систему, отличную от многосторонних союзов безопасности в Европе. Двусторонние отношения появились в Восточной Азии в качестве доминирующей структуры безопасности через «PowerPlay».

«Powerplay» относится к строительству асимметричного альянса, призванного осуществлять максимальный контроль над действиями младшего союзника. Администрации Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра пришли к выводу, что они могли бы наилучшим образом сдерживать прозападных диктаторов Восточной Азии через двусторонние альянсы, а не через общерегиональный многосторонний механизм. Сегоднешняя ситуация в Восточной Азии является последствием этого выбора [3].

По словам экс-премьер-министра Сингапура Го Чок Тонга, Соединенные Штаты обнадёживают своей стабилизирующей силой в Юго-Восточной Азии. Американское присутствие помогает удерживать мир и стабильность в Азии. Присутствие США в регионе в период «холодной войны», как отмечается, позволило некоммунистической Юго-Восточной Азии развиваться экономически, а победа Америки в «холодной войне» и американские инвестиции и технологии рассматриваются как признаки новой экономики. Для лидеров Сингапура США продолжают оставаться надежной опорой, без каких-либо территориальных амбиций в регионе и, кроме того, страной, поддерживающей свободу и способствующей экономическому развитию региона.

Соединенные Штаты выступают в качестве ключевой стратегической силы в регионе по двум причинам: с одной стороны, союз с Японией удерживает японскую ремилитаризацию; с другой стороны, американское военное присутствие отпугивает китайскую агрессию в районе Тайваньского пролива и Южно-

Китайского моря. Такие действия США создали для Китая определенные трудности на пути усиления его влияния в регионе.

Стратегия региональной безопасности Сингапура характеризуется перестраховкой, поскольку, несмотря на тесное сотрудничество с США, он не пошел на тесный альянс с Вашингтоном, из-за страха перед реакцией своих непосредственных соседей или Китая. При этом для Сингапура гораздо более выгодно тесно сотрудничать с США, чем с Китаем, в стратегических условиях. Некоторые аналитики предположили, что это отражает вероятный выбор для Сингапура.

В Сингапуре, где всегда имела место некоторая чувствительность к восприятию Китая как «угрозы», политическая элита была настроена на взаимодействие с Китаем в политической и экономической сферах с 1990 года. Эта стратегия «управлять» подъемом Китая с минимальным ущербом для региона опирается на убеждении, что интеграция Китая в систему региональной и международной экономики поможет ему процветать и развиваться по установленным правилам игры. Таким образом, взаимодействие с Пекином в установлении статус-кво является благом для региона [4–5].

Сингапур тесно сотрудничает с Соединенными Штатами по ключевым вопросам. Например, антитеррористический вопрос, включающий участие страны в возглавляемой США инициативе по перехвату нелегальных грузов с оружием, перевозимых по морю, воздуху и земле. Два государства на данный момент ведут переговоры по новому базовому соглашению о стратегическом партнерстве в области обороны и безопасности, которое будет расширять свои рамки текущего двустороннего сотрудничества в таких областях, как борьба с терроризмом, перевозки оружия массового уничтожения, совместные военные учения, политические диалоги и военная техника. США выступают неформальным лидером в отношениях с Сингапуром, потому что Вашингтон может предоставить важные общественные блага в сфере борьбы с терроризмом, а Пекин просто не в силах этого сделать. Тем не менее, эти два направления неразделимы: связывая себя более тесно с США в кратко- и среднесрочной борьбе с терроризмом, Сингапур также будет в состоянии помочь американцам в регионе противостоять Китаю.

Таиланд, для сравнения, имеет формальный альянс отношений с Соединенными Шта-

тами, подкрепленный договором 1962 года. С 1964 по 1975 год Вашингтон значительным образом влиял положительно на экономическую ситуацию в Таиланде, его внутреннюю и внешнюю безопасность. После вывода американских войск из Вьетнама Бангкок попытался проводить более сбалансированную политику в отношении великих держав, но де-факто конец этому положило стратегическое партнерство с Китаем после 1979 года. Даже с закрытием американских баз в Таиланде тайско-американский альянс не был расторгнут. Стороны продолжали проводить совместные военные учения, координировали разведывательную деятельность, наладили сотрудничество в экономической сфере и внесли вклад в американские военные кампании за рубежом. С точки зрения Бангкока, союз был важен в качестве инструмента хеджирования против потенциальных угроз в целом. Ограничительный характер альянса и в дальнейшем проявлялся в том, что, например, в отличие от американо-японского альянса, тайско-американские отношения не обновлялись после окончания «холодной войны». Тайские чиновники относятся к альянсу как «запасному варианту». Возможно, это свидетельствует о проявляемой Таиландом осторожности, чтобы лишний раз не раздражать Пекин.

В данном контексте есть два основания ожидать, что в тайско-американском альянсе отношения в сфере безопасности активизируются в ближайшие годы. Во-первых, угроза терроризма. Волна террористических атак в 2003 году переместила Таиланд на передний план в Юго-Восточной Азии в этой сфере, Вашингтон сейчас проявляет большую заинтересованность в союзнике. Кроме сотрудничества по вопросам разведки, Таиланд подписал ряд инициатив, в том числе инициативы контейнерной безопасности и двустороннего соглашения о спутниковом слежении за передвижением контейнеров с тайской на американскую границу. Также правительство пошло на восстановление прежних авиабаз США в Утапао и военно-морской базы в Саттахип для размещения американской военной техники и боеприпасов в целях передового базирования и операций американцев в регионе. Кроме того, было известно, что администрация Буша предложила создать военную базу на юге Таиланда. К тому же, если насилие в южных провинциях будет расти, Бангкок мо-

жет рассмотреть американскую помощь вдоль линий Баликатану, в направлении к Филиппинским островам.

Второй причиной в ожидании более тесного американо-тайского взаимодействия в сфере безопасности является то, что тайцы традиционно сложные политики, как видно из истории их дипломатии. Королевство имеет долгую историю стратегического сотрудничества, а также опыт решать собственные проблемы, национальные интересы, вопросы безопасности путем заключения союзов с великими державами. Во время конфликтов в Индокитае они умело использовали ситуацию в свою пользу, прибегая к дипломатии в сотрудничестве с великими державами в регионе. Таким образом, Бангкок одновременно укрепляет свои отношения с Китаем и в то же время хочет сделать все возможное, чтобы углубить свои отношения с США для получения из этого максимальной выгоды.

Вьетнамские чиновники также в частном порядке выражают желание видеть США своим союзником, особенно в части, касающейся вопросов свободы судоходства и общей стабильности в Восточной Азии. Они считают, что признаки беспокойства США могут помочь ситуации в регионе удержать потенциальный китайский авантюризм. Один американский аналитик также предположил, что Соединенные Штаты могут содействовать стабилизации региона Южно-Китайского моря в нескольких направлениях: путем контроля военной активности региональных держав, проведением по решению имеющихся проблем периодических военно-морских учений, а также поддержки многостороннего диалога [6].

Заключение. Исследование показывает, что стратегии хеджирования от США государствами АСЕАН являются относительными. Для стран Юго-Восточной Азии роль Соединенных Штатов имеет решающее значение: только от них зависит, смогут ли страны АСЕАН воплотить в жизнь свои стратегии, представляющие собой значительную прагматичную альтернативу существующей ситуации. Если Вашингтон захочет поддержать их, то это поможет наиболее эффективно сосредоточиться на дипломатических и экономических аспектах в расширении американского влияния на регионы.

Таким образом, напрашивается два концептуальных вывода. Во-первых, внешнеполитические стратегии государств в Юго-Восточной Азии уделяют внимание поровну

элементам жесткой военной мощи и мягкому политико-экономическому влиянию. Учитывая отсутствие традиционных межгосударственных конфликтов, в которые Соединенные Штаты могут легко вмешаться, политические круги стран региона в большей степени заинтересованы в том, чтобы американская мощь была выгодна их странам. Во-вторых, на подобном фоне балансировать государствам АСЕАН становится сложнее, чем это обычно понимается. На самом деле, стратегия ограничения имеет свои результаты. Она включает в себя не только наращивание военных arsenалов и союзов в качестве сдерживающих факторов, но и влечет за собой устойчивый и более тонкий след относительного влияния.

Литература

1. Mathews, B. Bangkok's Fine Balance: Thailand's China Debate / B. Mathews // Special Assessment, Honolulu: Asia-Pacific Center for Strategic Studies, December 2003.
2. Craig, C. Correspondence: Debating American Engagement: The Future of U.S. [Electronic resource] / C. Craig, B.H. Friedman / International Securityb volume 38, issue 2, pages 181–199. – Mode of access: <http://muse.jhu.edu/>.
3. Cha, V.D. Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia [Electronic resource] / V.D. Cha / International Security. Winter 2010, Vol. 34, No. 3, Pages 158–196. – Mode of access: <http://muse.jhu.edu/>.
4. Yuen Foong Khong. Singapore: A Time for Economic and Political Engagmentio / Yuen Foong Khong. – New York: Routledge, 1999, p. 109.
5. Johnston, A.I. Socialization in International Institutions: “The ASEAN Way and International Relations Theory”, in International Relations Theory and the Asia-Pacific / A.I. Johnston. – New York: Columbia University Press, 2003, p. 108.
6. Kenney, H.J. Shadow of the Dragon: Vietnam's continuing struggle with China and its implications for U.S. foreign policy / H.J. Kenney. – Washington D.C.: Brassey's, 2002.

Поступила в редакцию 01.02.2015 г.

УДК 94/47+57/«1941/45»:930.2+930.2+930.1

Образы «врага» и «друга» в исторической памяти свидетелей войны: теоретико-методологические основания реконструкции

Белокрылова В.А.

*Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск*

Статья посвящена обсуждению исследовательских инструментов и концептуальных предпосылок тематического научного проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию юбилею Победы. Проект выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Цель – выработка адекватного исследовательской задаче междисциплинарного методологического инструментария для реконструкции содержания образов «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны.

Материал и методы. В рамках настоящего проекта авторы исследуют потенциал метода устной истории и метода сократического диалога как разновидности практической (инструментально ориентированной) философии. С целью выработки отвечающих задачам проекта технологий сбора устных свидетельств и их последующей философско-мировоззренческой интерпретации предлагается теоретический синтез данных исследовательских средств.

Результаты и их обсуждение. В статье определяется мировоззренческий статус образов «врага» и «друга» в контексте конструирования и трансляции исторической памяти, формулируются рамочные теоретико-методологические принципы сбора и обработки устных свидетельств, раскрывается трансдисциплинарный характер метода устной истории. В работе вводятся и обосновываются принципы неустрашимости оценочной нагруженности повествований респондентов, «герменевтический круг» в интерпретации опыта прошлого, эвристичность приемов сократического диалога.

Заключение. Значительный мировоззренческий вес и идеологическая нагруженность образов «врага» и «друга» как системообразующих компонентов исторической памяти обусловили необходимость выработки оригинального междисциплинарного инструментария, позволяющего осуществить их реконструкцию и содержательную философскую интерпретацию. Теоретические выводы, полученные в ходе настоящего проекта, будут полезны для осмысления теории и практики современных политехнологий, для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы.

Ключевые слова: образы «врага» и «друга», историческая память, устная история, динамика общественного сознания.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 113–120)

Friend and Enemy Images in the Historical Memory of War Witnesses: Theoretical and Methodological Base of Reconstruction

Belokrylova V.A.

State Scientific Establishment «Institute of Philosophy of the NAS of Belarus», Minsk

The article is devoted to research instruments and conceptual background of the thematic scientific project «Friend and enemy images in the memory of witnesses of the Great Patriotic War: philosophical aspects of shaping historical memory», dedicated to the 70-th anniversary of the Victory. The project is implemented with financial assistance of Belarusian Republican Fund of Fundamental Research, agreement № Г15-106.

The aim of the research is to develop inter-disciplinary methodological instruments for reconstruction of images of friend and enemy in the memory of witnesses of the Great Patriotic War.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ralfina@rambler.ru – В.А. Белокрылова

Material and methods. Within this project the authors study the potential of the oral history method and the Socratic dialogue method as kinds of practical (instrumentally oriented) philosophy. In order to work out the technologies of collection of oral evidence with the following philosophical and ideological interpretation it is offered to synthesize theoretically the mentioned research tools.

Findings and their discussion. The articles defines the worldview status of the images of friend and enemy in the context of construction and transfer of historical memory. The framework theoretical and methodological principles of collection and processing of oral evidence are formulated. The trans-disciplinary nature of the method of oral history is discussed. The work introduces the principles of inevitability of evaluation in respondents' stories, «hermeneutical circle» in interpretation of the past experience, heuristic methods of the Socratic dialogue.

Conclusion. A significant ideological weight of the images of friend and enemy as system-forming components of historical memory justified the need to work out original inter-disciplinary instruments that help to make their reconstruction and philosophical interpretation. Theoretical results obtained during this research will be useful for comprehension of theory and practice of modern political technologies, improvement of the system of patriotic education and ideological work.

Key words: images of friend and enemy, historical memory, oral history, dynamics of social consciousness.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 113–120)

Настоящая статья посвящена обсуждению исследовательских инструментов и концептуальных предпосылок тематического научного проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию Победы. Проект выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Цель – выработка адекватного исследовательской задаче междисциплинарного методологического инструментария для реконструкции содержания образов «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны.

Материал и методы. В рамках настоящего проекта авторы исследуют потенциал метода устной истории и метода сократического диалога как разновидности практической (инструментально ориентированной) философии. С целью выработки отвечающих задачам проекта технологий сбора устных свидетельств и их последующей философско-мировоззренческой интерпретации предлагается теоретический синтез данных исследовательских средств.

Результаты и их обсуждение. В информационную эпоху содержание сознания более не может быть определено как личное достояние автономного индивида. Информационные потоки, а с ними – образы и установки сознания обретают товарное измерение, становятся объектом и фактором политики и геополитики. Образ мысли, страхи и желания людей сегодня успешно интегрированы в идеологии и политтехнологии. Память о прошлом также не является исключением из общего правила.

Механизмы формирования и направления динамики исторической памяти являются сегодня комплексным предметом изучения гуманитаристики. Многие ретранслируемые современными медиа образы по-прежнему отсылают к реперной точке новейшей истории – Великой Отечественной войне. В этом периоде, отделенном от нас значительной исторической дистанцией, по-прежнему пролегает идеологический и ценностный водораздел, продолжающий формировать отношения ко многим событиям современности [1]. К сожалению, сложившаяся в отечественной традиции исследовательская оптика мало ориентирована на анализ именно *отношения* – субъективно-смысловых и экзистенциальных аспектов исторической памяти. Установка на единообразный и практически безальтернативный характер содержания ценностно нагруженных образов, связанных с Великой Отечественной войной, ведет, на наш взгляд, к мифологизации истории, что сказывается и на понимании коллизий современности.

Восполнить существующий пробел в осмыслении полифонии образов общественного сознания, сформированных вокруг войны как глубокой экзистенциальной травмы, приблизиться к пониманию социально-психологических и культурных механизмов формирования личностных смыслов целесообразно за счет обращения к набирающей популярность междисциплинарной стратегии – устной истории. Органичным дополнением к ней послужат методики философского диалога и смысловой интерпретации.

Термин «устная (вербальная) история» начал употребляться в западной историографии сравнительно недавно – в середине XX века. Суть данного направления – необходимость дополнения сведений, полученных из офици-

альных источников, свидетельствами непосредственных участников и очевидцев событий. Это взгляд на события прошлого глазами простых людей, своеобразная демократизация и «нарративизация» исторического знания. Важнейшие ресурсы, которые становятся благодаря устной истории достоянием теоретической рефлексии, – личный жизненный опыт, переживания, мысли и оценки людей по поводу их исторического прошлого.

Становление стратегии устной истории происходит в общем контексте обращения гуманитариев в своих исследовательских проектах к биографическому методу. Рассказы и воспоминания людей как научный ресурс активно используются в этнографии, антропологии, социологии, психологии.

На первый взгляд, устная история радикально отходит от канонов научного объективизма. Рассказы людей о времени и о себе субъективны по определению. Включая их в научный оборот, ученый имеет дело со вторичной, опосредованной личным опытом и ценностями картиной исторических событий и процессов. Объект исследования здесь – прошлое, тем или иным образом отразившееся и интерпретированное в сознании, предметом анализа являются воспоминания и размышления очевидцев.

Устная история как исследовательская стратегия, апеллирующая к субъективному опыту, принадлежит парадигмальным рамкам постнеклассической картины мира. Прошлое здесь – это не только то, «как было на самом деле», но и то, как оно оценивалось очевидцами, и то, каким образом «бывшее» пребывает, ощущается в настоящем. Этим обусловлено пристальное внимание к историческому сознанию как фактору социальной онтологии, а не просто субъективному отражению объективной реальности. Диалектическая взаимосвязь интерпретативной и онтологической ипостасей исторического сознания проявляется в его специфической динамике, осмыслению механизмов и движущих сил которой посвящены не только научные, но и литературные произведения, например, работы лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 года С.А. Алексиевич.

Нарратив, полученный посредством методик устной истории, представляет собой, с одной стороны, живое свидетельство, а с другой – опосредованную рядом факторов, субъективно преломленную картину событий прошлого. Неизбежная соотнесенность этой

картины с определенными культурно-ценностными, пропагандистскими рамками, идеологическая ангажированность и т.п. отнюдь не исключают ее научной и прогностической значимости. При этом важнейшую роль играет интерпретативная техника обработки свидетельств, балансирующая между субъективным миропониманием и объективными системными параметрами событий прошлого и настоящего.

Отдельной обширной темой выступает идеологический потенциал образов прошлого. Достаточно распространенным феноменом является «вторжение» устойчивых образов и интерпретационных схем исторического сознания в мотивационную сферу актуального социального действия. Подобные образы служат ресурсом, к которому нередко прибегают современные политики и идеологи [2].

Сказанное позволяет сделать вывод как об объяснительном, теоретико-рефлексивном, так и о преобразовательном потенциале нарративов устной истории. Устная история как междисциплинарное направление гуманитарно-биографического исследования развивается в контексте современной «расширительной» трактовки прошлого, которая объемлет и то, как воспринималось, интерпретировалось событие, и то, как видоизменялась со временем эта интерпретация.

Устная история как исследовательская стратегия синтезирует в себе элементы истории, культурологии, социологии. Философии здесь принадлежит важная интерпретативная и методологическая функция. Обращение ученых к устной истории способствует преодолению одностороннего взгляда на прошлое, где ведущая роль отведена масштабным политическим и экономическим событиям, а повседневность во всем ее богатстве занимает незаслуженно малое место. Этой важнейшей составляющей истории до недавнего времени уделялось недостаточно внимания со стороны официальной науки. Реконструкция истории отдельно от ее человекомерной составляющей провоцирует отчужденное отношение как к недавним эпизодам истории, так и к целым историческим периодам. Рассказ от первого лица позволяет «примерить» на себя опыт прошлого, идентифицировать себя с ним. Благодаря устной истории знания о прошлом приобретают человекомерный характер, а сопутствующая философско-мировоззренческая аналитика пережитого способствует терапии исторических травм, открывая новые практи-

ко-ориентированные возможности для философского знания. Сегодня устная история (тесно совмещенная с «устной культурологией», «устной социологией» и даже «устной практической философией») бурно развивается в общем контексте проблематизации механизмов формирования и трансляции исторической памяти, признания важности уникальной локальной истории, возрастающего влияния социологии и культурологии повседневности на сферу гуманитарных исследований.

«Устная история – это история, построенная вокруг людей. Она наполняет жизнью историю как таковую и расширяет ее масштаб. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди безвестного большинства народа. Она побуждает преподавателей и студентов к совместной работе. Она привносит историю внутрь сообщества, чтобы затем сделать ее общим достоянием. Она помогает наименее защищенным людям, особенно старикам, обрести достоинство и уверенность. Она способствует контактам – а значит, и взаимопониманию – между социальными классами и поколениями. А отдельным историкам и тем, с кем они делятся мыслями, она дает ощущение принадлежности к определенному месту и времени. Одним словом, она помогает людям полнее ощущать себя людьми. И, что не менее важно, устная история бросает вызов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному преобразованию социального смысла истории» [3].

Научный и социальный потенциал устной истории не ограничивается изменением традиционного ракурса предметности исследования (рассказанная история вместо документов и артефактов). Рассказанная история неотделима от обстоятельств места, времени и коммуникативных средств ее получения, социальной позиции и индивидуального культурного капитала респондентов, их мировоззрения, влияния идеологии и работы пропагандистской машины. Такая обусловленность сказывается на исследовании двояко. С одной стороны, при реконструкции картины событий она должна быть учтена и, при необходимости, заключена «в скобки». С другой стороны, плюрализм свидетельств открывает возможности создания более объемной, многоплановой картины, что достигается за счет ее проецирования с различных позиций. Включение в научный оборот субъективных свидетельств

представителей различных социальных слоев, культурных групп и т.п. станет средством повышения объективности исторической науки, позволяя воссоздать более реалистичную картину прошлого. Многополярность интерпретации прошлого – закономерный эффект социальных дефиниций настоящего. Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей [3]. «Большинство историков открыто или завуалированно высказывают свои оценки – и это правильно, ведь социальные задачи истории требуют понимания прошлого, прямо или косвенно связанного с настоящим» [3].

Следует отметить значительный потенциал философского участия в проектах устной истории. Это выражается, во-первых, в определении места устной истории в системе знания о прошлом, методологической оценке ее роли в современной историографии; во-вторых, в методике проблемно ориентированного интервью-диалога, в-третьих – в смысловой и категориальной реконструкции интегральной картины различных регионов исторического бытия и сознания. На последнем пункте остановимся подробнее. При отсутствии инструментов должной смысловой генерализации наличие разноплановых и, зачастую, взаимопротиворечащих свидетельств рискует обернуться мозаичностью и релятивизмом. Многообразие взглядов на одно и то же событие или процесс – это лишь эмпирический факт, для теоретического овладения которым нужно представить данное многообразие как закономерное, неслучайное. Многообразие свидетельств, оценок, точек зрения устной истории может и должно быть препарировано философскими средствами. Поскольку философия традиционно имеет дело с культурными смыслами и значениями, а устная история представляет собой кладезь их личностных вариаций, целостное смысловое измерение исторического сознания реконструируется в ходе их согласованных усилий. Внести свой вклад в воссоздание многомерной, но в то же время внутренне цельной картины памяти о войне как важном этапе становления современной социальной реальности призван настоящий проект.

Целевые для данного исследования категории – образы «врага» и «друга», «своего» и «чужого» – традиционно служили инструментом опосредования дискурса власти и повседневного мировоззрения простого человека с его уникальными представлениями об окру-

жающем мире, ценностями и убеждениями. Важной особенностью военного и послевоенного периодов является существенная трансформация образов «врага» и «друга», которая разворачивалась как во властных дискурсах, так и в пространстве массового сознания. Именно наблюдаемая в достаточно короткий период времени смена казавшихся самоочевидными представлений является благодатной почвой для теоретической рефлексии по поводу генезиса исторической памяти.

В рамках исследовательского проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию юбилею Победы планируется проследить смысловую динамику восприятия указанных категорий общественного сознания. Это расширит и дополнит имеющиеся представления о том, что объединяло и направляло, а что разъединяло и противопоставляло переживших войну людей, каковы были их страхи и надежды, привязанности и антипатии. Через призму трансформации образов «врага» и «друга» как средоточия эмоционально-смыслового отношения к действительности удобно зафиксировать, как складывалось и как менялось отношение людей к изменившемуся после войны миру, как эволюционировала их историческая память. Военный период не случайно принят за точку отсчета, так как эмоциональная острота и вес военного опыта во многом определяют последующие убеждения и взгляды людей, наполнение и индивидуальную интерпретацию. «...Пожалуй, наиболее значимым ориентиром ... была Великая Отечественная война как отнюдь не “малая” пограничная ситуация, предопределившая культурный образ позднесоветского человека» [4].

Общий контекст анализируемого нами первого послевоенного десятилетия – «пограничное» состояние между войной и миром. В этот период эффект противостояния пролонгируется идеологическими средствами. Маховик борьбы с врагами не может вращаться вхолостую. Во внешней политике легитимность физического устранения противника сублимируется, принимая форму идеологической конфронтации. В этом смысле «холодная война» во многом является именно психологической, политехнологической войной. В войну ядром консолидации народа и власти служил общий враг – фашизм. Переформати-

рование образа врага преследует всю ту же цель общественной консолидации по отношению к внешним и внутренним угрозам, причем последние становятся сложнее выявить, распознать.

Какие эмоционально насыщенные образы «врага» и «друга» утверждаются в послевоенный период? Как в повседневную жизнь людей были «встроены» новые идеологические компоненты? Реконструкция индивидуально-субъективного мировосприятия очевидцев переломного для истории XX века десятилетия внесет свой вклад в дело осмысления закономерностей конструирования исторической памяти.

Мы полагаем, что тема «“врагов” и “другей”» требует компаративного анализа как минимум на трех уровнях. Первое – «субъективная история» – воспоминания, суждения и оценки очевидцев – людей послевоенного поколения. Второе – исследования соответствующего пласта пропагандистской риторики первых послевоенных пятилеток. И, наконец, третье – аналитическое сопоставление идеологической риторики и «жизненной философии» переживших войну людей.

Предварительное допущение настоящего исследования состоит в том, что формирование образов «врага» и «друга» в общественном сознании разворачивается через диалектическое взаимодействие содержательно-фактических и идеально-смысловых компонентов межпоколенческого опыта. В свою очередь, смысловые и эмоциональные координаты «картины мира» задаются представлениями о врагах и друзьях. Именно они определяют «стиль» мышления, объяснительные схемы и стереотипы массового сознания. Представления о врагах и друзьях фактически являются стратегическими для поведения человека, служат для него мотивом и руководством к действию.

С помощью метода устной истории открывается уникальная возможность реконструкции образов «врага» и «друга» в буквальном смысле «со слов» их носителей. По утверждению И.Б. Орлова, устная история позволяет, с одной стороны, исследовать определенные сферы, по которым отсутствуют иные источники, а с другой – расширить возможности социокультурной обработки недавнего прошлого [5].

Устная история – это, в первую очередь, рассказанная история. Здесь, безусловно, важны подход интервьюера, характер, структура

и последовательность вопросов, которые он задает респондентам. Стоит особо подчеркнуть, что миссия настоящего исследования представляется на порядок более сложной, чем просто сбор и обработка повествований о событиях прошлого. Его предмет и тематическая ориентация предполагают направленный характер беседы. Это обстоятельство обуславливает особые требования, предъявляемые к структуре нашего опросника и технике проведения беседы с респондентами. В основу технологии интервьюирования будут положены определенные философско-мировоззренческие допущения. Таким образом, главной теоретико-инструментальной задачей на подготовительном этапе становится адаптация существующих методик сбора устной истории для «точечной» реконструкции содержания образов «врага» и «друга».

В большинстве специальных источников по устной истории в той или иной форме рекомендуется избегать вопросов, направленных на оценку событий [6]. Однако в рамках настоящего исследования, ключевыми концептами которого являются «враг» и «друг», мы не можем и не должны исключить оценочные суждения. Образы «врага» и «друга» выступают здесь как мировоззренческие конструкты, появляющиеся как результат семантической и аксиологической маркировки личностью своего жизненного мира. Эти конструкты возникают на пересечении реальностей идеологического дискурса и личного экзистенциального опыта. По этой причине мы намерены сознательно фокусировать внимание на оценочных суждениях наших респондентов, имеющих отношение как к повседневным, так и к важным историческим событиям послевоенного времени. Оценочное суждение – это неотъемлемый компонент личностной интерпретации образов «врага» и «друга».

Следуя за известным теоретиком «устной истории» Полом Томпсоном [3], мы полагаем, что искомый подход к проведению подобных интервью находится где-то между двумя крайностями: между жесткой структурой предварительно составленного опросника и так называемым «открытым интервью» – свободной беседой со свидетелями событий.

Коммуникативная специфика проведения интервью в нашем случае обусловлена еще и тем обстоятельством, что образы «врага» и «друга» не могут быть раскрыты путем прямого вопрошания, как то: «Расскажите нам о

ваших врагах и друзьях». Одной из сдерживающих причин в данном случае является опасение респондентов эксплицитно обозначить свою личную позицию.

Другая существенная особенность предмета исследования связана с тем, что индивидуально конструируемые образы «врага» и «друга», будучи по своей природе неопределенными и расплывчатыми, порой трудно эксплицируемы и для самого респондента. Образы «врага» и «друга» – это скорее некое конструируемое «здесь и сейчас» видение, нежели отчетливый контур.

Категория «образ» успешно отражает эмоциональность, некоторую размытость, неопределенность, а порой и непоследовательность в суждениях наших респондентов. Это, действительно, скорее образ, «картина», чем понятийный конструкт, имеющий четко определенные содержание и объем.

Образы «врага» и «друга» в нашем исследовании могут принимать и превращенную, неявную для самого респондента форму рассказов «о времени и о себе». Непрямой, в зависимости от обстоятельств опосредованный, неявный, сублимированный и т.п. характер получаемой от очевидцев информации определяет потребность как в особой предварительной подготовке к ее получению, так и в последующей ее герменевтической интерпретации.

Названные обстоятельства вытекают из специфики нашего исследования, апеллирующего не столько к биографическим фактам, сколько к мировоззрению людей. Представления о врагах/друзьях наши собеседники артикулируют на общем фоне рассказов о пережитом. С целью выявления мировоззренческих диспозиций прошлого в числе прочего нами используются приемы сократического метода, который предполагает дискурсивное побуждение к рассуждениям, обоснованию собственных жизненных принципов, симпатий и антипатий. Именно в ходе воспроизведения конкретных жизненных ситуаций и сопутствующих им впечатлений становится возможной экспликация искомых образов «врага» и «друга».

Мы полагаем, что специально организованный разговор позволяет лучше структурировать опыт прошлого так, что интервьюируемый сможет прийти к более отчетливому пониманию своей собственной позиции. По этой причине мы рассматриваем метод практической философии как важный инструмент

нашего исследования. Разновидностью практической философии является сократический метод, который помогает с помощью наводящих вопросов эксплицировать, уточнить, развить ранее неопределенную позицию собеседника.

Таким образом, «враг» и «друг» в исследовательской оптике настоящего исследования – это не факт, а неизбежно оценочное и неизбежно субъективное отношение, окрашивающее реальность. Это не событие или обстоятельство повседневности, а отношение к событиям и обстоятельствам, их личностная интерпретация.

Задача получения и интерпретации свидетельств осложнена еще и тем, что рассказы респондентов зачастую самопроизвольно интегрируются с более поздними временными периодами (эпоха застоя, «перестройка», первые постсоветские годы и т.п.). Вольно или невольно люди склонны соотносить непосредственно послевоенные воспоминания с более поздним опытом. Поэтому вторым важнейшим методологическим посылом настоящего исследования является неустрашимость «герменевтического круга»: события прошлого интерпретируются через события настоящего и, наоборот, понимание настоящего имеет глубокие корни в переживании исторического прошлого. По этой причине мы планируем включить в структуру опросника и вопросы касательно современности.

В ходе последующего сравнительного анализа, структурирования и генерализации собранных интервью предполагается выделить наиболее типичные оценки и позиции наших респондентов, а затем на их основе представить обобщенную модель социального конструирования образов «врага» и «друга». Это позволит приблизиться к более ясному пониманию специфики формирования исторической памяти, в частности, тех принципов и закономерностей, в соответствии с которыми синтезируются внешняя (идеологическая) составляющая изучаемых нами ключевых образов и личный опыт пережитого.

Выводы настоящего исследования будут полезны для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы. Они могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе при преподавании курсов истории и обществоведения, орга-

низации внешкольной работы, создании тематических интернет-проектов и телепередач.

Сбор свидетельств устной истории является перспективным воспитательным и образовательным средством. Учащиеся получают уникальную возможность попробовать себя в роли исследователей. Под методическим руководством педагога школьники могут готовить собственные мини-проекты, посвященные как значимым историческим событиям, так и более локальным тематическим аспектам прошлого, вызывающим живой интерес. Историческое знание становится при этом частью непосредственного опыта подростков, а не абстрактным текстом из очередного параграфа. История, рассказанная в личной беседе самими ее участниками, несет мощный воспитательный и эмоционально-нравственный заряд. Кроме того, в ходе обработки эмпирического материала учащиеся получают важные навыки компаративного анализа, теоретического обобщения и классификации. Беседа школьников с представителями старшего поколения обогатит их представления о прошлом в разрезе жизненных историй близких родственников, соседей, проживающих рядом людей преклонного возраста. Подростки получают уникальную возможность соприкоснуться с опытом, ценностями, взглядами старшего поколения, что, безусловно, будет способствовать развитию взаимной эмпатии и продолжению дальнейших неформальных контактов.

Заключение. Значительный мировоззренческий вес и идеологическая нагруженность образов «врага» и «друга» как системообразующих компонентов исторической памяти обусловили необходимость выработки оригинального междисциплинарного инструментария, позволяющего осуществить их реконструкцию и содержательную философскую интерпретацию. Теоретические выводы, полученные в ходе настоящего проекта, будут полезны для осмысления теории и практики современных политтехнологий, для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы.

Проект по теме «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти» выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Литература

1. Гудков, Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага: сб. ст. / сост. Л. Гудков. – М., 2005. – С. 7–79.
2. Морозов, И. Формирование в народном сознании «образа врага» как способ политической мобилизации в России / И. Морозов // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001.
3. Томпсон, П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон; пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 368 с.
4. Лурье, С. В поисках русского национального характера / С. Лурье // Отечественные записки. – 2002. – № 3.
5. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
6. Урсу, Д.П. Методологические проблемы устной истории. Источниковедение отечественной истории / Д.П. Урсу. – М., 1989. – С. 3–32.

Поступила в редакцию 13.11.2015 г.

УДК 7.01(09)

Асноўныя ракурсы эстэтыкі і паэтыкі мастацкага авангарда

Цыбульскі М.Л.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

Мастацкі авангард быў значнай з'явай культуры XX стагоддзя, на сутнасці, эстэтычнай рэвалюцыяй, якая змяніла межы прасторы мастацтва, паўстала як адкрытая філасофска-эстэтычная сістэма, якая ўвабрала ў сябе асноўныя ідэі часу і адлюстравала істотныя яго трансфармацыі, вызначыла асноўныя вектары культурнага развіцця на многія дзесяцігоддзі наперад. У нейкай ступені авангард сапраўды аказаўся своеасаблівым мастацкім і культурным архетыпам стагоддзя, "новай матрыцай жыццёадчування". Арыентацыя авангарда на татальнае абнаўленне мастацтва, вызначэнне новых каштоўнасцей каардынаты і адпаведна на пошукі новых спосабаў мастацкага выражэння ў шырокім сэнсе пазначала прарэдні край эксперыментатарства ў мастацтве.

Мэта артыкула – вызначэнне каштоўнасцей арыенціраў сістэмы канцэптаў, міфалагем мастацтва авангарда першай паловы XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Міждысцыплінарны сістэмны падыход да праблем эстэтыкі і паэтыкі мастацтва авангарда вызначае асноўны вектар метадалогіі даследавання. У працы выкарыстаны гістарыяграфічны і тэарэтыка-метадалагічны аналіз навуковых даследаванняў філосафаў, культуралагаў, мастацтвазнаўцаў, якія звярталіся да разнастайных аспектаў тэмы мастацкага авангарда. У артыкуле разглядаюцца асноўныя дамінанты эстэтыкі і паэтыкі авангардных плыняў. У той ці іншай ступені аналізуюцца парадыхма ўсяго мастацкага авангарда і калізіі ўзаемадзейненняў паміж паэтыкай і эстэтыкай, якія на самай справе ўтвараюць тоеснае адзінства.

Вынікі і іх абмеркаванне. У першай палове XX стагоддзя самыя значныя працэсы эпохі знайшлі адлюстраванне ў супярэчлівасці паэтыкі авангарда. Прынцыпова важным для ўсёй паэтыкі авангарда стала адмаўленне ад большасці традыцыйных эстэтычных, духоўных, маральных каштоўнасцяў. У пераважнай большасці авангардных плыняў такімі ж негатывнымі былі і адносіны да традыцыйных формаў мастацтва, да мастацкай традыцыі. Паэтыка авангарда, у першую чаргу, вылучаецца адмаўленнем ад эстэтычнай каштоўнасці мастацкага вобраза. Вобраз замяняецца сімваламі і знакамі, "тэкстам" ці, дакладней, яны становяцца адным цэлым.

Падкрэслена эксперыментальны характар творчасці, як і нястрыманае імкненне да стварэння прынцыпова новага ў формах, прыёмах і сродках мастацкага выражэння, уласцівы ўсім накірункам авангарда. Пытанне мовы з'яўляецца адным з асноўных для ўсіх відаў авангарда. Адметнымі рысамі паэтыкі авангарда становяцца тэндэнцыі сінтэзу асобных мастацтваў, іх узаемапрапікання, цікавасць да пераадолення міжжанравых межаў. Адною з самых вострых і дыскусійных праблем з'яўляецца эвалюцыя жанра партрэта. Першая палова XX ст. уяўляе сабою перыяд асаблівай папулярнасці розных відаў фантастыкі. Практычна ўсе авангардныя плыні былі захоплены тэмай абнаўлення свету. Знакам непазнанага свету ў авангардным мастацтве становяцца тэма і матывы космасу. Святло таксама прызнаецца ў якасці адной з тэматычных, вобразных і сэнсавых дамінант авангарда. Вобразы смерці знаходзяць адлюстраванне ў самых розных аспектах і калізіях, сярод якіх жыццё і смерць, смерць і час, гульня са смерцю, смерць і воля і інш. Для мастакоў авангарда вельмі важнымі былі пошукі новых формаў арт-прэзентацыі.

Заклучэнне. Такім чынам, авангард быў своеасаблівым эксперыmentам не толькі ў мастацтве, але і ў галіне праектавання рэальнасці, які да сённяшняга дня застаецца адкрытым і не да канца асэнсаваным праектам. Мастацтва авангарда ў цэлым ўсведамляецца як злом, і таму невыпадкова ў ім адбываецца радыкальны зрух на ўзроўні тэматыкі, сюжэта і вобразнай структуры. Пошукі новых каардынаты і новых сэнсаў становяцца асноўнай сутнасцю шматлікіх эксперыментальных, у якіх фарміруюцца новыя віды мастацтва, новыя творчыя метады, новыя тэхнікі.

Ключавыя словы: мастацкі авангард, мадэрнізм, эстэтыка, паэтыка, мастацкі вобраз.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 121–130)

Main Sides of Art Vanguard Aesthetics and Poetics

Tsybulski M.L.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

Vanguard art was a significant phenomenon of the XXth century culture, in fact it was an aesthetic revolution which changed the borderlines of art space, manifested itself as an open philosophic and aesthetic system, which incorporated main

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mtsybulsky@rambler.ru – М.Л. Цыбульскі

ideas of the time and reflected its main transformations, directed main long term vectors of culture development. To some extent vanguard really turned out to be a special art and culture archetype of the century, «new matrix of life understanding». Vanguard orientation onto total art renewal, onto singling out new value coordinate system and, correspondingly, onto search of new ways of artistic expression in the broad sense, implied the forefront of experimenting in art.

The article aims at singling out value benchmarks of the system of concepts, mythologemes of the early XXth century vanguard art.

Material and methods. The interdisciplinary system approach to the issues of aesthetics and poetics of vanguard art distinguishes the main vector of the research methodology. Historiographic as well as theoretical and methodological analysis of researches by philosophers, culture scholars, arts critics, who turned to various aspects of vanguard art analysis, is applied in the work. Main dominants of vanguard art aesthetics and poetics are considered in the article. To some degree the paradigm of the whole art vanguard as well as collisions of interrelations between poetics and aesthetics, which in reality make up close unity, is analyzed.

Findings and their discussion. In the early XXth century most significant processes of the time found their reflection in the contradictory poetics of vanguard. Rejection of most traditional aesthetic, spiritual, moral values became principally important for the whole poetics of vanguard. In most vanguard trends the attitude to traditional art forms, to art tradition were as negative as well. Vanguard poetics is first of all distinguished by rejection of the aesthetic value of an artistic image. The image is replaced with symbols and signs, «text» or, to be more precise, they become one whole.

The stressed experimental character of creativity as well as uncontrollable desire to create principally new in forms, techniques and means of artistic expression is typical of all vanguard trends. The issue of the language is one of the basic for all vanguard types. Tendencies of the synthesis of some arts, their interpenetration, and interest in overcoming cross genre borders became outstanding features of vanguard poetics. One of the sharpest and debatable issues is evolution of the portrait genre. First half of the XXth century is a period of special popularity of different types of science fiction. Practically all vanguard trends were captured by the topic of world renovation. The topic and images of outer space became the symbol of the unidentified world in vanguard art. Light is also recognized as one of thematic, image and sense dominants of vanguard. Images of death find their reflection in different aspects and collisions, among which is life and death, death and time, games with death, death and freedom etc. Search for new forms of art presentation was very important for vanguard artists.

Conclusion. Drawing conclusions on the basic features of vanguard aesthetics and poetics we should point out that vanguard was a kind of experiment not only in art but also in the sphere of designing the reality; it stays, up till now, an open and not finally understood project. The art of vanguard on the whole is understood as a break, and it is not by chance that radical shift on the level of themes, plot and image structure occurs in it. Search for new coordinates and new meanings became main idea of plentiful experiments in which new types of art, new creative methods, and new techniques are shaped.

Key words: art vanguard, Modern, aesthetics, poetics, artistic image.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 121–130)

Мастацкі авангард быў значнай з’явай культуры XX стагоддзя, па сутнасці, эстэтычнай рэвалюцыяй, якая змяніла межы прасторы мастацтва, паўстала як адкрытая філасофска-эстэтычная сістэма, якая ўвабрала ў сябе асноўныя ідэі часу і адлюстравала істотныя яго трансфармацыі, вызначыла асноўныя вектары культурнага развіцця на многія дзесяцігоддзі наперад. У нейкай ступені авангард сапраўды аказваўся своеасаблівым мастацкім і культурным архетыпам стагоддзя, “новай матрыцай жыццядчування” [1]. І разам з тым, авангард быў зусім няпростым “шляхам пазнання, які не дае гатовых вынікаў, (...) хутчэй толькі настрайвае, заклікае быць гатовым да самых нечаканых падзей і фактаў” [2]. Арыентацыя авангарда на татальнае абнаўленне мастацтва, вызначэнне новых каштоўнасцей каардынат і адпаведна на пошукі новых спосабаў мастацкага выражэння ў шырокім сэнсе пазначала пярэдні край эксперыментатарства ў мастацтве.

У сучаснай эстэтыцы і мастацтвазнаўстве лічыцца, што авангардныя з’явы характэрны

для ўсіх пераходных этапаў у гісторыі мастацкай культуры, асобных відаў мастацтва. Сапраўды, “авангард” як з’ява мастацтва, якая супрацьпастаўляе сябе “традыцыі”, “агульнапрынятаму ў мастацтве”, існуе ў любую эпоху. Разам з тым, мы будзем разглядаць авангард як катэгорыю, якая азначае толькі “сукупнасць усіх наватарскіх, рэвалюцыйных, бунтарскіх рухаў і кірункаў у мастацкай культуры першай паловы XX ст.” [3]. Размова ідзе пра агульнавядомыя накірункі (фавізм, кубізм, абстрактнае мастацтва, супрэматызм, футурызм, дадаізм, экспрэсіянізм, канструктывізм, метафізічны жывапіс, сюррэалізм, наіўнае мастацтва; кінетычнае мастацтва і інш.), а таксама пра творчасць асобных мастакоў, якія не належалі ніводнаму з прыгаданых кірункаў (П. Пікаса, М. Шагал, П. Філонаў, А. Мадыльяні і некаторыя іншыя).

Адзначым, што большасць даследчыкаў лічыць магчымым класіфікаваць авангард толькі ўмоўна і па асобных параметрах. Прычына таму – яго неаднароднасць. Было б наіўна лічыць, што ўсе разам прадстаўнікі

авангарда былі захоплены той ці іншай пануючай мастацкай ідэяй. Больш таго, часам у межах аднаго прамежку часу ў агульным рэчышчы авангарда тыя ці іншыя кірункі існавалі ў непрымірымай барацьбе, а іх прадстаўнікі зусім па-рознаму глядзелі на мэты і задачы мастацтва. Але нягледзячы на эклектычную сумесь светапоглядаў авангарда, шматграннасць і часам нават розную накіраванасць тых ці іншых авангардных з’яў, мы можам смела сцвярджаць, што авангард у цэлым не быў пазбаўлены агульных каранёў і характарыстык. Акрамя таго, незалежна ад лакальнай ці ўсеабыднай значнасці кірункаў (асобных фігур) авангарда, кожны з іх спрыяў зменам агульнай прасторы мастацтва, аказаў свой уплыў на далейшы ход яго развіцця.

Амаль стагоддзе, якое мінула з часоў росквіту гістарычнага авангарда, дае нам магчымасць больш асэнсавана казаць не толькі пра мастацкую каштоўнасць гэтай з’явы, але і разважаць пра асноўныя рысы яго паэтыкі. Стала канчаткова зразумела, што авангард нельга даследаваць, абмяжоўваючыся метадамі асобных мастацтваў. Авангард патрабуе больш шырокага аналітычнага ракурсу.

Некаторыя вучоныя адрозніваюць мадэрнізм і авангардызм як дзве зусім не ідэнтычныя з’явы. Так, рускі філолаг і семіётык М. Шапір у сваім артыкуле “Што такое авангард?” (Даугава. – 1990. – № 3) у якасці галоўных рыс авангарднага мастацтва вызначае актыўную дзейнасць, жаданне ўразіць гледача, выклікаць у яго імгненную рэакцыю, “якая выключае доўгае і засяроджанае ўспрыманне эстэтычнай формы і зместу”. Гэтую пазіцыю падтрымлівае і В. Руднеў: “Авангардыст не можа, падобна мадэрністу, замкнуцца ў кабінце і пісаць у стол; самы сэнс яго эстэтычнай пазіцыі – у актыўным і агрэсіўным уздзеянні на публіку. Выклікаць шок, скандал, эпатаж – без гэтага авангарднае мастацтва немагчымае: самае істотнае ў авангардзе – яго незвычайнасць, кідкасць” [4]. Дапускаючы магчымасць такога размежавання, разам з тым, у нашым артыкуле тэрміны “авангард” і “мадэрнізм” будуць разглядацца як сінонімы.

Мэта працы – вызначэнне каштоўнасцей арыенціраў сістэмы канцэптаў, міфалагем мастацтва авангарда першай паловы XX стагоддзя. У сучасным навукова-тэарэтычным кантэксце адчуваецца неабходнасць і актуальнасць даследавання, якое б паглыбіла ўяўленне пра прастору

авангарда і яго сэнсавыя кампаненты. Безумоўна, гаворка не ідзе пра поўнае апісанне эстэтыкі і паэтыкі авангарда як адносна цэласнай мастацкай сістэмы, а хутчэй пра пазначэнне арыенціраў, магчымасцяў і асноўных кірункаў такога апісання. Не вырашаючы ўсіх праблем, звязаных з эстэтыкай і паэтыкай авангарда, дадзеная праца адкрывае шэраг перспектывы іх вывучэння.

Матэрыял і метады. Міждысцыплінарны сістэмны падыход да праблем эстэтыкі і паэтыкі мастацтва авангарда вызначае асноўны вектар метадалогіі нашага даследавання. У працы выкарыстаны гістарыяграфічны і тэарэтыка-метадалагічны аналіз навуковых даследаванняў філосафаў, культуролагаў, мастацтвазнаўцаў, якія звярталіся да разнастайных аспектаў тэмы мастацкага авангарда. У артыкуле разглядаюцца асноўныя дамінанты эстэтыкі і паэтыкі авангардных плыняў. У той ці іншай ступені аналізуюцца парадыхныя ўсяго мастацкага авангарда і калізіі ўзаемадзейненняў паміж паэтыкай і эстэтыкай, якія на самай справе ўтвараюць тоеснае адзінства.

Перш за ўсё ўдакладнім значэнне асноўнага тэрміна, якім мы будзем карыстацца. Пад паэтыкай будзем разумець сукупнасць мастацкіх і вобразна-стылявых асаблівасцяў, якія вызначаюць спецыфіку авангарда як цэласнай з’явы мастацтва.

Нягледзячы на тое, што некаторыя даследчыкі (напрыклад, М. Шапір) лічаць, што “авангард не стварыў новай паэтыкі і сваёй паэтыкі не мае”, абмяжоўваючы стваральную дзейнасць авангарда “новай некласічнай рыторыкай”, пра паэтыку авангарда ў апошні час пісалі нямала. Прычына ў тым, што за апошнія гады не толькі змяніліся адносіны да сутнасці самога тэрміна “паэтыка”, але і многія рысы паэтыкі авангарда больш выразна пазначаны і даследаваны.

Сутнасць і значэнне авангарда для чалавецтва пакуль што далёка не ў поўнай меры асэнсаваны, ды і грунтоўных, абагульняючых тэарэтычных прац пра авангард створана няшмат. Дзіўна, але мастацтва авангарда па-ранейшаму ўяўляе сабой адну з самых дыскусійных і складаных для ўспрыняцця галін гісторыі мастацтва. І разам з тым нельга не адзначыць, што розныя аспекты і праблемы авангарда знайшлі

адлюстраванне ў велізарнай колькасці навуковых прац. Праблематыцы авангарда прысвечаны фундаментальныя даследаванні І. Азізян, С. Батракавай, К. Бобрынскай, В. Бычкова, Б. Гройса, Г. Гарачавай, І. Галамштока, Н. Гур'янавай, Ш. Дуглас, А. Іконнікава, А. Крусанава, М.В. Кручковай, Э. Макоўскага, Н. Манькоўскай, Д. Сараб'янава, В. Турчына, Ю. Халопавы, С. Хан-Магамедава, М. Хрэнава, А. Якімовіча і некаторых іншых.

Цікавасць даследчыкаў да вывучэння эстэтычнай своеасаблівасці авангарда абумоўлена найвыскай ступенню канцэнтрацыі ў ім розных філасофскіх, эстэтычных, мастацкіх ідэй. Філасофскія рэфлексіі на тэмы авангарда ў мастацтве можна знайсці ў тэкстах Т. Адорна, Ж. Батая, М. Бахціна, М. Бярдзьева, А. Лосева, М. Лоскага, Ю. Лотмана, Х. Артэгі-і-Гасэта, Ж.-П. Сартра, П. Фларэнскага, М. Фуко, Ю. Хабермаса, О. Шпэнглера, К.Г. Юнга і інш.

Важную ролю для ўсведамлення сутнасці авангарда адыгрываюць праграмныя артыкулы і маніфесты саміх авангардыстаў. Відавочна, што першыя тэарэтычныя даследаванні па авангарду напісаны прадстаўнікамі гэтых рухаў, сярод якіх А. Брэтон, С. Далі, М. Дзюшан, В. Кандзінскі, А. Кручаных, К. Малевіч, Ф. Марынэці, Т. Тцара і інш. Усе гэтыя аўтары сталі стваральнікамі пэўных канцэпцый, без якіх немагчыма асэнсаванне і адэкватнае разуменне авангарда як феномена мастацтва. Разам з тым, зразумела, што падобныя тэксты ў вялікай колькасці напоўнены метафарычнымі вобразамі, лагічнымі супярэчнасцямі і моўнымі навацыямі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Агульнавядома, што ўжо XIX стагоддзе не проста прадчувала авангард, але і стварала пэўныя ўмовы для ўзнікнення розных эстэтычных пазіцый у мастацтве. Доктар мастацтвазнаўства В. Пракоф'еў апісваў рух да авангарда як “размыванне жорсткай прасторава-пластычнай парадзгмы рэнесанснага паходжання і пранікненне ў мастацтва менш структурыванага часавага вымярэння” [5].

У першай палове XX стагоддзя на ўзнікненне авангарда, як і на фарміраванне яго эстэтыкі, не маглі не паўплываць адкрыцці практычна ва ўсіх сферах навуковых ведаў: ад філасофіі і псіхалогіі да ядзернай

фізікі і хіміі. Вядомы даследчык В. Бычкоў пераканаўча сцвярджае, што “ўнутрана ўвесь авангард быў досыць актыўнай (пазітыўнай ці негатыўнай) рэакцыяй на НТП” [6]. Так ці інакш самыя значныя працэсы той эпохі знайшлі адлюстраванне ў супярэчлівасці паэтыкі авангарда. Дамінантай у авангардным мастацтве пачатку XX стагоддзя стала ўтапічнае мысленне. Авангард, па сутнасці, стварыў глабальны ўтапічны праект, у якім павінна было быць разбурана само гнэсеалагічнае мысленне і адпаведна цывілізацыя, заснаваная на ім. У галіне мастацтва гэта быў пераход ад міметызму да аміметызму. У творчасці мастакоў авангарда важнае месца заўсёды займалі тэарэтычныя распрацоўкі, якія нярэдка адлюстроўвалі працэс асэнсавання ўласных эксперыментаў.

Канец XIX – пачатак XX стагоддзя стаў часам пералому ранейшых уяўленняў пра сутнасць мастацтва, мастацкай творчасці і прыроду знака. У гэты момант семіётыка і паэтыка, семіётыка і эстэтыка ўліваюцца ў адзіны струмень.

Некаторыя вучоныя кажуць пра відавочную сакральнасць авангарднай свядомасці. Паколькі авангарднае мастацтва, як правіла, нефігуратыўнае, то ў ім часам бачаць бяссілле ў адлюстраванні рэальнасці, адмову ад яе спазнання. “Аднак не трэба далёка хадзіць за аргументамі, каб у невяяўленчасці авангарда ўбачыць уласцівасць сакральнага мастацтва, якое цураецца падабенстваў і падваенняў рэчаіснасці – як вырабу фальшывых манет”, – піша расійскі філосаф і культуралаг М. Эпштэйн. Авангарднае мастацтва, сцвярджае гэты даследчык, “рэлігійна ў тым сэнсе, у якім сама рэлігія авангардная, гэта значыць рухаецца наперадзе ўсіх завершаных вынікаў сусветнага працэсу, пакідаючы ззаду ўсё, што паспела набыць устойлівасць. (...) У авангардзе толькі таму так цяжка ўбачыць рысы рэлігійнага мастацтва, што яно не папярэднічае свецкаму, а ідзе за ім. (...) Авангард – гэта і ёсць мастацтва пабудовы вобраза метадам яго (...) адпластавання ад бачнай, уяўнай паверхні свету. Гэта рэалізм апакаліптычнага стагоддзя, які ўсвядоміў няцвёрдасць і прывіднасць усіх спосабаў пабудовы свету (...) ...У авангардысцкіх творах абсурд пануе над сэнсам, твар паўстае ў адчужаных формах, нейкіх распалых кавалках і крывых лёзах, індывід варожы самому сабе і выяўляе хутчэй уласцівасці расліны, малекулы (...),

чым чалавека. (...) Авангард агаляе субмалекулярную структуру рэчыва... У творах авангардыстаў рэальнасць губляе бачнасць і антрапамарфічнасць, становіцца тэаморфнай ..." [7].

Важнымі рысамі авангарда з'яўляюцца яго элітарнасць і ... ангажаванасць. Пра элітарнасць выдатна пісаў К. Грынберг у сваім артыкуле "Авангард і кітч" адзначаючы, што мова авангарда сваёй элітарнасцю захоўвала неразмытым сам пафас авангарда, у тым ліку і палітычны. Не сказаць пра ўзаемадзеянне мастацкага і палітычнага авангарда немагчыма. Самы ярскі прыклад ангажаванасці – рускае рэвалюцыйнае мастацтва першых гадоў пасля Кастрычніцкага перавароту, якое сапраўды ўяўляе сабою ўнікальнае спалучэнне мастацкай навізны, шчырай сацыяльнай ангажаванасці і безагляднай утапічнасці. У сваіх агітацыйна-прапагандысцкіх мэтах мастацкі авангард спачатку актыўна выкарыстоўваў левыя рэвалюцыйныя сілы, а пазней таталітарныя рэжымы (у Германіі, СССР). Тыя ж сілы праз нейкі час спрабавалі задушыць авангард строгай цензурай ці загнаць яго ў падполле.

У межах эстэтыкі авангарда змянілася і месца мастака ў творчым працэсе. Кожны з творцаў цвёрда верыў ва ўтапічную мару авангарда пра жыццёбудаўнічую моц мастацтва, якое паўставала як свайго роду рэлігія. Своеасаблівае абагаўленне творчага працэсу, у якім мастак прыпадабняўся бажаству, становіўся асобай выключнай, набліжала яго да нейкага таемства.

Прынцыпова важным для ўсёй паэтыкі авангарда стала адмаўленне ад большасці традыцыйных эстэтычных, духоўных, маральных каштоўнасцяў. У пераважнай большасці авангардных плыняў такімі ж негатывнымі былі і адносіны да традыцыйных формаў мастацтва, да мастацкай традыцыі. Асноўнай мішэнню, канешне ж, былі натуралістычныя і рэалістычныя тэндэнцыі і ў цэлым акадэмічнае мастацтва. Авангард дэманстратыўна пратэставаў супраць усяго, што ўяўлялася яму ў мастацтве абывацельскім і кансерватыўным.

Як піша вядомы амерыканскі аналітык сучаснага мастацтва Разалінда Краўс, "у першыя сто гадоў свайго існавання такіх персанажаў, як авангардны мастак, змяніў мноства масак: рэвалюцыянер, дэндзі, анархіст, эстэт, тэхналаг, містык. Ён таксама

нярэдка змяняў перакананні. Адзіная тэма, якая заўсёды была нязменнай часткай дыскурсу авангарда, – гэта тэма арыгінальнасці (...). Для авангарда арыгінальнасць – гэта сапраўднасць у прамым сэнсе слова, гэта першапачатковасць, пачатак з нуля, нараджэнне" [8]. Сапраўды арыгінальнасць становіцца метафарай авангарда, а можа нават "метаметафарай", полісемантычнае значэнне якой дастаткова выразна абазначае гістарычны кантэкст і саму з'яву.

Паэтыка авангарда, у першую чаргу, вылучаецца адмаўленнем ад эстэтычнай каштоўнасці мастацкага вобраза. Авангард "разбурае вобраз, адмяняе вобраз, даходзіць да абстракцыі, да пачварнасці, да чыстага палатна, да дзіркі ў палатне, да спаленага палатна...". Гэта ўжо класічнае выражэнне Умберта Эка, змешчанае ў "Нататках на палях «Імя розы»" выдатна характарызуе гэту з'яву. Мастакі ў сваіх жыццёвых працах амаль цалкам адмаўляюцца ад жыццёвых і літаратурна-сюжэтных асацыяцый. Сапраўды ў авангардзе "вобраз" замяняецца сімваламі і знакамі, "тэкстам" ці, дакладней, яны становяцца адным цэлым. Дзейнасць авангарда садзейнічала папулярнасці такога паняцця, як "візуальная форма". Змена эстэтычных памкненняў у бок дамінавання візуальнасці выяўляецца ў самых розных відах мастацтва. Нават тэрмін "arts visuels" ("visual arts") паступова выцясняе звыклае паняцце "выяўленчае мастацтва", злучанае са старой эстэтыкай.

На шляху татальнай пераацэнкі каштоўнасцяў авангард адчуў неабходнасць пошуку новай семантыкі знакаў. "Мастацкі авангард быў падобны на сімвалізм у імкненні да перадачы звышпачуццёвага пачатку трансцэндэнтнай рэальнасці, але ў той жа час адрозніваўся ад яго больш радыкальным, антаганістычным характарам, які рэзка парываў з традыцыямі стварэння рэалістычнага мастацкага вобраза" [9]. Кожны з авангардыстаў па-свойму адмаўляўся ад сюжэтаў, ад апавядальнасці і вынаходзіў сваю сістэму знакаў. Прадстаўнікі авангарда імкнуліся з дапамогай знакаў перадаць не ізаморфную, трансцэндэнтную, звышпачуццёвую рэальнасць. Творы авангарда задаюць новыя параметры фарміравання значэнняў. Асноўным становіцца прынцып акцэнтавання мовы замест акцэнтавання сэнсаў. Знак у мастацкім

авангардзе не мае ніякага дэнатата, і часцей за ўсё звяртае ўвагу гледача на правілы пабудовы знака. Па-сяміятычнаму арыентаваная паэтыка авангарда актуалізуе іканічныя магчымасці знака, які часам засланне сабой падзею ці прадмет, які ён пазначае. Відавочна, што пры гэтым частка прычынна-следчых сувязяў губляецца.

Але ж нельга не пагадзіцца з В. Турчыным у тым, што “магія вобраза, выцягнутага з рэальнасці, (...) была для авангарда не менш каштоўнай, чым абстрактныя кампазіцыі. Гэтым тлумачыцца выкарыстанне фатаграфіі ў многіх тэхніках авангарда...” [2, с. 7]. У падобным рэчышчы адбывалася вызначэнне авангардам блізкіх яму архетыпаў. Адмаўленне авангарда ад звыклых і зразумелых форм вобразнасці прыводзіла да таго, што твор мастацтва патрабаваў тлумачэння, якое само становілася творам мастацтва.

Але, напрыклад, славы даследчык авангарда, доктар мастацтвазнаўства А. Якімовіч лічыць, што процідзеянне “ўяўнаму музею” не было агульнай рысай заходняга авангарда, і што ад Пікаса да Зігмара Польцы і Сіндзі Шэрман мастакі апелююць да моў і сэнсаў класічнага музейнага мастацтва, прытым зусім не заўсёды і не толькі дзеля пародыі або дэканструкцыі.

Асабліва выразна роля авангарднага эксперыменту выяўляецца ў стварэнні хранатопаў, у якіх не толькі адметныя агульныя контуры, але і своеасаблівыя канцэпцыі і геаметрыя ўнутраных сувязяў. Як лічыць даследчык авангарда Н. Багданава, у авангардным мастацтве і прастора, і час знікаюць: “Прастора ператвараецца ў вечнасць, а час – у бясконцасць”. Змена хранатопу і ўсведамленне магчымасці шматлікіх хранатопаў былі адметнай прыкметай перавароту ў поглядах на свет.

Аксіялогія авангарда заснавана на здольнасці “пачуць сучаснасць” і “покліч будучыні” ў ёй. І гэта не проста мара пра Перамогу над часам. Гэта пошукі ўніверсальнай эстэтыкі хуткасці, новай тэмпаральнасці часу. Адмаўляючыся ад усяго шматвяковага папярэдняга досведу гісторыі мастацтва, творчасці як састарэлага і непатрэбнага, авангард вызначае новае светаадчуванне, канструіруе і новую прастору сусвету. Пры гэтым авангард, па сутнасці, застаецца абсалютнай і неспасцігальнай

шматузроўневай метафізікай. Змена хранатопу і ўсведамленне наяўнасці шматлікіх і раўнапраўных (у пэўным сэнсе!) хранатопаў былі знакамі таго перавароту ў поглядах на свет і мелі ключавое значэнне для ўсёй гісторыі мастацтва XX стагоддзя.

Жывапіс на пачатку XX стагоддзя асабліва яскрава дэманструе рух у бок эксперыментавання і тэарэтызавання. Падкрэслена эксперыментальны характар творчасці, як і нястрымнае імкненне да стварэння прынцыпова новага ў формах, прыёмах і сродках мастацкага выражэння, уласцівы ўсім накірункам авангарда. Большасць з іх, як і асобных прадстаўнікоў авангарда, арыентавалася на прынцыповы ірацыяналізм, парадаксальнасць мастацкай творчасці, ствараючы ўмовы для нараджэння “паэтыкі разгорнутага абсурду”. У творчасці мастакоў-авангардыстаў “дэман разбурэння і геній стварэння суіснуюць як сіямскія блізняты, заўжды разам, у вечнай спрэчцы-згодзе” [10].

Відавочны ўплыў на мастакоў-авангардыстаў першай паловы XX стагоддзя аказала вучэнне французскага філосафа А. Бергсана, які лічыў, што рэальны свет і святломасць ахоплены няспынным рухам і творчая эвалюцыя не мае ні мэты, ні прычын, ні наступстваў. А таму “рэальнае – гэта пастаянная зменлівасць формы: форма ёсць толькі імгненны здымак з пераходу” (Бергсон А. Творческая эволюция. – М., 1998. – С. 291). Невыпадкова мастакі авангарднай хвалі мяжы стагоддзяў і пачатку XX стагоддзя імкнуліся прабіцца да ўнутранай, сапраўднай, знешне нябачнай сутнасці рэчаў. У практыку мастацтва XX стагоддзя, шмат у чым дзякуючы авангарду, увайшлі знарчыстая выпадковасць і алагізм, якія сталі адметнымі рысамі як стылістыкі авангарда, так і яго паэтыкі ў цэлым. Нявызначанасць межаў мастацтва, справакавала нараджэнне мноства новых, часам вельмі парадаксальных, формаў творчасці. Менавіта з авангардам XX стагоддзя звязана і знікненне добра вядомых межаў таго, што прынята было лічыць творам мастацтва.

Радыкальныя эксперыменты авангарда ў першыя дзесяцігоддзі XX стагоддзя прынцыпова змянілі звыклае аблічча мастацтва і формы яго сацыяльнага існавання. Пошукі новых каардынат і новых сэнсаў становяцца асноўнай сутнасцю шматлікіх эксперыментаў, у якіх фарміруюцца новыя

віды мастацтва, новыя творчыя метады, новыя тэхнікі. Вялікую папулярнасць набываюць калаж, асамбляж, аб'ект, інсталяцыя, разнастайныя формы акцыянізму.

Пытанне мовы з'яўляецца адным з асноўных для ўсіх відаў авангарда. Калі культуру XX стагоддзя ўявіць сабе як граматыку, то авангард для яе будзе рэпрэзентатыўным [11]. Пры гэтым авангард звернуты не проста да мадыфікацый стылістыкі, а да выпрацоўкі законаў новай пластычнай мовы. Абвясчэнне першынства формы і яе дамінавання над зместам і вобразам выразна прагучала з вуснаў В. Кандзінскага: “Правільна абраная форма сама клапаціцца пра змест”. Аднак большасць прадстаўнікоў авангарда была адзінадушна супраць “чыстага мастацтва” [2, с. 6]. Не менш папулярнай у авангардзе была і ідэя перавагі ідэі над формай яе мастацкага ўвасаблення.

Адметнымі рысамі паэтыкі авангарда становяцца тэндэнцыі сінтэзу асобных мастацтваў, іх узаемапрапранікнення, цікавасць да пераадолення міжжанравых межаў. У мастацтве авангарда шматлікія жанры мастацтва і асабліва жывапісу зведалі істотныя змены з прычыны глыбокіх, рэвалюцыйных пераўтварэнняў еўрапейскага грамадства падчас яго пераходу ад традыцыйнага да сучаснага, індустрыяльнага стану. У авангардзе назіраецца эвалюцыя жанраў, поўнае ці частковае адмаўленне ад існуючых кананічных формаў. Але жанры, формы, прыёмы творчасці не проста змяняюцца – іншымі становяцца спосабы мыслення. Разам з тым спецыфіка жанру захоўваецца, паколькі не губляецца найважнейшы інварыянт – “архетып” жанру.

Важнай рысай паэтыкі авангарда з'яўляецца яго вялікая цікавасць да дакласічных перыядаў гісторыі мастацтва, архаічнага, мастацтва плямёнаў, Афрыкі і Акіяніі, дзіцячай творчасці, розных культур і цывілізацый. Значнае месца ў паэтыцы авангарда займае таксама міф. Ці не асноўным міфам авангарда можна лічыць эсхаталагічны міф канца/пачатку, які ў гэты гістарычны перыяд ляжаў і ў аснове будаўніцтва новага свету.

Адной з найвайстрэйшых і дыскусійных праблем для тэорыі і практыкі авангардных і мадэрнісцкіх кірункаў, асабліва ў жывапісе, з'яўляецца праблема вобраза чалавека, а таксама эвалюцыя жанру партрэта. Пра крызіс

партрэта, змяншэнне колькасці партрэтных выяў у заходнееўрапейскім авангардным жывапісе пачатку XX стагоддзя ў розны час пісалі шматлікія еўрапейскія аўтары. Адзін з іх – амерыканскі даследчык Дж. Уолкер, аўтар манаграфіі “Эвалюцыя партрэта за 5000 год”. Ды і вядомы расійскі даследчык мастацтва М. Алпатаў у “Нарысах па гісторыі партрэта” (М., 1937) катэгарычна заяўляў, што партрэтная творчасць стала наогул немагчымай у рэчышчы авангардных кірункаў. Відавочна, што кожны з іх ставіў свае задачы пры адлюстраванні чалавека, але ў пераважнай большасці ў гэты перыяд у партрэце (у параўнанні з традыцыйным мастацтвам) большы націск мастакі робяць на фармальныя аспекты жывапісу, менш увагі надаецца індывідуальнасці, гістарычнай і псіхалагічнай канкрэтнасці партрэтуемага. Адмова ад падабенства з мадэллю, дамінаванне суб'ектыўнага пачатку выявіліся ў першаснай арыентацыі мастака на самавыяўленне. Моцна пацягнула традыцыйныя віды выяўленчага мастацтва з'яўленне фатаграфіі як спосаба адлюстравання рэчаіснасці. Аднак нават пры такой карэннай трансфармацыі традыцыйнага жанру партрэта ў авангардным мастацтве ўсё ж захоўваецца архетып партрэта.

Першая палова XX ст. уяўляе сабою перыяд асаблівай папулярнасці розных відаў фантастыкі. У прасторы авангарднага мастацтва становіцца больш твораў, якія змяшчаюць элемент незвычайнага, апавядаюць пра тое, чаго “не бывае” ў рэальнасці. Падобныя матывы маглі мець выгляд навуковай фантастыкі з уласцівай ёй атрыбутыкай, выглядаць як міфалагічная касмагонія, утопія і г.д. Элемент незвычайнага ў творы мог быць прадстаўлены не толькі непасрэдна як незвычайныя, чароўныя, звышнатуральныя і таму падобныя выявы, але і як “фантастычны пачатак” у шырокім сэнсе слова, які ўключае адмысловы сюжэтны пасыл, спецыфічныя параметры дзеяння, а часам – усяго толькі аўтарскую накіраванасць на стварэнне загадкавага немагчымага ў рэальнасці сітуацыі.

Практычна ўсе авангардныя плыні былі захоплены тэмай абнаўлення свету. Менавіта адсюль пафас авангарда скіраваны на ператварэнне жывапіснай матэрыі. Мастацтва авангарда ў цэлым усведамляецца як злом, і таму невыпадкова ў ім адбываецца радыкальны зрух на ўзроўні тэматыкі, сюжэту

і вобразнай структуры, кананізуецца дэфармацыя.

Знакам непазналага свету ў авангардным мастацтве становяцца тэма і матывы космасу. Сама прырода творчасці ўяўляецца авангардыстам падобнай на космас, пра што казаў В. Кандзінскі: “Кожны твор узнікае і тэхнічна так, як паўстаў космас, – ён праходзіць шляхам катастроф, падобных хаатычнаму рову аркестра, які выліваецца ўрэшце ў сімфонію, імя якой – музыка сфер”. Космас у творчасці прадстаўнікоў авангарда – гэта хутчэй канцэптуальны, чым выяўленчы матыв, добрая нагода для эксперыменту, якія перш-наперш злучаны з пошукамі новай інтэрпрэтацыі прасторы, адмаўленнем ад традыцыйнай перспектывы выявы і трохмернасці аб’екта. Усведамленне шматмернасці прасторы, яе бясконцасці, імкненне намаляваць сілы, энергіі і рытмы, якія працінаюць космас, вядуць да пошукаў новых сімвалічных тэм і сюжэтаў. У гэтым сэнсе дастаткова прыгадаць творчасць агульнавядомай у рускім мастацтве 1920-х гадоў групы “Амаравелла”, якая асабліва плённа працавала над тэмай космасу.

Мастакоў прыцягвалі як навуковыя, так і метафізічныя, утапічныя ідэі, а працэс стварэння новай мастацкай мовы авангарда вёў да шырокага ўзаемапрапранікнення філасофіі, рэлігіі, навукі і мастацтва. Касмічная маштабнасць мыслення, усведамленне тэўргічнай місіі мастацтва становяцца характэрнымі для авангардыстаў і натхняюць мастакоў на магчымасць спасціжэння непазналага, нябачнага.

Блізкай да касмічнай тэмы становіцца і тэма святла. Святло, метафізічная сутнасць якога была асэнсавана яшчэ на ранніх этапах развіцця культуры, у мастацтве авангарда стала ўспрымацца як самастойная субстанцыя. У гэтай ролі святло было пакладзена авангардыстамі ў падмурак уласнага вобраза СВЕТУ. Святло прызнаецца ў якасці адной з тэматычных, вобразных і сэнсавых дамінантаў авангарда. Можна казаць нават пра распрацоўку авангардам адмысловай светлавой парадыгмы, якая спалучыла ў сабе навукова-філасофскія, рэлігійныя і мастацка-эстэтычныя аспекты. Святло ў мастацтве авангарда заняла месца культурнай універсальнасці, праз якую адбывалася не толькі спазнанне свету, але і яго ўзнаўленне ў вобразна-сімвалічнай форме. Авангард сінтэзаваў у сабе шырокі спектр трактовак

святла, якія існавалі ў мастацтве пачатку XX стагоддзя.

У мастацтве авангарда святло захоўвае сваю сэнсавую шматграннасць і набывае шырокія функцыянальныя магчымасці ў галіне мадэлявання вобраза свету як неад’емная частка сістэмы хранатопу. Святло, якое па прыродзе сваёй выражае ідэю яднання духу і матэрыі, часу і прасторы, выступае катэгорыяй, на аснове якой авангардыстамі ажыццяўляўся сінтэз розных відаў мастацтваў. Цікавасць да разнастайных светлавых вобразаў, знакаў і матываў відавочная ў прадстаўнікоў розных кірункаў авангарда. Адно з цэнтральных месцаў у гэтым шэрагу займала бінарная апазіцыя “святло/цёмра” і разнастайныя яе інтэрпрэтацыі.

Важнай у паэтыцы авангардыстаў была і інтэрпрэтацыя матыву электрычнага святла. Вобраз электрычнага святла стаў своеасаблівым знакам перамогі рукатворнага святла над прыродным, нібыта пацвярджаючы адзін з лозунгаў авангарда, скіраваны на стварэнне новага электрычнага Евангелля. Для шматлікіх авангардыстаў электраэнергія становілася сродкам перадачы дынамізму сучаснага свету, яго энергетычнай патэнцыі.

Нельга не сказаць і пра зварот авангарда да адной з “вечных” тэм – да якасна новага ўсведамлення ролі і значэння феномена смерці, які ў канцэпцыі “новага свету” авангарда выступае на правах “сімвалічнага кода культуры”. Вобразы смерці знаходзяць адлюстраванне ў самых розных аспектах і калізіях, сярод якіх жыццё і смерць, смерць і час, гульні са смерцю, смерць і воля і інш. Варта адзначыць цікавасць авангарда, асабліва рускага, да магчымасцяў адлюстравання дынамікі псіхічных творчых вібрацый.

У цэнтры ўвагі многіх прадстаўнікоў авангарда вобраз урбаністычнага свету. І гэта невяпадкова: мастак авангарда – гэта мастак эпохі ўрбанізму, гарадскі мастак, для якога вельмі важная гарадская культура. Авангард увёў у свае выявы матэрыю жыцця грубіяна, “паэтыку вуліцы”, хаатычную рытміку сучаснага горада.

Для мастакоў авангарда вельмі важнымі былі пошукі новых формаў арт-прэзентацыі. Цэнтральнае месца занялі эпатажныя па характары формы прэзентацыі, падмацаваныя маніфэстамі і дэкларацыямі. Пры гэтым арыентацыя авангарда на пераадоленне элітарнай сутнасці мастацтва паўплывала на ста-

наўленне і папулярнасць масавых форм мастацтва. Адны з авангардыстаў засяродзілі сваю ўвагу перш за ўсё на выразных магчымасцях колеру, другія – на эксперыментах з формай, трэція – на пошуках новых узаемадачыненьняў колеру і формы.

Эфектны жэст, дынамічнае святло, экспрэсіўны колер не толькі адлюстроўвалі ўнутраную дынаміку творчага працэсу, глыбінныя і несвядомыя псіхічныя імпульсы, але таксама становіліся важнымі элементамі авангарднай паэтыкі. Прыкметна, што стварэнне ўласных жывапісных сістэм мастакамі авангарда знайшло сваё далейшае адлюстраванне і ў развіцці мастацтва XX стагоддзя.

Заклучэнне. Такім чынам, авангард быў своеасаблівым эксперыmentам не толькі ў мастацтве, але і ў галіне праектавання рэальнасці, які да сённяшняга дня застаецца адкрытым і не да канца асэнсаваным праектам. Некаторыя даследчыкі авангарда лічаць, што авангардызм як ключавы, вышэйшы этап эвалюцыі заходняга мастацтва, які процідзеінічаў кансерватыўным тэндэнцыям, выяўляў і актыўна фарміраваў ідэалогію заходняга грамадства, пацярпеў паражэнне. “Мы, на вялікі жаль, сталі сведкамі абсалютнага краху ключавых авангардысцкіх ідэй, крушэння тых каштоўнасцяў, за якія змагаліся заснавальнікі авангардысцкіх рухаў [12]. Іншыя аналітыкі са шкадаваннем адзначаюць, што “самая вытанчаная кветка стагоддзя – мадэрнісцкае мастацтва дваццатых-трыццатых гадоў – асуджана нават тройчы: спачатку судом нацыстаў як *Entartete Kunst* (“мастацтва зводу выраджэння”); затым судом камуністаў як “элітарны, чужы народу фармалізм” і, нарэшце, судом “капіталізму, як мастацтва (...) рэвалюцыйных ілюзій” (Мілан Кундэра). Але пры ўсім гэтым немагчыма не пагадзіцца са словамі вядомага французскага пісьменніка, паэта, драматурга, мастака і кінарэжысёра Жана Както, які заўважыў: “Нішто не старэе так хутка, як авангард”. Больш таго, як толькі мастак-авангардыст становіцца прызнаным, ён аказваецца састаўной часткай мастацкага працэсу, апазіцыйнасць якому была галоўнай яго задачай і галоўнай мэтай.

Адмаўленне ад большасці традыцыйных эстэтычных, духоўных, маральных каштоўнасцяў, ад традыцыйных формаў мастацтва і мастацкіх традыцый стала

важным для ўсёй паэтыкі авангарда. Метафарай авангарда была арыгінальнасць. Паэтыка авангарда, у першую чаргу, вылучалася адмаўленнем ад эстэтычнай каштоўнасці мастацкага вобраза, ад жыццёвых і літаратурна-сюжэтных асацыяцый, была злучана з заменай вобраза сімваламі і знакамі. Асноўным стаў прынцып акцэнтавання мовы замест акцэнтавання сэнсаў. Імкненне авангарда “пачуць сучаснасць” і “покліч будучыні” спрыяла пошукам універсальнай эстэтыкі хуткасці, новай тэмпаральнасці часу. Уласцівы ўсім накірункам авангарда падкрэслена эксперыментальны характар творчасці, як і нястрыманае імкненне да стварэння прынцыпова новага ў формах, прыёмах і сродках мастацкага выражэння спрыялі знікненню добра вядомых межаў таго, што прынята было лічыць творам мастацтва. Адным з асноўных для ўсіх відаў авангарда было пытанне мовы. Адметнымі рысамі эстэтыкі і паэтыкі авангарда былі тэндэнцыі сінтэзу асобных мастацтваў, іх узаемапранікнення, цікавасць да пераадолення міжжанравых межаў. Назіраецца эвалюцыя жанраў, поўнае ці частковае адмаўленне ад існуючых кананічных формаў. Першая палова XX ст. уяўляла сабою перыяд асаблівай папулярнасці розных відаў фантастыкі, цікавасці да незвычайнага, тэм і матываў космасу, тэмы святла, урбаністычных матываў і інш. Важнымі для мастакоў авангарда былі таксама пошукі новых формаў арт-прэзентацыі.

Сёння мы не толькі даследуем і аналізуем рысы авангардысцкай эстэтыкі і паэтыкі, але і разважаем пра верагоднасць з’яўлення авангарда ў наш час. Нягледзячы на тое, што некаторыя ідэі авангарда жывыя да цяперашняга часу і папулярныя ў пэўнай катэгорыі мастакоў, казаць пра авангард сёння – відавочна недарэчна. На наш погляд, унутры сучаснага мастацтва пафас авангардызму, як і з’яўленне авангарда, практычна немагчымы. Прычына гэтага ў адсутнасці ў сучаснай мастацкай прасторы асноватворных “мураў авангардызму”, асяроддзя, пэўных умоў, усяго таго, на чым трымаўся класічны авангард. Авангард сёння (калі яго нават так называць!) перастаў быць цэласнай эстэтычнай сістэмай, філасофіяй творчасці, сістэмай жыццёўладкавання. Не маючы практыўнай, эксперыментальнай, даследчай,

лабараторнай дзейнасці, мастацкі авангард сёння не вызначаецца той выразнасцю і эфектыўнасцю, якія былі ўласцівы “гістарычнаму авангарду”. Да таго ж “першы авангард быў творчым, а сёння мы жывём у эпоху другога інтэрпрэтацыйнага авангарда” (Гройс Б. Воля к отдыху). Тое, што існуе сёння, – гэта хутчэй своеасаблівы “авангардны маньерызм”, які, безумоўна, не пазбаўлены гістарычных шанцаў стаць у будучым паўнаватарскай наватарскай з’явай.

Літаратура

1. Кошаев, В.Б. Онтология авангардного процесса / В.Б. Кошаев // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2012. – № 4. – С. 12–23.
2. Турчин, В. Татуированный ангел / В. Турчин // Творчество. – 1990. – № 9. – С. 6.
3. Авангард // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века; под ред В.В. Бычкова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. – С. 21–26.
4. Руднев, В.П. Авангардное искусство / В.П. Руднев // Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
5. Прокофьев, В.Н. Об искусстве и искусствознании / В.Н. Прокофьев. – М., 1985. – С. 117–118.
6. Бычков, В.В. Авангард / В.В. Бычков // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 1. – С. 27–34.
7. Эпштейн, М. Искусство авангарда и религиозное сознание / М. Эпштейн // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 222–235.
8. Краусс, Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / Р. Краусс; науч. ред. В. Мизиано; пер. с англ. А. Матвеевой, К. Кистяковской, А. Обухова. – М.: Художественный журнал, 2003. – С. 159–160.
9. Степанов, Ю. От составителей / Ю. Степанов // Семиотика и авангард: антология / ред.-сост. Ю.С. Степанов [и др.]; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический проект; Культура, 2006.
10. Батракова, С.П. Язык живописи авангарда и миф / С.П. Батракова // К проблеме языка в культуре XX века // XX век: Проблема развития западного искусства XX в. – СПб.: Дм. Буланин, 2001. – С. 23.
11. Хренов, Н.А. Теория искусства в эпоху смены культурных циклов / Н.А. Хренов // Искусство в ситуации смены циклов. – М.: Наука, 2002. – С. 450.
12. Рыков, А.В. Искусство модернизма: основные принципы / А.В. Рыков // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. – 2011. – Вып. 4. – С. 51–57.

Паступіў у рэдакцыю 15.09.2015 г.

УДК 378.18:316.752

Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи

Кривоносова Е.Э.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машиерова», Витебск

Одним из условий эффективности деятельности по формированию духовного мира личности является получение необходимой информации о ее жизненных предпочтениях и ценностях. Цель исследования – изучение некоторых аспектов духовно-нравственных ориентиров студенческой молодежи, динамики ее отношения к различным сторонам человеческого бытия.

Материал и методы. В социологическом опросе участвовали 500 студентов II–V курсов ВГУ имени П.М. Машиерова. Использован эмпирический метод сбора социологической информации путем анкетирования студенческой молодежи, а также общелогические методы анализа и обобщения полученного эмпирического материала.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются актуальные проблемы нравственной культуры студенческой молодежи. В частности, анализируется понимание молодыми людьми категории добра, жизненных, смыслообразующих ценностей, причин проявления бездуховности, путей улучшения нравственного здоровья в обществе. Значительное внимание уделено отношению студентов к различным явлениям, имеющим место быть в студенческой среде. В целом данные социологического исследования указывают на достаточно высокий уровень нравственного здоровья студенчества. Полученные результаты соцопросов 2014/2001 гг. свидетельствуют, что большинство их показателей остаются в пределах статистической погрешности.

Заключение. Анализ оценочных суждений респондентов носит прежде всего прикладной характер. Полученные результаты социологического исследования об ориентациях и предпочтениях студентов могут быть использованы в дальнейшем совершенствовании всего комплекса учебно-воспитательной работы вуза.

Ключевые слова: молодежь, духовно-нравственные ценностные ориентации, учебно-воспитательный процесс.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 131–138)

Spiritual and Moral Values of Student Youth

Krivonosova E.E.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

One of the conditions of the efficiency of shaping spiritual world of the personality is obtaining necessary information about their life preferences and values. The aim of the research is to study some aspects of spiritual and moral landmarks of student youth, dynamics of their attitude to different sides of human being.

Material and methods. 500 second to fifth year Vitebsk State University students participated in the sociological survey. The empirical method of sociological information collection by student questionnaire was used as well as general logical methods of analysis and generalization of the obtained empirical material.

Findings and their discussion. Current issues of students' spiritual culture are considered in the article. Namely, young people's understanding of the category of good, life, sense building values, reasons for spiritualism, ways of society moral health improvement are analyzed. Considerable attention is paid to students' attitude to different phenomena inside student environment. The sociological survey data point out a comparatively high level of student moral health on the whole. The obtained 2014/2001 sociological questionnaire findings indicate that most of their parameters stay within the statistical error.

Conclusion. The analysis of evaluation statements by respondents is first of all of applied character. The obtained findings of the sociological survey on student landmarks and preferences can be used in the further improvement of the whole complex of the university education process.

Key words: young people, spiritual and moral value landmarks, education process.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 131–138)

Каждое новое поколение – это своего рода шанс на благополучное завтра. Другое дело, реализуется ли этот шанс. Студенчество – наиболее динамичная демографическая группа любого общества, которая, используя достижения прошлого, определяет содержание и характер не только настоящего, но и будущего страны.

Цель статьи – исследование духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи, динамики ее отношения к различным сторонам человеческого общежития. Актуальность проблемы можно выразить словами К.Д. Ушинского, который справедливо указывал, что если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях. Эффективно управлять процессами формирования личности без знания глубины, темпов, особенностей происходящих перемен нельзя. В нашем сложном, бурном и противоречивом мире важно понять, каким осознает себя и свое место в обществе молодое поколение, начинающее исполнять собственные жизненные и профессиональные роли. Следует мониторить качество личностного самоопределения, ценностных ориентаций студенчества, поскольку это интеллектуальный и культурный авангард молодежной части общества, который пока занимает «промежуточное положение между пассивным объектом социальной заботы и активным субъектом социального действия» [1]. Говорят, если хочешь составить прогноз на обозримое будущее, посмотри на тех молодых людей, которые сидят в школьных классах и студенческих аудиториях. «Сегодня – дети, завтра – народ», – как метко подметил С. Михалков. От социального фактора и человеческого потенциала зависит устойчивое экономическое, политическое развитие страны.

Поэтому вопрос о диагностике личностного развития носит методологический характер и имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Полагаем, что данные исследования помогут повысить эффективность воспитательной работы со студентами.

Материал и методы. В социологическом опросе участвовали 500 студентов II–V курсов ВГУ имени П.М. Машерова. Использован эмпирический метод сбора информации путем анкетного опроса студенческой молодежи, а также общелогические методы анализа и обобщения полученного эмпирического социологического материала. Достоверность

результатов исследования определяется его репрезентативностью.

Результаты и их обсуждение. Для молодого человека вопрос о сущности и смысле человеческого существования приобретает особую значимость: он сталкивается лицом к лицу с необходимостью укрепить свое собственное и неповторимое место в жизни, личную жизненную позицию в современном обществе. Полнота жизненных сил, свежесть мироощущения, новизна и сложность жизненных проблем, которые еще предстоит решать, ощущение необъятности лет впереди, а вместе с тем понимание необходимости постоянных усилий, жизненной борьбы и самоутверждения придает вечным вопросам человеческого бытия особую остроту и смысл.

Молодежи, с одной стороны, присущи целеустремленность, чувство нового, бескомпромиссность, смелость в суждениях и решении жизненных вопросов, стремление познать, сделать быстрее, с другой – отсутствие у части студентов четких мировоззренческих позиций, повышенная эмоциональность, нигилизм, критичность ко всему происходящему и т.п.

Во все времена старшее поколение сетует по поводу незрелости молодежи, что связано с недостаточным усвоением ею общественно значимых паттернов поведения, не до конца сформированным духовным багажом, отсутствием практического опыта и устойчивых навыков преодоления жизненных проблем. Но ведь на интериоризацию ценностей и установок требуется время, время на внутреннюю работу по переживанию, осознанию, отбору, препарированию общественных требований, по ломке психологического барьера, выражающегося в определенной оппозиции рамкам, ограничениям, правилам. Только тогда социокультурные нормы станут органичной частью личности. Убеждены, что наша современная молодежь не лучше и не хуже молодежи других эпох. Это просто другая молодежь. Как говорил К. Мангейм, молодежь ни хороша, ни плоха, она лишь некий потенциал, готовый к различным свершениям.

В Республике Беларусь проводятся социально-экономические реформы. Трансформационный процесс, как и всякое движение, обладает определенными признаками упорядоченности во времени – последовательностью фаз, периодов развития, скоростью изменения состояний. При этом трансформируются и ценностные ориентации непосредственных

участников общественных перемен – тонкий, подвижный и достаточно трудно предсказуемый элемент общественной жизни. Наиболее быстрому изменению подвержены ценностные ориентации молодежи.

«Ценностные ориентации – элементы внутренней (диспозиционной) структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, ограничивающие значимое (существенное для данного человека) от незначимого (несущественного) через (не) принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки (горизонта) предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяемые приемлемые средства их реализации» [2].

Ценностные ориентации являются важнейшей составной частью субъективного мира человека, это предпочтения или отвержения определенных жизненных смыслов и принципов и готовность им следовать. Ценностные ориентации определяют направленность интересов и устремлений личности и проявляются в оценках, которые человек дает обществу в целом, отдельным людям, самому себе, в способах решения жизненно важных проблем.

Исследованию ценностных ориентаций в сфере морали было посвящено социологическое исследование 2014 г., проведенное кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова. Сопоставительный анализ полученных результатов с результатами исследования 2001 г. позволяет изучить динамику нравственных ценностных ориентаций студентов (мы будем указывать только на наиболее заметные изменения во мнениях респондентов).

Представляет интерес понимание подрастающим поколением категории добра. Добро является главным критерием для морали, центральным нормативно-оценочным понятием из сферы должного, идеального, определяющим моральное сознание человека, обуславливающим мотивом деятельности человека. «Новейший философский словарь» подчеркивает очевидную предельную степень относительности понятия «по причине индивидуальных предпочтений, динамики ситуации с ее переменчивым и необратимым смыслом, определенных социокультурных условий, по причине полисемичности и многофункциональности самого феномена морали» [3], а также нравственного благополучия самого человека.

Ответы респондентов на вопрос, как они представляют содержание категории добра, выявили, на наш взгляд, зрелую нравственную позицию студентов: 77,0% указали на способность не пройти мимо чужих проблем, горестей, оказать помощь ближним; способность приносить пользу людям отметили 46,2% (в 2001 г. – 55,9%). Выбор подобных ответов говорит о достаточно высоком уровне нравственного здоровья молодежи. 55,6% студентов к числу категории добра относят уважение к родителям, старшему поколению (в 2001 г. – 41,6%). Как видно из ранжирования ответов молодых людей, уважение к родителям, старшему поколению сегодня поднялось на второе место с четвертого. Как писал А.С. Пушкин, «неуважение к предкам есть первый признак безнравственности». Ведь никого нет ценнее в нашей жизни, чем те, кто дал эту самую жизнь, воспитал, поставил на ноги, сделав людьми. Неспроста уважение детей к родителям и старшим является одной из десяти заповедей. Почитать и уважать родителей – значит осознавать то добро, которое получаем от родителей, высказывать чувство благодарности за их участие, любовь, заботу и жертвенность. Из уважения к старшим рождаются все хорошие поступки и деяния.

На третье место опрошенные поставили позицию не приносить ущерба, зла другим людям (54,2%). Как известно, нравственная свобода включает два аспекта: «свобода от чего-либо» и «свобода для чего-либо». Негативный аспект свободы, свойственный скорее для общества отчуждения, – это лишь предпосылка ее позитивного содержания как свободы ответственного действия в соответствии с внутренним нравственным законом. Пока что для большинства молодых людей характерен именно первый аспект. Но, как известно, можно сделать что-то позитивное, лишь освободившись от всего того, что наносит ущерб обществу и самому человеку, либо с учетом ограничений социума.

Каждый шестой респондент категорию «добро» связывает с тем, что способствует утверждению гуманности, т.е. всего того, что направлено на гармоничное развитие человеческих способностей, на выстраивание уважительных, толерантных, партнерски-товарищеских отношений соучастия в обществе. Отметим, что такая с индивидуалистическим оттенком ценность, как забота о себе, у молодых людей заняла последнюю строчку (2,4%).

Планируя будущее, человек исходит, прежде всего, из определенной иерархии ценнос-

тей. В своем исследовании мы обратились к анализу жизненных, смыслообразующих ценностей. На первом месте здесь стоит любовь и семейное счастье, которым отдали предпочтение 70,6% девушек и юношей. Это и понятно, молодые люди находятся в активном поиске «второй половинки», с которой хочется создать крепкий, счастливый союз и вырастить в любви и радости детей.

Для студентов большое значение имеет наличие друзей. На этих позициях находятся 43,8% опрошенных. Коммуникативным отношениям, базирующимся на потребности человека в человеке, в понимании, эмоциональном обмене, новой информации, молодежь всегда отводит важную роль даже в век виртуального общения.

На важность в жизни материального достатка указало 39,8%. Отметим, что «вес» такой ценности, как материальная обеспеченность, несколько снизился: в 2001 г. он составлял 53,7%. Это, на наш взгляд, говорит о том, что психология потребительства, получившая широкое распространение в 1990-е годы, уступает свое место иным ориентациям и предпочтениям. К примеру, 36,4% респондентов отметили, что для них значимо душевное равновесие (в 2001 г. – 29,4%). Дух всегда стремится к упорядоченности, покою, миру. В состоянии душевного равновесия, когда человек принимает себя и окружающий мир, когда нет тревог, переживаний, разочарований, сомнений, отрицательных эмоций, противоречий в поступках, мыслях и словах, человек счастлив. Отсутствие эмоционального равновесия может привести к нарушению здоровья. Поскольку мы живем в век скоростей, больших изменений, определенной непредсказуемости и центробежности, студенчество, видимо, воспринимает социальные проблемы как фактор психологического риска.

32,0% опрошенных в реестре ценностей отдали предпочтение любимой работе, что не совсем коррелирует с переживаниями по поводу трудоустройства и безработицы, на которые указывают данные в табл. 1. Работа занимает большую часть жизни, и от того, насколько она интересна, полезна, радостна, приносит ли удовольствие и самореализацию, зависит удовлетворение от жизни в целом.

Несколько снизилась значимость такой характеристики жизнедеятельности, как уважение окружающих: 25,0% против 30,6% в 2001 г. Но жить в обществе (пусть и познавшем либера-

льные ценности негативной свободы) и быть свободным от оценок общества нельзя. Человек любого социального статуса, чтобы ощущать себя полноценной самодостаточной личностью, испытывает потребность в уважении, положительной оценке своих действий, признании окружающими его достоинств. Это стимулирует человека к самоанализу, заставляет работать над собой.

Судя по ответам студентов, их мало волнует личная безопасность (15,2%) (в 2001 г. – 9,0%). Мы это связываем с достаточно ровной политической, экономической ситуацией в нашей стране, где граждане испытывают чувство защищенности от опасных воздействий благодаря прозрачной, четкой работе управленческих структур.

У респондентов практически совершенно отсутствует такая жизненная ценность, как карьера в сфере властных отношений (3,0%).

В то же время несколько удручает отношение респондентов к таким важным ценностям, как литература и искусство. Они в сознании молодых людей занимают невысокое ранговое место: на их важность указали всего лишь 9,4%.

Ценностные ориентации молодежи нельзя рассматривать изолированно от ее социального самочувствия, отношения к тем проблемам, которые тревожат человека в современном обществе. Результаты изучения данного вопроса нашли отражение в табл. 1.

Как видно из данной таблицы, при выделении проблем, которые вызывают наибольшее беспокойство, тройку «лидеров» составляют собственное будущее, а также семьи и детей (80,6%), сложности с трудоустройством после окончания учебного заведения (56,4%), расслоение общества на бедных и богатых (52,6%).

Отраден и факт, что только 6,4% студентов не беспокоит такой важный фактор жизненной ориентации молодых людей, как нарастающая бездуховность общества, потеря нравственных ценностей. А подавляющее большинство респондентов (88,9%) в той или иной мере обеспокоены духовной атмосферой в обществе.

Известно, проблемы социального окружения сказываются и на характере межличностных отношений людей. Так, каждого четвертого студента университета очень беспокоит морально-психологический климат в семье, в некоторой степени беспокоит каждого третьего. А в целом, тревожный микроклимат характерен для семей более чем половины респондентов.

Таблица 1

№	Какие проблемы вызывают у вас наибольшее беспокойство?	Очень беспокоит, %	В некоторой степени беспокоит, %	Не беспокоит, %	Нет ответа, %
1.	Будущее мое, семьи, детей	80,6	14,8	2,6	2,0
2.	Сложности с трудоустройством после окончания учебного заведения	56,4	28,0	8,8	6,8
3.	Расслоение общества на бедных и богатых	52,6	31,0	14,2	2,2
4.	Угроза безработицы	46,2	41,6	12	0,2
5.	Нарастающая бездуховность общества, потеря идеалов и нравственных ценностей	46,0	41,8	6,4	5,8
6.	Уровень материальной обеспеченности молодежи и большинства населения	44,8	47,2	8,0	—
7.	Пьянство, алкоголизм	42,4	42,0	10,6	5
8.	Распространение венерических заболеваний, СПИДа	44,2	40,2	15,6	—
9.	Наркомания, токсикомания	43,2	39,4	14,6	2,8
10.	Рост преступности	38,8	50,8	9,0	1,4
11.	Негативный морально-психологический климат в семье	26,2	31,2	40,2	2,4
12.	Проблемы с жильем	19,8	53,8	23,0	3,4
13.	Сложности в интимных отношениях	9,4	31,6	58,2	0,8

Данным обстоятельством во многом определяется и моральное состояние студента, и его отношение к учебе (без радости, без вдохновения не очень-то появится желание учиться).

В ходе исследования изучались отношения внутри студенческой среды. Мнения респондентов о характере межличностных связей свидетельствуют об известной положительной динамике тех показателей, которые раскрывают их состояние и качество. К примеру, обсуждению театральных постановок, литературных новинок, кинофильмов уделяет внимание 62,2% респондентов, обсуждению проблем смысла жизни, добра и зла – 45,8% (это при том, что каждый третий еще не понял, имеет ли жизнь смысл), моральную поддержку сверстников ощущает 55,6% опрошенных. Интерес к изучению истории, культуры Беларуси проявляют 38,6% студентов.

Анализ результатов обоих социологических исследований свидетельствует о том, что снизилось употребление спиртных напитков:

это подтвердили 17,4% респондентов против 32,2% в 2001 г. 58,8% дали отрицательный ответ.

Большинство опрошенных (61,2%) полагают, что для студенческой молодежи не характерны проявления жестокости, агрессивности, нравственной глухоты. При этом 21,6% затруднились определиться с ответом, а каждый седьмой респондент дал утвердительный ответ.

Нам представляется, что во многом показательным является отношение студентов к гражданскому браку: его одобряют 28,2% девушек и юношей. А если к этому добавить выражение 50,2% респондентов равнодушного отношения к институту гражданского брака, то вырисовывается «картина» ослабления семейных связей, девальвация института семьи. Но здесь не все однозначно, т.к. 2/3 опрошенных указывают, что главное в будущем спутнике жизни – это порядочность, честность, человечность, а не материальный достаток, успех, карьера.

Показательно и то, что лишь 7,2% одобряют свободный секс, по утверждению только 16,8% опрошенных для нашей студенческой среды характерна свобода сексуальных отношений (в 2001 г. – 36,2%), отрицают это 52,6% (в 2001 г. – 27,0%). Таким образом, в целом можно констатировать известную положительную динамику нравственных ориентаций студентов в сфере семейно-брачных отношений.

Студенты резко отрицательно относятся к наркомании – 92,6%, осуждают проституцию – 83,2% (в 2001 г. – 62,8%).

Что любопытно, градус неодобрения пьянства, свободного секса, проституции выше у младших курсов. Одобрение или равнодушие по данным вопросам выказывают чаще старшекурсники. С чем это связано? Может, с тем, что младшекурсники не вышли еще из-под родительского крыла, не позабыли, чему их учили в школе? Или с тем, что по мере взросления снижается порог чувствительности к предосудительному поведению?

В ходе анализа состояния нравственной культуры студенческой молодежи была предпринята попытка выявить основные причины различных проявлений бездуховности (табл. 2).

На основе социологического исследования указанной проблемы становится очевидным, что одной из таких причин является пропаганда потребительской психологии через СМИ (правда, белорусские СМИ в этом нельзя упрекнуть). В этой связи не случайно 43,8% респондентов считают, что за деньги можно купить все. Таковы плоды дегероизации, когда на смену честному труженику приходит «глянец» массовой культуры. И многие, действительно, поддаются безотчетному желанию накопительства не всегда необходимых товаров, создавая иллюзию изобилия, отсутствия реальных проблем. Но культ материальных благ вряд ли способен заменить истинные че-

ловеческие ценности, лежащие в духовной плоскости. Студентам надоели манипулирование вкусами и навязывание насилия, потребительской психологии в СМИ, поэтому 63,8% респондентов находят необходимой нравственную цензуру фильмов, передач, газет, чтобы поддержать моральные нормы общества (в 2001 г. – 50,9%). На наш взгляд, требование контроля над содержанием информации в СМИ – достаточно значимый показатель нравственного здоровья молодежи, ее тревоги за будущее страны. Примечательно и то, что изменились ранговые места некоторых причин (по мнению респондентов) наблюдаемой в обществе бездуховности. Если в 2001 г. недостаточно высокий уровень доходов отдельных групп населения респонденты называли в качестве главной, то в 2014 г. данный фактор был отнесен на последнее место. Полагаем, это связано с ростом благосостояния людей в нашей стране.

Наш вывод основывается и на следующем выявленном показателе: практически в два раза (с 32,0% до 16,8%) снизилось число тех, кто не готов морально и материально жить в условиях современного общества.

К слову, нравственные ориентиры человеку дает и религия. Но 40,6% опрошенных индифферентны к требованиям христианской морали. 23,8% не определились по данному вопросу. Видимо, это также относится к поклонением богу Мамоне части студенчества.

Каковы же пути улучшения нравственного здоровья в обществе, по мнению респондентов? Ответы, как нам представляется, в основном отражают суть проблемы (табл. 3).

Обращает внимание тот факт, что студенты с пониманием относятся к проведению воспитательных мероприятий, препарированию и качественному отбору информационного потока в СМИ и не склонны винить во всех грехах уровень благосостояния.

Таблица 2

№	Если уровень морального сознания, на Ваш взгляд, снизился, то что стало причиной этого? (можно отметить до 2-х вариантов)	%
1.	Потребительская психология, проповедуемая СМИ	48,4
2.	Недостатки в работе тех лиц, которые отвечают за воспитание подрастающего поколения	41,0
3.	Развитие в обществе рыночных отношений, способствующих формированию индивидуалистической психологии	36,8
4.	Недостаточно высокий уровень жизни населения	26,8

Таблица 3

№	Что, на Ваш взгляд, следует предпринять для улучшения нравственного здоровья в обществе? (Можно отметить до 3-х вариантов)	2014 г.,%	2001 г.,%
1.	Укрепить порядок и дисциплину во всех сферах жизни общества	57,8	52,9
2.	Содействовать повышению благосостояния людей	52,2	83,3
3.	Больше проводить воспитательных мероприятий по месту учебы и работы	41,6	23,3
4.	Ввести цензуру в СМИ	35,8	13,9
5.	Увеличить количество передач на телевидении, радио, посвященных актуальным проблемам нравственного воспитания	30,8	32,6
6.	Ничего не предпринимать, пусть все идет так, как идет	2,4	1,2

Важно выделить не только болевые точки и возможности общества в аспекте ценностно-ориентационной работы с подрастающим поколением, но и оценить потенциал вуза по данному вопросу. Каждый третий респондент (32,2%) полностью удовлетворен организацией воспитательной работы в вузе. Каждый четвертый из опрошенных предлагает на всех факультетах ввести обязательный курс «Этика и этикет» (25,2%), обратить более пристальное внимание сотрудников отдела воспитательной работы на организацию свободного времени студентов в общежитиях, учебных корпусах после занятий (24,8%), расширить перечень мероприятий ОО «БРСМ», профсоюзной организации студентов университета по обеспечению высокого нравственного климата в коллективе (23,2%). Каждый пятый (20,8%) видит необходимость обеспечивать регулярное повышение квалификации профессорско-преподавательского состава в области идеологической работы.

Таким образом, если усилия всех структурных подразделений вуза направить в единое русло, то можно достичь значительной эффективности в воспитательной работе.

Результаты ответов наглядно говорят об огромных резервах в учебно-воспитательном процессе. А резервы здесь значительные. Речь, прежде всего, идет о преодолении формализма в воспитательной работе, деканаты, кафедры, профессорско-преподавательский состав просто обязаны повысить требовательность к себе и студентам, если мы действительно хотим видеть в них будущих высококвалифицированных специалистов с должной духовно-нравственной основой. Следует обратить пристальное внимание на структуру и необходимость преподавания тех дисциплин,

которые призваны формировать духовный мир личности. Вряд ли можно считать оправданным, что на гуманитарных специальностях читается курс математики, но не преподается курс этики и эстетики.

Человек рождается как некая физическая оболочка, которая наполняется в процессе воспитания личностным содержанием: знаниями, убеждениями, моральными ценностями. Все люди – продукт своего времени, конкретной социально-экономической, политической, духовно-нравственной среды, что оказывает воздействие на сознание, мировосприятие и миропонимание молодежи, а это, в свою очередь, определяет логику реализации жизненных целей и установок. В то же время нельзя процесс социализации личности сводить к влиянию лишь внешних факторов. Важную роль играет внутренняя субъективная активность личности. В этом смысле вполне оправдан тезис Ж.-П. Сартра: «Человек есть то, что он сам из себя делает». Человек – это постоянный проект. Надо суметь убедить его в том, что в жизни существует множество «лифтов» к личностному росту, самореализации и социальной полноценности, в числе которых, несомненно, значатся образование и внутренний нравственный стержень. Следовательно, чтобы мы не стали свидетелями процесса разрушения классических нравственных императивов, подрастающее поколение нужно учить нравственности так же, как мы учим всему остальному – самообслуживанию, наукам, музыке и т.д. Причем, если учесть, что потребности людей в духовных ценностях безграничны, здесь не может быть пресыщения.

К слову, каждый третий студент затрудняется с ответом по вопросам жизнепредна-

чения: смысла жизни, готовности жить в сложном современном мире. Колеблющегося человека Э. Фромм метко сравнил со стершейся монетой, так как в нем нет самости. Ценностные ориентации играют роль устойчивого фундамента иммунитета к кризисным ситуациям, разочарованиям. Это указывает на направления для воспитательной работы с молодым поколением.

Заключение. Следует признать сложность и ограниченность подобного рода исследований, т.к. они позволяют изучить познавательный, нормативно-оценочный, возможно, эмоциональный, но не поведенческий компонент нравственной культуры студенчества. Общеизвестно, что выраженная вербально позиция человека по отношению к тем или иным ценностям далеко не всегда совпадает с фактическим его поведением. Но даже деятельность не всегда доказывает доминанту и интернализацию нравственных ценностей, ведь человек может совершать добрые дела из корыстных побуждений. В ситуации стандартизированного опроса некоторые из формулировок могут оказаться нерелевантными для респондентов, а значит, исследователь имеет дело с некими стереотипами, а не с реальными представлениями людей. Опрашиваемые могут отвечать, исходя из должного, а не с точки зрения субъективного ценностного выбора. Получаемые результаты показывают не постоянную величину, а некую тенденцию того, какие очертания приобретает нравственная культура молодежи.

В целом данные социологического исследования указывают на достаточно высокий уровень нравственного здоровья студенчества. Результаты соцопросов 2014/2001 гг. свидетельствуют, что большинство их показателей остаются в пределах статистической погрешности. Но существует и значительная динамика мнений о значимости тех или иных факторов общественного бытия, влияющих на становление духовного мира личности. Безусловно, выявленными позициями не исчерпывается все состояние нравственной культуры молодежи. Считаем, что необходимо дальнейшее изучение других ее аспектов и тенденций.

Литература

1. Кемалова, Л.И. Трансформация ценностных ориентиров современной студенческой молодежи в условиях транзитивного общества / Л.И. Кемалова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 162 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/7006>. – Дата доступа: 23.09.2015.
2. Абушенко, В.Л. Ценностные ориентации / В.Л. Абушенко // Философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Cennostnye-Orientacii-3677.html>. – Дата доступа: 20.08.2015.
3. Севастьянова, Н.Г. Добро и зло / Н.Г. Севастьянова // Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar.cc/fil/slovar/2480197.html>. – Дата доступа: 25.08.2015.

Поступила в редакцию 22.10.2015 г.

УДК 130.12+316.3

Тотальность как деконструкция социальной целостности: аутентичность тотальных практик

Бродецкая Ю.Ю.

Национальная металлургическая академия Украины, Днепрпетровск (Украина)

Состояние феномена социальности современной эпохи поднимает вопрос о ее дальнейших перспективах и моделях реализации. Как возможно будущее общество, что составляет условия и угрозы его функционирования, каковы механизмы решения проблемы социальной целостности? Эти вопросы занимают исследовательское поле современного социально-философского дискурса.

Цель статьи – анализ феномена тотальности, выступающего в качестве альтернативы решения проблематики социальной целостности общества Модерна. Механизмы формирования и практики реализации последнего исследуются автором как симулякры общественного единения.

Материал и методы. *Объектом исследования выступает феномен тотальности, его экзистенциальные основания и потенциал, предметом исследования – аспекты реализации, практики тотальности, активно инвестирующиеся в современном обществе в качестве способов решения проблемы социальной целостности. Теоретико-методологическую базу исследования составили традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности.*

Результаты и их обсуждение. *Идеология тотальности, заявившая о себе в практиках политической деспотии и массового потребления, формирует реальную угрозу целостности индивидуального и социального порядков. Возникая в качестве симулякра стремления к единению, тотальность всегда имеет ярко выраженную деструктивную функцию использования, обладания, то есть потребления. В основании данного феномена лежит стремление к власти, то есть эксплуатации окружающего мира с целью господства над ним. Поэтому, невзирая на формы и варианты реализации тотальности, изучаемый феномен представляет собой угрозу человеческой со-бытийности. Автор делает акцент на деструктивности данной идеологии самой природе социальности, перспективе ее реализации. В связи с этим исследование экзистенции тотальности выступает необходимым методологическим шагом в формировании комплексной методологии феномена социальной целостности.*

Заключение. *В решении проблемы социальной целостности следует опираться на формирование комплексной методологической перспективы, в рамках которой возможен анализ условий, механизмов, логики развития социального единения, а также угроз, актуализирующихся в условиях формирования обществ современного типа. В этой связи анализ феномена тотальности представляется необходимым для компаративного анализа проблематики целостности.*

Ключевые слова: социальная целостность, тотальность, власть, стратегия служения, обладание, масса.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 139–145)

Totality as Social Integrity Deconstruction: Authenticity of Totality Practices

Brodetskaya Y.Y.

National Metallurgical Academy of Ukraine, Ukraine

The state of the phenomenon of the sociality of modern era raises the issue of its future prospects and models of implementation. How possible is the future society, what makes the conditions and the threat of its operation, what are the mechanisms to address the problem of social integrity? These questions constitute the research field of modern social and philosophical discourse. Therefore, the purpose of this study is the analysis of the phenomenon of totality, which is formed as an alternative to solving the problems of social integrity of modern society. Formation mechanisms and implementation practice of the totality are investigated by the author as simulacra of social cohesion.

Material and methods. *The object of research is the phenomenon of totality, its existential base and potential. The subject of the research is the totality aspects and practices that actively appear in modern society as ways of the social integrity decisions problems. Theoretical and methodological basis of the research were the traditions of the Orthodox Christian philosophy, existentialism and psychoanalysis, which disclose fundamental aspects of social integrity problem decisions.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: brodezka_julij@mail.ru – Ю.Ю. Бродецкая

Findings and their discussion. *The ideology of the totality manifests itself in practices of political despotism and mass consumption. This phenomenon creates a real threat to the integrity of the individual and the social order. Totality is always pronounced destructive function of the use, possession, consumption. Since this ideology emerges as a simulacrum of the need for unity. The basis of this phenomenon is the desire for power, exploitation of the world for the purpose of domination over it. Therefore, ignoring the forms and embodiments of the totality of this phenomenon poses a threat to the human community. The author focuses on the destructive nature this ideology of social, perspective implementation. Therefore, the study of the existence of totality is a necessary step in establishing integrated methodology of the social integrity phenomenon.*

Conclusion. *To solve the problem of social integrity it is necessary to rely on shaping a complex methodology that will identify the conditions, mechanisms, the logic of social integrity. This methodology will also detect threats to the integrity that are actualized in conditions of modern society formation. In this connection, the analysis of the phenomenon of totality is necessary for comparative analysis of the social integrity problems.*

Key words: social integrity, totality, the power, the strategy of service, possession, mass.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 139–145)

Обострение противоречий, угрозы и возрастающая нестабильность социальных отношений современного общества заявляют о себе кризисом социального порядка, целостности. В связи с этим интуиции относительно конца социальности, перспектив социального целого уже не воспринимаются как мифы культуры Модерна. Реальность изменяется, трансформируются механизмы и логика ее развития и уже не такими радужными кажутся перспективы будущего. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск условий, моделей и вариаций решения проблемы социальной целостности, обретения единства, сакральности социального порядка. Все чаще фокус анализа концентрируется на вопросе относительно угроз последнего. Поэтому исследовательский интерес статьи сосредотачивается на одном из проектов решения проблемы единства, актуализированной реалиями общества Модерна – идеологии тотальности. Нами анализируются природа тотальности, аутентичные практики ее реализации с целью изучения экзистенциальных оснований данного «единения».

Цель статьи – обнаружение деструктивного потенциала феномена тотальности, что предполагает анализ стратегий и форм реализации последнего.

Материал и методы. Теоретическую базу исследовательской работы составляют интуиции, концепции, подходы представителей современной социально-философской традиции, в частности православной христианской, экзистенциализма, психоанализа, в которых раскрываются фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности, единства, актуализирующиеся в условиях возрастания тоталитарных тенденций Модерна. Компаративный метод позволяет выявить этапы и логику развития идеологии тотальности в контексте инвестиции тотальных прак-

тик в социальную жизнь, их претензии на решение проблемы целостности социального.

Результаты и их обсуждение. Определяя условия, порождающие возникновение и популяризацию в обществе Модерна тотальных практик, претендующих на решение проблемы социальной целостности, единения, большинство представителей психоаналитического направления заявляют о том, что в основании идеологии тотальности лежит *невротическое стремление к власти* (в терминологии К. Хорни), обладанию [1]. В качестве базовой установки данной идеологии последнее на уровне повседневности заявляет о себе возрастающими практиками разобщения, разделения, дезинтеграции социального целого. Идет ли речь о политическом тоталитаризме либо экономической экспансии общества массового потребления, идеология тотальности реализуется в схеме: власть, деньги, престиж, где установка на обладание является следствием актуализации дезинтегрирующего стремления к констатации власти, силы тотального объекта (по отношению к Другому, не равному мне). Соответственно и варианты реализации данной стратегии принимают деструктивный антисоциальный характер: от деспотичного насилия до пассивного потребительского конформизма.

В любом из данных вариантов сохраняется один и тот же движущий принцип: присвоение, накопление, то есть безудержное стремление к обладанию желаемым (в качестве которого выступают статусные аспекты – власть, деньги, престиж) любыми способами, вопреки интересам и потребностям Другого, нашим связям, отношениям. Идет ли речь о политической экспансии и деспотии власти, ее претензии на тотальный контроль, либо потребительском конформизме, стремление к власти как условие конструирования тотальных практик формируется как эгоистическое

утилитарное отношение Я – Оно, где Оно – это вещь, масса, среда удовлетворения моих желаний, амбиций, реализации моего превосходства. Поэтому приоритеты в данной модели всегда четко расставлены: Я – высшее благо, ценность, а окружающий меня мир – это объекты моего удовлетворения, ценность которых зависит от степени их желаемости, то есть возможности служить мне, быть использованными.

Результатом преобладания данной асоциальной установки как на индивидуальном, так и на социальном уровнях является формирование деструктивной отношенческой системы, направляющей активные творческие силы человека (социальной группы) не на единение, целостность (стать участником, частью окружающего меня мира), а на противопоставление себя Целому, разрушение существующего порядка. «Движимый жаждой власти (обладания, накопления, присвоения) человек уже не способен воспринимать себя во всем богатстве и безграничности *человеческой* жизни, не способен реализовать и минимальную часть своей личности, не способен выйти за жесткие границы конформизма, освободиться. Он отказывается от возможностей, предоставляемых ему окружающим миром ради стремления подчинить его себе. Стремясь претворить в жизнь иллюзию превосходства, он хочет заставить окружающий мир работать на его желания» [2, с. 225].

На практике данная модель отношений воплощается в виде двух поведенческих стратегий – стремления к *господству*, реализующемуся через подавление тоталитарным объектом Другого(-их), властвование, контролирование, обладание им(ими), и к *поклонению*. Такая классификация, по сути, является идеально-типической моделью, символической демонстрацией реализации идеологии тотального «единения», механизм развития которой всегда направлен на дезинтеграцию социального (связей, отношений, интеракций). Другими словами, обе модели выступают аутентичными практиками одной деструктивной установки «иметь» (в терминологии Э. Фромма), дополняя друг друга и проявляясь в зависимости от степени удовлетворения жажды власти, обладания (один и тот же человек с присущей ему установкой на стремление к власти может проявлять себя и как тиран, и как жертва). Поэтому отправной точкой анализа здесь выступает стремление констатировать, утвердить превосходство (посредством

обладания «собственностью»), а следовательно, отделиться от единого Целого.

При этом стратегия *поклонения* (отдельной личности, группе, божествам, государству, вещам и т.п.) является первичной фазой в реализации стремления к власти, отделению от Целого. Как правило, эта модель актуализируется в связи с желанием быть тотальным объектом и подкрепляющим данное стремление страхом не реализовать его (то есть не получить желаемое). В связи с этим стремление получить шанс реализовать стремление к власти – значит идентифицировать себя с тотальным объектом. По сути, отождествляя себя с тоталитарной фигурой, человек стремится получить желаемое превосходство (в виде материальных благ, престижа и т.п., ведущих к власти, влиянию над другими) посредством конформизма. Он отчуждает свой человеческий потенциал, приспосабливается под «угрожающие» факторы ради единственной цели – получить доступ к обладанию желаемым.

Такая пассивная потребительская стратегия отношения к окружающему миру реализуется в тотальной конформистской практике *массы – быть таким, как вам угодно*¹. Масса (от древне-греческого *μάζα* – *тесто*, латинского *māssa* – *кусок*) представляет собой пластичный материал продуцирования и реализации потребительских установок и стереотипов. Человек массы – раб шаблонов и стандартов, диктуемых окружением, государством, идеализирующий возможности объектов поклонения. Он – мечта рационализированной системы, продуцирующей все новые и новые ограничения и табу на уникальность и активность. По сути, возрастание массы знаменует собой опасный синдром актуализации тотальности, угрожающий социальной цело-

¹ Конформизм предполагает приспособление к определенному общепринятому образцу и, следовательно, отказ от проявления себя настоящего. Начинает формироваться такая модель поведения в раннем детстве, когда ребенок приспосабливается под ожидаемое от него поведение со стороны родителей. На уровне общества конформизм подкрепляется пассивностью и ориентацией на стандартизированные, унифицированные образцы, эталоны, идеалы. Современная ориентация на конформизм охватывает большинство сфер социальной жизни. «Даже дружеские отношения складываются не на основе личной симпатии или влечения, а на основе удобства (рядом живем, вместе работаем, так выгодно). Такие отчужденные дружеские отношения и автоматический конформизм одобряются и принимаются современным человеком. Это ведет в свою очередь к тому, что человек, по сути, отказывается от самого себя, становится частью стада и находит удовольствие в этом. Это состояние нынче называют “сплоченностью”. При этом недостаток конформизма наказывается не только словесным осуждением, но и жесткими мерами воздействия» [3, с. 216].

стности и порядку, поскольку в самом ее основании лежат деструктивные принципы дезорганизации и хаоса. Массу раздражает всякая общественная дифференциация и порядок. Так, в работе «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт, анализируя природу тоталитарных тенденций, отмечает, что тоталитарное движение находит отклик именно у человека массы, который не способен к дифференциации и пониманию различий. Оно дает такому человеку удовлетворение, поскольку насыщает гнетущую жажду какой-нибудь идентификации, какого-то единства, каких-то социальных связей. Оно поощряет ненависть к многообразию, объявляет пустым различие интересов и взглядов. Оно дает слабому и обиженному человеку ощущение силы, которая только и может быть для него настоящим аргументом [4].

Выступая атрибутом патологичных состояний личности и системы, тотальность стремления к власти во всех своих проявлениях (как идеологический принцип, характер сознания (мышления) или политический режим) всегда ориентируется на конформность сознания, выдвигая претензию на «всеобщность» собственных установок и ценностей, где в качестве последней понимается не универсальный, а массовый характер. В этой связи Х. Арендт отмечает, что масса есть результат тотальной дезинтеграции, продукт политической системы, в которой огромное число людей переживают кризис идентичности. Масса не имеет никаких интересов или, по крайней мере, совершенно не способна их осознать, поэтому она не способна ни к какому объединению на основе общих интересов. Человек массы не способен чувствовать себя внутри какой бы то ни было общественной структуры, не ощущает связности какими-либо общими интересами, задачами, мотивациями в силу того, что он не способен учитывать чужие интересы. «Он не может понять, что разные люди по-разному мыслят, но при этом могут что-то обсуждать и в чем-то соглашаться. У него есть инстинктивное чувство, что разногласия непреодолимы, поскольку вызваны глубинными внутренними свойствами людей. Если он думает иначе, чем я, то это значит, что он – существо иного рода и договориться с ним невозможно. Например, он утверждает так, потому что он капиталист (еврей, американец). Имеет значение не аргументация, а личность (точнее, идентичность) говорящего. Поиск согласия – бессмысленная

затея. Истина должна быть только одна, и она должна быть хорошо известна» [4].

Опасность реализации такой потребительской стратегии заключается в том, что стратегия *поклонения*, мотивированная страхом не получить желаемое, не стать тотальным объектом, парализует сознание и волю человека, лишь нарастая со временем. Можно сказать, что в данной ситуации ортеговская позиция: «сегодня весь мир становится массой» – актуализируется, продолжая себя во фроммовском положении: «Что может быть очевиднее того факта, что люди готовы рисковать своей жизнью, отказываться от любви, отказываться от свободы, жертвовать своими собственными мыслями ради того, чтоб быть в “стаде”» [5, с. 62]. По своей сути, человек массы – тотальный потребитель. Он – «единица – изолированный в обществе индивид, не знающий, кто он и зачем живет. Он сам чувствует, что он “вздор”, “ноль”. И для него нет ничего желаннее, почувствовать себя частью грандиозного всепоглощающего целого. Ощущение слабости и зависимости («каждый дюжий ему господин») сменяется чувством необычайного могущества. Те, кто были раньше господами, теперь принуждены “замереть и лечь”. Те, кто был объединен какими-то социальными связями (возможно, те самые “двое слабых”) и имел какое-то значение в обществе, теперь осознают свое ничтожество, столкнувшись с “громящим миллионопалым кулаком”. Очень важно завершение отрывка: став частью могущественного движения, эта ничтожная единица превращается в господина мира (“царства стираю на карте я”). Здесь, быть может, самая суть тоталитарного движения – оно вершит историю, меняет мир, через него осуществляется судьба всего человечества» [4, с. 421]. Он не настроен на развитие своего внутреннего мира, на поиск собственной уникальности, он охвачен лишь поиском способов *быть как все*, реализующими себя в практиках подражания, с целью получить как можно больше для себя. При этом он вполне доволен собственной стандартностью и похожестью на других. В этой связи Э. Фромм отмечает: «Стадный конформизм обладает только одним достоинством: он стабилен, а не периодичен. Индивид осваивает образец приспособления в возрасте трех-пяти лет, и впоследствии уже никогда не утрачивает контакта со стадом. Даже похороны воспринимаются человеком как свое последнее значи-

тельное социальное дело, совершаются в строгом соответствии с образцом» [5, с. 9].

Трансформируясь в массовую тоталитарную практику, конформизм массы блокирует возможность проявления и совершенствования человека. Страх не получить желаемого имеет вполне рациональные основания. Поскольку за каждым «быть как все», за каждым актом служения (системе, начальству, окружающим и т.п.) стоят вполне конкретизированные материальные компенсации – комфорт, деньги, материальные блага, продвижение по службе, получаемые человеком за отказ от себя настоящего. Принцип поклонения диктует: *чтобы получить желаемое, нужно быть таким, каким тебя хотят видеть, быть массой*. «Безразличие к окружающему, непонимание своих интересов, неумение общаться и находить связи с другими людьми приводит к странному безразличию к самому себе, обесцениванию себя. Ценность самого себя теряется в этих условиях, равно как и ценность Другого. Поэтому такой человек с готовностью отдает себя, всю свою жизнь некоему, по сути, первому попавшемуся движению, которое готово его подобрать» [4, с. 421].

На подобную асоциально-приспособленческую позицию рационализированная система реагирует целым арсеналом компенсационных средств: от льгот, стандартов, поощрений, условностей до предоставления способов и ресурсов служения «наиболее послушным» членам общества. Система превращается в фабрику по удовлетворению желания «иметь», работающую не столько на удовлетворение индивидуальных потребностей, сколько на производство все новых соблазнов массы «удобных личностей». По сути, добровольно отказывается от активной позиции соучастника общего Целого, ориентированного на единение, порядок, активное взаимодействие; разменивая ее на возможность использовать предоставляемые системой льготы, реализовать стремление к власти, человек лишает себя уникальности. «У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны ... От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера – все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону.

Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?» [5, с. 10].

Реализация стремления к власти, обладанию ведет, в конечном счете, к трансформации стратегии *поклонения* в тотальную практику *господства*, наиболее иллюстративно воплотившуюся в истории человечества в «культе личности», «расовом и классовом превосходстве», «вождизме» и т.п. Поскольку жажда власти имеет особенность лишь нарастать во времени, обладание ею (фактической властью либо материальными благами, деньгами, близкими и т.п.) не снимает напряжения. В гонке за желаемым, борьбе за культ собственного Я человек еще с большей жадностью стремится присваивать возможности и окружающие его блага. И когда масштабы присвоенного становятся осязаемы, очевидны, он сам превращается в тотальный объект, реализующий власть во всем ее потенциале и многообразии: силы, принуждения, контроля. Теперь уже он сам выстраивает иерархию отношений. Тотальная идентичность требует подчинения своей «собственности», в разряд которой попадают окружающие ее люди и отношения. Другими словами, получив желаемое, осознав собственную власть, стратегия господства требует поклонения других. В качестве иллюстрации данной модели Х. Арндт приводит пример «колониального чиновника», осуществляющего власть метрополии в колонии. «В сознании ее носителей эта власть постепенно окружается романтическим ореолом. Во всем блеске его представил Киплинг, воспевавший бремя белого человека. По отношению к подвластному колониальному населению он выступает носителем высшей идеи. Возникает осознание избранности, особой миссии. Человек, облеченный особыми полномочиями, мыслит себя не просто политическим деятелем или администратором. Он осуществляет власть, исполняя высший закон, служа даже не метрополии, а высшей силе, наделившей его особым призванием и властью. Он утверждает новый порядок в мире, несет цивилизацию и просвещение. Этот взгляд на свою миссию тесно коррелирован с политической практикой. Исполнитель высшего закона не связывает себя юридическими

нормами. Колониальная администрация управляет посредством декретов. То есть она осуществляет бюрократическое управление, основанное на волевых решениях, не ориентируясь на какие-то правовые ограничения, гуманные ценности или моральные нормы – на все то, что ограничивает власть в метрополии. Декрет, то есть чрезвычайное, вызванное текущей ситуацией постановление власти, подменяет закон. В результате управление не получает никакого правового основания. Законность оказывается ненужной, даже вредной, поскольку стоит на пути волевых решений администратора» [4, с. 412].

В стратегии господства реализует свой деструктивный потенциал авторитарная личность, безудержно стремящаяся к власти, обладанию и вместе с тем, наследующая конформизм и стереотипность массы, переживающая страх собственной неполноценности и обделенности. В ее сознании отсутствует понятие равенства. Мир для нее состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, высших и низших, достойных и недостойных. Авторитарная личность нуждается в сохранении контроля над присвоенным, чтобы утвердить превосходство над другими. Это основа ее мировоззрения, в котором окружающий мир всегда враждебен, где данная личность – идол, лишенный всего человеческого, всего, что может помешать ему в борьбе за реализацию иллюзии превосходства. «Служение божкам, царям, героям – атрибут развития нашего прошлого и настоящего. Им многое прощается, они идеализируются, им поклоняются. И даже несмотря на разрушительные действия этих идолов, жертвы, которыми сопровождается все их “творчество”, рационализованная система отказывается объективно смотреть на вещи. Она не позволяет за каждым таким “героем” увидеть его ненасытную жажду власти и стремление получить ее любой ценой. Наше сознание видит лишь блеск воспетого культа, эффект его могущества, и само восхищается истуканом, тем самым загоняя нас в еще большую зависимость от служения. Поэтому, даже осознавая разрушительный потенциал идолов, человечество превращает их пороки в достоинства. То, что не прощается обычному смертному человеку, возвеличивается у “великих”» [2, с. 230].

В своем стремлении к обладанию как способу обретения власти идол претендует на то, чтобы самому быть законом, детерминиру-

ющим паттерны взаимодействий и отношений людей, характер их связности. Поэтому его власть всегда тотальна. Она не терпит ограничений в виде морали, прав, свобод. Он сам – высшая сила, для которой другой человек – лишь масса, материал, на котором реализуется воля тотального объекта. «Тоталитарная власть – это высший исполнитель закона, задачей которого является уничтожение отмирающих групп. В этом смысле человек перестает быть человеком. Человек должен стать элементом в круговороте. Идет постоянное отмирание ненужного. Это отмирание в реальности означает непрерывное убийство или переделывание человека, что, по сути дела, одно и то же. Человек либо переделывается во что-то иное, либо уничтожается как отработанное» [4, с. 430].

Однако те законы и принципы, которые диктует тоталитарная личность, тот порядок, который насильственно конституирует (легитимно либо нет – нет значения), – это всегда разрозненная система «дальних» связей, «вторичных» уз, сохраняющих определенную, всегда внешне детерминированную силой, псевдосвязность. Поскольку отношения идола и массы, ему поклоняющейся, – это всегда отношения зависимости, несвободы, в которых каждая из сторон ощущает собственную неполноценность (только с разной частотой и степенью) и агрессию перед более «достойным», «сильным», «властным». Эта зависимость строится на страхе быть обделенным (силой, властью, авторитетом, деньгами, благами), требует постоянной борьбы и напряжения, принуждает поклоняться тем, чье стремление к господству сильнее, агрессивнее, насильственнее.

В этом проявляет себя дезинтегрирующий характер тотальной стратегии служения, направляющей, и в случае поклонения, и в случае господства, потенциал человек на разрыв связей с Целым ради удовлетворения деструктивного эгоистичного желания быть выше Другого. Следовательно, оба варианта тотальных практик не имеют ничего общего со стремлением человека к единению, целостности, порядку. Поскольку стремясь к обладанию, личность отчуждает тотальному объекту (в качестве которого может выступать политический режим, авторитет родителей, деньги и.п.) всю свою активность, свой потенциал, воспринимая обладание им как способ доказательства своего превосходства. Таким образом, искажается баланс отношений с объек-

том своего внимания: стремление к превосходству требует жертв, трансформируя живую человеческую природу в вещь, способную обрести связь с желаемым объектом лишь растворившись в нем. Поэтому за каждой из моделей тотальных практик всегда стоит *отчуждение, неприятие своей человеческой сути*, демонстрирующее себя через конформизм, обесценивание и подавление Другого.

Такие проявления служения встречаются зачастую в слепом подчинении политическому лидеру, государству, карьере, материальному богатству, партнеру по отношениям и т.п. На самом деле и вождь, и государство, и карьера, и материальные ценности есть то, что они есть, лишь с согласия самого человека. Они превращаются в идолов, когда личность начинает преувеличивать их значение, поклоняется им, надеясь с помощью такой «самоотдачи» получить для себя дополнительные возможности. «Не важно, о каком служении идет речь, о поклонении идолам, идолопоклоннической любви к человеку, вещам, политическому лидеру или государству, себе. Важно то, что в любом из указанных случаев человек ощущает себя не живым активным носителем собственного потенциала, а лишенной уникальных духовных качеств, мертвой “вещью”, зависимой от внешних обстоятельств, на которые он перенес свою жизненную энергию» [2, с. 232]. Находясь во власти стремления к обладанию, личность теряет связь с окружающим миром. В этой связи Э. Фромм отмечает, что «душевнобольной – это человек, *абсолютно отчужденный*; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости» [3, с. 167].

Заключение. Таким образом, стремление к власти, обладанию в идеологии тотальности является исходным стимулом реакции субъекта, мотивирующим его на поддержание зависимости от тоталитарных объектов. По мнению К. Хорни, «современная культура, социальное окружение существенно влияют на развитие стремления к власти. То обстоятельство, что невротики в нашей европейской культуре стремятся к власти как к средству успокоения, объясняется тем, что в нашем социуме власть и престиж могут обеспечить

чувство безопасности. Такое стремление к доминированию развивается тогда, когда любовь и аффилиация не снимают тревожности, когда на пути к любви возникают значительные препятствия и трудности... Завоевать любовь и расположение – значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти, престижу и обладанию означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения» [1].

Отчужденные личности, конформные автоматы, люди массы – мечта тоталитарной системы, основная задача которой создать как можно больше зависимостей, погрузить человека в страх, тем самым обрекая его на духовную смерть, а его связи – на разрушение. В такой системе все жестко структурировано, контролируется, здесь нет места человеческой спонтанности, единению. Напротив, само тотальное господство нацелено на ее уничтожение. Ведь «такая власть прочна только в том случае, если буквально все люди, без единого исключения, надежно контролируются в любом проявлении их жизни. Цель тоталитаризма, в конечном счете, заключается “в перерождении самой человеческой природы”» [4, с. 430].

Литература

1. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни; пер. с англ. В.В. Старовойтова. – М.: Айрис-пресс, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/horney/nlnv/nlnv_10.html. – Дата доступа: 03.06.2015.
2. Бродецкая, Ю. Общество человеческих отношений: в поисках утраченной целостности: монография / Ю. Бродецкая. – Днепропетровск: Инновация, 2014. – 370 с.
3. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 539 с.
4. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. с англ. И.В. Борисовой [и др.]; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/libr_min/01_a/re/ndt_18.htm. – Дата доступа: 04.05.2015.
5. Фромм, Э. Искусство любить. Исследование природы любви / Э. Фромм; пер. Л.А. Чернышевой. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.

Поступила в редакцию 06.10.2015 г.

УДК 811.161.3'373.21(476)

Сучасны стан беларускай тапанімікі

Мезенка Г.М.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

Як вядома, “навуковы перыяд тапанімікі, як і анамастыкі ўвогуле, у Беларусі пачаўся напрыканцы XIX ст.”. Першыя лінгвістычныя даследаванні беларускай тапанімікі з’явіліся ў 1890-х гг. Для вытокаў тапанімікі ў Беларусі стаяць такія вядомыя даследчыкі, як А.А. Качубінскі, Ю.Ю. Трусман, Я.Ф. Карскі [1]. З 1946–1947 гадамі звязваюць пачатак сістэматычнага вывучэння тапаніміі Беларусі (прыгадаем працы М.Я. Грынבלата, П.П. Шубы, В.А. Жучкевіча, Л.А. Акаловіча).

Значная актывізацыя тапанімічных даследаванняў адзначаецца ў 1960–1980-х гг. і звязана яна з дзейнасцю такіх выдатных беларускіх тапанімістаў, як М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова, А.М. Прышчэпчык, М.М. Карсакова, А.М. Катонава, Я.М. Адамовіч, Я.Н. Рапановіч і інш. Асабліва паўплывалі ў гэты перыяд на развіццё тапанімікі ў нашай краіне працы М.В. Бірылы, В.А. Жучкевіча і В.П. Лемцюговай, у якіх яскрава адбілася тэндэнцыя высветліць не толькі ўласна моўныя, а і знешнія, гісторыка-геаграфічныя і сацыяльна-эканамічныя прычыны ўзнікнення таго ці іншага тапанімічнага тыпу, матывы выбару ўтваральных асноў. Галоўнымі напрамкамі тапанімічных пошукаў былі айканімія, гідранімія і мікра-тапанімія.

Мэта даследавання заключаецца ў вызначэнні сучаснага стану беларускай тапанімікі.

Матэрыял і метады. У працы выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны метады і элементы колькасных падлікаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле характарызуецца фактычны стан сучаснай беларускай тапанімікі, якая ў адзначаны перыяд перасякаецца з такімі галінамі гуманітарных ведаў, як этналогія, сацыялінгвістыка, этнаграфія, лінгвакультуралогія, кагнітыўная лінгвістыка, прагматыка, міфалогія, гісторыя, фалькларыстыка, паэтыка; аналізуюцца падыходы да даследавання розных разрадаў тапонімаў.

Заключэнне. Такім чынам, што галоўнымі прыкметамі развіцця тапанімікі на пачатку XXI стагоддзя з’яўляюцца пошук новых даследчых аспектаў, асваенне “белых плям” тапанімічнай прасторы, распрацоўка агульных пытанняў тэорыі оніма (тапоніма), паглыбленае вывучэнне класічных раздзелаў.

Ключавыя словы: адтапанімічны дэрыват, айконім, віконім, гелонім, тапонім, урбанонім, эклезіонім.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 147–158)

Contemporary State of Belarusian Toponymy

Mezenka G.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

As is known «scientific period of toponymy, as well as that of onomastics in general, in Belarus started in the late XIXth century». First linguistic researches of Belarusian toponymy appeared in the 1890s. The sources of toponymy in Belarus were created by such outstanding researchers as A.A. Kachubinski, Yu.Yu. Trusman, Ya.F. Karski [1]. Beginning of the systematic study of toponymy in Belarus is connected with the years of 1946–1947 (works by M.Ya. Grinblat, P.P. Shuba, V.A. Zhuchkevich, L.A. Akalovich are worth mentioning).

Considerable activation of toponymic researches is pointed out in 1960–1980s and is connected with the activity of such outstanding Belarusian toponymy scholars as M.V. Byryla, V.P. Lemtsyugova, A.M. Pryshchepchik, M.M. Karsakova, A.M. Katonava, Ya.M. Adamovich, Ya.N. Rapanovich and others. Works by M.V. Byryla, V.A. Zhuchkevich and V.P. Lemtsyugova influenced the development of toponymy in the country to the greatest extent. They clearly reflect the tendency to identify not only language but also outer, historical and geographic as well as social and economic reasons for the emergence of this or that toponymy type, choose motifs of fundamental bases. Main directions of toponymic searches were aikonymy, hydronymy and microtoponymy.

The purpose of the study is to determine the present state of Belarusian place names.

Material and methods. The study used descriptive, comparative methods and elements of quantitative calculations.

Findings and their discussion. The article characterizes the actual state of the contemporary Belarusian toponymy, in which the specified period overlaps with such fields of knowledge as anthropology, social linguistics, ethnography, linguistic culture studies, cognitive linguistics, pragmatics, mythology, history, folklore, poetry; analyzes approaches to the study of various groups of name.

Conclusion. It is pointed out that the main characteristics of toponymy development in the early twenty-first century are the search for new research issues, the development of «white spots» in toponymic space, development of the general toponym theory, advanced study of classical sections.

Key words: adtaonymy derivatives, aikonym, vikonym, gelonym, toponym, urbanonym, eclezionym.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 147–158)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mezenka1@yandex.ru – Г.М. Мезенка

Як вядома, “навуковы перыяд тапанімікі, як і анамастыкі ўвогуле, у Беларусі пачаўся напрыканцы XIX ст.” [2, с. 73]. Першыя лінгвістычныя даследаванні беларускай тапанімікі з’явіліся ў 1890-х гг. Ня вытокаў тапанімікі ў Беларусі стаяць такія вядомыя даследчыкі, як А.А. Качубінскі, Ю.Ю. Трусман, Я.Ф. Карскі [1]. З 1946–1947 гадамі звязваюць пачатак сістэматычнага вывучэння тапаніміі Беларусі (прыгадаем працы М.Я. Грынблата, П.П. Шубы, В.А. Жучкевіча, Л.А. Акаловіча).

Значная актывізацыя тапанімічных даследаванняў адзначаецца ў 1960–1980-х гг. і звязана яна з дзейнасцю такіх выдатных беларускіх тапанімістаў, як М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова, А.М. Прышчэпчык, М.М. Карсакова, А.М. Катонава, Я.М. Адамовіч, Я.Н. Рапановіч і інш. Асабліва паўплывалі ў гэты перыяд на развіццё тапанімікі ў нашай краіне працы М.В. Бірылы, В.А. Жучкевіча і В.П. Лемцюгова, у якіх яскрава адбілася тэндэнцыя высветліць не толькі ўласна моўныя, а і знешнія, гісторыка-геаграфічныя і сацыяльна-эканамічныя прычыны ўзнікнення таго ці іншага тапанімічнага тыпу, матывы выбару ўтваральных асноў. Галоўнымі напрамкамі тапанімічных пошукаў былі айканімія, гідранімія і мікратапанімія.

У 1990-я гг. працягвае расці інтэнсіўнасць тапанімічных даследаванняў, павялічваецца кола вучоных, у навуковы зварот трапляюць тапанімічныя адзінкі, якія раней не выступалі аб’ектамі для аналізу, пашыраецца географія навуковых устаноў, у якіх займаюцца вывучэннем тапонімаў. Так, калі раней галоўныя “тапанімічныя сілы” былі сканцэнтраваны ў асноўным у Інстытуце мовазнаўства імя Я. Коласа Акадэміі навук і ў БДУ, то цяпер тапанімічны матэрыял разглядаецца таксама ў працах навукоўцаў з Гомеля, Віцебска, Мазыра, Брэста. Вядучай навуковай парадыгмай застаецца структурна-семантычная (нават болей структурная).

Мэта нашага даследавання заключаецца ў вызначэнні сучаснага стану беларускай тапанімікі.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужылі публікацыі беларускіх даследчыкаў, прысвечаныя пытанням тапанімікі. У працы выкарыстаны апісальны, параўнальна-супастаўляльны метады і элементы колькасных падлікаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Нельга не пагадзіцца з думкай В.П. Лемцюгова, што ў пачатку XXI ст. беларуская анамастыка і тапаніміка як яе частка “пераходзіць на прынцыпова новы ўзровень развіцця, фарміруецца як самастойная навука са сваім аб’ектамі, метадамі і прыёмамі даследавання” [3, с. 112]. Яна перасякаецца з такімі галінамі гуманітарных ведаў, як этналогія, сацыялінгвістыка, этнаграфія, лінгвакультуралогія, кагнітыўная лінгвістыка, прагматыка, міфалогія, гісторыя, фалькларыстыка, паэтыка.

Самы пачатак XXI ст. азнаменаваны пераходам на новую – антрапацэнтрычную парадыгму.

У сувязі з вялікімі зменамі, што адбыліся ў тапаніміі краіны з-за знікнення пэўнай колькасці паселішчаў і іх назваў, вялікай колькасці перайменаванняў, і састарэласцю слоўнікаў назваў населеных пунктаў, выдадзеных у 1970–1980-х гг. Я.Н. Рапановічам, вялікай з’явай не толькі ў беларускай, а і ў славянскай тапалексікаграфіі стала выданне нарматыўных даведнікаў па ўсіх абласцях краіны “Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь” [4]. Падрыхтаваныя яны калектывамі аўтараў пад кіраўніцтвам доктара філалагічных навук, старшыні Рэспубліканскай тапанімічнай камісіі пры НАН Беларусі В.П. Лемцюгова, зацверджаны Дзяржаўным камітэтам па маёмасці Рэспублікі Беларусь у якасці нарматыўнага выдання, прызначанага для выкарыстання рэспубліканскімі органамі дзяржаўнага кіравання, юрыдычнымі і фізічнымі асобамі Рэспублікі Беларусь. Пры шырокім удзеле грамадскасці Рэспублікі Беларусь – супрацоўнікаў краянаўчых музеяў, работнікаў сельскіх саветаў і раённых выканаўчых камітэтаў, школьных настаўнікаў, выкладчыкаў ВНУ і студэнтаў – па крупінках збіралася інфармацыя, якая лягла ў аснову такіх прадстаўнічых дзяржаўных дакументаў. Важна, што нарматыўныя даведнікі ўключаюць усе наяўныя на час выдання назвы населеных пунктаў абласцей у межах адміністрацыйна-тэрытарыяльных падраздзяленняў (раён, пасялковы, сельскі савет). Адрознівае ад папярэдніх слоўнікаў даведнікі і тое, што назвы падаюцца беларускай кірыліцай, лацінкай і рускай графікай. Паслядоўна ў беларускамоўнай частцы ва ўсіх назвах паказаны націск, граматычны род, множны

лік, прыводзяцца парадгмы скланення, варыянты рээстравых назваў і страчаныя назвы. Немалаважна і тое, што суправаджаюцца яны алфавітнымі паказальнікамі назваў населеных пунктаў у трох графічных варыянтах. Пры падрыхтоўцы даведнікаў выкарыстоўваліся не толькі паказанні сучасных, а і гістарычных пісьмовых крыніц, матэрыялы, сабраныя ў палітых умовах.

Пэўным вынікам інтэнсіфікацыі даследаванняў і асновай далейшага развіцця тапанімікі і ананастыкі ўвогуле стала лексікаграфічная інвентарызацыя тапонімаў; павялічылася колькасць слоўнікаў, пашырыўся іх рэпертуар і сфера ахопу матэрыялу. Так, у 2000 г. з’яўляецца “Ананастычны слоўнік Магілёўшчыны”, складзены В.І. Рагаўцовым і С.Я. Кечык [5]; у 2001 г. “Слоўнік тапонімаў і адтапанімічных дэрыватаў у арэале заходнепалескіх гаворак” выдае З.М. Заіка [6]; у 2003 г. выходзяць з друку тры слоўнікі – два па айканіміі Гомельшчыны (Н.А. Багамольнікавай і А.А. Станкевіч “Айканімія Гомельшчыны” [7] і А.Ф. Рогалева “Родныя назвы: Тапанімічны слоўнік Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці” [8]), адзін па ўрбаніміі Беларусі [2]. 2004 г. стаў годам выдання “Слоўніка мікратапонімаў Магілёўшчыны” (склад. С.В. Клімуць, В.І. Рагаўцоў, С.У. Шакура) [9]; 2005 г. – “Слоўніка адтапанімічных дэрыватаў Віцебшчыны” У.М. Генкіна [10], у гэтым жа годзе перавыдадзены “Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія” І.Я. Яшкіна [11]; 2008 г. – слоўніка назваў вуліц Віцебшчыны [12]. У 2013 г. друкуюцца “Слоўнік назваў перайменаваных паселішчаў Беларусі” А.В. Кавалёвай [13] і “Тапанімічны слоўнік Лагойскага раёна Мінскай вобласці (назвы населеных пунктаў)” А.Ф. Рогалева [14].

Практычная работа па складанні слоўнікаў патрабуе тэарэтычнага асэнсавання. Таму зусім заканамерна, што ў 2012 г. з’яўляецца манаграфія С.У. Шахоўскай “Беларуская ананастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця” [15], якая ўяўляе сабой першы нацыянальны вопыт тэарэтычнага аналізу беларускіх тапанімічных і антрапанімічных слоўнікаў розных тыпаў, акрэслівае межы і спецыфічныя рысы асноўных перыядаў у развіцці ананастычнай лексікаграфіі, вылучае асаблівасці структуры слоўнікаў, прадстаўляе разгалінаваную іх

тыпалогію. Аўтар адзначае, што “з часу ўзнікнення традыцыі мэтанакіраванага лексікаграфавання ананастычнага матэрыялу на Беларусі ў другой палове XX ст. была даследавана і кадыфікавана дастаткова вялікая частка беларускага ананастыкону. Тым не менш, адзначаецца неаднолькавы ўзровень тэарэтычнай даследаванасці і лексікаграфічнай прадстаўленасці розных тыпаў беларускіх онімаў” [15, с. 177]. У пачатку XXI ст. існуе выразная дыспрапорцыя паміж шырокай прадстаўленасцю энцыклапедычнага апісання водных аб’ектаў краіны і адсутнасцю мовазнаўчай лексікаграфічнай інвентарызацыі адпаведных ананастычных адзінак. Адкрытасць рада слоўнікавай тыпалогіі будзе садзейнічаць узнікненню новых тыпаў лексікаграфічных работ, што прадставяць новыя весткі для тэорыі тапанімічнай лексікаграфіі.

Пытаннем прыкладной лексікаграфіі прысвечаны таксама шэраг артыкулаў У.М. Генкіна [16], І.Л. Капылова [17], Г.М. Мезенка [18], А.А. Станкевіч [19] і інш.

Сярод галоўных прыкмет развіцця тапанімікі на пачатку XXI ст. неабходна назваць 1) пошук новых даследчых аспектаў, 2) асваенне “белых плям” тапанімічнай прасторы, 3) распрацоўку агульных пытанняў тэорыі тапоніма, 4) паглыбленае вывучэнне класічных яе раздзелаў.

Адным з новых аспектаў, які актыўна распрацоўваецца беларускімі тапанімістамі апошнім часам, з’яўляецца лінгвакультуралагічны. Мова як лостэрка народнай культуры, як крыніца гісторыі народа і яго духу даўно ўспрымалася так і выкарыстоўвалася прадстаўнікамі розных навук – этнолагамі, культуралагамі, міфалагамі і, вядома, лінгвістамі. Склаўшыся на мяжы XX і XXI стст., лінгвакультуралагія якраз і мае на мэце разгляд ананастычнага, і ў тым ліку тапанімнага, матэрыялу ў аспекце ўзаемадзеяння мовы і культуры: у тапанімнай карціне свету ўвасабляецца характар культуры кожнага этнасу і кожнага чалавека. Актуальнасць такіх даследаванняў бяспрэчная, яна абумоўліваецца, па-першае, патрабаваннямі развіцця сучаснай тапанімікі, якая назапасіла багаты эмпірычны і тэарэтычны матэрыял, які мае патрэбу ва ўсебаковым вывучэнні яго з антрапацэнтрычных пазіцый; па-другое, важнасцю захоўвання культурнай спадчыны

народа, якая замацавана ў назвах паселішчаў, колькасць якіх у апошнія дзесяцігоддзі няўхільна скарачаецца; па-трэцяе, неабходнасцю апісання спецыфікі тапанімікону як асобнага фрагмента моўнай карціны свету, пазнанне якой – найважнейшая задача лінгвакультуралагічных даследаванняў; па-чацвёртае, практычнымі патрэбамі адукацыі, менавіта неабходнасцю выкарыстання ў адукацыйным працэсе сведчанняў аб гісторыка-культурным патэнцыяле назваў населеных пунктаў Беларусі.

Так, у артыкулах Ю.А. Гурскай 2000 г. разгледжаны онім *Мінск* у якасці аднаго з ключавых канцэптаў беларускай мовы і культуры XX стагоддзя [20].

У.М. Генкін апісвае айконімы віцебска-смаленскага памежжа як лінгвакультуралагічную з’яву [21].

Узаемаадносіны кодаў культуры і ўрбананіміі, своеасаблівасць айконімаў Беларусі, суадносных з катэгорыяй святасці, вывяляе ў шэрагу артыкулаў Г.М. Мезенка [22].

Асаблівасці аб’ектывацыі антрапаморфнага, духоўнага, ландшафтнага, тапаморфнага, фларыстычнага, эмацыянальна-характаралагічнага кодаў у віканіміі Беларусі, кампаненты культуры адантрапанімічных унутрысельскіх назваў Беларускага Паазер’я вывучаны М.Л. Дарафеенка [23].

У даследаванні Т.Ю. Васільевай структураваны ментальны вобраз месца пасялення на матэрыяле назваў населеных пунктаў Беларускага Паазер’я; вылучаны семантычныя палі айконімаў, што адлюстроўваюць асноўныя спосабы ўспрымання месца пасялення носбітамі тапонімаў; вызначаны аб’ём семантычных палёў, устаноўлены семантычныя мадэлі, што ўваходзяць у іх склад; комплекс кодаў культуры, рэалізацыі якіх служыць айканімія Беларускага Паазер’я; апісаны групы назваў населеных пунктаў, якія эксплікуюць інфармацыю канцэптуальных кодаў культуры; ахарактарызаваны асаблівасці аб’ектывацыі кодаў культуры ў айканіміі даследаванага рэгіёна; выяўлены элементы традыцыйнай духоўнай культуры беларускага народа, што знайшлі адлюстраванне ў сістэме назваў населеных пунктаў Беларускага Паазер’я.

Вельмі цесна з лінгвакультуралагічным звязаны этналінгвістычны аспект даследаванняў, які таксама скіраваны на вывучэнне ўзаемасувязі мовы і нацыянальнай

культуры. Этналінгвістыка (ад грэч. *ἔθνος* – народ + *лінгвістыка*), або лінгвістычная антрапалогія, – “лінгвістыка, якая вывучае адносіны паміж мовай і народам і ўзаемадзеянне лінгвістычных і этнічных фактараў у функцыянаванні і развіцці мовы” [24]. Пры гэтым цэнтральнымі для этналінгвістыкі з’яўляюцца наступныя дзве цесна звязаныя праблемы – кагнітыўная (якім чынам, з дапамогай якіх сродкаў і ў якой форме знаходзяць адлюстраванне культурныя (бытавыя, рэлігійныя, сацыяльныя і інш.) уяўленні народа, які гаворыць на гэтай мове, аб навакольным асяроддзі і аб месцы чалавека ў гэтым свеце) і камунікатыўная (якія формы і сродкі зносін – у першую чаргу, моўных зносін – з’яўляюцца спецыфічнымі для пэўнай этнічнай або сацыяльнай групы).

Распрацоўка этналінгвістычнай праблематыкі, грунтоўна прадстаўленая ў даследаваннях расійскіх анамстаў (А.Л. Беразовіч, М.Э. Рут, А.К. Мацвеева, А.Ф. Каўлакас), у беларускай тапаніміцы толькі пачынаецца. Адною з першых работ манаграфічнага плану стала даследаванне Т.М. Аліферчык “Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект” [25], у якім аўтар апрацаваў больш за 1000 айконімаў і мікратапонімаў, у найбольшай ступені адлюстраваных асаблівасці ўспрыняцця чалавекам навакольнага асяроддзя і выявіўшых тых асаблівасці і заканамернасці, што пакладзены ў аснову старажытнага светабачання. З дапамогай семантыкаматывацыйнага аналізу і неабходнай этналінгвістычнай інтэрпрэтацыі онімаў даследчыца ўстанавіла матывавальныя асновы і рэканструявала матывацыйныя адносіны апелятываў і тапонімаў, выявіла базавыя заканамернасці семантычнай арганізацыі заходнепалескага тапанімікону, вызначыла асноўныя прынцыпы тапанімнай намінацыі, а гэта значыць рэканструявала ландшафтную мадэль тапанімічнай прасторы Заходняга Палесся, якая ахарактызуецца такімі рысамі, як наіўны фундамент (навакольнае асяроддзе) і гаспадарчая абумоўленасць прасторавых адносін.

Адзначаючы перспектыўнасць падобных даследаванняў у іншых этнічнабеларускіх рэгіёнах, Т.М. Аліферчык пераканана, што яны дазваляць правесці супастаўляльны аналіз і выдзяленне прыярытэтных аб’ектаў у ландшафтнай тапанімічнай мадэлі прасторы розных беларускіх тэрыторый.

Сярод артыкулаў вылучым даследаванне У.М. Генкіна “Механізмы «шыфравання» этнакультурнай інфармацыі ў тапаніміконе» [26] і нашу “Рэпрэзентацыю этнакультурнай інфармацыі ва ўрбананіміі і віканіміі” [27], дзе ў адным з вынікаў падкрэсліваецца, што ў культуры беларусаў адзначаны розныя арыентацыйныя перавагі, аднак ва ўрбананімнай і віканімнай “прасторы” народнай культуры фіксуецца лідарства не паўночнага, як у рускіх, а паўднёвага, цёплага боку.

Калі гаварыць пра такую прыкмету развіцця тапанімікі на пачатку XXI ст., як асваенне “белых плям” тапанімічнай прасторы, тых разрадаў тапонімаў, якія раней не траплялі ў поле зроку тапанімістаў, то, бадай, як найбольш заўважныя сярод іх неабходна назваць наступныя.

Даследаванне кагнітыўна-анамасіялагічных асаблівасцей гелонімаў, вызначэнне структуры, семантычных мадэлей і тыпаў, выяўленне спосабаў і сродкаў намінацыі балот Беларусі праводзіў А.І. Копач [28].

Вывучэннем структурных, намінацыйных і лінгвагеаграфічных асаблівасцей эклезіяніміі Беларусі займалася В.А. Барысевіч. Былі выяўлены структурныя тыпы і мадэлі, спосабы граматычнага выражэння назваў культавых збудаванняў; вызначаны матывы намінацыі і вылучаны тэматычныя групы эклезіянімаў розных канфесій; устаноўлена спецыфіка распаўсюджвання назваў месцаў здзяйснення абраду розных канфесій на тэрыторыі Беларусі; адшуканы лінгвакультуралагічныя асаблівасці эклезіянімаў Беларусі [29].

Інтэнсіўна распрацоўваецца тэорыя віканіміі Беларусі. У прыватнасці, М.Л. Дарафеенка ў намінацыйным, лінгвакультуралагічным, структурна-семантычным аспектах прааналізавала віканімію Беларусі. Акрамя таго, у некалькіх артыкулах на матэрыяле найменняў унутрысельскіх лінейных аб’ектаў знайшло адлюстраванне лінгвагеаграфічнае прадстаўленне віконімаў краіны [30].

Хартэнсіонім як від тапоніма, яго статус, тыпы і мадэлі, асаблівасці функцыянавання даследавала Г.М. Мезенка [31].

Высвятленнем асаблівасцей назваў чыгуначных станцый займалася А.М. Анісім [32].

У параўнальна-супастаўляльным плане даследавалі назвы балот Беларусі і ЗША [28], беларускую і кітайскую ўрбананімію [33], айканімію і ўрбананімію Віцебшчыны і Смаленшчыны Т.Ю. Васільева [34],

У.М. Генкін [35], Г.М. Мезенка [36–37], агульнае і адрознае ў намінацыі вуліц Мінска, Кіева, Масквы [38].

Гендарны аспект даследавання на матэрыяле віканіміі і ўрбананіміі Беларусі закрануты толькі ў асобных публікацыях М.Л. Дарафеенка [39] і Г.М. Мезенка [40].

Заўважна інтэнсіфікаваліся даследаванні ў галіне літаратурнай тапанімікі. Тут побач з працамі такіх шырока вядомых беларускіх анамастаў, як В.В. Шур, І.Э. Ратнікава, В.А. Ляшчынская, Г.М. Дзеравяга, сустракаем публікацыі новых для беларускай тапанімікі аўтараў (гл.: М.Г. Сітнікава, Т.П. Слесарава, Трашчынская-Сцяпушына [41]).

Вывучэнню адонімных адзінак, што функцыянуюць на тэрыторыі Брэскай, Віцебскай і Гомельскай абласцей, прысвечаны даследаванні У.М. Генкіна, З.М. Заікі, З.У. Шведавай [6; 10; 42].

Што да распрацоўкі агульных пытанняў тэорыі оніма (тапоніма), то ў аналізуюмы перыяд на першы план выйшлі пытанні статусу адзінак асобных разрадаў тапонімаў (В.А. Барысевіч [43], М.Л. Дарафеенка), праблем даследавання этнатапаніміі (Т.М. Аліферчык [44], Т.Ю. Васільева, Г.М. Мезенка), рэалізацыі кодаў культуры ў айканіміі, віканіміі і ўрбананіміі (Т.Ю. Васільева, М.Л. Дарафеенка, Г.М. Мезенка), сучасныя падыходы да вывучэння семантыкі тапонімаў (Т.Ю. Васільева), суадносін тапанімікону і праблем міжкультурнай камунікацыі (У.М. Генкін), лексікаграфавання перыферычнага тапанімнага матэрыялу (У.М. Генкін), кагнітыўныя асновы граматыкі тапоніма (А.І. Копач), метадыкі кагнітыўна-анамасіялагічнага даследавання тапонімаў (А.І. Копач), суадносін тапанімікі і маўленчай дзейнасці (А.І. Копач), сістэмных адносін у сферы тапанімічных метафар (І.Э. Ратнікава) і інш.

І яшчэ адной прыкметай адрозніваецца развіццё тапанімікі на пачатку XXI ст. – паглыбленым вывучэннем класічных яе раздзелаў і аспектаў.

Актыўна распрацоўваўся гісторыка-этымалагічны аспект даследавання гідраніміі і айканіміі. Так, работы Р.М. Казловай і яе вучняў, як і раней, былі арыентаваны “на ўстанаўленне генетычных сувязей з іншымі онімамі, на рэканструкцыю анамастычных мікрасістэм, без чаго нельга разабрацца ў тых моўных працэсах, якія былі ўласцівы адзінкам у іх гісторыі, і ў тых рэзультатах моўных працэсаў, якія адбіліся ў сучасных назвах;

на стратыфікацыю праславянскага пласта гідронімаў”. Другі аспект даследавання – рэканструкцыя прагідронімаў (і іншых праонімаў) пэўнай словаўтваральнай мадэлі [45, с. 3–4; 46].

Гісторыка-этымалагічным аналізам айконімаў і гідронімаў займаліся Н.А. Багамольнікава [47] і А.В. Грамыка [48]. Гісторык Ю. Гардзееў правёў аналіз эвалюцыі тапанімікону старажытнай Гародні на храналагічным адрэзку XII–XVIII стст., разгледзеў пытанне паходжання ўласных імён Гародні і ракі Нёман, гісторыю шмат якіх унутрыгарадскіх назваў [49]. І.А. Гапоненка вывучала харонімы ў беларускамоўным кантэксце пачатку XX стагоддзя [50]. Беларускі літоўскія летапісы як крыніцу тапанімнага матэрыялу даследавала В.П. Галубовіч [51]. Айконімы на матэрыяле старабеларускіх помнікаў дзелавай пісьменнасці XV–XVIII стст. аналізаваў І.Л. Капылоў [52]. Старажытную беларускую тапанімію вывучала таксама В.У. Міцкевіч [53]. Старонкі старажытнай гісторыі, фарміраванне вуліц, мясцовыя тайны розных гарадоў Гомельшчыны прааналізаваны і апісаны ў шматлікіх работах А.Ф. Рогалева [54–55].

Пачатак XXI ст. азнаменаваны паглыбленым вывучэннем рэгіянальнай праблематыкі. З усіх рэгіёнаў Беларусі найбольш распрацаванымі ў тапанімічных адносінах аказаліся Віцебскі (гл. даследаванні В.А. Барысевіч, Т.Ю. Васільевай, У.М. Генкіна, М.Л. Дарафеенка, Г.М. Дзеравягі, І.Я. Кураш, Г.М. Мезенка, К.А. Сасноўскай, Т.І. Сінкевіч), Гомельскі (Н.А. Багамольнікавай, Т.М. Багаедавай, С.М. Байковай, А.А. Івановай, А.В. Кавалёвай, Р.М. Казловай, З.У. Шведавай), Мінскі (Ю.А. Гурскай, А.І. Копача, В.П. Лемцюговай, І.Л. Капылова, А.У. Кісліцынай, Н.А. Радзіваноўскай, С.У. Шахоўскай) і Брэсцкі (У.У. Барысюк, З.М. Заіка, Л.В. Леванцэвіч, Н.Р. Якубук), часткова Гродзенскі (В.М. Емельяновіч, В.Т. Валюк, С.А. Каралевіч) і Магілёўскі (С.В. Клімуць, В.І. Рагаўцоў, С.У. Шакура, А.М. Шубадзёрава).

Яшчэ адзін аспект, які патрабаваў тэрміновага разгляду, – нарматыўны, з дапамогай якога вырашаюцца пытанні стандартызацыі назваў, перадачы найменняў з адной мовы на іншую.

Праблемы нармалізацыі і кадыфікацыі адтапаніменных дэрыватаў уздымаў у 2002 г. У.М. Генкін [56]. Ён жа ў 2006 г. ставіў пытанне пра рускамоўную перадачу

беларускіх адтапаніменных дэрыватаў [57]. Асаблівасці перадачы іншамовных геаграфічных назваў па-беларуску даследавала І.А. Гапоненка [58]. Маштаб праблемы перадачы беларускіх онімаў графічнымі сродкамі лацінскага алфавіта вызначаў П.М. Давідоўскі [59].

Нормы ў анамастыцы, у прыватнасці ўнармаванне назваў вуліц, турбавалі Н.А. Багамольнікаву [60] і І.Л. Капылова, які аналізаваў таксама нарматыўна-прававую базу міжмоўнай перадачы беларускай, рускай, польскай тапаніміі [61].

Пытанні стандартызацыі назваў чыгуначных станцый цікавілі А.М. Анісім [32]. Праблему стандартызацыі нацыянальных геаграфічных назваў у кантэксце паўночнаамерыканскага вопыту і практыку Беларусі па стандартызацыі геаграфічных назваў у кантэксце сусветнага вопыту аналізаваў А.І. Копач [62].

Заклучэнне. Такім чынам, фактычны стан сучаснай айчыннай тапанімікі характарызуецца разнастайнасцю падыходаў да аналізу розных разрадаў тапонімаў. Найбольш актыўна ў першае дзесяцігоддзе XXI ст. беларускія даследчыкі працавалі ў арэальным, гісторыка-этымалагічным, лінгвакультуралагічным, этналінгвістычным, супастаўляльным і нарматыўным аспектах.

Можна выказаць меркаванне, што культурна-гістарычная каштоўнасць тапонімаў і павелічэнне ролі асобы ў грамадстве актуалізуюць выкарыстанне кагнітыўнага, гendarнага, прагматычнага і іншых аспектаў тэорыі маўленчай камунікацыі, пакуль толькі адзінава задзейнічаных пры аналізе тапанімнага матэрыялу. Праблема вывучэння кожнага славянскага рэгіёна ў этымалагічным і храналагічным аспектах будзе і надалей заставацца актуальнай. Прадыктаваная інфармацыйным патэнцыялам назваў паселішчаў, вуліц, плошчаў, распрацоўка праблем тапанімічнай рэгіяналістыкі застаецца адной з перспектывных галін лінгвістыкі.

Разрады тапонімаў вывучаны нераўнамерна. Пры значнай цікавасці тапанімістаў да розных відаў тэронімаў (айконімаў, урбанонімаў, харонімаў, віконімаў, хартэнсіонімаў, эклезіонімаў) неабходна канстатаваць, што, нягледзячы на распрацоўку такіх відаў гідронімаў, як лімнанімы і гелонімы, сучасны стан уласна патапаніміі (сукупнасці назваў рэк) пакуль застаецца па-за ўвагай даследчыкаў.

Літаратура

1. Кочубинский, А.А. Территория доисторической Литвы / А.А. Кочубинский // Журнал М-ва народного просвещения. – 1897. – Кн. 1, январь; Трусман, Ю.Ю. Этимология местных названий Витебской губернии / Ю.Ю. Трусман. – Ревель, 1897; Карский, Е.Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности / Е.Ф. Карский. – Вильно, 1904.
2. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX в. / А.М. Мезенко. – Минск: Выш. шк., 2003. – 301 с.
3. Лемцюгова, В.П. Беларуская аनाмастыка. Дасягненні і перспектывы / В.П. Лемцюгова // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі: материалы II Междунар. науч. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах» / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2004. – С. 107–115.
4. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Брэст. вобл.: нармат. давед. / пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2010. – 319 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцеб. вобл.: нармат. давед. / пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гомел. вобл.: нармат. давед. / Н.А. Багамольнікава [і інш.]; пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2006. – 382 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гродзен. вобл.: нармат. давед. / І.А. Гапоненка, В.П. Лемцюгова, Л.Л. Янушкевіч і інш.; пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2004. – 471 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Магіл. вобл.: нармат. давед. / І.А. Гапоненка [і інш.]; пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2007. – 406 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Мін. вобл.: нармат. давед. / І.А. Гапоненка, І.Л. Капылоў, В.П. Лемцюгова і інш.; пад рэд. В.П. Лемцюгавай. – Мінск: Тэхналогія, 2003. – 605 с.
5. Рагаўцоў, В.І. Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны / В.І. Рагаўцоў, С.Я. Кечык. – Магілёў: МДУ А.А. Куляшова, 2000. – 166 с.
6. Заіка, З.М. Слоўнік тапонімаў і адтапанімічных дэрыватаў у арэале заходнепалескіх гаворак / З.М. Заіка. – Брэст, 2001. – 68 с.
7. Багамольнікава, Н.А. Айканімія Гомельшчыны: слоўнік / Н.А. Багамольнікава, А.А. Станкевіч; навук. рэд. В.П. Лемцюгова. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2003. – 392 с.
8. Рогалев, А.Ф. Родные названия: Топонимический словарь Ветковского района Гомельской области / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Обл. общество «Книга», 2003. – 168 с.
9. Клімуць, С.В. Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / склад. С.В. Клімуць, В.І. Рагаўцоў, С.У. Шакура. – Магілёў, 2004. – 206 с.
10. Генкін, У.М. Слоўнік адтапанімічных дэрыватаў Віцебшчыны / У.М. Генкін. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2005. – 235 с.
11. Яшкін, І.Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І.Я. Яшкін. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 808 с.
12. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с.; Ч. 2. – 254 с.
13. Кавалёва, А.В. Слоўнік назваў перайменаваных паселішчаў Беларусі / А.В. Кавалёва; пад рэд. В.В. Шура. – Мінск: Права і эканоміка, 2013. – 140 с.
14. Рогалев, А.Ф. Тапанімічны слоўнік Лагойскага раёна Мінскай вобласці (назвы населеных пунктаў) // Благаслаўлёнай зямлі няўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Кн. 1. – С. 166–207.
15. Шахоўская, С.У. Беларуская анамастычная лексікаграфія: фарміраванне, сучасны стан, вектары развіцця: манаграфія / С.У. Шахоўская; пад рэд. П.А. Міхайлава. – Мінск: Красная звезда, 2012. – 257 с.
16. Генкин, В.М. Лексикографирование периферийного топонимического материала / В.М. Генкин // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы III Междунар. науч. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах», Гомель, 6–7 окт. 2006 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 47–51; Генкин, В.М. Региональная топонимическая энциклопедия: современный лексикографический проект / В.М. Генкин // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў: зб. навук. арт. – Мазыр: УА «МДПУ», 2006. – С. 5–8; Генкин, В.М. Топонимическая вариативность и ее отражение в словарях / В.М. Генкин // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы II Междунар. науч. конф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах» / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2004. – С. 45–51.
17. Капылоў, І.Л. Слоўнік старажытнай тапаніміі: прыныцы ўкладання / І.Л. Капылоў // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии / отв. ред. В.В. Дубичинский [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 103–107.

18. Мезенка, Г.М. Новы крок у лексікаграфаванні мікратапанімаў / Г.М. Мезенка // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – Мінск, 2001. – № 4. – С. 121–124; Мезенко, А.М. Урбанонимный словарь и диалог культур / А.М. Мезенко // Чтения, посвященные памяти П.П. Шубы (к 75-летию со дня рождения): сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ровдо. – Минск: БГУ, 2001. – С. 47–54.
19. Станкевіч, А.А. Да пытання аб укладанні айканімічнага слоўніка Гомельшчыны / А.А. Станкевіч, Н.А. Багамольнікова // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2002. – С. 213–215.
20. Гурская, Ю.А. Минск – один из ключевых концептов белорусского языка и культуры XX века / Ю.А. Гурская // Вісн. держ. Львів. ун-ту. Сер. філологічна. – 2000. – Вип. 28. – С. 144–148; Гурская, Ю.А. Оним Минск в белорусской языковой и концептуальной картине мира / Ю.А. Гурская // Studia Sławistyczne. – 2000. – № 2. – S. 185–192.
21. Генкин, В.М. Ойконимы пограничья как лингвокультурологическое явление / В.М. Генкин // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный объекты исследования: материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., Брест, 25–26 нояб. 2009 г. / Брестск. гос. ун-т; редкол.: Е.И. Абрамова, Г.В. Писарук, О.А. Фелькина [и др.]; под общ. ред. О.Б. Переход. – Т. 1–2. – Брест, 2010. – Т. 2. – С. 168–171.
22. Мезенко, А.М. Коды культуры і ўрбананімія славян: падабенства і варыяцый рэпрэзентацыі / А.М. Мезенко // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнар. з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жн. 2013 г.: дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А.А. Лукашанец (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – С. 99–108; Мезенко, А.М. Современный провинциальный урбанонимикон как реализатор кодов культуры / А.М. Мезенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г.: в 2 ч. / редкол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – Ч. 1. – С. 119–120; Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учен. записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер., Филология. Социальные коммуникации. – Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – Симферополь, 2011. – С. 388–392; Мезенко, А.М. Урбанонимы как реализаторы кодов культуры / А.М. Мезенко // Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: коллективная монография. – Смоленск, 2014. – С. 241–253; Мезенко, А.М. Категория святости в топонимической номинации / А.М. Мезенко // Учен. записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер., Филология. Социальные коммуникации. – Т. 25(64). – № 1. – Ч. 1. – Симферополь, 2012. – С. 359–364.
23. Дорофеев, М.Л. Духовный код культуры и виконимия Беларуси: пути реализации / М.Л. Дорофеев // Русский язык в современном мире: сб. ст. по итогам науч.-практ. конф., Смоленск, 22 мая 2014 г. / ВА ВПВО ВС РФ; под общ. ред. В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой. – Смоленск, 2014. – С. 96–100; Дорофеев, М.Л. Объективация ландшафтного кода культуры в виконимии Беларуси / М.Л. Дорофеев // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: сб. науч. тр.: в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; редкол.: Л.А. Годуйко [и др.]; под общ. ред. О.Б. Переход. – Брест, 2014. – Ч. 1. – С. 241–244; Дорофеев, М.Л. Особенности экспликации антропоморфного кода культуры в виконимии Беларуси / М.Л. Дорофеев // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – Т. 1. – С. 157–159; Дорофеев, М. Пути репрезентации кодов культуры в виконимии белорусско-польского приграничья / М.Л. Дорофеев // Studia Wschodniosłowiańskie. – 2014. – Т. 14. – S. 179–188; Дорофеев, М.Л. Пути репрезентации топоморфного кода культуры в виконимии Беларуси / М.Л. Дорофеев // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. науч. конф., Тверь, 10–12 сент. 2014 г. / Мин-во образования и науки РФ, Твер. гос. ун-т, Волг. гос. соц.-пед. ун-т, Ин-т этнологии и антропологии РАН; под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь, 2014. – С. 173–176.
24. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П.У. Сцяцко, М.Ф. Гуліцкі, Л.А. Антанюк / пад рэд. М.В. Бірылы і П.У. Сцяцка. – Мінск: Выш. шк., 1990.
25. Аліферчык, Т.М. Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект: манаграфія / Т.М. Аліферчык. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – 255 с.
26. Генкин, В.М. Механизмы «шифрования» этнокультурной информации в топонимиконе / В.М. Генкин // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія»:

- зб. навук. арт. / пад агульнай рэд. А.М. Мезенка. – Віцебск: Выдавецтва УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – С. 299–301.
27. Мезенко, А.М. Репрезентация этнокультурной информации в урбанонимии и виконимии / А.М. Мезенко // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы междунар. метод. семинара, Смоленск, 18 нояб. 2010 г. – Смоленск, 2010. – С. 68–73.
 28. Копач, А.И. Састаўныя гелонімы (назвы балот) у гідраніміі Беларусі / А.И. Копач // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV, Філалогія, журналістыка, педагогіка. – 2002. – № 3. – С. 81–86; Копач, О.И. Гелонимы как элемент лексикона: историко-номинативный аспект / О.И. Копач // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. В.В. Дубичинский [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2002. – С. 107–111; Копач, О.И. Категория рода и числа в гелонимии Беларуси / О.И. Копач // Філалагічныя навукі: Маладыя вучоныя ў пошуку: матэрыялы навук. канф., 25 красав. 2003 г. / адк. рэд. С.А. Важнік. – Мінск, 2004. – С. 67–70 і інш.
 29. Борисевич, О.А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О.А. Борисевич; БГУ. – Минск, 2012. – 151 с.; Борисевич, О.А. Экклезионимы как разновидность урбанонимов в современной ономастической системе / О.А. Борисевич // Учен. записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер., Филология. Соц. коммуникации. – 2011. – Т. 24(63), № 4. – Ч. 1. – С. 420–424; Борисевич, О.А. Структурные особенности православной экклезионимии Беларуси / О.А. Борисевич // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2009. – № 4(54). – С. 93–98; Борисевич, О.А. Особенности номинации протестантских культовых сооружений Беларуси / О.А. Борисевич // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2011. – № 3. – С. 58–61; Борисевич, О.А. Структурные особенности протестантской экклезионимии Беларуси / О.А. Борисевич // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2010. – № 7. – С. 185–188 і інш.
 30. Дорофеев, М.Л. Лингвогеографическое представление виконимов, мотивированных названиями населенных пунктов и водных объектов (на материале наименований внутрисельских линейных объектов Беларуси) / М.Л. Дорофеев // Вестн. ИРЯиК МГУ. Сер., Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 4; Дорофеев, М.Л. Номинативные особенности отантропонимной виконимии Беларуси: сопоставительный аспект / М.Л. Дорофеев // Беларуская-руская-польская супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. / ВДУ імя П.М. Машэрава; склад.: Г.М. Мезенка, С.У. Нікалаенка; пад навук. рэд. Г.М. Мезенка. – Віцебск, 2013. – С. 218–220; Дорофеев, М.Л. Номинативный аспект виконимов Могилевского района / М.Л. Дорофеев // Проблемы региональной лингвистики: Памяти д-ра филол. наук, проф. Т.В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения): материалы междунар. науч. конф., Тверь, 26–27 апр. 2013 г. / Твер. гос. ун-т; редкол.: И.М. Ганжина (отв. ред.) [и др.]. – Тверь, 2013. – С. 111–114 і інш.
 31. Мезенко, А.М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А.М. Мезенко // Учен. записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер., Филология. Социальные коммуникации. – Т. 27(66). – № 2. – Симферополь, 2014. – С. 75–79.
 32. Анісім, А.М. Назвы чыгуначных станцый. Пытанні стандартызацыі / А.М. Анісім // Беларуская анамстыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 20 красав. 2010 г. / Ін-т мовы і літ-ры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – С. 303–306.
 33. Ван, Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация: монография / Ван Ли. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – 179 с.
 34. Васильева, Т.Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.Ю. Васильева / Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси. – Минск, 2014. – 24 с.; Васильева, Т.Ю. Ойконимы Витебщины и Смоленщины, соотносительные с названиями животного мира: сопоставительный аспект / Т.Ю. Васильева // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2011. – С. 252–254.
 35. Генкин, В.М. Ойконимы Витебщины и Смоленщины, связанные с ремесленной деятельностью жителей / В.М. Генкин // Десятые Поливановские чтения: сб. ст. по материалам докладов и сообщений. Часть II: История и диалектология. Вопросы ономастики. Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований, Смоленск, 4–5 окт. 2011 г. – Смоленск, 2011. – С. 114–117.

36. Мезенко, А.М. Отантропонимная урбанонимия Витебщины и Смоленщины: общие черты и различия / А.М. Мезенко // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск, 2011. – С. 238–240.
37. Мезенка, Г.М. Беларуская анамастыка: навуч. дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 119 с.
38. Никитина, Ю.Л. Особенности номинации восточнославянских топонимов / Ю.Л. Никитина // Acta Albarruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-рускі-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства», Віцебск, 22–24 кастр. 2009 г.: у 2 ч. / Віцебск. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2009. – Ч. 2. – С. 77–80.
39. Дорофеев, М.Л. Виконимия Гомельской и Гродненской областей в гендерном аспекте / М.Л. Дорофеев // Слова ў мове, маўленні, тэксте: зб. навук. арт. / Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, філ. факультэт; пад агул. рэд. Н.Р. Якубук; рэдкал.: В.В. Пераход [і інш.]. – Брэст, 2012. – С. 43–45.
40. Мезенко, А.М. Реализация гендерных отношений в топонимии / А.М. Мезенко // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2007. – № 3(45). – С. 53–58; Мезенко, А.М. Оппозиция мужское/женское в урбанонимии / А.М. Мезенко // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках): материалы междунар. науч. конф., Брест, 19–20 апр. 2007 г.: в 2 ч. / под общ. ред. д-ра филол. наук В.И. Сенкевича [редкол.: В.И. Сенкевич, Г.М. Концевая, Хана Вадис-Возьны и др.]; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, каф. рус. и белорус. яз. с методикой преподавания; Akademia Podlaska w Siedlcach, Instytut Neofilologii, katedra Filologii Rosyjskiej. – Брест, 2007. – Ч. 1. – С. 45–49.
41. Сітнікава, М.Г. Лексіка з этычнай семантыкай і анамастыка апавесці У. Караткевіча «Ладдзя распачы» / М.Г. Сітнікава // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2002. – С. 207–213; Слесарева, Т.П. Топонимы в поэзии П. Бровки и В. Короткевича / Т.П. Слесарева // Слово во времени и пространстве. К 95-летию со дня рождения профессора М.Г. Булахова: материалы междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: А.А. Гируцкий (отв. ред.), В.Д. Стариченок, Г.А. Комлевич и др. – Минск, 2014. – С. 213–215; Яна ж. Топонимы-символы в поэзии Лельщины / Т.П. Слесарева // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII (65) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2013. – Т. 1. – С. 590; Трошинская-Степушина, Т.Е. Топоним как средство языковой репрезентации образа героя (на материале произведений русскоязычных авторов Беларуси) / Т.Е. Трошинская-Степушина // Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., Новозыбков, 14–15 нояб. 2012 г. / филиал Брян. гос. ун-та; редкол.: С.Н. Стародубец [и др.]. – Брянск, 2012. – С. 429–431.
42. Шведава, З.У. Аданамастычнае словаўтварэнне ў мове старабеларускіх актаў XVI–XVIII стст.: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / З.У. Шведава; Гомельск. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2003. – 22 с.; Шведава, З.У. Ад’ектонімы, матываваныя тапонімамі рознай родавай прыналежнасці, у старабеларускай мове XVI–XVII стст. / З.У. Шведава // Известия Гомельск. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Беларуская мова. – 2002. – № 1(10). – С. 51–56; Шведава, З.У. Адапонімы прыметнікі ў старабеларускіх помніках XVI–XVIII стст. / З.У. Шведава // Актуальные проблемы гуманитарных наук: межрегион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, 19–20 апр. 2000 г.: тезисы докл. – Могилев, 2000. – С. 23–24; Шведава, З.У. Апісальны спосаб намінацыі катаяконімаў у старабеларускай мове XVI–XVII стст. / З.У. Шведава // Развитию Полесского региона – энергию молодых ученых: материалы респ. науч. конф. аспирантов, Мозырь, 26–27 июня 2002 г. – Мозырь, 2002. – С. 242–244; Шведава, З.У. Марфаналагічныя з’явы словаўтварэння ад’ектонімаў у старабеларускай мове XVI–XVII стст. / З.У. Шведава // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы докл. междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2002 г.: в 3 ч. – Минск, 2002. – Ч. 1. – С. 128–129; Шведава, З.У. Прыналежныя прыметнікі ў старабеларускай мове актаў XVI–XVII стст. / З.У. Шведава // Пятая навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу: матэрыялы навук. канф. – Гомель, 2001. – С. 221–223; Шведава, З.У. Семантычная структура ад’ектонімаў з суфіксам -ск- у актах XVI–XVIII стст. / З.У. Шведава // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 51. – Мінск, 2001. – С. 42–46; Шведава, З.У. Семантычная

- характарыстыка адантрапанічных прыметнікаў у мове актаў XVI–XVII стст. / З.У. Шведава // Весн. Мазырск. дзярж. пед. ун-та. – 2002. – № 7. – С. 87–92 і інш.
43. Борисевич, О.А. Статус экклезионимов в современной ономастической системе / О.А. Борисевич // III Машеровские чтения: материалы респ. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24–25 марта 2009 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Л. Гладков [и др.]. – Витебск, 2009. – С. 262–263.
 44. Аліферчык, Т.М. Праблемы даследавання этнапаніміі / Т.М. Аліферчык // Скарына і наш час: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., Гомель, 13–14 лістап. 2008 г.: у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т, Навук.-даслед. ін-т гісторыі і культуры ўсходнеславянскіх народаў; рэдкал.: А.А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2008. – Ч. 2. – С. 57–61.
 45. Казлова, Р.М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд / Р.М. Казлова. – Гомель: ГГУ імя Ф. Скарыны, 2002. – Т. 2. – 265 с.
 46. Багаедава, Т.М. Праславянская гідранімія ў басейне ракі Сож: фітафорныя назвы / Т.М. Багаедава // Изв. Гомельск. гос. ун-та імя Ф. Скарыны. Беларуская мова і літаратура. – 2002. – № 1(10). – С. 3–9.
 47. Багамольнікова, Н.А. Гісторыка-этымалагічны аналіз тапонімаў Гомельшчыны / Н.А. Багамольнікова // Изв. Гомельск. гос. ун-та імя Ф. Скарыны. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1(70). – С. 94–99; Багамольнікова, Н.А. З гісторыі вёскі Маркавічы Гомельскага раёна і яе наваколля / Н.А. Багамольнікова // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: зб. навук. прац. – Вып. 2. – Гомель, 2009. – С. 70–73 і інш.
 48. Громыко, Е.В. Гидронимы с формантом *-ица* бассейна Днепра (праславянскі фонд) / Е.В. Громыко // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2002. – С. 54–58.
 49. Гардзеў, Ю. Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.) / Ю. Гардзеў. – Гародня: Гарадзенская бібліятэка, 2013. – 190 с.
 50. Гапоненка, Ірына. Харанімы ў беларускамоўным кантэксце пачатку XX стагоддзя / Ірына Гапоненка // Nazwy własne na pograniczach kulturowych: materiały z Międzynar. konf. onomastycznej, Białystok–Białowieża, 12–13 czerw. 2000 r. / Uniwersytet w Białymstoku; pod red. Z. Abramowicz, L. Dacewicz. – Białystok, 2000. – С. 193–199. – (Studia sławistyczne).
 51. Голубович, О.П. Белорусско-литовские летописи как источник топонимического материала / О.П. Голубович // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2002. – С. 48–54.
 52. Капылоў, І.Л. Айконімы адгідранімічнага паходжання (на матэрыяле старабеларускіх помнікаў дзелавай пісьменнасці XV–XVIII стст.) / І.Л. Капылоў // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель, 2002. – С. 117–122; Капылоў, І.Л. Патранімічныя назвы ў сістэме тапаніміі Вялікага Княства Літоўскага / І.Л. Капылоў // Беларуская лінгвістыка. – 2007. – Вып. 60. – С. 24–39 і інш.
 53. Міцкевіч, В.У. Беларуская тапанімія XVI ст.: прынцыпы намінацыі (на матэрыяле “Рэвізіі пущь и переходовъ звѣриныхъ...”) / В.У. Міцкевіч // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў: зб. навук. арт. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т; рэдкал.: А.В. Солахаў [і інш.]. – Мазыр, 2006. – С. 177–180; Міцкевіч, В.У. Віды тапанімічнай аманіміі ў “Рэвізіі пущь и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ княжествѣ Литовскомъ...” / В.У. Міцкевіч // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; рэдкал.: А.І. Падлужны (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – Вып. 53. – С. 107–112; Міцкевіч, В.У. Марфалагічны спосаб утварэння простых тапонімаў адзіночнага ліку (на матэрыяле межавых актаў XVI стагоддзя) / В.У. Міцкевіч // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 красав. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ-ры; навук. рэд.: Л.П. Кунцэвіч, Н.В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 449–455; Міцкевіч, В.У. Назвы-арыенціры старабеларускіх межавых актаў / В.У. Міцкевіч // VI Навуковыя чытанні, прысвечаныя 120-годдзю з дня нараджэння акадэміка НАН Беларусі С.М. Некрашэвіча, Гомель, 23 мая 2003 г.: зб. навук. арт. / Гомел. дзярж. ун-т; гал. рэд. А.А. Станкевіч. – Гомель, 2003. – С. 81–85; Міцкевіч, В.У. Прынцыпы намінацыі ў беларускай тапаніміі XVI ст. (на матэрыяле “Рэвізіі пущь и переходовъ звѣриныхъ...”) / В.У. Міцкевіч // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2005 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; рэдкал.: Л.П. Кунцэвіч [і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 229–237; Міцкевіч, В.У. Семантычныя тыпы ўзвышшаў у тапаніміі старабеларускіх пісьмовых помнікаў / В.У. Міцкевіч // Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 20 крас. 2010 г. / НАН Беларусі,

- Ин-т мовы і літ-ры; рэдкал.: І.Л. Капылоў [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 91–95; Міцкевіч, В.У. Старабеларускія назвы-арыенціры / В.У. Міцкевіч // Філалагічныя навукі: Маладыя вучоныя ў пошуку: матэрыялы навук. канф., Мінск, 25 красав. 2003 г. / Беларус. дзярж. ун-т; адк. рэд. С.А. Важнік. – Мінск, 2004. – С. 93–95 і інш.; Міцкевіч, В.У. Беларуская рэліктавая лексіка ў тапаніміі XVI стагоддзя / В.У. Міцкевіч // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ-ры; рэдкал.: А.А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – Вып. 64. – С. 131–137.
54. Рогалев, А.Ф. Гомель. Страницы древней истории, формирование улиц, местные тайны и загадки: монография / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2014. – 248 с.; Рогалев, А.Ф. Название *Туров* в культурно-историческом аспекте / А.Ф. Рогалев // Тураўскія чытанні: матэрыялы навук.-практ. канф., Гомель, 4 верас. 2004 г. – Гомель, 2005. – С. 90–92; Рогалев, А.Ф. От Гомеюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гомель: Барк, 2006. – 220 с.; Рогалев, А.Ф. Рассказывают географические названия: Петриков. Припять. Птичь / А.Ф. Рогалев // Жыцця палескага бяздонныя глыбіні: народная духоўная культура Петрыкаўскага раёна: фальклор.-этнагр. зб. / пад агул. рэд. В.С. Новак. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. – 303 с.: іл.; Рогалев, А.Ф. Родные названия: Топонимический словарь Ветковского района Гомельской области / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Обл. общество «Книга», 2003. – 168 с.
55. Рогалев, А.Ф. Скрытый смысл географических названий, легенд и преданий (на материале Беларуси) / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2012. – 208 с. і інш.
56. Генкин, В.М. Проблемы нормализации и кодификации оттопонимных дериватов / В.М. Генкин // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конф., Смоленск, 16–17 апр. 2002 г. – Смоленск, 2002. – С. 123–132; Генкин, В.М. Восточнославянский топонимикон и проблемы межкультурной коммуникации / В.М. Генкин // Славянский мир и литература: материалы междунар. конф., Зеленоградск, 10–13 окт. 2002 г. – Калининград, 2003. – С. 202–210.
57. Генкин, В.М. Русскоязычная передача белорусских оттопонимных дериватов / В.М. Генкин // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный объекты исследования: материалы междунар. науч.-метод. конф., Брест, 17–18 нояб. 2005 г.: в 2 ч. – Брест, 2006. – Ч. 2. – С. 14–17.
58. Гапоненка, Ірына. Перадача іншамовных геаграфічных назваў па-беларуску / Ірына Гапоненка // Роднае слова. – 2009. – № 2. – С. 30–32.
59. Давідоўскі, П.М. Перадача беларускіх онімаў графічнымі сродкамі лацінскага алфавіта: маштаб праблемы / П.М. Давідоўскі // Беларуская аанамастыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 20 красав. 2010 г. / Ін-т мовы і літ-ры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – С. 289–294.
60. Багамольнікава, Н.А. Вуліца *Працоўная* ці *Трудавая*: нормы ў аанамастыцы / Н.А. Багамольнікава // Скарына і наш час: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф.: у 2 ч. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – Ч. 2. – С. 70–74.
61. Капылоў, І.Л. Нарматыўна-прававая база міжмоўнай перадачы беларускай, рускай, польскай тапаніміі / І.Л. Капылоў // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. / склад.: Г.М. Мезенка, С.У. Нікалаенка; пад навук. рэд. Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 229–233; Капылоў, І.Л. Праблема ўнармавання назваў вуліц горада Мінска / І.Л. Капылоў // Беларуская аанамастыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 20 крас. 2010 г. / Ін-т мовы і літ-ры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – С. 295–300.
62. Копач, А.І. Праблема стандартызацыі нацыянальных геаграфічных назваў у кантэксце паўночнаамерыканскага вопыту / А.І. Копач. – Беларуская лінгвістыка. – Вып. 64. – 2010. – С. 53–59; Копач, А.І. Праблема стандартызацыі геаграфічных назваў: практыка Беларусі ў кантэксце сусветнага вопыту / А.І. Копач // 19. slovenská onomastická konferencia venovaná významnému životnému jubileu PhDr. Milana Majtána, DrSc., Bratislava, SAS, 28–30 April 2014. – Bratislava, 2015. – P. 322–330.

Паступіў у рэдакцыю 23.11.2015 г.

УДК 373.5.016:811.161.1'38(476)

Сущностная характеристика понятий «стиль языка», «стиль речи», «текст» в лингвистике, теории речевой деятельности и в курсе русского языка в системе общего среднего образования Республики Беларусь

Сидоренко Р.С.

Министерство образования Республики Беларусь, Минск

Интенсивное изучение в лингвистической науке стилей языка и стилей речи как важнейших категорий стилистики русского языка происходит в 60–70-е годы XX столетия. В это время формируется достаточно цельная концепция стилей. К сожалению, следует отметить, что взгляды многих ученых на стили не имеют единства и даже во многом противоречат друг другу, но есть в них и общий теоретический стержень – признание функциональной природы языковых стилей, связь стилей с социальными (общественными) функциями языка (общение, социализация, воздействие) и видами человеческой деятельности.

Цель статьи – выявление основных лингво-стилистических и речеведческих понятий «стиль языка», «стиль речи», «текст», которые позволят отобрать содержательный компонент для его включения в практику работы по стилистике на уроках русского языка.

Материал и методы. Материалом послужили различные точки зрения ведущих ученых-лингвистов в области стилистики и речевой деятельности. Нами, прежде всего, применен описательный метод исследования, который помог зафиксировать и определить основные приоритетные положения. Они являются базовыми для отбора содержательного компонента изучения стилистики в учреждениях общего среднего образования. Такой метод, как анализ научно-методической литературы, способствовал четкому и последовательному интерпретированию научных положений, а именно: стиль языка, стиль речи, текст.

Результаты и их обсуждение. Язык – это функционирующая система единиц для реализации коммуникативной функции. Такая функционирующая языковая система является первой ступенью языковой системности, которая в лингвистике хорошо изучена и описана. На основе этой системности, с учетом языковой традиции употребления, а также целей и задач общения с комплексом экстралингвистических факторов формируется функциональная стилистико-речевая системность как системность второго уровня, более высокого порядка. Второй уровень (вторая ступень) стилистико-речевой системности представляет собой не просто реализацию первой ступени языковой системности, а перестройку и одновременно создание речевой системности в соответствии с конкретными коммуникативными задачами и целями общения. И только с учетом этого второго уровня стилистико-речевой системности правомерно определять язык средством общения и называть его коммуникативную функцию главной. Отсюда следует, что язык и речь – это два взаимосвязанных понятия, и определяются они один через другой, через понятие функции (и функционирования).

Заключение. Для реализации взаимосвязанного обучения учащихся трем направлениям стилистики русского языка необходимо разработать методологию системы взаимосвязанного обучения, определить ее теоретические и методические основы (подходы, принципы, содержательные аспекты, виды речевой деятельности, методические средства реализации системы) в контексте курса русского языка, изучаемого в классах учреждений общего среднего образования.

Ключевые слова: стилистика, функциональная стилистика, стиль языка, стиль речи, текст.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 159–165)

Essence Characteristics of the Concepts of Language Style, Speech Style and Text in Linguistics, Theory of Speech Activity and in the Course of Russian within the System of General Secondary Education of Belarus

Sidorenko R.S.

The Ministry of Education of the Republic of Belarus, Minsk

Intensive study of language styles and styles of speech in scientific paradigm as most important categories of Stylistics of Russian occurred in the 60–70s of the twentieth century. At that time the whole concept of style was shaped completely. Unfortunately, it should be noted that ideas by many scientists on styles do not have unity or even contradict each other.

Адрес для корреспонденции: e-mail: sidorenko@minedu.unibel.by – Р.С. Сидоренко

However, there is a common theoretical core in all of them. It is the recognition of the functional nature of language styles, communication styles with social functions of the language (communication, message, impact) and human activities.

The aim of the article is to find out main linguistic and stylistic concepts and speech concepts such as «the style of the language», «the style of speech», «the text» that make it possible to choose a substantial component to be included into practice on styles at the Russian language lessons.

Material and methods. The material for the articles is based on different viewpoints of the outstanding linguists in the field of style and speech activity. We primarily used a descriptive method of research for them to be analyzed. It helped to fix and identify basic ideas. They are the base for the selection of the substantial component of the study of stylistics at establishments of secondary education. Such method as the analysis of the scientific and methodological literature contributed clearly and consistently to interpreting the research points namely the style of a language, the style of speech, the text.

Findings and their discussion. The language is a functioning system of units for the implementation of the communicative function. This functional language system is the first stage of the language system which has been studied and described completely. Based on this system and considering the language tradition of application, as well as the goals and objectives of communication with a set of extra-linguistic factors, the functional stylistics and speech consistency as a system of the second level of a higher order is shaped. The second level (the second stage) of the system of styles is not just the implementation of the first stage of the language system but the process of creating a speech system according to specific communicative tasks and purposes of communication. Only on the basis of this second-level stylistic speech system it's possible to determine the language medium of communication and name it as the main communicative function. It's stated that the language and speech are two related concepts, and they are interconnected by means of the concept of functions (and functioning).

Conclusion. To implement the interconnected teaching students within the three areas of stylistics of the Russian language it is necessary to develop the methodology of the interconnected practice to determine its theoretical and methodological principles (approaches, principles, and substantial aspects, types of speech activity, methodological means of implementing the system) in the context of the course of the Russian language, studied in classes of establishments providing general secondary education.

Key words: stylistics, functional stylistics, language style, style of speech, text.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 159–165)

Интенсивное изучение в лингвистической науке стилей языка и стилей речи как важнейших категорий стилистики русского языка происходит в 60–70-е годы XX столетия. В это время формируется достаточно цельная концепция стилей, связанная, прежде всего, с работами В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.Н. Кожинной, О.Б. Сиротининой, А.Н. Гвоздева, А.И. Ефимова, Ю.С. Сорокина, В.Г. Костомарова и других ученых. К сожалению, следует отметить, что их взгляды на стили не имеют единства и даже во многом противоречат друг другу, но есть в них и общий теоретический стержень – признание функциональной природы языковых стилей, связь стилей с социальными (общественными) функциями языка (общение, сообщение, воздействие) и видами человеческой деятельности.

Цель статьи – выявление основных лингвостилистических и речеведческих понятий «стиль языка», «стиль речи», «текст», которые позволят отобрать содержательный компонент для его включения в практику работы по стилистике на уроках русского языка.

Материал и методы. Материалом послужили различные точки зрения ведущих ученых-лингвистов в области стилистики и речевой деятельности. Нами, прежде всего, применен описательный метод исследования, который помог зафиксировать и определить основные приоритетные положения. Они явля-

ются базовыми для отбора содержательного компонента изучения стилистики в учреждениях общего среднего образования. Такой метод, как анализ научно-методической литературы, способствовал четкому и последовательному интерпретированию научных положений, а именно: стиль языка, стиль речи, текст.

Результаты и их обсуждение. Теория стилей языка, стилей речи, разработанная В.В. Виноградовым и нашедшая отражение в его труде «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» [1], дает основание понять и принять следующие выдвинутые ученым положения: 1) целесообразность выделения и разграничения стилей языка и стилей речи и соотношение с ними стили художественной литературы (у Г.О. Винокура – это, прежде всего, язык, употребляемый в поэтических произведениях, в которых на первый план выдвигается традиция употребления тех или иных средств языка, т.е. то, что оправдывается словами «принято» и «не принято»). Следовательно, по Г.О. Винокуру, стиль языка (речи) – это совокупность средств языка, принятых к употреблению в произведениях, обслуживающих ту или иную область жизни и деятельности людей («Понятие поэтического языка», 1947) [2]. Как видим, в данном теоретическом положении Г.О. Винокур только обозначил обновленное им понимание стилей,

но дальше этого не продвинулся; 2) отмечается наличие связи стилей языка с социальной языковой практикой людей во всем ее многообразии; 3) утверждается «многопризнаковость» стилей, невозможность сведения различий между ними к какому-то одному признаку, например, «окраска», «экспрессия» и т.д. В то же время существует наличие взаимных языковых «заимствований» из одного стиля в другой, в результате которых возникают сложные отношения между языковыми и речевыми стилями, структурно-художественными свойствами и особенностями произведений и жанров литературы. Выдвинутые В.В. Виноградовым положения о стилях языка и стилях речи были положены в основу стилистики русского литературного языка.

В современной лингвистике стили языка рассматриваются как функциональные стили. В этой связи следует заметить, что прав был Г.О. Винокур, который утверждал, что «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» и что «в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления» [3, с. 221].

Стиль языка и стиль речи являются важнейшими категориями стилистики, отражающими функционально-стилистическую дифференциацию русского языка (см.: В.В. Виноградов, А.К. Панфилов, М.Н. Кожина, Е.Н. Кожин и др.). Однако следует отметить, что в лингвистической классике и современных исследованиях по стилистике русского языка обнаруживаются противоречия в определении каждого из этих понятий. Отчасти это обусловлено, по мнению М.Н. Кожин, тем, что в работах академика В.В. Виноградова данный вопрос не нашел окончательного решения, поскольку рассматривался вариативно. Подобная точка зрения способствовала тому, что в лингвистических исследованиях стало использоваться понятие «стиль» применительно и к аспекту языка, и к аспекту речи без разграничения оснований для их употребления [4]. Такое рассмотрение понятий «стиль языка» и «стиль речи» в лингвистике продолжало существовать до конца 70-х годов XX века.

В начале 80-х годов этого же столетия ученые стали подходить к терминологическому определению данных категорий на основе выявления исходных понятий «язык» и «речь» с учетом их *ведущих функций системности и функциональности*.

В системе общего среднего образования как России, так и Беларуси в содержании курсов

русского языка расширилось функциональное направление. Категории «системность» и «функциональность» в языке учеными рассматривались во взаимосвязи, поскольку системность предполагает функциональность, т.е. изучение связей и отношений языковых единиц происходит во время их функционирования. Отсюда ведущим подходом к обучению русскому языку в системе общего среднего образования России и Беларуси с 1980 г. и по настоящее время является системно- (или структурно-) функциональный, который направлен на решение нескольких задач: 1) освоение учащимися функций языковых единиц в процессе изучения уровней системы, функциональных стилей и речевой деятельности; 2) овладение выразительными средствами языка всех уровней системы для введения их в создаваемые учащимися тексты различных функциональных стилей.

Как отражено в Концепции языкового образования в Республике Беларусь [5], язык – это «развивающаяся система знаков, функционирующая система, которая возникла в обществе, неразрывно связанная с мышлением человека, служит для выражения сообщения об окружающем мире и для целей коммуникации. Ведущими функциями языка являются коммуникативная (язык как средство общения) и когнитивная (обозначение внеязыковой деятельности). Для практики обучения языку важны и такие функции как коннативная (функция усвоения), волюнтативная (воздействие), контактоустанавливающая (использование высказываний с целью вступления в общение, его продолжение и прекращение), эстетическая (создание художественного образа с помощью языковых средств) и кумулятивная (функция хранения и передачи традиций культуры и истории народа)» [5, с. 3].

Обращаясь к функциям языка, мы обнаруживаем, что слова «функция», «функциональный», «функционирование» лингвистами (В.А. Авронин, Р.В. Пазухин, Ю.С. Степанов и др.) рассматриваются неодинаково: в одном случае это функция какой-либо языковой единицы, формы, конструкции в пределах определенного уровня языковой системы (например, функция творительного падежа, функция определения, словосочетания и т.д.), в другом – это функция языка как средства общения. В настоящее время в русском языкознании в основном используются следующие терминологические сочетания: «язык – это функционирующая система единиц»,

«язык – это важнейшее средство общения с коммуникативной функцией», т.е. в лингвистической теории утверждается функциональная природа языка, но в практике обучения языку основное внимание обращается на изучение его структурных элементов и их взаимосвязей, при этом происходит замена слова «функциональный» словом «коммуникативный» [6]. Таким образом, с одной стороны, мы видим признание функциональности языка, а с другой – в образовательной практике осуществляется структурное его изучение, тем самым принцип функциональности (и коммуникативности) по существу остается за рамками обучения. Вместе с тем языковая система включает в себя не только структурные элементы и их взаимосвязи, но и самые общие принципы употребления этих элементов, оставляя возможность для творческого использования языка в речи. Причем речь не может быть лишь воспроизведением языка (Л.В. Щерба), это свойственно речевой деятельности, поскольку как и отдельная языковая единица, так и речь в целом – это лишь предпосылка для коммуникации, а не собственно реализация коммуникативной функции языка [7]. По утверждению М.Н. Кожиной, как «только языковая система начинает функционировать в реальных условиях коммуникации, она непременно перестраивается, вернее, настраивается в соответствии с целями, задачами, сферой и ситуацией общения (и целым комплексом более или менее существенных для коммуникации экстралингвистических факторов), чтобы передать необходимое содержание и “дойти” до адресата» [4, с. 9]. И далее М.Н. Кожина делает вывод: «Процесс функционирования языка как бы подчиняется двойной системности: внутриязыковой и коммуникативно-функциональной (на экстралингвистической основе» [4, с. 10].

Таким образом, язык – это функционирующая система единиц для реализации коммуникативной функции. Такая функционирующая языковая система является первой ступенью языковой системности, которая в лингвистике хорошо изучена и описана. На основе этой системности, с учетом языковой традиции употребления, а также целей и задач общения с комплексом экстралингвистических факторов формируется функциональная стилистико-речевая системность как системность второго уровня, более высокого порядка. Второй уровень (вторая ступень) стилистико-речевой системности представляет со-

бой не просто реализацию первой ступени языковой системности, а перестройку и одновременно создание речевой системности в соответствии с конкретными коммуникативными задачами и целями общения. И только с учетом этого второго уровня стилистико-речевой системности правомерно определять язык средством общения и называть его коммуникативную функцию главной [8]. Отсюда следует, что язык и речь – это два взаимосвязанных понятия, и определяются они один через другой, через понятие функции (и функционирования).

В современном языкознании и образовательной практике утвердилась трактовка понятия «речь» не столько как речевого акта, сколько как процесса рчеобразования, речевой деятельности, продуктом которых является текст. И в этой связи речь – это не просто актуализация языковой системы, приведение системы языка в действие, поскольку, как отмечает В.А. Звегинцев, «при приведении языка в действие выступает целесообразность» [9, с. 129], которая является одним из необходимых компонентов речи, так как именно цель определяет, как было ранее нами замечено, использование языковых единиц в процессе общения, которое выстраивается в соответствии с целеустановкой речевого акта.

В контексте нами сказанного очевидно существование стилей языка как совокупности единиц разных уровней языка и общих принципов их употребления (первый уровень языковой системы, основу которого составляет «стилистика ресурсов»). Однако М.Н. Кожина – один из основоположников современной русской стилистической школы – соглашается с употреблением термина «стили языка» только в том случае, «когда под термином “языковые” (стили речи) подразумевается вообще язык, аспект лингвистических явлений, но не дихотомии: язык – речь. В аспекте же противопоставления или различения языка и речи функциональные стили как таковые – явление, безусловно, речевое (стили речи), поскольку только в живом функционировании складывается та стилистико-речевая организация, которая и составляет специфику функционального стиля» [4, с. 12]. Аналогичное мнение по поводу определений «стили языка» и «стили речи» высказывает Б.Н. Головин в работе «Основы культуры речи»: стили языка – это единицы языка в состоянии готовности употребления в речи, а языковые единицы в состоянии реализации – это стили речи. Но к

этому ученый добавляет компонент творчества и качества, свойственный речевой деятельности и зависимый от конкретных экстралингвистических факторов данной среды общения.

О двух стилистиках говорил в свое время (1954 год) лингвист Ю.С. Сорокин, выделяя стилистику академическую и стилистику функциональную [10, с. 84]. Следовательно, применительно к системе языковых единиц с их внутрисистемными признаками функционирования правомерно употреблять термин «стили языка» – первый уровень языковой системы, а применительно к языку, функционирующему в речевой деятельности (в тексте) с целью реализации его коммуникативной функции, – второй уровень стилистико-языковой системности, включающий компонент творчества и качества в зависимости от конкретных экстралингвистических факторов данной среды общения. В этом случае правомерно употреблять термин «стили речи». Имея в виду именно этот аспект, мы рассматриваем функциональный стиль как совокупность языковых единиц, принципов их отбора и сочетания, имеющих уровень стилистико-речевой системности, включающий компонент творчества и качества. Функциональный стиль реализуется в определенных текстах (группах текстов), которые содержат закрепленные за этим стилем признаки (языковые, стилевые, жанровые) для соответствующей сферы общения (научной, деловой, публицистической, художественной, разговорной). Тексты конкретного функционального стиля, отражая и закрепляя за собой одновременно черты соответствующего функционального стиля в качестве основных для той или другой сферы общения, а также других экстрастилистических целей и задач общения, регламентируют закономерности употребления языка в сфере речевой деятельности.

В зависимости от того, что надо выразить, то есть от цели общения, русский язык меняется: наука требует строго информативного изложения; художественная литература – выразительности, образности; деловая речь – точности, недвусмысленности; публицистика – призывности и т.д. Естественно, что речь идет не о разных языках, а о разновидностях одного и того же языка, которые в лингвистике и стилистике называются стилями и которые между собой имеют существенные языковые различия. Знать в совершенстве язык – значит владеть его стилями, владеть тончайшими

оттенками смысла слова и выражений, выразительными средствами языка и качествами речи. Поэтому лингвисты выдвигают тезис о наличии нескольких стилистик. Так, В.В. Виноградов связывает изучение разных вопросов стилистики с тремя основными ее направлениями: 1) стилистикой ресурсов; 2) стилистикой функциональных стилей речи; 3) стилистикой художественной литературы. Г.Я. Солганик считает, что современная стилистика – это развитая наука, которая имеет несколько важных направлений: «функциональная стилистика, изучающая функционально-стилистическую дифференциацию (расслоение) языка, т.е. функциональные стили»; 2) «практическая стилистика, анализирующая закономерности, целесообразность, уместность употребления слов, оборотов, грамматических форм и конструкций (стилистика ресурсов уровней языковой системы)»; 3) «стилистика текста – молодая, бурно развивающаяся наука, изучающая закономерности построения и функционирования текстов»; 4) «фоностилистика, изучающая образные, ассоциативные представления, вызываемые у человека звуками» [11, с. 18].

Завершая рассмотрение приведенных точек зрения, считаем обоснованным и целесообразным выдвинуть положение о трех направлениях и соответствующих взаимосвязанных содержательных аспектах обучения стилистике в курсе русского языка в системе общего среднего образования Республики Беларусь.

Научной основой содержания и структуры учебного базового курса по стилистике для V–XI классов послужили теории В.В. Виноградова и Г.Я. Солганик, определившие изучение всех вопросов раздела по трем основным взаимосвязанным стилистическим направлениям: 1) стилистика ресурсов всех уровней языковой системы; 2) функциональные стили речи; 3) стилистика разных текстов (видов речевой деятельности). Такой подход способствует полному и последовательному овладению учащимися V–XI классов учреждений общего среднего образования Республики Беларусь стилистическими ресурсами всех разделов русского языка (фонетико-орфоэпическими, лексико-фразеологическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими). И параллельно должен осуществлять процесс овладения учащимися функционально-стилистическими особенностями употребления языковых единиц в тек-

стах не только художественной литературы, но и в текстах других стилей речи (научного, делового, публицистического, разговорного).

В учебной программе по русскому языку для V–XI классов с белорусским и русским языками обучения [12] материал по стилистике группируется в содержательном речевом блоке, в который включены такие разделы, как «Культура речи», «Текст», «Стили речи», «Жанры речи». Изложенный в программе курс призван не только связать содержание по стилистике с другими разделами, но и подчеркнуть ее самостоятельность. Важно, чтобы у учащихся сложилось понимание того, что, несмотря на близость «Стилистики» к «Культуре речи» и «Жанрам речи», а подчас и на их сходство в выборе изучаемого материала, каждая из этих лингвистических дисциплин имеет свой предмет в языке. Содержание обучения стилистике в курсе русского языка в системе общего среднего образования Республики Беларусь должно включать следующие компоненты:

- функционально-стилистические знания всех уровней языковых систем;
- знания об особенностях функционирования языковых единиц в речи;
- знания и умения, необходимые для создания текстов различных стилей – видов речевой деятельности;
- знания и умения речевой коммуникации.

На современном этапе обучения русскому языку в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь все речевые разделы изучаются концентрически с V–XI классы, что позволяет учитывать возрастные возможности учащихся, обеспечивать сравнительно раннее ознакомление с необходимым теоретическим материалом для формирования речевых умений, а также прочность усвоения в результате возвращения к теме в каждом последующем классе на новом уровне и в более расширенном объеме, и главное, дает возможность осознавать языковые и речевые явления во взаимосвязи и одновременно формировать языковую, речевую и коммуникативную компетенции учащихся. Приведем примеры содержательных блоков по стилистике, зафиксированных в учебной программе для изучения в каждом классе: «5 класс. Знания по стилистике: Понятие о речевой ситуации. Признаки речевой ситуации. Стили речи: художественный, научный, публицистический, официально-деловой и разговорный (ознакомление). Признаки сти-

лей речи: задачи речи, условия общения, отличительные черты, языковые средства. Речевая норма. Стилистические умения: осмысление понятий “язык” и “речь”, признаков речевой ситуации; характеристика речевой ситуации; осмысление признаков функциональных стилей речи» [12, с. 7]. «6 класс. Знания: Речевая ситуация и ее признаки (закрепление). Стили речи: художественный, научный, публицистический, официально-деловой (задачи речи, условия общения, отличительные черты, языковые средства). Стилистические умения: уместное использование языковых средств в текстах различных стилей» [12, с. 13].

Анализ содержания программы, знаний и умений по стилистике, которыми должны овладеть учащиеся в процессе изучения курса русского языка, показал, что в ней отсутствует система базовых стилистических понятий, которыми должны овладеть учащиеся при изучении всех разделов языка (например, «*стилистические средства языка*»: особенности произношения, стилистические возможности интонации, акцентологические варианты слов, стилистическая дифференциация слов современного русского языка и т.д.; «*стилистические ресурсы*»: богатство русской фразеологии, синтаксиса, стилистические синонимы частей речи, «*стилистическая окраска слов каждой части речи*», «*стилистическая синонимия разных уровней языка*», «*стилистическая норма*», «*стилистическая ошибка*» и т.д.), а также не определена система стилистических умений, которые должны быть сформированы в процессе изучения каждого раздела курса русского языка. Результаты анализа содержания программы обучения стилистике в курсе русского языка дают основание сделать следующие выводы: в программе не нашло отражение содержание, реализующее первое направление стилистики – стилистические ресурсы языковых разделов (не прослеживается взаимосвязь словообразования и стилистики, морфологии и стилистики, синтаксиса и стилистики); не сформулированы стилистические умения, формирующие стилистические понятия в процессе изучения второго направления – функциональные стили речи; не показаны стилистические средства реализации эстетической функции языка в текстах литературных произведений; отсутствуют теоретическое содержание и практические умения, формирующие виды речевой деятельности в 10–11-х классах профильной гуманитарной подготовки учащихся.

Отбор учебного материала по стилистике для базового и повышенного уровня обучения в 10–11-х классах должен быть подчинен общей цели курса по стилистике в системе общего среднего образования и его задачам, которые сформулированы нами следующим образом:

- ознакомление учащихся с основными понятиями стилистики;
- расширение и углубление знаний учащихся о стилистических средствах языковой системы;
- углубление знаний о функциональной дифференциации языка в процессе работы над функциональными стилями речи;
- формирование умений и навыков использования стилистических средств в текстах разных стилей (видах речевой деятельности).

Заключение. Цель курса по стилистике, как видим, заключается, с одной стороны, в расширении лингвистического кругозора учащихся за счет усвоения новых стилистических знаний в каждом классе, а с другой – в совершенствовании их практических, коммуникативных умений в различных видах речевой деятельности. Взаимосвязанное изучение стилистики всех трех направлений – стилистики ресурсов (стилистические средства всех разделов русского языка), функциональных стилей речи (функциональные и жанрово-стилистические разновидности речи) и стилистики текстов разных стилей (видов речевой деятельности) – позволяет, как показало экспериментальное обучение, наиболее полно и последовательно представить материал курса, дать учащимся необходимые сведения об основах стилистики и сформировать с опорой на них соответствующие стилистические умения. Для реализации взаимосвязанного обучения учащихся трем направлениям стилистики русского языка необходимо разработать методологию системы взаимосвязанного обучения, определить ее теоретические и методические основы (подходы, принципы, содержательные аспекты, виды речевой деятельности, методические средства реализации системы) в контексте курса

русского языка, изучаемого в классах учреждений общего среднего образования.

Литература

1. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Академия наук СССР, 1963. – 256 с.
2. Винокур, Г.О. О языке художественной литературы / Г.О. Винокур. – М.: Высшая школа, 1991. – 445 с.
3. Винокур, Г.О. Избранные работы / Г.О. Винокур. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 368 с.
4. Кожина, М.Н. Особенности стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы / М.Н. Кожина // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1984. – С. 3–18.
5. Концепция учебного предмета «Русский язык», утв. Приказом Мин-ва обр. Респ. Беларусь 29.05.2009 № 675 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adu.by/wp-content/uploads/2014/umodos/kup/koncept. – Дата доступа: 04.09.2015.
6. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: КомКнига, 2010. – 366 с.
7. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 74–77.
8. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – М.: Радуга, 1983. – 635 с.
9. Звегинцев, В.А. Функция и цель в лингвистической теории / В.А. Звегинцев // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 120–145.
10. Сорокин, Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики / Ю.С. Сорокин // Вопросы языкознания. – 1954. – № 2. – С. 80–97.
11. Солганик, Г.Я. Русский язык. 10–11 кл. Стилистика: учеб. пособие для общеобразовательных учебных заведений, шк. и классов с углубленным изучением русского языка, лицеев и гимназий / Г.Я. Солганик. – М.: Дрофа, 1995. – 212 с.
12. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Русский язык. V–XI классы. – Минск: Национальный институт образования, 2012. – 56 с.

Поступила в редакцию 05.10.2015 г.

Архитекстуальный диалог в современной русскоязычной поэзии Беларуси

Сердюкова Е.И.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», Могилев

Обращение к теории интертекстуальности связано с возможностью осмысления художественной литературы в рамках культурного диалога. Исследование литературного произведения как художественного целого позволяет установить литературные и культурные рецепции, оказавшие влияние на становление личности писателя. С увеличением роли личности творца происходит авторская «кристаллизация» литературных жанров.

Цель статьи – выявление и описание динамических процессов жанровых трансформаций на материале современной русскоязычной поэзии Беларуси.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляет поэтическое наследие русскоязычных авторов Беларуси второй половины XX – начала XXI в.: К. Михеева, В. Блаженного, А. Скоринкина, В. Гришковца, Л. Турбиной, Т. Красновой-Гусаченко, Э. Скобелева, И. Котлярова, М. Малиновской, О. Переверзевой и др. Методы исследования – интертекстуальный анализ литературного произведения, биографический.

Результаты и их обсуждение. Особый статус русскоязычной литературы Беларуси, формировавшейся на благодатной почве двух культур, на традициях белорусской и русской литератур; ситуация «рубежа веков», характеризующаяся, как правило, глубокими переменами во всех сферах жизнедеятельности человека; стремление писателей к глубокому и вдумчивому осмыслению исторического прошлого своей нации, обращение к эталонам классической литературы – все это способствовало возникновению «неканонических жанров» (С. Бройтман) в поэтической системе русскоязычной литературы Беларуси.

Заключение. В современной русскоязычной поэзии Беларуси исторически сложившиеся жанры вступают в диалогические отношения. В процессе межтекстовых взаимодействий происходят модификация и трансформация классических жанровых форм. Новые жанрообразования возникают на стыке разных видов искусств. Модернизация жанрового кода лирических произведений затрагивает несколько уровней: тематический, структурно-композиционный, семантический.

Ключевые слова: интертекстуальность, архитекстуальность, диалог, жанр, современная русскоязычная литература Беларуси.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 166–170)

Architextual Dialogue in Modern Russian Language Poetry of Belarus

Serdziukova E.I.

The Educational Establishment «Mogilev State A.A. Kuleshov University», Mogilev

Reference to the intertextuality theory is connected with the possibility of thinking about literature in the framework of cultural dialogue. Research of the literary work as a whole stylistic harmony makes it possible to establish literary and cultural receptions which have influenced the writer's personality development. Authorial «crystallization» of literary genres happens when the creator's role increases.

The purpose of the study is to identify and describe dynamic processes of genre transformations in contemporary Russian language poetry of Belarus.

Material and methods. The methodological basis of the study is made up by poetic heritage of Russian-language authors of Belarus from the second half of the XXth to beginning of the XXIst centuries: K. Mikheev, V. Blazhenny, A. Skorinkin, B. Grishkovets, L. Turbina, T. Krasnova-Gusachenko, E. Skobeleva, I. Kotliarov, M. Malinovskaya, O. Pereverzeva, etc. Methods of the study are intertextual analysis of literary works, biographical studies.

Findings and their discussion. The special status of Russian language literature of Belarus, which was shaped on the fertile soil of two cultures, based on the traditions of Belarusian and Russian literatures; «turn of the century» situation which is characterized, as a rule, by deep changes in all spheres of human life; the writers' urge for deep and thoughtful understanding of the nation's historical past, turn to the standards of classical literature – all of these mentioned above points contributed to the emergence of «non-canonical genres» (S. Broytman) in the poetic system of Russian language literature of Belarus.

Адрес для корреспонденции: e-mail: serdkate@gmail.com – Е.И. Сердюкова

Conclusion. In contemporary Russian language poetry of Belarus historically originated genres come into dialogical relationships. Modification and transformation of classical genre forms happens in the process of intertextual interaction. New genre genesis arises at the interfacial joint of different kinds of art. Lyrical genre code modernization affects several levels: thematic, structural and compositional, semantic.

Key words: intertextuality, architextuality, dialogue, genre, contemporary Russian language literature of Belarus.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 166–170)

Интерес современного литературоведения к теории интертекстуальности обусловлен возможностью осмысления художественной литературы в рамках культурного диалога. Исследования в области межтекстовых отношений расширяют границы анализа литературного произведения как художественного целого, позволяют установить литературные и культурные рецепции, повлиявшие на становление личности писателя. С увеличением роли личности творца происходит авторская «кристаллизация» литературных жанров.

Согласно утверждению французского структуралиста Ж. Женетта, одним из важнейших типов межтекстовых отношений считается архитекстуальность, реализующаяся в художественных произведениях посредством выявления парадигматических связей определенного текста или его частей с прецедентным жанром (термин «прецедентный жанр» мы понимаем как каноническую модель определенного жанра). Факт наличия жанровых эталонов в литературе не исключает возможности индивидуально-авторских преобразований установленных форм. По наблюдениям Ж. Женетта, писатель создает свое произведение с опорой на определенную, уже существующую модель организации художественного текста, закрепленную рамками того или иного жанра или жанровой разновидности.

Цель статьи – выявление и описание динамических процессов жанровых трансформаций на материале современной русскоязычной поэзии Беларуси.

Материал и методы. Объект нашей работы – поэтическое наследие русскоязычных авторов Беларуси второй половины XX – начала XXI в.: К. Михеева, В. Блаженного, А. Скоринкина, В. Гришковца, Л. Турбиной, Т. Красновой-Гусаченко, Э. Скобелева, И. Котлярова, М. Малиновской, О. Переверзевой и др. Творчество указанных поэтов оказалось репрезентативным относительно анализируемого типа межтекстовых отношений – архитекстуальности. Методы исследования – интертекстуальный анализ литературного произведения, биографический.

Результаты и их обсуждение. Особый статус русскоязычной литературы Беларуси, формировавшейся на благодатной почве двух культур, на традициях белорусской и русской литератур; ситуация «рубежа веков» характеризующаяся, как правило, глубокими переменами во всех сферах жизнедеятельности человека; стремление писателей к глубокому и вдумчивому осмыслению исторического прошлого своей нации, обращение к эталонам классической литературы – все это способствовало возникновению «неканонических жанров» (С. Бройтман) в поэтической системе русскоязычной литературы Беларуси. Еще В. Белинский говорил о том, что каждый поэт создает «для своих идей свои формы», это означает и «свои жанры».

Каждое литературное произведение оказывается тесно связанным с огромным количеством текстов, имеющих сходную жанровую принадлежность. Архитекстуальность как тип межтекстовых связей направлена на установление отклонений от жанровой традиции. В настоящей работе под архитекстуальностью мы будем понимать совокупность жанровых модификаций текста и (или) его частей.

Сложности, связанные с исследованиями в обозначенной области, возникают по ряду причин: во-первых, отсутствует единое понимание и определение термина «жанр» в литературоведении; во-вторых, не существует общепринятой типологии лирических жанров в литературе нового времени; в-третьих, невозможно четко очертить границы конкретного жанра.

В статье мы остановимся на рассмотрении процессов трансформации некоторых исторически сложившихся жанров с опорой на типологию поэтических жанров В. Рагойши. Ученый выделяет «философско-медитативные» стихотворения (*медитация, послание, стансы, ямбы, философское стихотворение, элегия*), хвалебные (*ода, дифирамб, панегирик, аполог, мадригал, гимн, эпитафия, эпиталама*), песенные (*романс, песня, серенада, марш, псалом, кантата, альба, баркарола, канцона*), сатирически-изобличительные (*эпи-*

грамма, пародия, сатира), а также некоторые фольклорные произведения» [1, с. 427–428].

Учитывая специфику русскоязычной лирики Беларуси (ориентир на жанровые традиции белорусской и русской литератур), целесообразно обратиться к исследованию философской лирики русскоязычных авторов Беларуси и присутствующих в ней модификаций жанровых форм, имеющих принципиально важное значение для анализа архитектурного диалога.

В зависимости от сочетания различных интертекстуальных компонентов в исследуемых поэтических произведениях можно выделить следующие интертекстуальные модели архитектурного характера.

1. Модель «Тема – Текст», формирующаяся на основе модификаций тематического уровня стихотворения. Материалом для анализа может служить философская лирика А. Аврутина, К. Михеева, В. Блаженного, А. Скоринкина, Л. Турбиной, Т. Красновой-Гусаченко, Э. Скобелева, И. Котлярова, О. Переверзевой и др.

Обращение русскоязычных поэтов Беларуси к философской лирике восходит прежде всего к традициям белорусской и русской литератур, а также к поэтическому наследию зарубежной литературы. Р. Спивак указывает на то, что предмет художественного изображения необходимо рассматривать как структурообразующий критерий философской лирики. «Художественное познание человека может быть осуществлено под различными углами зрения, так что в фокусе художественного изображения оказываются разные ипостаси личности. Художника может интересовать неповторимо индивидуальное или, например, социально-историческое, идеологическое, <...> или, наконец, общечеловеческое, выявляющее родовые черты натуры человека, отличающие его от всего, что homo sapiens не является» [2, с. 6].

Лирика направлена на осмысление внутренних переживаний человека, его чувств и эмоций, на размышления о тайне человеческого бытия, решение извечных онтологических вопросов жизни и смерти. На рубеже веков поэзия соединяется с другими формами познания (философией, психологией и др.). Философская направленность, медитативность, созерцательность, психологизм – вот что отличает русскоязычную лирику А. Аврутина, К. Михеева, В. Блаженного, А. Скоринкина,

Л. Турбиной, В. Гришковца, Т. Красновой-Гусаченко, Э. Скобелева, И. Котлярова, М. Малиновской, О. Переверзевой и др.

Проиллюстрируем особенности трансформаций тематической составляющей лирического произведения. Согласно традиционному пониманию данной группы стихотворений, предметом поэтических рассуждений авторов выступают извечные темы и вопросы. Следуя традициям русской и белорусской поэзии, многие рассматриваемые поэты обращаются к одним и тем же социально-философским проблемам.

Например, в качестве сюжетообразующих в русскоязычной лирике Беларуси выступают некоторые вопросы мироздания: *жизнь и смерть* (Л. Турбина «Жизнь – упущенное чудо», «Но было что-то с давних пор...»; И. Котляров «Никакого я не знаю века...»; В. Блаженный «Человек, умирая, становится образом Божиим...», «В преддверье смерти мир – игрушка хрупкая...», «... И вот человек умирает взаправду...»; Т. Краснова-Гусаченко «Всей жизни сложнее – рождение и смерть...» и др.); *человек и природа* (А. Скоринкин «Зимняя сказка», «Как прекрасен этот мир...»; Э. Скобелев «Душистое утро среди сосен и вод...»; Т. Краснова-Гусаченко «У людей и природы – пора листопада...» и др.); *личность и общий закон бытия* (И. Котляров «Не мир, а сам себя я постигаю...», «Не клянись, а верней, не божись...»; А. Скоринкин «Бывают в человеческой судьбе...»; Э. Скобелев «Кто выйдет из это вечного круга...»; В. Блаженный «Этот медленный танец частиц мироздания...» и др.); *любовь и ненависть* (Л. Турбина «Люблю», О. Переверзева «Ты узлом мне вены вяжешь...»; В. Поликанина «Накажи меня встречей с тобой...», «Под чистым небом мы с тобой одни...», «Две звезды»; В. Гришковец «После разлуки с любимой»; М. Малиновская «Учиню небывалый разбой...», «С ума к тебе схожу! Сума...» и др.).

Необходимо отметить, что обозначенные проблемы, входящие в ранг вечных, в лирических произведениях современных авторов Беларуси звучат несколько иначе, отражая мироощущение рубежа веков, несут печать современности и индивидуально-авторского взгляда на реальную действительность.

Сочетание различных интертекстуальных компонентов, несущих определенную смы-

словую нагрузку и имеющих функциональное развитие в поэтических текстах, позволяет устанавливать факты «эволюции жанрового сознания» (О. Зырянов).

Стихотворение А. Скоринкина «Голубая свадьба», содержащее эпиграф «Печально я гляжу на наше поколение...» [3, с. 142] отсылает читателя к наиболее значительному произведению русского классика, размышлявшего в «Думе» о судьбе отдельного человека и всего народа в целом. Лирический герой предстает человеком интеллектуальным, думающим, способным не только оценивать исторические события, но и давать характеристику всему тому, что происходит в его реальности.

Функционально строки М. Лермонтова в лирическом произведении современного поэта выступают интертекстуальным маркером принадлежности к философской лирике и, синтезируясь с современным контекстом, который воссоздан у А. Скоринкина, оказываются связанными с проблемой однополых браков:

Гости женихам кричали: «Горько!»

Страстно целовались женихи;

Молодые радовались, только

В стороне плевались старики [3, с. 142].

В данном примере наглядным образом продемонстрирован архитектуральный диалог в виде модификации тематической составляющей философской лирики.

Реализация одного из ведущих компонентов архитектурального диалога – жанровой трансформации – осуществляется в русскоязычной философской лирике Беларуси посредством тематической модификации лирических произведений. Предмет художественного изображения характеризуется современной проблематикой, обращением к вопросам исторической, нравственно-эстетической направленности с неременной установкой на современность.

2. Модель «Заглавие – Текст» включает в себя паратекстуальный компонент (заглавие) как маркер жанровой идентификации непосредственно самого стихотворения. При проведении интертекстуального анализа поэтических текстов с указанными особенностями устанавливаются факты модификаций жанра и типологические черты канонического жанра, указанного в заглавии, как правило, трансформируются.

Обратимся к творчеству А. Скоринкина: «Элегия», «Романс», «Философский романс»,

«Космический романс», «Жестокий романс», «Триолет», «Нагорный сонет», «Осенний сонет», «Звездный сонет», «Эпиграмма», «Эпиграмма на критика», «Эпитафия», «Молитва», «Молитва женщины», «Молитва Эсмеральды», «Молитва солдата», «Молитва над пустой чернильницей», «Ода к Эрате», «Ода к попечителю», «Баллада о мышонке» и др. Как следует из приведенных заголовочных форм, стихотворения утрачивают жанровую отчетливость и жанр становится категорией литературной памяти.

«Ода Кольцу» М. Малиновской не содержит традиционной для этого жанра торжественности и высокопарности. Внимание читателя акцентируется на аллитерации, придающей особую звуковую выразительность стихотворению:

Вращение – ось возвращения –

Кольцо не разжать, как объятья.

В нем ключ, за ключом – за-ключение... [4, с. 23].

Подобная конструкция наглядно демонстрирует цикличность истории, ее повторяемость, движение жизни по кругу подобно кольцу. Отсутствие возвышенности, патетики, обращения к античным образам позволяет заключить, что стихотворение М. Малиновской лишь номинально обозначено жанром оды.

Близким по форме к древнейшему жанру «послания» является стихотворное письмо. У Д. Летуновского есть цикл «Письма Кракова», заключающий своеобразную вступительную часть и основную – два письма. Традиционно письмо представляло собой обращение к определенному лицу с важным, существенным вопросом. В первом письме поэта не указан адресат, а во вступительной части автор выражает надежду на то, что письмо не получит тот, кому оно адресовано: «Пишу вам стансы из столицы / Надеюсь, не дойдут до адресата» [5, с. 19]. Подобное нарушение функционального предназначения письма указывает на наличие и доминирование культурного кода современности в русскоязычной лирике Беларуси, что подчеркивается автором и характером употребляемой им лексики «Я помню этот *сити*...» [5, с. 22], *Встречал аптекаря с Иоганнес-плаца!*» [5, с. 22].

Исследование жанровых моделей в современной русскоязычной лирике Беларуси позволило выделить динамичные, способные к внутренней модификации жанры: послание, оду, сонет, элегию, романс, молитву и др.

3. Модель «Жанры двойной кодировки» соотносится с архитектсуальностью и интермедиаальностью (связь разных видов искусства, например, литературы и музыки).

«Романс для гитары» Т. Красновой-Гусаченко, несмотря на жанровую идентификацию, вынесенную в заглавие самой поэтессой, нельзя отнести к романсу в классическом понимании этого термина. Отсутствие установок на чувственный характер передачи мыслей, возможности музыкального исполнения текста указывает на трансформацию канонической жанровой модели романса. Схожие моменты изменения жанрового кода наблюдаются у А. Скоринкина в его «Философском романсе», «Космическом романсе», «Городском романсе».

Архитекстуальный диалог обозначен и в стилизации элегии и зафиксирован в виде жанрового новообразования мистерии. Целесообразно обратиться к поэтическим произведениям Г. Артханова, жанровая идентификация которых обозначена самим автором и отражается в подзаголовках его стихотворений («Воды. Мистерия», «Лекарня. Мистерия», «Двойники. Мистерия», «Цепи. Мистерия»). В них поэт выстраивает событийно-организованную модель лирического сюжета, указывая читателю на «генетический код» мистерии, восходящий к жанру европейского средневекового театра с доминирующим библейским сюжетом. Органический синтез элегической модальности и театральности позволяет поэту расширять смысловое пространство своих произведений.

Таким образом, мистерия как жанр выступает маркером архитектсуального диалога, выходящего за рамки одного вида искусства. Лирические произведения, созданные в жанре мистерии, призваны обогатить элегический модус художественности.

Заключение. В результате интертекстуального анализа современной русскоязычной лирики Беларуси нами было выделено три типа межтекстовых моделей архитектсуального характера: («Тема – Текст» – Л. Турбина «Жизнь – упущенное чудо»;

И. Котляров «Никакого я не знаю века...»; В. Блаженный «В преддверье смерти мир – игрушка хрупкая...»; Э. Скобелев «Душистое утро средь сосен и вод...»; М. Малиновская «Учиню небывалый разбой...», А. Скоринкин «Голубая свадьба»; «Заглавие – Текст» – А. Скоринкин «Элегия», «Триолет», «Звездный сонет», «Эпиграмма», «Эпитафия», «Молитва солдата»; «Жанры двойной кодировки» – Г. Артханов «Воды. Мистерия», «Лекарня. Мистерия»; А. Скоринкин «Философский романс», «Космический романс»).

В современной русскоязычной литературе Беларуси исторически сложившиеся жанры вступают в диалогические отношения с новообразованиями в названной области. Именно в процессе этих взаимодействий происходят модификация и трансформация классических жанровых форм и возникновение жанрообразований на стыке разных видов искусств. Модернизация жанрового кода лирических произведений в поэзии рубежа веков затрагивает тематический, структурно-композиционный, семантический уровни. Тогда как «память жанра» позволяет выявить отношение автора к традиции, соотнести прошлый опыт человечества с современностью, рассмотреть процесс кросс-жанрового диалога не только внутри художественной литературы, но и между разными видами искусства.

Литература

1. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 576 с.
2. Спивак, Р. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров / Р. Спивак. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 140 с.
3. Скоринкин, А. Черный аист: сб. поэзии / А. Скоринкин. – Минск: Изд-во «Белорусский Дом печати», 2009. – 448 с.
4. Малиновская, М. Луны печали: сб. поэзии / М. Малиновская. – Гомель: Барк, 2009. – 54 с.
5. Летуновский, Д. Строфы: стихи, проза, театр / Д. Летуновский. – Минск: Технопринт, 2005. – 272 с.

Поступила в редакцию 26.10.2015 г.

УДК 811.134.2'373

Семантические особенности фразеологических единиц в лексике азартных игр в испанском языке

Бобчинец Л.И.

Киевский национальный лингвистический университет, Киев (Украина)

Фразеологические единицы (ФЕ) сферы азартных игр в испанском языке проникают в общеупотребительную лексику в качестве экспрессивных средств. Статья посвящена семантическим и структурным особенностям данных ФЕ.

Цель работы – анализ лексико-семантических и экспрессивных характеристик фразеологизмов в составе лексики азартных игр.

Материал и методы. Возрастающая популярность ФЕ лексики азартных игр в СМИ, песнях и поэзии требует специального изучения их семантических, экспрессивных и оценочных характеристик. Исследования лексики картежников в испанском языке XVI–XVII веков в синхроническом аспекте, проведенные М.И. Чаморро, а также работы Н.Г. Мецаниной и В.С. Петровой в русском и французском языках в диахроническом аспекте не дают исчерпывающего отражения экспрессивных свойств изучаемой лексики. Для описания семантических и структурных особенностей данных ФЕ используются методы семантического, контекстуального и дистрибутивного анализа.

Результаты и их обсуждение. Согласно семантическому критерию, терминологическим и экспрессивным характеристикам анализируемых ФЕ, классифицируем их на три группы: 1) фразеологизмы-термины, используемые в прямом терминологическом значении; 2) ФЕ, употребляемые в специальном контексте как термины, а в общеупотребительной лексике – как экспрессивные средства; 3) ФЕ, используемые исключительно в метафорическом, коннотативном значении. Структурно ФЕ сферы азартных игр преимущественно являются именными или глагольными двухкомпонентными словосочетаниями.

Заключение. В публицистическом стиле ФЕ лексики азартных игр в испанском языке применяются как экспрессивные средства для привлечения внимания читателя, выражения негативной или позитивной оценки автора. Перспективным видится изучение экспрессивных свойств данных ФЕ в художественной литературе.

Ключевые слова: фразеологическая единица, термин, денотативное значение, коннотативное значение, лексика азартных игр, экспрессивные средства.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 171–175)

Semantic Peculiarities of Idioms in the Lexicon of Gambling in the Spanish Language

Bobchynets L.I.

National Linguistic University, Kiev (Ukraine)

The idioms of the sphere of gambling in Spanish penetrate into general vocabulary as expressive means. The paper focuses on semantic and functional characteristics of idioms of gambling terminology in the Spanish language.

The aim of the article is the analysis of lexical, semantic and expressive characteristics of idioms of gambling lexicon.

Material and methods. Owing to the growing popularity of the idioms in mass media, songs and poems their expressive and evaluative features need special studies. The investigation of card players lexicon in the Spanish of the 16–17th centuries in synchronic aspect by M.I. Chamorro and those of N.G. Meschanina and V.S. Petrina in Russian and French in diachronic aspect, do not fully reflect the expressive features of the studied vocabulary. Methods of semantic, contextual and distributional analysis are used to describe semantic and structural peculiarities of the idioms.

Findings and their discussion. According to semantic criteria, terminological and expressive characteristics of the given idioms, we classify them into three groups: 1) idioms-terms, used in their direct, terminological or denotative meaning; 2) idioms which can be used in their terminological meaning in special texts devoted to gambling and also in their metaphorical meaning in common language; 3) idioms which are used exclusively in their metaphorical, connotative meaning. Structurally the idioms of the sphere of gambling are mainly two-component nominal or verbal units.

Conclusion. In journalistic style the idioms of gambling in Spanish are used as expressive means to attract the reader's attention or to express negative or positive evaluation of the author. The investigation of expressive functions of the idioms in works of fiction may provide special interest.

Key words: idiom, term, denotative meaning, connotative meaning, gambling lexicon, expressive means.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 29. – P. 171–175)

Адрес для корреспонденции: e-mail: blinfo@ukr.net – Л.И. Бобчинец

Лексика азартных игр является одним из источников пополнения фразеологического фонда общеупотребительной лексики в испанском языке. Традиционно к азартным играм относятся казино, карточные игры, лотерея, букмекерство или спортивные ставки, а также тараканьи бега, скачки, собачьи бега, петушинные бои и другие соревнования с участием животных. Особой популярностью в Испании пользуются карточные игры, лотерея и казино. Соответственно наибольшим богатством фразеологии, образностью и экспрессивностью отличается именно терминология карточных игр. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что за последнее время в испаноязычных СМИ, в частности в текстах новостей, критических заметках, то есть источниках публицистического характера, наблюдается широкое применение фразеологических единиц (ФЕ) лексики азартных игр.

Цель работы – анализ лексико-семантических и экспрессивных характеристик фразеологизмов в составе лексики азартных игр. Для ее реализации поставлены следующие задачи: классифицировать ФЕ лексики азартных игр, принимая во внимание семантический критерий; проиллюстрировать контекстуальными примерами функциональные и экспрессивные характеристики данных ФЕ.

Материал и методы. Экспрессивные характеристики ФЕ сферы азартных игр в современном испанском языке еще мало исследованы. В основном, анализ изучаемой лексики проводился в синхроническом аспекте, например, М.И. Чаморро посвятила свои исследования лексике карточных игр XVI–XVII вв. В диахроническом аспекте в современных лингвистических работах встречаются исследования метафоричности лексики азартных игр (Н.Г. Мещанова – на материале русского языка, В.С. Петрина – на материалах русского и французского языков). Объектом нашего исследования являются ФЕ лексики азартных игр в современном испанском языке, а предметом – семантические и экспрессивные свойства данных ФЕ. Были использованы следующие лингвистические методы: контекстуальный анализ, элементы семантического и дистрибутивного анализа.

Результаты и их обсуждение. Следует отметить, что между терминологией азартных игр и общей лексикой происходит тесное взаимодействие, которое находит проявление

в процессах терминологизации (перехода общеупотребительной лексики в специальную) и детерминологизации, согласно М.Т. Кабре, банализации (перехода специальной терминологии в общеупотребительную) [1, р. 128]. Данные переходы связаны с изменением значений слова, что проявляется в метафоризации и метонимизации, в основе которых лежит ассоциативность мышления. Согласно семантическому критерию прямого и непрямого значения, или, иными словами, терминологичности и нетерминологичности ФЕ сферы азартных игр, мы предлагаем классифицировать их на три группы. Анализ иллюстративного материала, который включал как источники специализированного, терминологического характера, так и публицистические и художественные тексты, позволил выделить следующие группы ФЕ в лексике азартных игр в современном испанском языке:

1) ФЕ-термины (фразеологизмы-термины), например: *peinar la baraja* ‘тасовать колоду’, *cortar la baraja* ‘срезать колоду’, *marcar / florear las cartas* ‘метить карты’, *robar las cartas* ‘брать карты с колоды’, *marcar el triunfo* ‘определить козырь’, *distribuir las cartas* ‘раздавать карты’;

2) ФЕ, которые в специальном контексте употребляются в прямом, терминологическом значении, а в художественных и публицистических источниках – в качестве образных средств, например: *abrir / enseñar / mostrar las cartas* ‘открыть карты, намерения’, *la última carta* ‘последняя карта’, *castillo de naipes / cartas* ‘карточный домик’, *no enseñar las cartas* ‘не показывать карты, держать язык за зубами’, *jugar limpio / sucio* ‘играть честно / нечестно’;

3) ФЕ общеупотребительной лексики, то есть детерминологизированные ФЕ, вышедшие из терминологии азартных игр и употребляющиеся исключительно как экспрессивные средства, например: *paciencia y barajar* ‘терпение и еще раз терпение, остается только ждать’, *estar como el naipe* ‘быть худым, помятым’, *no saber a que carta quedarse* ‘колебаться в принятии решения’.

ФЕ-термины, как правило, однозначны и употребляются в прямом, терминологическом значении в специальных текстах, например: *De acuerdo con esta regla, el jugador mira la carta que acaba de robar y, antes de incorporarla al resto de cartas que tiene entre las manos, echa una a su elección pero nunca la que acaba de coger* [2, р. 80]. ФЕ второй груп-

пы являются многозначными, так как могут использоваться в прямом и переносном значении. Например: *Cuando un jugador pierde, no enseña sus cartas, y cuando gana, sólo muestra la que hace baza* [2, p. 73]. В приведенном примере ФЕ *enseñar / abrir / mostrar las cartas* ‘открыть карты’ употреблено в прямом значении. В следующем примере *abrir las cartas* имеет переносное значение ‘раскрыть свои намерения, планы’: *El PRI abrió sus cartas finalmente en Aguascalientes* [3].

ФЕ второй и третьей групп характеризуются устойчивостью, то есть традиционностью употребления входящих в их состав элементов, например, *darle bien el naípe* (везти в картах; везти в жизни) употребляется именно со словом *naípe*, а не его абсолютным синонимом *carta*. То же характерно и для ФЕ *cambiar el naípe* (сменить тему разговора) и *estar como el naípe* (быть очень худым – о человеке; быть измятым – о вещи). Напротив, в ФЕ *no saber a que carta quedarse* (колебаться в принятии решения) используется *carta*. Следует отметить, что ФЕ первой и второй групп допускают вариации и синонимические замены (*castillo de naipes / cartas, abrir / destapar / enseñar / mostrar las cartas, marcar / florear naipes*), так как, с одной стороны, являются фразеологическими сочетаниями, а с другой стороны, уподобляются свободным словосочетаниям. В то время как ФЕ третьей группы не допускают подобной вариативности, что подтверждает их большую отдаленность от прямого значения и традиционное закрепление за ними переносного, метафорического значения.

Фразеологизмы-термины имеют тесную связь с денотатом, что является одним из главных требований, предъявляемым к терминам. Следовательно, для ФЕ-терминов характерно денотативное значение. Для ФЕ третьей группы основным является коннотативное значение. ФЕ второй группы могут употребляться как в денотативном значении в качестве терминов, так и в коннотативном, переносном, как экспрессивные средства. А.А. Гируцкий подчеркивает зависимость переносного значения от контекста: «Вне контекста на первом плане всегда стоит прямое значение» [4, с. 122].

Важен также критерий исконности-заимствованности ФЕ, то есть их классификация по источнику происхождения. Среди ФЕ лексики азартных игр выделяем фразеологизмы интернациональные, например, *castillo de*

naipes / cartas ‘карточный домик’, *abrir / enseñar las cartas* ‘раскрыть карты’, *jugarse (arriesgando) todo a una carta* ‘поставить на карту’, *tener / guardar el as en la manga* ‘иметь туза за пазухой, иметь скрытое преимущество’, *estorbar el juego* ‘испортить игру’, а также фразеологизмы исконно испанские, например, *estar como el naípe* (быть худым, пожеванным), *romper la baraja* (разорвать договор), *paciencia y barajar* (терпение и еще раз терпение), *cambiar el naípe* (сменить тему разговора), *sota, caballo y rey* (рутинные, банальные вещи), *jugar alguien con dos barajas / a dos cartas* (быть двуличным), *cantar las cuarenta a alguien* (высказать все кому-либо, сказать пару «ласковых»). Именно испанские ФЕ представляют для нас особый интерес, так как являются доказательством значимости карточных игр в испанском обществе, что проявляется в эмоционально-экспрессивном потенциале данных лексических единиц. Культурологический фактор играет важную роль в лингвистическом анализе. Заметим, что большинство ФЕ третьей группы происходят из сферы карточных терминов, но отмечаем незначительное количество ФЕ из сферы казино: *ruleta de vida, ruleta de suerte, ruleta de fortuna, ruleta de besos, ruleta de amor*. Всемирная популярность игры в покер нашла проявление не только в многочисленных заимствованиях терминов с английского языка, но и во фразеологизме-кальке *cara de póquer* (от англ. ‘poker face’), что означает ‘непрониновенное лицо’. Согласно нашей классификации эта ФЕ относится ко второй группе, так как может употребляться как в контексте игры в покер, так и в переносном значении, например: *Este jugador gana 15 millones de dolares y no pierde su cara de poker* [5]. В этом примере наблюдаем употребление *cara de póquer* в терминологическом значении. Следует отметить, что мы также зафиксировали употребление фразеологизма *cara de póquer* во внеигровом контексте, например: *Bueno, y que podemos hacer con los cara-de-poker? Lo primero es pensar que un cara-de-poker no es necesariamente una persona hostil hacia nosotros* [6, p. 85]. «*Algunos caras-de-poker en todas las ocasiones son personas poco expresivas*» [6, p. 83]. Два последних примера, где автор употребляет устойчивое словосочетание *cara de poker* с дефисами (*cara-de-poker*), с артиклем *un cara-de-poker*, а также с неопределенным местоимением во множественном числе (*algunos caras-de-poker*), свидетельствуют о лексикализации и

метафорическом употреблении этого популярного фразеологизма. Именно терминология и профессиональная лексика имеют большой потенциал для расширения интернационального фразеологического фонда.

Структурно большинство ФЕ сферы азартных игр в испанском языке являются бинарными глагольными словосочетаниями (*enseñar las cartas, descubrir el juego, jugar limpio, romper la baraja, jugar fuerte, cantar las cuarenta, cambiar el naípe*), имеются трехкомпонентные глагольные ФЕ (*jugar a dos cartas, jugar una carta decisiva, ser del mismo palo, jugar a las cartas vistas, jugarse todo a una carta*). ФЕ *no saber a que carta quedarse* имеет структуру сложноподчиненного предложения. Кроме того, в меньшем количестве представлены именные ФЕ, ядром которых выступает имя существительное: *apuesta ciega, la última carta, castillo de naipes, sota, caballo y rey*. Продуктивными моделями являются атрибутивные именные ФЕ. Глагольные ФЕ характеризуются целостностью и самостоятельностью употребления в качестве предложения. Центральными элементами ФЕ являются слова *jugar(se), juego, carta / naípe, baraja*, реже *apuesta, ruleta*. Продуктивные модели глагольных ФЕ состоят из глагола с прямым дополнением (*romper la baraja, abrir / enseñar las cartas, jugar una carta decisiva*, etc.). Например: «*Esa misma regla sirve para el resto de jugadores, de manera que sólo aquel que tenga una mano mejor que la presentada debe enseñar sus cartas*» [2, p. 222]. «*De acuerdo con esta particular normativa, el jugador que reciba dos primeros Ases en las dos primeras cartas puede, si lo desea, descubrirlas y hacer una nueva apuesta (una por cada As) teniendo derecho a pedir las cartas complementarias sin destapar*» [2, p. 237].

Примером ФЕ второй группы является лексическая единица *apuesta ciega* ‘слепая ставка’. В профессиональном языке азартных игр *apuesta ciega* или синонимические словосочетания *apostar a ciegas* ‘делать ставку вслепую’ и *jugarse a ciegas / a la ciega* ‘играть вслепую’ употребляются в терминологическом значении: «*Al igual que en el reparto tradicional, también en este caso los envites comenzarán por el jugador situado a la izquierda de quien reparte, a excepción de que se juegue a la ciega*» [2, p. 221]. Возможны также контексты с использованием этой ЛЕ в метафорическом значении, например: «*Es posible hacer conjeturas y preguntas. Cabe también apostar por la*

permanente recreación de la teología hecha en América Latina y en el Caribe. No es una apuesta ciega. Contamos con fuentes fecundas y concorrentes de agua fresca» [7, p. 98]. Применение одних и тех же ЛЕ в прямом и переносном значении возможно благодаря внутренней форме слова. Как отмечает Р. Дудок, внутренней форме слова как семантическому элементу значения свойственны гибкость, историческая изменчивость, способность обновляться и актуализировать различные логико-семантические отношения [8, с. 41]. Контекстуальный анализ позволил выделить основные функции ФЕ лексики азартных игр в СМИ – эмоционально-экспрессивную и оценочно-экспрессивную. Например:

«*En la ruleta del amor
Apostaré lo que pidas
Al cinco pongo mi amor
Al negro pongo el dolor
Y al trece pongo mi vida*» [9].

В своей песне «La Ruleta» ‘Рулетка’ Висенте Фернандес сравнивает любовь с рулеткой, казино, подчеркивая ее случайность и неопределенность. Слова *ruleta* и *apostar* ‘сделать ставку’ употреблены символически как эмоционально-экспрессивные средства.

«*El euro es como un castillo de naipes afirma el ministro griego de finanzas*» ‘Евро как карточный домик, – утверждает министр финансов Греции’ [10]. «*Todos los días de mi vida – sota, caballo y rey*» ‘Каждый день моей жизни – банальный фильм’ [11]. В этом заглавии одновременно содержится негативная оценка фильма, выраженная в испанском языке с помощью ФЕ азартных игр.

Заключение. Таким образом, термины азартных игр, в частности ФЕ, являются источником пополнения общеупотребительной лексики испанского языка. Фразеологизмы-термины употребляются в прямом значении и имеют тесную связь с денотатом. ФЕ, используемые в прямом значении, имеют терминологический характер, а в качестве образных средств употребляются в метафорическом значении. ФЕ, вышедшие из терминологии азартных игр и употребляющиеся в современном испанском языке исключительно в качестве образных средств, свидетельствуют о важной роли профессиональной терминологии в пополнении языка экспрессивными лексическими единицами. Следует отметить, что ФЕ как интернационального характера, так и исконно испанские широко употребляются в публицистических текстах. Перспективным

считаем исследование экспрессивных характеристик ФЕ сферы азартных игр в художественной литературе. Практическое применение результатов исследования возможно в преподавании курсов лексикологии, фразеологии испанского языка, а также в курсе практического перевода, поскольку не все ФЕ данного типа имеют эквиваленты в русском языке, что часто требует при переводе дополнительного описания и объяснения.

Литература

1. Cabré, M.T. La terminología. Representación y comunicación. Una teoría de base comunicativa y otros artículos / M.T. Cabré. – Barcelona: Institut Universitari de Lingüística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra // Serie Monografies 3, 1999. – 369 p.
2. Botín, A. Todos los juegos de cartas / A. Botín. – Barcelona: Robinbook, 2011. – 299 p.
3. El PRI abrió sus cartas finalmente en Aguascalientes / El Sol del Centro de 24 de febrero de 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oem.com.mx/elsoldelcentro/notas/n2891050.htm>.
4. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание: учеб. пособие / А.А. Гируцкий. – Минск: «ТетраСистемс», 2003. – 288 с.
5. Jugador gana 15 millones dolares y no pierde su cara de poker / Europapress 18.08.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europapress.es/desconecta/curiosity/noticia-jugador-gana-15-millones-dolares-no-pierde-cara-poker-20140818114224.html>.
6. Puchol, L. El libro de la negociación / L. Puchol, I. Puchol. – Madrid: Ediciones Díaz de Santos, 2013. – 237 p.
7. Irarrazábal, D. Vertiente teológicas actuales / D. Irarrazábal // El mar se abrió. Treinta años de teología en América Latina. – Maliaño (Cantabria): Editorial San Terrae, 2001. – PP. 91–102.
8. Дудок, Р. Проблема значения та смислу терміна в гуманітарних науках: монографія / Р. Дудок. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені І. Франка, 2009. – 358 с.
9. Fernández, V. La ruleta (canción) / V. Fernández. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lyricsmode.com/lyrics/v/vicente_fernandez/la_ruleta.html8.
10. El euro es como un castillo de naipes / El universal 15.02.2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eluniversal.com/internacional/150209/el-euro-es-como-un-castillo-de-naipes-afirma-el-ministro-griego-de-fin>.
11. Todos los días de mi vida – sota, caballo y rey / La industria del cine blogpost 04.2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laindustriadelcine.blogspot.com/2012/04/todos-los-dias-de-mi-vida-sotacaballo-y.html>.

Поступила в редакцию 18.06.2015 г.

Специфика языковой игры в сфере художественной литературы

Храбан Т.Е.

Киевский военный лицей имени Ивана Богуна, Киев (Украина)

В современной лингвистике заметно усилился интерес к проявлениям творческой функции языка, одним из которых является языковая игра. В этой связи особенно актуальным представляется исследование художественного текста, отличительная черта которого – реализация творческих возможностей индивида в использовании языковых средств. Общими чертами этих возможностей являются письменная форма, предварительная обработка, наличие однотипных приемов, а специфическими, зависящими от индивидуальности автора, – особенности реализации приемов языковой игры в зависимости от определенного художественно-эстетического задания.

Цель статьи – исследование употребления различных приемов языковой игры в английском языке на примере произведений Бена Элтона.

Материал и методы. Методологию исследования составляют теоретические работы ученых-лингвистов Т.А. Гридиной, Н. Гребена, Н. Зауер, С.А. Колесниченко, В.З. Санникова, посвященные средствам и способам создания языковой игры. Как основной метод был использован описательный, включающий приемы наблюдения, систематизации и обобщения исследуемого языкового материала, а также метод контекстуально-интерпретационного анализа, направленный на изучение явления с учетом его употребления в определенном контексте.

Результаты и их обсуждение. Языковая игра – это когнитивный, психологический, лингвокультурный, эстетический феномен, ее функциональная сущность состоит в создании комизма, т.е. юмора, иронии, сатиры и сарказма. Языковая игра в художественно-литературном тексте рассматривается как часть целого, которым является художественное произведение. Важнейшей специфической чертой языковой игры в художественной литературе является ее осознанный, преднамеренный характер, она выполняет определенные идейно-тематические и художественно-эстетические установки автора. В исследовании выделен спектр приемов языковой игры, реализующих художественно-эстетическое задание автора. Языковая игра подвергается комплексному анализу, включающему в себя не только установление типологии приемов языковой игры в художественно-литературном тексте, но и последующее выявление особенностей их реализации в индивидуальном стиле писателя.

Заключение. Подтверждается плодотворность изучения рассматриваемых в исследовании приемов языковой игры для дальнейшей реализации творческих возможностей индивида в использовании языковых средств.

Ключевые слова: языковая игра, контраст, парадокс, синтаксические фигуры, аллюзии, многозначность.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 176–183)

Specificity of the Language Game in Fiction

Khraban T.E.

The military lyceum named after Ivan Bohun in Kiev (Ukraine)

Interest in manifestations of the creative function of language has increased considerably in modern linguistics. Such sphere of interest of linguists is a language game (LG). In this context, the investigation of a literary text is gaining particular relevance. Its feature is the realization of individual creative abilities for using the language possibilities. Common traits of these possibilities are the written form, pre-treatment, presence of similar techniques. The peculiarities in the implementation of techniques for the language game according to the special artistic and aesthetic tasks are specific features which depend on the individual author's style.

The purpose of this article is to study of use the various methods of language game in English using novels of Ben Elton.

Material and methods. The methodology of the study is the theoretical linguistic work of T. Gridina, N. Greben, N. Sauer, S. Kolesnichenko, V. Sannikova. These works deal with ways and methods of creating a language game. The descriptive method was used in the capacity of the main method of research. It comprises techniques of observation, systematization and generalization of the test linguistic material. It also comprises the method of contextual and interpretive analysis in order to study the phenomenon, taking into consideration its use in a particular context.

Findings and their discussion. Language game is a cognitive, psychological, linguistic and cultural, aesthetic phenomenon. Its functional essence is to create a comicalness, i.e. humor, irony, satire and sarcasm. Language game in the artistic literary text is considered as a part of a unit. The most important specific feature of the language game in fiction is its deliberate, intentional character, it performs certain ideological and thematic, artistic and aesthetic objective of the author. The study highlights the spectrum of methods of language game which implement the artistic and aesthetic purpose of the author. The language game is subjected to complex analysis which includes not only the establishment of a typology of methods of

language games in artistic and literary text but also the subsequent identification of the characteristics of their implementation in individual author's style.

Conclusion. *This research of techniques of language game confirms its fruitfulness for the further development of the individual's creative possibilities to use the language means.*

Key words: *language game, contrast, paradox, syntactic figures, allusions, polysemanticism.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 176–183)

Характерной чертой нашего времени является усиление личностного начала во всех сферах жизни общества, в том числе и сфере коммуникации. Хотя свобода творчества, в том числе и речевого, состоит в умении предоставить своим мыслям простор, проявление творчества языковой личности оказывается возможным в рамках, установленных самой языковой системой. В современной лингвистике заметно усилился интерес к проявлениям творческой функции языка, одно из которых – языковая игра (ЯИ). Существование языковой игры обусловлено одним из фундаментальных свойств языка – его вариативностью, которая позволяет бесконечно разнообразить средства языка для выражения тончайших оттенков мыслей, эмоций, состояний, переживаний, оценок.

В этой связи особенно актуальным становится исследование художественного текста с высокой степенью языковой обусловленности, отличительная черта которого – реализация творческих возможностей индивида в использовании языковых средств.

Языковая игра получила наиболее широкое распространение в различных лингвокультурах в последние годы XX столетия. Об этом свидетельствуют как очевидные языковые факты, так и растущее внимание к ним лингвистов, изучающих в основном средства и способы создания языковой игры, в частности, такие ее виды, как игра слов и каламбур. Подтверждением этому служат работы О. Конваловой, Д. Кристела, Т. Гридиной, Н. Гребена, Н. Зауер, С. Колесниченко, В. Санникова, А. Щербины и др. Дальнейшее изучение эта проблема получила в работах Н. Лазовской (выявлены закономерности проявления ЯИ в рекламном дискурсе); Т. Курановой (проанализированы место и роль языковой игры в современном медиатексте и выделены средства и приемы создания языковой игры); С. Фашановой (рассмотрено функционирование языковой игры в радиодискурсе); Л. Кияшко (исследован феномен языковой игры как средства развития языковой компетенции личности); Л. Амири (рассмотрены приемы и реализация ЯИ в рекламном тексте).

Цель статьи – исследование употребления различных приемов ЯИ в английском языке на примере произведений Бена Элтона.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты произведений Б. Элтона. Общий объем рассмотренного материала составляет более 2000 страниц.

Основные методы исследования: описательный, включающий приемы наблюдения, систематизации и обобщения исследуемого языкового материала; системного анализа, направленного на выявление системности изучаемого объекта; контекстуально-интерпретационного анализа, направленного на исследование явления с учетом его употребления в определенном контексте.

Несмотря на то, что определение «языковая игра» (ЯИ) многоплановое, многоуровневое, активно развивающееся на стыке многих наук, таких, как логика, философия, стилистика, лексикология, культурология, литературоведение и т.д., почти все ученые сходятся на том, что ЯИ является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта (эстетического, комического, стилистического и др.).

Результаты и их обсуждение. Языковая игра в художественной литературе является объектом внимания многих исследователей. Важнейшая специфическая черта ЯИ в художественной литературе – ее осознанный, преднамеренный характер, она выполняет определенные идейно-тематические и художественно-эстетические установки автора, представляет собой составную часть того целого, которым является данное произведение. Т. Игнатьева в своем диссертационном исследовании выявила, что у большинства проявлений языковой игры в художественно-литературном тексте наблюдаются следующие функции:

«1) функция создания стилистического эффекта, который обычно связан с возникновением комических смыслов;

2) характерологическая функция, которая соотносится с образами персонажей, рассказчика и автора-повествователя;

3) композиционная, определяющая место и значение языковой игры в структуре произведения».

Ученый отмечает, что функция создания стилистического эффекта присуща проявлениям языковой игры во всех коммуникативных сферах языка, а характерологическая и композиционная функции присущи преимущественно проявлениям языковой игры именно в области художественной литературы. Именно эти функции делают языковую игру компонентом художественного произведения [1, с. 17–18].

Для выявления особенностей идиостиля автора, который оказывает влияние на отбор приемов языковой игры и их функционирование в тексте литературно-художественного произведения, считаем необходимым обратиться к вопросу типологии ЯИ.

Современные лингвисты придерживаются мнения, что классификация, созданная немецким лингвистом Н. Зауэр, является наиболее досконально разработанной. Ученый разделяет ЯИ на текстуально имманентные игры и контекстуальные. Первый вид включает языковые средства, сфера действия которых лежит внутри конкретного текста. Это такие средства, которые касаются звуковой формы слова или фразы, например, аллитерация без ссылки на другой текст. Особенность данного вида лежит в области семантико-синтаксической организации отрывка без дальнейших интертекстуальных связей [2, S. 58–69].

Согласно данной классификации в творчестве английского писателя были выявлены следующие типы и приемы текстуально имманентных игр:

1. Языковое звучание, основанное на одинаковом звучании звуков в разных частях слов. Например: «Generation X? Generation Xtremely fucking stupid, “Bruce would say at parties”».

2. Синтаксические фигуры:

а) создание слов из известных аббревиатур. Примером может служить следующее предложение – «The British squaddies would pile back from the pub all pissed up and chanting, “Lesby, lesby, lesbiANS”». В образовании слова «lesbiANS» была использована трехбуквенная аббревиатура ANS (Aggressions Need Stop);

б) повтор. Это один из самых распространенных способов создания комического эффекта в языковой игре. Е. Покровская повтором называет прием, который «состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов

или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда».

При этом многоразовый повтор она рассматривает как некое целенаправленное отклонение от нейтральной нормы, для которой достаточно однократного употребления слова [3, с. 189].

Приведенные нами примеры содержат синтаксические и лексические повторы. Именно они являются способом выражения дополнительных смысловых оттенков, которые реализуют категорию интенсивности в результате приращения смысла. Исследование показало, что повтор как вид языковой игры выполняет в произведениях Б. Элтона следующие функции:

1) комическую (создание шутливого настроя): «I really am a lucky man. A lucky, lucky man... I hope I didn't sound like I'd had a drink»;

2) смягчающую (устраняет серьезность тона и тем самым располагает к себе слушателя): «He and his partners have had a quite extraordinary run of success, producing quiz shows (fronted by posh smart Alecs), chat shows (fronted by posh smart Alecs) and endless travelogues (fronted by posh smart Alecs)»;

3) характерологическую (языковая игра служит средством самовыражения личности): «I just wanted to stand there and worship her. I did stand there and worship her»;

4) аттрактивную и фатическую (привлечение внимания читателя): «Think about the Earth, think about the apple, think about Eden, think about the future»; «The name was sold, the image was sold, the history was sold»; «Lucy and I are to be the replacement for a replacement for a replacement»;

5) выразительную (языковая игра служит для более тонкой и точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения): «I'm an alcoholic. I'll always be an alcoholic. I could have nothing to drink for fifty years and I'd still be an alcoholic»;

6) экспрессивную (воздействующую) функцию (оказать эмоциональное воздействие): «Despite her paranoia about other women's bosoms I absolutely love her, I just told her so and she said I was pissed, but I'm not. I just love her, I really love her, I really do, I love her, I love her, I love her and tomorrow, before I go to work, I am going to make love...».

3. Выбор слов и словосочетаний:

а) неологизмы / окказионализмы. Термином «окказионализм» в большинстве случаев

в лингвистике обозначается неузуальное, неканоническое слово, т.е., в конечном счете, аномальная единица лексического уровня языка. В связи с тем, что в данной работе исследуются литературные произведения, то считаем необходимым обратиться к работе Э. Ханпира «Окказиональные элементы в современной речи», в которой лингвист провел различия между художественными окказионализмами и окказионализмами обычной речи: «Следует различать обычные окказионализмы и художественные окказионализмы. Первые бытуют в основном в устной речи. Вторые всегда письменно закреплены. Художественные окказионализмы – компоненты художественной речи и в таком своем качестве – элементы образной ткани произведения. Художественные окказионализмы не создаются для вхождения в язык. Их задача – обслужить определенную художественную ситуацию» [4, с. 253]. Художественные окказионализмы в трактовке Ханпира также могут обозначаться терминами авторских неологизмов. Это слова, придуманные писателями для конкретного контекста по сравнительно продуктивным моделям. Большинство таких слов не обозначает какие-то новые вещи, а более точно или оригинально характеризует общеизвестные.

Из произведений Б. Элтона были выбраны такие предложения: «We call his type Uhoas which stands for “Up his own arse actor”», «I told him to think about Ms “look at my garguantantly fulsome funbags” from the previous night...», «The BBC being vaguely located on earth, and Above The Line Films being located somewhere far beyond the galaxy of Barkingtonto», «Lusy had her pingowhatsit today». Они содержат художественные окказионализмы «Uhoas», обозначающий тип социального поведения; «funbag», заменяющий слово «bosom»; «pingowhatsit», под которым автор подразумевает дежурство в больнице в качестве сиделки; собственное имя «galaxy of Barkingtonto». Слово «geer» придумано автором для названия нового искусственно выведенного вида животного;

б) особые сложные слова. Способность обозначать определенные понятия сложными словами относится к числу явлений, характеризующих национальное своеобразие языка в силу того, что данный тип слов характерен не для всех языков мира. В целом ряде языков предпочтение оказывается не сложному слову, а составной единице номинации – слово-

сочетанию или же сочетанию морфем. Произведения Б. Элтона характеризуются наличием большого количества авторских сложных слов, образованных путем чистого сложения: teen-anguished, rech-fucking-teur, piss-poor, honour-bound, mud-wrestler, wood-nymph, Pan-like, root-rat, wick-dipper, party-poooper, muff-tucker, top-snob, mod-revival, thrash-mental, up-its-own-arse, matey-matey, beating-about-the-bush, moth-eaten-looking, re-flip-ping-sult, bottle-upper, car-roof air-lock. Создание Б. Элтоном особых сложных слов, по нашему мнению, можно приравнять к созданию авторских окказионализмов. Так, например, в предложении «!But Nathan had no intention of getting knocked back; he was going to be green-lighted» слово «green-lighted» можно перевести как «приветствуемый», «поощряемый», то есть новообразование приобретает совсем иное значение, чем отдельно взятые слова.

Использование данного приема является могучим средством пополнения словарного запаса языка для создания комического эффекта.

4. Контрасты и нарушения логики:

а) контрасты. Контраст – один из важнейших приемов языка художественной литературы и публицистики, позволяющий раскрыть сложное диалектическое противоречие. Контраст возникает в результате появления неожиданного элемента (стилистической фигуры, отличной грамматической формы) в нейтральном контексте, находя свое выражение в системе разноуровневых оппозиций (лексических, стилистических, синтаксических), и функционирует как один из видов семантикостилистической организации текста.

Следует отметить, что контраст выдвигает на первый план черты несходства, противоположности, обеспечивая тем самым связность и целостность всего текста и отдельных его сегментов. Средства, участвующие в создании стилистического контекста контраста, могут быть условно поделены на две группы: 1) основную и 2) сопутствующую. В основную группу входят фигуры противоположности – антитеза и оксюморон.

В. Москвин в своей работе «Антитеза или оксюморон?» отмечает, что оксюморон предполагает наличие двух членов и, таким образом, является парной фигурой. Но если в антитезе противопоставление понятий, образов доведено до максимума, то в оксюморе оно сливается в одно целое, общее для обоих составляющих его элементов. Таким образом,

оксюмороном называется соединение слов, выражающих несовместимые с точки зрения логики понятия. Такие противоположные понятия соотносятся с одним предметом или явлением, т.е. с одним и тем же денотатом. Антитеза – это фигура речи, которая основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам, разным денотатам.

Приведем пример использования Б. Элтоном оксюморона в следующем предложении: «Where's my conflict? Where's my pain? I'm a boring bloke in boringly happy marriage. Apart from my own monumental lack of talent and an impending sperm result there isn't a cloud on my horizon». Здесь оксюмороном является «boringly happy marriage». Следует отметить, что данный прием ЯИ не является частотным в творчестве Б. Элтона, и, наоборот, антитеза является одним из самых распространенных средств образности: «Being right is not as good as being alive»; «If that is to be the price of saving the world then I fear that the world must die»; «Everybody was talking about the end of the world these days. It was a very big subject, not perhaps quite as big as sport, or the love-lives of the British royal family, but none the less very big».

В сопутствующую группу средств, участвующих в создании стилистического контекста контраста, входят фигуры тождества: образное сравнение (открытое), механизм которого лежит на поверхности, с элементами: like, as...as; сюда же относится имплицитное, скрытое сравнение: метафора, метонимия, эпитет и другие.

Яркой чертой творческой манеры Б. Элтона является использование образных сравнений и метафор. Метафора реализуется в условиях необычных для основной семантики слова лексических связей, отражающих субъективный аспект действительности; в этом случае выражаются признаки, свойства и т.д., приписываемые субъектом речи предметам и явлениям действительности на основе объективно присущего им сходства. Однако сама по себе метафора не комична, комический эффект достигается лишь в том случае, когда в основу метафорического переосмысления положены несущественные, случайные признаки сопоставляемых разнородных понятий. То есть в целях создания комического эффекта могут быть использованы лишь метафоры индивидуальные, авторские: «The meat pie plays a significant part in Australian culture. It is

often referred to as a "rat coffin" and the recipe has not change since it was first discovered being used as part of the lining for Pandora's box. Consisting of pastry so greasy if you drop one on the floor it will stop the boards creaking, and a substance called "meat" which is made of minced string in gravy. The horrendous creation, taken almost obligatorily with a squirt of tomato sauce, is delicious... That they are not yummy despite being so awful, they are yummy because they are so awful».

Образные сравнения, наряду с метафорами, являются наиболее продуктивными фигурами контраста, реализующими комическую установку автора. В этом процессе участвуют различные семантические типы образных сравнений. Их юмористический и иронический потенциал напрямую связан с семантикой лексических единиц, участвующих в сравнении. Чем сильнее противоречие двух смысловых планов, относящихся к разнородным понятиям, тем ярче производимый комический эффект: «The man was a complete bore. Greener than green, whiter than white and holier than thou. It was like he'd found God, started therapy and given up smoking all on the same day; he just wouldn't shut up».

Как средство, участвующее в создании стилистического контекста контраста, Б. Элтон также использует гиперболу: «So heavily armed was he that it would not surprised a casual observer to be told that he had a hand grenade clamed between his buttocks, a bazooka lodged behind his ear and the nuclear button hidden in the holdall he carried in his nongun hand».

Гипербола чрезвычайно экспрессивна. В создании комического эффекта принимает участие как количественная, так и качественная (образная) гипербола. Во многих проанализированных контекстах гипербола сочетается с другими стилистическими приемами, образуя гиперболические метафоры, сравнения, олицетворения, эпитеты: «Through ruthless, attrition marketing, he had made hermetically sealed BioSphere environments the biggest consumer durable of all time. Bigger than cars, bigger than hamburgers, bigger even than wars... Plastic Tolstoy marketed the future, which, of course made him enemy of the present. He was PR man for history's most irresponsible idea. The idea that it was possible to survive the end of the world»;

б) парадокс. Важной особенностью ЯИ является ее способность не утаивать, маскировать, а наоборот, подмечать и выявлять суще-

ствующие парадоксы, что обусловлено парадоксальной сущностью ЯИ: она афористически заостряет реальные противоречия за счет сопоставления и сближения, на первый взгляд, несхожих явлений.

Парадокс является характерной чертой стиля Б. Элтона. Парадокс в художественной литературе преимущественно используется с целью создания комического эффекта, является острым оружием сатиры. Комическое призвано подчеркнуть зыбкость и преходящий характер человеческих ориентаций, поскольку индивид хорошо осознает условность тех цензоров и рамок, которые он сам себе и вырабатывает, а юмор и ирония позволяют ему познать относительность категоризации действительности. В этом случае мы имеем дело с «серьезным аспектом» парадокса, в соответствии с которым парадокс является актом самопознания, способом выразить свои взгляды, служит средством борьбы против ханжеской морали, глупости, невежества и лицемерия.

Воспринимая парадокс, адресат вводится в заблуждение. Его как бы приглашают к игре, несерьезному восприятию сказанного. Однако в основе парадокса лежит обращение к серьезным темам. Требуя от адресата игровой интерпретации сказанного, данный вид ЯИ, тем не менее, выражает важные мысли. Введение окказиональных глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет адресанту использовать иллюзию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, прикрываясь впечатлением игры, игрового поведения. Подтвердим вышеизложенное некоторыми примерами, которые на первый взгляд комичны, однако повествуют о серьезных вещах: «The

powers that he had recognized that planet death was a possibility and they had begun to sink bunkers from which they might administer the world's death-throes. The argument was the same as had been used during the Cold War. The responsibilities of the civil authorities remain unaffected by global catastrophe. Though the public might be dead, their interest would not go unrepresented».

Художественному парадоксу Б. Элтона свойственна неожиданность противопоставления, призванная заострить внимание читателя на выявленной оригинальным мышлением автора проблеме, заставить его размышлять над ней: «It's a comedy about a group of

nomal, ordinary kids,» said Ewan Proclaimer, «all heroin addicts, of course...The movie is a week in their ordinary mundane lives. They inject heroin into their eyeballs, they have babies in toilets, they get Aids, they try to raise veins of their private parts in order to inject more heroin, they kill a social worker, they have anal sex in exchange for heroin which turns out to be cut with bleach and kills them, they have abortions, they're raped by gangs of English policemen...» «Exuse me,» I risked an interjection. «I hope I'm following. This is a comedy we're discussing here?» «Total comedy,» Ewan assured me...».

Парадокс может использоваться с целью «развенчания и срывания масок», для выражения критического отношения к какому-то явлению объективной действительности. При этом степень критичности может быть различной: «Bishop must have been ninety-three if he was a day and he was telling me about his hobby, which was collecting eighteenth-century Japanese erotic arts! Extraordinary! Where does the church get them? What's more, whilst describing a porcelain figurine of a naked ninja (in rather too much detail), he squeezed my leg under the table! The randy old goat».

5. Языковое звучание, основанное на одинаковом звучании звуков в разных частях слов. Приведем следующий пример использования данного типа ЯИ Б. Элтоном: «Oh, come now, Mr. Thor! Enough of this pious bunkum,» Carper sneered. «Bunk up? What is this bunk up, please?» Jorgen replied.» Для создания комического эффекта автор использует схожесть звучания «bunkum» и «bunk up».

Таким образом, можно сделать вывод, что Б. Элтон в своих произведениях максимально широко применяет все виды текстуально-имманентных игр как разновидности ЯИ.

Согласно классификации, предложенной Н. Зауэр, вторым видом ИС являются контекстуальные игры. Они конструируются на основе отношений между конкретным текстом и другими текстами или на отношениях конкретного текста с возможностями языковой системы. В качестве контекста здесь служит не только непосредственное окружение ЯИ, но и общее языковое и ситуативное окружение. Это значит, что данный вид строится на основе интертекстуальных связей. В творчестве Б. Элтона были выявлены следующие типы и приемы контекстуальных игр:

1. Игра на уровне многозначности. Она возникает за счет использования столкновения прямого и переносного значений при по-

лисении. Например, в фрагменте текста «They said he had guts. They were right, certainly he had guts and normally they were full of drugs» слово «guts» используется в значении «мужество», «характер», «сила воли» и также как «кишки», «внутренности».

Столкновение прямого и переносного значений слова «plant» как «растение» и «травка» (разг.) встречается в таком фрагменте: «He loved animals and plants and everything. There was one plant that Walter particularly loved, although rolling it up and setting it on fire and sucking it to death was a funny way of showing it».

2. Аллюзии. Аллюзия является весьма распространенной чертой языка и речи. «Словарь литературоведческих терминов» дает такое определение: «Аллюзия (от фр. *allusion* – намек) – художественный прием: сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение. А. всегда шире конкретной фразы, цитаты, того узкого контекста, в который она заключена, и, как правило, заставляет соотносить цитирующее и цитируемое произведения в целом, обнаружить их общую направленность (или полемику)» [5].

При этом различают:

а) аллюзии на устойчивые выражения. Фрагмент «You didn't age a day. Is it some face cream made out of dead whales, or do you have a portrait in your attic of some terrible dissipated old hag?» соотносится с произведением О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Фрагмент «One does not cry wolf with panic buttons. When you push them you need to be believed» является примером аллюзии с отсылкой на притчу о мальчике, который всегда кричал: «Волк! Волк!», а когда и в самом деле на него напал волк, никто ему не поверил;

б) аллюзии на пословицы. Например, пословица «there are more ways than one to kill a cat» является прототипной для фрагмента «There's more than one way to bite the tail off a kangaroo».

Фрагмент «...a search had been conducted, unsuccessfully, prompting Errol to draw the ageold comparison with the needle in the haystack...

The needle which is referred to in the expression "a needle in a haystack" does not mean no drug paraphernalia... How about if you was to say it's like trying to find a line of coke in a snowdrift? Now there's an image a person can

understand» является примером аллюзии на пословицу «To look for a needle in a haystack» – искать иголку в стоге сена;

в) аллюзии на названия книг, фильмов, исторические события, имена известных людей и т.д. Это самая большая группа примеров, поскольку Б. Элтон в своих произведениях широко использует аллюзии как прием ЯИ: «She spoke with the same tone of happy confidence that Einstein must have used the first time he said $E=MC^2$ »; «I knew even before I had registered her hushed and respectful tone that the sword of Damocles was suspended above me»; «Sam looked absolutely desperate, wild even, like Rasputin, although I think that was mainly the beard».

Механизм использования аллюзий в тексте за счет взаимодействия отдельных его составляющих приводит к повышению экспрессивности и усложнению смысла текста, обеспечивает диалог текста и автора с читателем и создает многоуровневость смыслов.

Заключение. Таким образом, в результате исследования приемов ЯИ, используемых в произведениях Б. Элтона, мы пришли к следующему:

– языковая игра является компонентом художественного произведения. Своеобразие языковой игры определяется идейно-тематическими и художественно-эстетическими установками конкретного произведения;

– чаще всего в художественных произведениях Э. Бена языковая игра выполняет художественно-эстетическое задание, состоящее в создании комизма, т.е. юмора, иронии, сатиры и сарказма;

– языковая игра определяет общую тональность произведения. В романах Б. Элтона ЯИ помогает выразить субъективное авторское видение своей эпохи и передает особое отношение автора к явлениям современной действительности;

– самой многочисленной по количеству юмористических образований является группа примеров, в основе которой использовались приемы текстуально имманентных игр. Внутри данной группы прием ЯИ на основе контрастов и нарушений логики выделяется как наиболее частотный.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что языковая игра в художественно-литературном тексте рассматривается как часть целого, которым является художественное произведение. В статье вы-

делен спектр приемов языковой игры, реализующих художественно-эстетическое задание автора. Языковая игра подвергается комплексному анализу, включающему в себя не только установление типологии приемов ЯИ в художественно-литературном тексте, но и последующее выявление особенностей их реализации в идиостиле писателя. Представленная в работе классификация видов языковой игры является результатом решения поставленных в исследовании задач и может явиться основой для дальнейшей разработки проблематики лингвистических исследований, посвященных проблемам образования, функционирования и интерпретации ЯИ в современном английском языке.

Литература

1. Игнатъева, Т.В. Языковая игра в художественной литературе (на материале русской прозы XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец.: 10.02.01 / Т.В. Игнатъева. – Вологда: Волог. гос. пед. ун-т, 2012. – 22 с.
2. Sauer, N. Übersetzungsprobleme der spielerischen Texte / N. Sauer. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – 248 S.
3. Покровская, Е.В. Понимание современного газетного текста (Прагматический аспект) / Е.В. Покровская. – М.: Флинта Наука, 2003. – 274 с.
4. Ханпира, Э.И. Окказиональные элементы в современной речи / Э.И. Ханпира // Стилистические исследования: на материале русского языка. – М.: Флинта, 1972. – С. 245–317.
5. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ...slovar.cc > Литература > Словарь литературоведческих терминов.

Поступила в редакцию 15.07.2015 г.

УДК 811.111'22

Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество»

Бобрикова Е.П.

Белорусский государственный университет, Минск

Особую группу лексики составляют существительные, обозначающие неопределенное количество чего-либо. В данной статье рассматриваются субстантивные лексемы со значением большого неопределенного количества в английском языке.

Цель – показать влияние внутренней формы слова на потенциал семантических деривационных моделей.

Материал и методы. Материалом послужили лексемы с интегральной семой 'множество', отобранные методом сплошной выборки из релевантных словарей. В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, статистический, диахронический, дефиниционный анализ.

Результаты и их обсуждение. В статье раскрывается возможность влияния внутренней формы слова на деривационные процессы слова и его языковое поведение в целом. В исследуемой лексико-семантической группе можно выделить две основные деривационные модели, по которым происходили семантические переходы в пределах семантических структур данных единиц: 'любое множество → скопление людей (собр.)' и 'любое множество → масса вещей'. Семантика большинства существительных совокупности действительно развивается по одной из двух названных моделей. Однако у лексем *scads, scores, shock*, значение которых также содержит интегральную схему 'множество', можно наблюдать некоторые особенности развития. К тому же при изучении группы слов со значением большого неопределенного количества было выявлено влияние семы, указывающей на форму предмета, даже если эта сема присутствует только в этимологии слова. Так, если в семантику слова входит сема 'столп', то, развивая значение 'множество', лексемы будут скорее сочетаться с неодушевленными существительными: придать форму можно совокупности вещей, но так нельзя сложить одушевленные объекты. Эта деталь и данные по частотности словоупотреблений позволяют спрогнозировать развитие лексем, частично отвечающих заданным моделям, например, лексемы *scads, scores, shock*.

Заключение. Таким образом, на поведение и активность лексем влияет внутренняя форма: наличие или отсутствие семы, указывающей на форму.

Ключевые слова: семантика, деривация, диахрония, лексема, сема, деривационная модель, этимология, синтагматика, субстантивы, количество, неопределенное количество, сочетаемость.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 184–188)

Prognostics of Analogies in the Derivational Processes of Lexemes Denoting Large Numbers

Bobrikova E.P.

Belarussian State University, Minsk

A special lexical group comprises nouns denoting a large indefinite number. This article considers English substantive lexemes denoting large indefinite quantities.

The purpose is to show the influence of the internal form of a word on the potential of its semantic derivational models.

Material and methods. Lexemes with the integral seme 'a number of' served as the material, selected with the help of the continuous access method from relevant dictionaries. In the course of the investigation, such methods were used as the continuous access method, statistical and diachronic methods and a definition analysis.

Findings and their discussion. The article provides the possibility of the internal word-form influence on its derivational processes. Two main derivational models can be distinguished by means of which various semantic transitions took place in the investigated lexico-semantic group: 'any quantity → a number of people (collec.)' and 'any quantity → a number of things'. Most such nouns evolve their semantics according to these models. Although the lexemes *scads, scores, shocks* with the integral seme 'a number of' have some developmental peculiarities. Moreover, investigation shows the influence of semes referring to some shape on the nouns denoting indefinite quantity even though such semes are found only in the etymology of a word. Thus, if a word has the seme 'column', then evolving the meaning 'large number', such lexemes would rather collocate with inanimate nouns: one can shape a number of things but not animated objects. This detail as well as the data of word frequency, allows the prediction of the development of lexemes, such as *scads, scores, shocks*, which partially comply with the given models.

Адрес для корреспонденции: e-mail: eugenia89bobr@gmail.com – Е.П. Бобрикова

Conclusion. So the behavior and activity of the lexemes depend on the internal form, whether there's a seme denoting any shape or not.

Key words: Semantics, derivation, diachrony, lexeme, seme, derivational model, etymology, syntagmatics, nouns, quantity, indefinite quantity, collocations.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 184–188)

Проблема всестороннего изучения категории количества лежит на стыке разных отраслей человеческого знания: философии, математики, логики, гносеологии, лингвистики, психологии и др. Большой вклад в изучение данной категории внесли Аристотель, Э. Сепир, Бодуэн де Куртене, Д.Н. Шмелев, Н.Д. Арутюнова, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, В.В. Акуленко, Л.Г. Акуленко, А.Е. Супрун, Дж. Лакофф, Дж. Тарныкова и др.

Цель – показать влияние внутренней формы слова на потенциал семантических деривационных моделей.

Актуальность обусловлена малоизученностью субстантивов со значением неопределенного количества и попыткой диахронического анализа данного материала.

Материал и методы. Материал был отобран методом сплошной выборки из релевантных словарей: Oxford English Dictionary, Webster's Unabridged Dictionary, Merriam-Webster's Dictionary, etc. В ходе исследования использовались метод сплошной выборки, статистический, диахронический, дефиниционный анализ.

Результаты и их обсуждение. Особую группу лексики составляют существительные, обозначающие неопределенное количество чего-либо, а увеличение данного подкласса свидетельствует о развитии категории количественности [1], которая активно пополняется за счет имен существительных [2]. В.В. Виноградов писал, что «к категории числительного притягиваются отвлеченные существительные, обозначающие неопределенное большое количество чего-нибудь». Он также подчеркивал, что «сама дифференциация значения в таких словах всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами» [3, с. 25]. Рассмотрим на материале английских лексем влияние внутренней формы и сочетаемости на деривационные процессы.

Группа лексем, таких, как *crowd*, *hoi polloi*, *mob*, *multitude*, *people*, *pile*, *populace*, *quantity*, *rabble*, *throng* etc., объединены интегральной семой 'множество'. В данной лексико-семантической группе можно выделить две основные деривационные модели, по которым

происходили семантические переходы в пределах семантических структур данных единиц: 'любое множество → скопление людей (собр.)' и 'любое множество → масса вещей'. К существительным, развивающим свою семантику по первой модели, относится, в частности, лексема *multitude*. Впервые она была отмечена в среднеанглийский период со значением 'качество или многочисленность' [4–5]. Параллельно с этим лексема *multitude* употреблялась в значении 'большое количество людей или вещей' [4–6]. В конце среднеанглийского периода в семантической структуре *multitude* фиксируется еще одна сема 'большое скопление людей, масса людей на одном участке; толпа' [5]. Кроме того, в среднеанглийский период на формирование семантики рассматриваемой лексемы, как представляется, влияет экстралингвистический фактор: развитие ремесла, торговли и товарно-денежных отношений приводит к росту численности городского населения [7, с. 111–112]. Возможно, под его влиянием лексема *multitude* к середине XVI в. приобретает значение 'простолюдины, простые люди' [6], каковое присутствует в ее семантике и в настоящее время.

Примером для второй модели ('любое множество → масса вещей') может послужить семантика лексемы *pile*, которая была заимствована из латинского языка при посредничестве французского со значением 'груда, пирамида'. В начале XV века в семантическую структуру лексемы *pile* входила сема 'столп; опора (у моста)' [5], а позднее, в середине XV в. – сема 'груда вещей значительной высоты, сложенных один на другой' [5]. В поздний среднеанглийский период появляется значение 'какой-либо собранный воедино или сложенный один на другой груз, образующий конус или какую-либо другую форму' [5], к концу XVI в. оформляется значение 'куча древесины, на которой совершают жертвоприношение, сжигают человека и т.п., погребальный костер' [4–5]. Во всех выше приведенных семах можно выделить образ формы: пирамида; столп, опора; куча вещей, сложенных один на другой и др., помимо этого, в XVII в. было зафиксировано еще одно значе-

ние, уже имплицитно содержащее идею формы: ‘большое и внушительное здание’ [6].

С конца же XVI в. лексема *pile* постепенно утрачивает семы, связанные с представлением формы, однако их бывшее присутствие продолжает косвенно влиять на развитие семантики лексемы. Так, в XVII веке в ее семантической структуре появляется сема ‘любая большая группа или совокупность вещей (не обязательно возвышающаяся)’ [4–5], которая позволяет обозначать множество неодушевленных предметов и абстрактных понятий, но не людей. Возможность обозначать большое количество любых неодушевленных предметов поддерживается появлением в семантической структуре слова *pile* значения ‘большое количество денег’, в котором это слово широко употреблялось в середине XVIII в. [6], когда Англия находилась в состоянии промышленного переворота [8, с. 152–153]. Таким образом, основная модель развития лексемы *pile* выглядит следующим образом: ‘любое множество → масса вещей’. Вероятно, именно семы, указывающие на форму, повлияли на развитие и сочетаемость данной лексемы: придать форму можно совокупности вещей, но так нельзя сложить одушевленные объекты.

Семантика большинства названных выше существительных совокупности действительно развивается по одной из двух названных моделей. Однако у лексем *scads*, *scores*, *shock*, значение которых также содержит интегральную схему ‘множество’, можно наблюдать некоторые особенности развития, требующие внимания.

Лексема *shock* в значении ‘пучок зерна’ была зафиксирована в начале XIV в.; она восходит к среднегерманской лексеме *schok*, изначально обозначавшей ‘группу из шестидесяти’, а позднее – ‘сноп кукурузы’ [4–5]. В среднеанглийский период лексема *shock* детализирует свое значение: ‘группа из 12 снопов, расположенных вертикально и поддерживающих друг друга, чтобы обеспечить сушку и созревание зерна’ (1325) [5]. Согласно оксфордскому словарю под влиянием тесных торговых контактов с Голландией приблизительно на рубеже XV–XVI вв. лексема используется в значении ‘что-либо, состоящее из 60 частей’ [4]. Параллельно с этим в XV в. развивается значение ‘толпа; куча, кipa, вязанка чего-либо’ (1430), однако сема ‘толпа’ зафиксирована только в словаре OED, а в корпусах текстов более позднего периода она не представлена [5].

Еще одно значение лексемы *shock*, связанное с обозначением собак исландской породы, также оформляется к XV в. Приблизительно в первой трети XVI в. лексема *shock* употребляется для обобщенной номинации любых собак с длинными волосами ‘комнатная мохнатая собачка’. Далее в результате метонимического переноса лексема *shock* приобретает значение ‘копна волос’ (XIX в.) [4–5]. По данным корпуса текстов, частотность комбинаций лексемы *shock* с лексемой со значением ‘волосы’ (*a shock of hair*) на данный момент составляет 53 случая использования (с 1810-го по 2000 г.) [9]. Можно предположить, что сема ‘копна волос’ оформилась под влиянием не только указанного выше метонимического переноса значения, но также под влиянием метафоры – сравнения локона волос со снопом соломы (ср. приводившееся выше значение ‘пучок зерна’). Возможно, однако, что метафора имела место уже при формировании возможности обозначения лексемой *shock* собак с длинной шерстью пшеничного цвета.

Несмотря на то, что в ходе исторического развития в структуре значения лексемы *shock* появляется и исчезает сема ‘толпа людей’, магистральное направление формирования ее семантики скорее отвечает модели ‘любое множество → масса вещей’ [6]. Такое направление поддерживается и тем, что, как и у других лексем, развивающихся по данной модели, в ее семантическом развитии присутствовала сема, содержащая указание на форму (ср. ‘сноп кукурузы’), поэтому можно предположить, что лексема и дальше будет развиваться по модели: ‘множество чего-л. → масса вещей’.

Лексема *scores* происходит от древнеанглийской лексемы *score* ‘двадцать’, используемой для упрощенного счета поголовья скота (преимущественно стада овец) [5]. К XVIII в. оформляются еще два значения: ‘количество очков (в спорте)’, ‘печатный вариант музыкального произведения’ [4–5; 10]. Однако во множественном числе (*scores*) рассматриваемая лексема преимущественно выступает в значениях ‘группа из 20’ и ‘неопределенное большое количество’ [5; 11]. Примеры показывают, что это неопределенно большое количество могут составлять как вещи, так и люди: Ср.:

(a) *I can repeat scores of verses by heart, though I heard them only once read.* (Я могу процитировать множество стихов, хотя я их

слышал только раз) (C. Brown. The Novels. 1827);

(б) *There was an air of confidence about the scores of officers, soldiers and civilians who bustled in and out of The Rose.* (В воздухе царствовала доверительная атмосфера среди множества офицеров, солдат и граждан, кто суетился в «Розе») (R. Kenneth. Oliver Wiswell. 1940);

(в) *I have watched it happen now for scores of years...* (Я это уже наблюдаю десятки лет) (C. Wright. Letters for Emil. 2003) [9].

Согласно толкованию в OED, где не уточняется синтагматика лексемы ('группа из двадцати'), и приведенным примерам можно предположить, что лексема развивается по модели: 'множество чего-л. → множество вещей и людей'. Это подтверждает и словарная статья «Random House Webster's Unabridge», где лексема зафиксирована в значении 'огромное множество' [6].

Анализ корпусов текстов за прошедшие два столетия (с 1810-го по 2000 г.) показал, что лексема *scores* сочетается со словами *times, men, people, miles* активнее, чем со словами *cities, books, cases*. Так, сочетание *scores of times* встретилось наибольшее количество раз – 71, *scores of men/people* – 65–64 раза, а на сочетания *scores of cities, scores of books* приходится лишь по 11–10 случаев употребления. В общей сумме частотность сочетаемости лексемы с названиями одушевленных предметов (*men, people, persons, children, women*) составляет 186 случаев, сочетаемость с названиями неодушевленных предметов (*letters, cities, books, cases*) – 38, а со словами для счета (*times, miles, years*) – 133 [9]. Согласно этим данным чаще всего используются сочетание *scores of times* ('много раз') и сочетания для обозначения множества людей.

По мнению Н.Д. Дизенко, семантическое преобразование квантативных субстантивов основывается на метафорическом или метонимическом переносе, при этом возможны утрата первоначального значения и закрепление в языке исторически переносного значения (напр., *сонм* – *сонмище*) [1]. Лексема *scores* 'двадцать' использовалась для счета скота [4], поэтому есть вероятность, что может произойти метафорический перенос для обозначения множества людей. Возможно, лексема *scores* со временем станет развиваться по модели 'любое множество → скопление людей (собира.)'.

Этимология следующей лексемы *scads* точно не установлена. В значении 'доллар' эта лексема была зафиксирована в 1850-х годах; встречается она преимущественно в американском варианте английского языка [5]. С 1869 г. лексема приобретает значение 'большие количества'. Существует мнение, что лексема *scads* может происходить от лексемы *scad* (XVI в.), имевшей значение 'корнуэлльское название рыб, обитающих в изобилии вдоль Британского побережья' [4]. В 1834 году британские рыболовы наблюдали необычную миграцию косяка рыб вдоль побережья Гламоргашира, которая заняла неделю, и эту массу рыб удалось выловить [12]. Если принять это предположение как верное, то тогда можно утверждать, что сдвиг значения ('много, как рыбы') произошел на основе метафоры.

Согласно корпусам текстов и словарным статьям лексема *scads* в современном английском языке используется преимущественно в *of*-конструкции в значении 'большое количество, множество чего-либо'. Что касается синтагматических отношений, то она в основном сочетается со словами, обозначающими деньги. Поскольку лексема появилась относительно недавно, то какой-либо специализации ее семантики не произошло, то есть она в равной степени сочетается с лексемами, обозначающими одушевленные или неодушевленные предметы. За период с 1910 г. по 2000 г. в корпусах текстов зафиксировано 6 случаев употребления сочетания *scads of money*, по 2 случая употребления этой лексемы со словами *fun* и *people*, а сочетания *scads of government, time, products* встретились по одному разу [9].

Таким образом, семантическая модель лексемы *scads* имеет абсолютно новую структуру: 'деньги (рыба?) → множество людей и вещей', в которой сложно определить дальнейшее развитие семантики.

Заключение. Проследив семантическую деривацию лексем с интегральной семой 'множество', можно сделать вывод о том, что семантические модели 'любое множество → скопление людей (собира.)' и 'любое множество → масса вещей' являются основными, хотя у некоторых лексем отмечаются особенности развития. На поведение и активность лексем влияет внутренняя форма: наличие или отсутствие семы, указывающей на образ формы.

Литература

1. Дизенко, Н.Д. Существительные с количественным значением в современном русском языке: (Семантика и синтакс. функционирование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Дизенко; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1986. – 17 с.
2. Тихонова, Ю.В. Структура категории количества в рус. и укр. языках / Ю.В. Тихонова // Беларуская філалогія. – Минск, 2011. – С. 110–115.
3. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–35.
4. Online Etymology Dictionary [Electronic resource] / D. Harper. – 2001–2013. – Mode of access: <http://www.etymonline.com>. – Date of access: 20.12.2014.
5. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM
6. Random House Webster's Unabridged Dictionary / P. Babcock Gove [and others]. – 2nd ed. – New York: Random House Reference, 2005. – 2256 p.
7. Аракин, В.Д. История английского языка: учеб. пособие / В.Д. Аракин. – 2-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 272 с.
8. Поляк, Г.Б. История мировой экономики: учебник для вузов / Г.Б. Поляк, А.Н. Маркова. – М.: ЮНИТИ, 2002. – 727 с.
9. Corpus of Historical American English: 400 million words (1810–2009) [Electronic resource] / Brigham Young University; created by M. Davies, 2009. – Mode of access: www.corpus.byu.edu/coha. – Date of access: 24.12.2014.
10. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby; chief editor S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
11. Merriam Webster's Online Dictionary [Electronic resource] / Merriam Webster, Inc., 2012. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access: 20.12.2014.
12. British Fish and Fisheries / Religious Tract Society. – London: RTS, 1849. – 194 p.

Поступила в редакцию 26.06.2015 г.

УДК 81.111'42

Ризоматическая гетерогенность гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе

Марчишина А.А.

*Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко,
Каменец-Подольский (Украина)*

Концепция гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе основывается на ее ризоматическом понимании, согласно которому она представляет собой открытую децентрированную систему.

Цель работы – установить лингвокультурные параметры гендерной идентичности как ризоматического образования в постмодернистском публицистическом дискурсе.

***Материал и методы.** Исследование опирается на методологическую платформу междисциплинарных подходов к изучению текста. Дискурсивная трактовка идентичности осуществляется в рамках анализа ее семантики и речевого выражения с позиций эпистемологии постмодернизма.*

***Результаты и их обсуждение.** Переосмысление восприятия гендерной идентичности как тождества человека самому себе обусловлено влиянием изменившихся социокультурных факторов. Ризоматический характер анализируемого понятия в постмодернистском дискурсе реализуется при помощи лексических номинаций, семантической асимметрии, разноуровневых стилистических связей, принципов текстообразования.*

***Заключение.** Ризоморфность гендерной идентичности в публицистическом дискурсе манифестируется разнообразными языковыми средствами, раскрывающими ее гетерогенную смысловую сущность.*

***Ключевые слова:** гендерная идентичность, ризома, постмодернизм, публицистический дискурс.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 189–194)

Rhizomatic Heterogeneity of Gender Identity in Postmodern Discourse

Marchyshyna A.A.

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University (Ukraine)

Gender identity conception in postmodern discourse arises from its rhizomatic understanding according to which it is an open decentred system.

The purpose of the paper is to establish lingual and cultural parameters of gender identity as a rhizomatic formation in postmodern publicist discourse.

***Material and methods.** The research is based on the methodological platform of interdisciplinary text study. The discourse interpretation of identity is carried out within the analysis of its semantics and speech explication from the perspective of postmodern epistemology.*

***Findings and their discussion.** Rethinking of gender identity perception is determined by the changed social and cultural factors. Rhizomatic character of the phenomenon in question in postmodern discourse is implemented by means of lexical nominations, semantic asymmetry, multilevel stylistic links, principles of text formation.*

***Conclusion.** Rhizomatic character of gender identity in publicist discourse is manifested through various language means revealing its heterogeneous nature.*

***Key words:** gender identity, rhizome, postmodernism, publicist discourse.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 189–194)

Проблематика, обозначаемая сегодня как «проблематика идентичности», привлекает внимание исследователей-гуманитариев еще с начала XX столетия. Становление идентичности как научного понятия в течение прошлого века происходило в трех основных эпистемологических парадиг-

мах: философской, психоаналитической и социологической. Начало XXI в. ознаменовано междисциплинарным подходом к изучению этого явления, в рамках которого переплетаются векторы общенаучных и специфических поисков. К последним причисляем лингвистические студии, распадающиеся на множество

Адрес для корреспонденции: e-mail: allama@ukr.net – А.А. Марчишина

аспектов ввиду гетерогенной сущности идентичности. Одним из таких феноменологических проявлений является гендерная идентичность, отображающая изменения восприятия биологической категории пола в социокультурной реальности и ее представление в различных областях знаний. Синкретизм векторов изучения гендерной идентичности составляет предпосылки формирования ее комплексной лингвистической теории.

Цель статьи – установить лингвокультурные параметры гендерной идентичности как ризоматического образования в постмодернистском публицистическом дискурсе.

Материал и методы. Методологическим базисом исследования служат научные принципы антропоцентризма, междисциплинарности, диалогичности текста как средства фиксации знаний, опыта, культуры общества. Рассмотрение дискурсивной манифестации феномена идентичности опирается на основные положения эпистемологии постмодернизма (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари), трактовку идентичности в лингвокультурологии и социолингвистике (Ч. Тейлор, Э. Эрикссон, Э. Оукли), когнитивно-дискурсивный ракурс изучения идентичности (О. Бабелюк, А. Мартынюк, Е. Матузкова).

Результаты и их обсуждение. Поворот к новому тысячелетию обозначился не только всеобщей глобализацией общественно-экономических процессов, но и разрушил уже устоявшуюся систему ценностей, в которой проблема идентичности занимает одно из главенствующих мест [1]. В эпоху постмодернизма идентичность, будь то личностная, групповая, этническая, религиозная, национальная, профессиональная или какая-либо другая, уже больше не воспринимается как что-то данное и постоянное, но представляется объектом, требующим нового определения, оценки, структурирования и методологии изучения. Идентичность уже не является тем «удобным теплым костюмом, который одевают на тело сразу же после рождения и уже никогда не снимают» [1, с. 1]. Масштабные трансформационные процессы нашего времени в первую очередь влияют на личность – ее ценности, потребности, модели поведения. Изменения происходят в сознании конкретного человека, который, среди всего прочего, утверждает собственные гендерные приоритеты. Идентификация личности по гендерному признаку обуславливается параметрами, признанными в социально-культурной среде

как фенотип прирожденных и приобретенных особенностей, что позволяет характеризовать человека в терминах маскулинности или феминности. Доподлинно неизвестно, кто первым использовал термин «гендер» в научном дискурсе, но его появление чаще всего связывают с гендерной социологией Энн Оукли (70-е гг. XX в.) и трактуют как компонент индивидуального и коллективного сознания, охватывающий когнитивный, культурный, социальный, языковой аспекты существования индивида в обществе.

Отношения между языком и идентичностью рассматриваются в социолингвистической плоскости (Дж. Эдвардс, Дж. Джозеф, А. Табуре-Келлер). В таком контексте выбор языковых средств конструирует, выражает и интерпретирует определенную идентичность. Психолингвистика сосредоточивает внимание на способах вербализации самоидентификационного опыта и формировании коммуникативной идентичности (Н. Виноградова, Т. Сазонова, С. Хватова). Психосемантика вникает в расшифровки чувства тождественности индивида и социальной общности (Т. Баранова). Когнитивно-лингвистическая парадигма устанавливает закономерность связи между идентичностью и ментальными процессами концептуализации, категоризации и идентификации (С. Воркачев, В. Карасик, Е. Кубрякова). Фрейдовская идея о формировании идентичности на детской осознанности самости, ограниченной собственным эго, развивается в парадигме когнитивной семантики и реализуется в речевой самоидентификации человека (Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, Ю. Хабермас).

Согласно Э. Эрикссону, идентичность – это чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, связи с миром и другими людьми [2]. Е. Матузкова предлагает понимание идентичности как феномена и научного понятия, согласно которому она рассматривается как трехуровневая структура. Когнитивно-эмоциональный, индивидуально-коллективный и субъектно-объектный уровни обеспечивают иерархичность структуры идентичности, в которой взаимодействие разнообразных характеристик образует систему видов, подвидов и разновидностей идентичности [3, с. 13–14]. Гендерная идентичность считается видом личной, подвидом индивидуальной и разновидностью идентичности в целом.

Современные трактовки идентичности исходят из существующих классификаций, основывающихся на многоаспектности как са-

мого явления, так и его компонентов. Толкование идентичности как тождественности человека самому себе, применительно к наивной картине мира, вряд ли может удовлетворить научный подход. Описание идентичности по Эриксону, заложившему основы ее психологического понимания как тождества самому себе, предполагает развивающуюся конфигурацию естественной предрасположенности, личного опыта, потребностей и [социальных] ролей [2, с. 12]. В отличие от психологического рассмотрения идентичности как Эго-сходства, в философии она зачастую помещается в систему координат моральных систем, культурных оценок, духовных ориентиров и социальных стереотипов. Поэтому поиск идентичности обычно ограничивается рамками сущего и должного, удовлетворения и блага (Ч. Тейлор). Социология идентичности предполагает учитывать ценности, потребности и модели поведения личности как члена общества, исполняющей в нем определенные роли, предписанные социальной средой.

Идентичность как процесс, «локализованный» в ядре индивидуальной культуры, неотъемлем от общественной культуры [2, с. 31], и философия постмодернизма обязывает индивида переоценивать себя с точки зрения того, какое место он обретает в рамках изменившейся типологии. Этот эволюционный процесс находится в постоянном изменении и развитии [2, с. 32], обеспечивая динамичность рассматриваемой категории.

Среди последствий влияния философии постмодернизма на гендерную идентичность отмечаются, в частности, смещение социальных и коммуникативных гендерных ролей, что нарушает устоявшиеся социальные установки и разрушает жесткую иерархическую модель общества [4, с. 226]. Представители постструктуралистской (постмодернистской) методологии (в частности, Т. де Лауретис) считали, что пришло время ревизии существующих моделей гендерной идентичности, основанных на половых оппозициях «мужского» и «женского», а также сексуальных оппозициях «гетеросексуального» и «гомосексуального». Постмодернистский дискурс включает в повестку дня языковое оформление идентичности:

Both heteronormativity and homonormativity require fixed, naturalised heterosexual and homosexual identities in order to maintain and regulate the norms of these discursive institutions.

As queer theorists, we question fixity and essentialism of identities [5, с. 66].

В представленном фрагменте публицистический текст включает не только ключевые слова-концепты идентичности (*identity, heteronormativity, homonormativity, heterosexual, homosexual, queer*), но и в содержательном плане демонстрирует поиск новых идентичностей и попытки их нормирования.

Специфика постструктурализма как современного типа знания заключается в том, что он существует не как ряд определенных истин, а как проблемное поле [6, с. 27]. И проблеме собственной гендерной идентичности каждый решает для себя. Изменение системы традиционных понятий в социогуманитарных и философских исследованиях современности отражает реакцию науки на резкую смену социокультурных условий. Потребность рассмотрения гендерной идентичности через призму постмодернизма обусловлена развитием лингвистических исследований и отражением гендерных характеристик в языке как системе, а также изменением традиционного речевого поведения мужчин и женщин, отраженного в дискурсивных практиках.

Приоритетное значение в современном конструировании идентичности принадлежит языку: он может одновременно отображать и производить (*create*) идентичность. Отображая идентичность, язык служит ключом к расшифровке истории группы и индивида, принадлежащего этой группе, раскрывая отношения и ассоциации, составляющие структуру власти и престижа данной группы. С целью создания идентичности язык использует стилистические вариации, характерные для определенных групп, отличающихся лингвистическими переменными [7, с. 291]. Новые гендерные идентичности обретают соответствующую фиксацию в дискурсе:

For many people, the identities of bisexual, lesbian, and gay have significant, situated meaning. It would be very un-queer of us to impose the specification that everyone must adopt 'queer' [5, с. 66].

Процитированный текст содержит лексемноминанты гендерных идентичностей (*bisexual, lesbian, gay*), объединенные гиперонимом *queer*. Семантическая асимметрия *lesbian – gay* частично пересекается с лексико-семантическим полем *bisexual*, имеющим более обширный семантический потенциал, иерархически входящий, в свою очередь, в понятие *queer*.

Идентичность в постмодернизме представляет собой не совсем упорядоченное образование из признаков, включающих подобие самому себе, целостность самотождества во времени, непрерывность самосуществования, осмысление постоянной связи с другими и изменчивым миром, соотнесение собственных качеств и существующих стереотипов. Гендерное осмысление личностью своей идентичности рассредоточено среди этих атрибутов и придает описанному образованию ризоматический характер, поскольку не имеет черт структуры и упорядоченности. Гетерогенность гендерных проявлений часто представляет собой открытую децентрированную систему, не имеющую контролирующего начала. Согласно трактованию центра, структуры и системы в постмодернистской парадигме (по Ж. Деррида), «центр <...> управляет этой структурой, в то же время <...> избегает структурности. Он парадоксальным образом находится внутри структуры и вне ее» [8, с. 353]. Поэтому такая динамичная структура, как гендерная идентичность, может, во-первых, быть хаотичной, децентрированной, и во-вторых, может ориентироваться в своем становлении и развитии на несколько «центров», то есть быть плюральной, множественной. Эволюционное развитие современного общества приводит к отказу от старой модели дерева, а тип «культуры корневища» (ризомы), предложенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари [9], реализует принципиально новый способ отношений внутри единого целого. Смысловое ядро ризомы не находится в центре объекта, а рассредоточено в связях между всеми составляющими – бесструктурными, множественными, запутанными, которые могут как обрываться, так и неожиданно появляться. Сознательная бессистемность гендерной идентичности, возможность выбора и установления связей позволяют констатировать динамичность исследуемого понятия. Личность наделяется способностью реализовать гендерную идентичность, являющуюся следствием ее индивидуального опыта, исходящего не из пассивного усвоения параметров гендерной роли, а из творческого преобразования внутри самой себя.

Ощущение «тождества личности» как «эго-идентичности» [2, с. 26] меняется на ризоматическое восприятие себя в гендерно гетерогенном обществе. Дерево (корень) и ризома не противопоставляются личностью в своем гендерном осмыслении, в ризоматиче-

ских ответвлениях есть узлы древовидности [9].

Ризоморфная среда охватывает неоднородные темы, даты и уровни. Ризома может быть сломана, разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям [9]. Изменения, разрывы приводят к тому, что линии постоянно переходят одна в другую. Ризома состоит не из единичностей, а из измерений, точнее – из подвижных направлений, не подчиняющихся ни одной структурной модели. Она включает линии сегментарности, по которым стратифицируется, однако из разрывов, сегментов можно воссоздать единое целое, что позволяет отклониться от традиционного дуализма или дихотомии. Гетерогенность, несистемность, нелинейность ризомы обеспечили ей статус одного из фундаментальных понятий постмодернизма.

Ризоматический принцип отображения идентичности характеризует, например, такой отрывок публицистического текста:

A major theme from the service provider consultations was the lack of legitimacy of same-sex relations and sexual and gender identity accorded by family, health professionals and society [10, с. 542].

Идентичность, как видно из текста, определяется половыми, гендерными особенностями, сексуальными отношениями, требующими законного определения и восприятия семьей, медработниками и обществом. Сложная конструкция гендерной идентичности, выраженная соответствующими языковыми номинациями (*sexual and gender identity, same-sex relations, legitimacy, family, health professionals, society*), свидетельствует об отсутствии единого «корня», формирующего идентичность личности.

Составляющая ризому множественность претерпевает метаморфозы, изменяя свою природу [9]. Природа гендера и его осмысление личностью преобразуется в постмодернистское понимание социокультурной роли биологического пола и образование нового типа гендерной идентичности, обусловленной тем, что психика человека и его чувства восприятия в значительно большей степени являются результатом социально-исторического, нежели биологического развития [6, с. 123]. Ризома предполагает единство личности в ее гендерном разнообразии, что можно проиллюстрировать следующим фрагментом дискурса, демонстрирующим контра-

стирующие, дихотомические связи, создающие «формирования, которые воссоздают целое» [9] – гендерную идентичность:

...social and cultural systems which shape not only our sexual experience, but the ways in which we interpret and understand that experience. This view of sexuality and sexual activity increasingly focused research attention on the inter-subjective nature of sexual meanings – their shared, collective quality, not as the property of atomized or isolated individuals, but of social persons integrated within the context of distinct and diverse sexual wholes [11, с. 255].

Социальные и культурные системы (*social and cultural systems*) не только формируют сексуальный опыт (*sexual experience*), но и предоставляют возможность его интерпретации; сексуальность имеет внутри-субъектную природу (*inter-subjective nature of sexual meanings*) – и в то же время ей присущи коллективные качества (*shared, collective quality*); личностные сексуальные значения формируют не изолированных индивидов (*atomized or isolated individuals*), а социальные личности (*social persons*), интегрированные в контекст определенного и разнообразного сексуального целого (*context of distinct and diverse sexual wholes*). Семантическая многоплановость лексических единиц расширяет представления о проявлениях гендерной идентичности, констатируя ее многомерность и сегментарность.

Постмодернистский дискурс как ризоморфная среда [12, с. 236] обладает имманентным креативным потенциалом, отображающим и формирующим идентичность. Признаки ризомы – связь и гетерогенность, множественность, незначимый разрыв [9] – присущи постмодернистской гендерной идентичности и отображаются в дискурсе.

Разнообразие социокультурных факторов, влияющих на современную гендерную социализацию личности, составляет внешнее подтверждение ее гендерной идентичности. Личностное восприятие биологического пола и его согласование со смысловой реализацией собственной бытийности человеком формируют его субъективное, внутреннее понимание своей гендерной актуализации. Принцип ризомы доминирует в следующем тексте, фрагменты которого соотносимы с сегментами смысловых линий и измерений:

The father figure steps into adulthood and, as the term father implies, also receives the privileges of complicity masculinity [13, с. 42].

Традиционный, патриархальный стереотип отцовства (лексема-концепт *father*) предусматривает наследственное усвоение его элементов. Однако автор текста после анализа эмпирических данных проведенного исследования приходит к выводу:

...all these masculine identities are contextually linked to other social determinants of men's health in ways that might restrain men's choices or afford an array of options – depending on how the men think and engage with their dominant discourses of masculinity [13, с. 42] (выделено автором – G. Creighton).

Таким образом, психологическое состояние и душевные переживания создают ролевой конфликт, в котором личность больше не может удовлетворять традиционные социальные ожидания (*social determinants ... restrain men's choices*) от представителя мужского пола и вынуждена решать для себя проблему собственной гендерной идентичности (*the men think and engage with their dominant discourses of masculinity*). Здесь архетипные элементы концепта МУЖЧИНА отражают менталитет представителя определенного этноса, однако другие смыслы этого концептуального образования являются социально обусловленными. Стереотип – это корень, ствол, символический образ, фрагмент концептуальной картины мира, отображенный в сознании индивида и народа в целом. Разрушение стереотипа, разрыв линейности стереотипного образа, его разноуровневое формирование и восприятие приводят к ризоматическому строению базисных концептов, к которым причисляется идентичность.

Заключение. Невозможность исчерпывающего анализа гендерной идентичности в постмодернистском дискурсе обусловлена полиморфностью самого понятия и ризоматичностью его осмысленности в текстовом проявлении. Поэтому в статье представлены результаты исследования репрезентации гендерной идентичности в дискурсе определенной стилиевой направленности. Вербализация гендерной идентичности в публицистическом постмодернистском дискурсе ризоматична по своей семантике, лексикализации и концептуализации. Сегментарность, фрагментарная линейность, переходы между измерениями и регистрами формируют смысловую множественность идентичности. Постмодернистская онтология стратифицирует личностные качества не по принципу корня, дерева, а в виде разветвленного корневища, соединяющего

семиотические звенья децентрированно, прерываясь и возобновляясь как динамический процесс, «подвижное направление». Языковая репрезентация постмодернистской гендерной идентичности включает ключевые слова, называющие образы-концепты анализируемых кенотипов, принципы построения текста, проблематику и тематическую маркированность дискурса.

Литература

1. Identity Issues: Literary and Linguistic Landscapes [edit. by Vesna Lopičić and Biljana Mišić Ilić]. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. – 293 p., vi-xvii.
2. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон [пер. с англ.] / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
3. Матузкова, Е.П. Идентичность и лингвокультура: методология изучения: монография / Е.П. Матузкова. – Одесса: Издательство КП ОГТ, 2014. – 333 с.
4. Космеда, Т.А. Гендерна лінгвістика в Україні: історія, теоретичні засади, дискурсивна практика: [колект. моногр.] / Т.А. Космеда [и др.]; за наук. ред. проф. Т.А. Космеди. – Х.: ХНПУ ім. Г.С. Сковороди; Дрогобич: Коло, 2014. – 472 с.
5. Tilsen, J. Resisting normativity: Queer musings on politics, identity, and the performance of therapy / J. Tilsen, D. Nylund // The International Journal of Narrative Therapy and Communitive Work. – 2010. – № 3. – P. 64–70.
6. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
7. The Language, Society and Power Reader [edit. by A. Mooney et al.]. – Lnd., New York: Routledge, 2011. – 374 p., vi-xxi.
8. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр. А. Гараджи. – СПб.: Академпроект, 2000. – 495 с.
9. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. – Дата доступа: 21.08.2015.
10. Cartwright, C. End-of-life care for gay, lesbian, bisexual and transgender people / C. Cartwright, M. Hughes, T. Lienen // Culture, Health & Sexuality. – 2012. – № 5. – Vol. 14. – P. 537–548.
11. Parker, R. Sexuality, culture and society: shifting paradigms in sexuality research / R. Parker // Culture, Health & Sexuality. – 2009. – № 3. – Vol. 11. – P. 251–266.
12. Бабелюк, О.А. Принципи постмодерністського текстотворення сучасної американської прози малої форми: монографія / О.А. Бабелюк. – Дрогобич: Вимір, 2009. – 296 с.
13. Creighton, G. After the death of a friend: Young Men's grief and masculine identities / G. Creighton [et al.] // Social Science & Medicine. – 2013. – Vol. 84. – P. 35–43.

Поступила в редакцию 01.09.2015 г.

УДК 81-112:[811.161.1]

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года как памятник древнерусской деловой письменности

Трофимович Т.Г.

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск*

История русского литературного языка – одно из актуальных направлений современного языкознания. Историко-лингвистические исследования позволяют получить значимые выводы о становлении и развитии русского языка в прошлом, адекватно оценить его современное состояние.

Цель работы – доказать, что текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой представляет собой памятник древнерусской деловой письменности, язык которой обладает всеми чертами языка актов делового содержания. Как правило, в историческом языкознании надписи к деловым текстам не относят.

Материал и методы. В статье исследуются древнерусский текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года, его структурно-композиционные особенности, словарный состав, предпринимается сравнение с текстом Грамоты Мстислава Владимировича 1130 года. При этом используются методы сравнительно-исторического и текстологического языкознания.

Результаты и их обсуждение. Дошедшая до нас надпись представляет собой выдающийся памятник древнерусской письменности, ценный не только своим содержанием, но языком, в нем зафиксированным. Предпринята попытка доказать, что рассмотренный текст является образцом деловой письменности древнерусского периода. Об этом свидетельствуют структурно-композиционные особенности надписи, словарный состав, синтаксические черты, обиходный тон повествования. Есть основания думать, что неизвестный автор, составивший эту надпись, был знаком с традициями древнерусской деловой письменности, поэтому сумел передать все, что и должны были передавать документы такого рода: кто что оставлял потомкам, что с этим делать, кто будет судить нарушивших за невыполнение указаний.

Заключение. Древнерусские надписи как памятники письменности тоже подлежат жанровой квалификации. Развернутые тексты типа проанализированной Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года обладают всеми чертами текстов делового содержания.

Ключевые слова: древнерусский язык, деловой язык, памятники письменности, композиционные особенности, текст, назначение текста, лексика, синтаксис, жанры древнерусской письменности.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 195–199)

The Inscription on the 1161 Cross of Saint Euphrosyne as a Monument of Ancient Russian Business Writing

Trofimovich T.G.

Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University, Minsk

The history of the Russian literary language is one of current directions of modern linguistics. Historical and linguistic studies provide important conclusions about shaping and development of the Russian language in the past, to adequately assess its current status.

The article aims to prove that the text of the Inscription on the Cross of St. Euphrosyne of Polotsk is a monument of ancient Russian business writing, the language of which has all the features of language acts in business content. Generally, in historical linguistics inscriptions are not referred to as business texts.

Material and methods. The article examines the ancient text of the Inscription on the 1161 Cross of Euphrosyne, its structural and compositional features, vocabulary composition, comparison is attempted with the text of 1130 Mstislav Vladimirovich Gramota. The study is conducted using the methods of comparative and historical as well as textual linguistics.

Findings and their discussion. The extant inscription is an outstanding monument of ancient Russian literature, which is valuable not only for its content, but the language it recorded. An attempt was made to prove that the considered text is an example of business writing of ancient period. This is evidenced by structurally-composite features of the inscription, lexicon, syntactic features, and the general tone of the narrative. There is reason to think that the unknown author, who made this inscription, was familiar with the ancient traditions of business writing, thus he managed to transfer everything that documents of this sort conveyed: who left what to descendants, what to do with it, who would judge those who violated the instructions.

Адрес для корреспонденции: e-mail: t.trof@mail.ru – Т.Г. Трофимович

Conclusion. Ancient inscriptions as monuments of literature genre are also subject to qualification. The detailed texts of the type analyzed in the Inscriptions on the 1161 Cross of Euphrosyne possess all the characteristics of texts of business content.

Key words: Ancient Russian, business language, artifacts of writing, peculiarities of composition, text, function of text, vocabulary, syntax, ancient Russian writing genres.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 195–199)

В современном историческом языкознании актуальным является изучение памятников древнерусской письменности, запечатлевших деловой язык того времени. Цель работы – доказать, что текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой представляет собой памятник древнерусской деловой письменности, язык которого обладает всеми чертами языка актов делового содержания. Как правило, в историческом языкознании надписи к деловым текстам не относят.

Материал и методы. В статье исследуются древнерусский текст Надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года, его структурно-композиционные особенности, словарный состав, предпринимается сравнение с текстом Грамоты Мстислава Владимировича 1130 года. При этом используются методы сравнительно-исторического и текстологического языкознания.

Результаты и их обсуждение. В исторической славистике понятие *деловой язык* является общепринятым. Этим термином называют язык памятников юридической письменности, количество которых, по мнению исследователей, исчисляется десятками тысяч [1, с. 111]. Потребности регулирования социально-экономических отношений, необходимость их правообеспечения еще в древнерусский период привели к созданию этой особой разновидности письменных источников, численность и жанровое разнообразие которых стремительно возрастает в старорусский период (XV–XVII вв.). Отражившийся в них язык становится одной из значимых письменных традиций и выступает как автономный узус, имеющий свою стратегию. М.Л. Ремнева, например, считает, что существование в период XI–XVII вв. двух письменных языков (книжно-славянского и делового) характеризует специфику культурно-письменной ситуации на Руси. Они были оба нормированными, письменно зафиксированными, обслуживали свой круг текстов, практически до середины XVI в. минимально влияли друг на друга, подчинялись разным нормам, были кодифицированными [2, с. 17].

Жанровое разнообразие деловой письменности неоднократно отмечали историки

(А.С. Лаппо-Данилевский, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин) и лингвисты (С.С. Волков, Н.И. Тарабасова, Г.А. Хабургаев, В.Я. Дерягин, С.И. Котков, А.Н. Качалкин), исторические словари и специальные исследования, авторы которых высказывают предположение о том, что еще не все виды документов зафиксированы, не все обнаружены и изучены [3, с. 71–76].

Известно, что одними из наиболее древних письменных памятников в истории русского языка являются надписи или граффити. К середине XI века относятся надписи на стенах соборов, на колоколах, крестах, на печатях, монетах, украшениях [3, с. 16]. Сохранившиеся надписи не одинаковы по объему: они могут состоять из одного слова, как, например, надпись на сосуде Гнездовского кургана, или представлять собой текст различного объема. В историческом языкознании наиболее известными являются надпись на Тьмутараканском камне 1068 года и надпись на чаре Владимира Давыдовича 1139 года.

Особое место среди надписей как памятников древнерусской письменности занимает надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года. Надпись была помещена на напрестольном шестиконечном кресте размером 51 сантиметр. Деревянный в основе крест был окован со всех сторон серебряными, золочеными и золотыми пластинами, украшенными эмалью, жемчугом и драгоценными камнями. Крест изготовил мастер Лазарь Богша по заказу полоцкой княжны Евфросинии Георгиевны и пожертвован ею в Спасский монастырь в Полоцке [5, с. 41]. Известно, что крест был утрачен во время Великой Отечественной войны, а в 1997 году брестским ювелиром Николаем Кузьмичом была изготовлена полноразмерная его копия.

Надпись на кресте образует довольно пространственный текст, который представляет несомненный интерес как образец древнерусской деловой письменности. Традиционно надписи не относят к жанрам деловой письменности, однако есть основания считать, что определенная их часть представляют собой тексты делового содержания.

Обратимся для начала к содержанию надписи и попытаемся установить, с какой целью

она была сделана. Есть основания думать, что надпись на кресте сделана *pro memoria*, т.е. для памяти, для памяти о событии, о том, кто учредил крест и кто его сделал. Именно такими являются Тьмутараканская надпись 1068 года, Надпись на чаре Владимира Давыдовича 1139 года, некоторые граффити Софии Киевской XII в. (например, Запись о мире на Желяни) и др.

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой не только по содержанию, но и по структурно-композиционным особенностям текста указывает на то, что перед нами образец делового письма, а не просто мемориальная запись.

Текст начинается с традиционного указания на время создания акта (*Въ лето 6669*), изложения обстоятельств происшедшего (*покладаетъ офросинья чьстьныйи крестъ въ манастири своемъ въ церкви стго спаса*) и краткого описания самого креста (*чьстьное древо бесценно есть, а кованье его злото и серебро и каменье и жьнчюгъ въ 100 гривнь*). (По техническим причинам текстовые примеры мы приводим в упрощенной орфографии). По сути, приведенные части надписи можно считать тем, что в историко-стилистических исследованиях называется *datum* (место и время создания акта) и *narration* (изложение обстоятельств дела). Укажем, что автор надписи использует для именования описываемого предмета словосочетания *чьстьныйи крест* и *чьстьное древо*, где *древ*о может означать не только материал, из которого изготовлено изделие, но быть синонимом к слову *крест* [6, вып. 4, с. 353].

Основная часть текста надписи на кресте представляет собой императивную конструкцию, содержащую распоряжение о том, как должен храниться и использоваться крест. Автор говорит о том, что крест не должен выноситься из монастыря никогда, его нельзя продавать или отдавать; если же кто-то решит поступить по-другому, он будет наказан. Типичными являются построения с частицей *да* (*да не изнесетъ ся из манастиря; да не буди ему помощникъ чьстьныйи крестъ; да будетъ проклятъ святою животворящею троицею*), а также факты использования формы *буди* (*и буди ему часть съ иудеою; а буди ему клятва*).

Из истории форм повелительного наклонения известно, что формы 3-го лица единственного числа обычно включаются в систему исходных форм русского языка XI в., однако указывается, что их «нельзя назвать побудительными в собственном смысле этого слова:

в них выражено пожелание, долженствование и т.п., но не побуждение к действию» [7, с. 137]. Установлено также, что формы с частицей *да* применялись в древнерусском языке по образцу старославянских текстов, что они представляют собой сочетание формы настоящего (будущего) времени с указанной частицей и выражают предписание как один из видов побуждения, связывая выраженное побуждение с планом будущего [3, с. 314–315].

Действительно, восходящие к праславянскому оптативу формы как нельзя лучше выражают мысли автора надписи о том, что происходящее в настоящем обращено в будущее: созданный крест обладает нравственной и материальной ценностью и должен служить монастырю, которому он пожалован. На связь настоящего с будущим напрямую указывает фраза: *аще кто преслушаетъ, изнесетъ и от монастыря, да нем будетъ ему помощникъ чьстьныйи крест ни въ съ векъ, ни въ будущи*.

Для основной части анализируемого текста характерно своеобразное противопоставление: перечисляется то, чего нельзя делать с крестом, затем указывается на то, что будет с тем, кто нарушил запрет (*и буди ему часть с иудеою, иже преда христа; а буди ему клятва*). При этом довольно пространное рассуждения о неизбежных наказаниях завершаются позитивным утверждением: *си офросинья же раба христова, стяжавшая крестъ си, приметъ вечную жизнь*. В приведенной фразе использовано действительное причастие прошедшего времени от глагола *стяжати*, одним из значений которого в древнерусском языке было *'дать средства на изготовление, сооружение чего-либо'* [6, вып. 28, с. 231]. Иллюстративные примеры в «Словаре русского языка XI–XVII» включают и приведенную цитату из анализируемой надписи.

Завершается надпись фразой, которая образует особую клаузу. Это обращение к Богу с просьбой о помощи: *господи, помози рабу своему Лазорю, нареченному Богиши, съделаваъшему крьсть си црькви святого спаса и Офросиньи*. Очевидно, что эта часть текста может быть рассмотрена как *invocatio* (посвящение, обращение к Богу) и *subscriptio* (подпись).

Следует обратить внимание не только на композиционно-содержательные особенности текста надписи, но и на общую характеристику ее стиля. Надпись сориентирована на образцы книжно-литературной письменности. Об этом свидетельствует частое упоминание

христианских символов и образов: животворящая Троица, святые отцы, седьмой собор святых отцов, Иуда. Эмоциональный тон надписи тоже выдержан в основном в традициях религиозных христианских текстов: Господь видит благие дела, их нужно совершать, стремясь к вечной жизни.

С современной точки зрения, из общего тона христианского текста несколько выбиваются две фразы из основной части: *да будет проклять святою животворящею троицею и а буди ему клятва*. Неужели автор имел в виду проклятие как пожелание чего-то плохого? Безусловно, нет. Слова *проклятие* и *клятва*, известные древнерусскому языку периода первых письменных памятников, имели много значений, основное из которых может быть определено как *'осуждение, отлучение от церкви, анафема'* [6, вып. 20, с. 153]. Следовательно, тон христианского текста автор надписи не нарушал, не желая никому ничего негативного.

Для того чтобы доказать, что структурно-композиционные особенности текста надписи соответствуют структурно-композиционным особенностям деловых памятников, сравним его с текстом «классического» делового документа. Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю датируется 1130 годом и представляет собой жалованную грамоту, т.е. документальное свидетельство того, что князь и его сын передают в собственность монастыря деревню и некоторые материальные ценности.

Надпись на кресте начинается с даты, в тексте же грамоты Мстислава Владимировича даты нет, однако вполне определенно указаны лица, совершавшие сделку (*се аз мстислав володимиръ сынъ держа русскую землю въ свое княжение повелелъ есть сыну своему всеволоду*), указано, что передано в собственность: *отдати буице святому георгию съ данию съ вирами и с продажами*. Описание переданного имущества содержится и дальше: *а язъ далъ рукою своею и осеннее полюдьє даровное... блюдо серебряное въ 30 гривень серебра...* Есть указание на то, как следует распоряжаться переданным имуществом: *даже который князь по моемъ княжении почнетъ хотети то отъяти у святого георгия... кто ся изостанеть в монастыри то вы темъ должны есте молити бога за ны при животе и в смети*.

В тексте грамоты, как и в тексте надписи на кресте, присутствует обращение к высшей

силе, которая защитит принятое решение и обеспечит сохранность имущества: *бог будет за тем и святая богородица... да судить ему бог в день пришествия своего...* Ранее мы уже отмечали, что в тексте надписи на кресте активно используются конструкции с частицей *да*, которые выражают пожелание, долженствование и т.п., но не побуждение к действию. В тексте грамоты Мстислава Владимировича такая конструкция тоже есть: *да судить ему бог в день пришествия своего*.

Таким образом, структурно-композиционные особенности рассмотренной грамоты соответствуют структурно-композиционным особенностям надписи на кресте Евфросинии Полоцкой.

Обратимся к анализу словарного состава сравниваемых текстов. В надписи на кресте используются названия лиц (*властелин, князь, пискупъ, игуменья, человекъ, рабъ*), названия имущественных ценностей (*золото, серебро, женчюгъ*), названия денежных единиц (*гривна*), названия учреждений (*монастырь*), названия действий (*покладает, изнесет, отда-ти, сътворити, съделать*). Очевидно, что приведенные наименования характерны для деловой письменности. Симптоматично, что в тексте надписи на кресте практически нет прилагательных-определений, кроме слова *честный (крестъ)*. Аналогичен словарный состав грамоты Мстислава Владимировича: названия лиц (*князь, дети, игумень*), названия имущественных ценностей (*полюдие, вира, продажа, блюдо, дань*), названия денежных единиц (*гривна*) и т.д.

Синтаксис обоих текстов тоже имеет много общих черт. Используются простые предложения констатирующего характера: *покладаетъ офоросинья честный крест в монастыри своемъ – се азъ мсимлавъ володимиръ сынъ повелелъ сыну своему всеволоду отдати буицы; честное дерево бесценно есть – а я далъ рукою своею и осеннее полюдьє* и др. Отличительной особенностью синтаксиса обоих памятников является активное использование сложноподчиненных предложений с придаточными условными, построенными по схеме: *если кто-то что-то сделает, то будет*. Вот примеры: *аще кто преслушает изнесет и от монастыря, да не будет ему помощник честный крест; кто же дерзнет сотворити се.., а буди ему клятва – даже который князь по моемъ княжении почнетъ хотети то отъяти... богъ буди за тем; даже кто запретитъ или ту дань или то блюдо, да судить ему*

богъ. Подобные конструкции являются отличительной особенностью языка деловых документов во все эпохи их существования, на что неоднократно указывали исследователи [8, с. 234].

Особого внимания заслуживают те части сопоставляемых текстов, в которых упоминаются высшие силы. Обращение к ним является неперенным атрибутом текстов делового содержания. Вспомним о том, что «Мифологический словарь», например, утверждает: *богъ* в славянской мифологии – название божества и доли, счастья, которое оно может дать человеку (родственно названию богатства и т.п.), противопоставляется небогу, обездоленному [9]. *Бог* был у древних восточных славян одним из представителей дохристианского пантеона, о чем свидетельствуют названия славянских богов: *Белобогъ*, *Чернобогъ*, *Дажьдбогъ*, *Стрибогъ* и др. В книжно-церковной традиции *Бог* представлен как высшая сущность, наделенная высшим разумом, Он является абсолютным совершенством, Он всемогущ [10, с. 48]. Слово *Бог* по происхождению восходит к древнеиндийскому *bhagas* «ода-ряющий, господин», родственные древнеперсидские, авестийские, древнегреческие слова находятся по значениям в русле понятий «наде-ляющий, дающий счастье, достояние, участ-вующий» [10, т. 1, с. 181–182].

Приведенные сведения важны, поскольку помогают понять сущность упоминания высших сил в древних документах. Такие части текстов, как *invocatio* (посвящение, обращение к Богу), показывают, что в древнерусские времена высшие силы выступали в роли главных судей и заступников. Выше мы уже рассуждали о проклятии животворящей Троицы и святых отцов в надписи на кресте и об обращении к Богу помочь рабу Своему. В грамоте Мстислава Владимировича апелляции к высшей силе еще более последовательны: *а богъ буди за тем и святая богородица, молиги бога за мя и за мое дети, молиги бо-га за ны, да судитъ ему богъ*. В деловой письменности, имеющей утилитарное назначение, присутствовала христианская идеология, что естественно, учитывая тогдашний менталитет и традиции вероисповедания.

Заключение. Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что дошедшая до нас

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года представляет собой выдающийся памятник древнерусской письменности, ценный не только своим содержанием, но языком, в нем зафиксированным. Мы попытались доказать, что рассмотренный текст является образцом деловой письменности древнерусского периода. Об этом свидетельствуют структурно-композиционные особенности надписи, словарный состав, синтаксические черты, общий тон повествования. Есть основания думать, что неизвестный автор, составивший эту надпись, был знаком с традициями древнерусской деловой письменности, поэтому сумел передать все, что и должны были передавать документы такого рода: кто что оставлял потомкам, что с этим делать, кто будет судить нарушивших за невыполнение указаний. Значит, если перед нами пространственный текст древнерусской надписи, в нем можно обнаружить черты, характерные для делового языка и квалифицировать эту надпись как один из жанров деловой письменности.

Литература

1. Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
2. Ремнева, М.Л. История русского литературного языка / М.Л. Ремнева. – М., 2003. – 348 с.
3. Горшкова, К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев. – М., 1981. – 360 с.
4. Иванов, В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Иванов. – М., 1990. – 400 с.
5. Иванов, В.В. Хрестоматия по истории русского языка / В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. – М., 1990. – 497 с.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. – М., 1975–2012. – Вып. 1–28.
7. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М., 1982. – 437 с.
8. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. – М., 1979. – 458 с.
9. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1990. – С. 98.
10. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986. – Т. 1.

Поступила в редакцию 23.11.2015 г.

УДК 811.161.1'373.215'0(476.5)

Репрезентация древних верований славян в лимнонимии Витебщины

Синкевич Т.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Имя собственное всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического и культурного развития своих создателей, географически привязано к той или иной местности. Исследование лимнонимов Белорусского Поозерья представляется актуальным в связи с существующими в лингвистической науке проблемами изучения таких единиц, как хранилища историко-культурной информации.

Цель статьи – выявить лимнонимы, в основе наименования которых содержатся лексемы, отражающие богатую духовную культуру наших предков.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили 1498 названий озер Белорусского Поозерья. Лимнонимы Витебщины сопоставлялись с гидронимическим материалом соседних территорий. Нами также учитывались и признаки самого объекта. При анализе материала использовались элементы статистического метода, метод лингвистического комментирования, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. Лимноним может быть идентичен апеллятиву, может иметь ряд формальных отличий от него, но далеко не каждый из них может быть возведен к своему апеллятиву и сопоставлен с единственным значением, имеющим историко-культурное или географическое соответствие в условиях данной местности.

Единицы, отражающие языческое мировоззрение, связанные с названиями духов, нечистой (в представлении христианства) силы, во-первых, свидетельствуют о сохранении языческого компонента в миропонимании наших предков, во-вторых, позволяют говорить о сопряжении его с уже христианским мировосприятием, в-третьих, свидетельствуют о самом фундаментальном синтезе в нашей истории – синтезе славянского язычества и христианской этики. Священное, сакральное, как часть духовной культуры, дает людям возможность спастись от неизвестности, страха, помогает справиться с сомнениями, трудностями.

Заключение. Таким образом, важно изучение как самих объектов, так и окружающего их ландшафта, а также нематериального наследия традиционной культуры, позволяющего понять развитие и изменение этнических стереотипов отношения с окружающей средой.

Ключевые слова: ареал, апеллятив, лимноним, мировоззрение, репрезентация, сакральный.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 200–205)

Representation of Ancient Slavonic Beliefs in Lymnonymy of Vitebsk Region

Sinkevich T.I.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The proper name is always historically conditioned, it is dictated by the level of social and economic as well as cultural development of its creators, it is geographically tied to the location. The study of lymonyms of Belarusian Poozeriye (Lake District) is believed to be topical due to the existing linguistic issues of studying such units as storage of historical and cultural information.

The purpose of the article is finding out lymonyms, the basis of which is formed by lexemes, which reflect rich spiritual culture of our forefathers.

Material and methods. The material of the study was 1498 lake names of Belarusian Poozeriye. Lymonyms of Vitebsk Region were compared to lymnonymic material of the neighbouring areas. We also took into account features of the water body itself. Analyzing the material we used elements of the statistical method, the method of linguistic commentary, the comparative method.

Findings and their discussion. A lymnonym can be identical to the appellative, can have differences, but far not every can ascend to its appellative and be compared to the only meaning which has historical and cultural as well as geographic correspondence in the conditions of the location.

Units which reflect pagan outlook connected with names of spirits, demons in Orthodox understanding, testify first of all to the retention of the pagan component in our ancestors' understanding of the world, secondly, they make it possible to

Адрес для корреспонденции: e-mail: sintat@inbox.ru – Т.И. Синкевич

... speak about its conjugation with the Christian world perception, and thirdly, they manifest the most fundamental synthesis in our history, the synthesis of Slavonic pagan and Christian ethics. The sacred, sacral, as a part of spiritual culture, gives people the possibility of saving from the unknown, fear, helps to overcome doubts, difficulties.

Conclusion. *Thus, the study of both objects themselves and the surrounding landscape is important, as well as non material heritage of traditional culture which makes it possible to understand the development and transformation of ethnic stereotypes of the relations with the environment.*

Key words: *area, appellative, limnonym, world outlook, representation, sacral.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 200–205)

Имя собственное не бывает случайным. Оно всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического и культурного развития своих создателей, географически привязано к той или иной местности.

Цель статьи – выявить лимнонимы, в основе наименования которых содержатся лексемы, отражающие богатую духовную культуру наших предков. Это названия озер, которые находятся в Бешенковичском, Чашникском, Лепельском, Полоцком, Браславском, Поставском районах Витебщины.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили 1498 названий озер Белорусского Поозерья. Лимнонимы Витебщины сопоставлялись с гидронимическим материалом соседних территорий, что позволило посмотреть на каждое отдельное название как на элемент системы наименований той или иной территории. Нами также учитывались и признаки самого объекта.

При анализе материала использовались элементы статистического метода, метод лингвистического комментирования, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. Феномен духовной жизни проявляется, как мы знаем, только в обществе и только в символической форме, сохраняясь в коллективном бессознательном. Человеку в то далекое время были понятны только отношения между людьми, поэтому модель общины человек переносил на весь мир, пытаясь его «очеловечить» и сделать понятным для себя. Вымышленные же субстанции приобретали реальную, познаваемую форму, а земные силы наделялись сверхъестественными чертами. Из-за отсутствия границ между реальным и волшебным мирами не было деления на природу живую и неживую. У человека существовала необходимость каждым своим действием защититься от неудач и несчастий, а поэтому он создает систему мифологических представлений и магических действий. Именно поэтому традиционная модель мира, отраженная в том числе и в названиях водных объектов (озер), сохра-

нила некоторые черты мифологического мировосприятия [1].

Священное, сакральное, как часть духовной культуры, дает людям возможность спастись от неизвестности, страха, помогает справиться с сомнениями, трудностями. Когда феномен сакрального распространяется на что-либо (например, на отдельные названия озер), то он противопоставляется обыденному, мирскому. В момент поклонения священными являются и объект поклонения и субъект, то есть стираются границы между естественным и сверхъестественным. Сакральные объекты легли в основу исторической самоидентификации народов, их национальной гордости, повлияв, несомненно, на их развитие в целом. Сакральное – это все особенно ценное, значимое в историко-культурном наследии (т.е. это понятие нельзя сводить только к религиозному). Часто этот статус «священных» присваивается озерам, рекам, камням и т.д. Древние боги были богами объектов природы – озер, рек, которые по какой-то причине выделялись среди других географических объектов своей формой, размером, возможно, были отмечены каким-либо событием. Французский философ Леви-Брюль писал: «Священное место никогда не выступает в сознании ... как нечто отдельное, изолированное. Всякий раз оно является элементом более широкого комплекса, куда входят определенные виды растений и животных, изобилующие в данном месте в определенные периоды; мифические герои, которые здесь жили, творили, действовали» [1, с. 199].

Издавна почитавшиеся «святые места» были настоящими заповедниками, где все природные ресурсы находились под защитой духов – не потому что грешно, но и по этническим и моральным причинам, из самоуважения к религии, моральным устоям, традициям народа. Этнографы отмечают, что для таких мест характерен минимум хозяйственно-культурной деятельности. Можно привести легенду о священном озере в окрестностях г. Лепель: по свидетельству одного из старожилов, традиция запрещала ловить рыбу

в этом озере, находившемся во владении «Лепельского хозяина», а тот, кто нарушал запрет, мог поплатиться и собственной жизнью.

Среди сакральных объектов с материальной составляющей можно отметить священные реки и озера (нематериальная сфера представлена мифами, легендами, преданиями). Священные озера и реки встречаются у многих народов. В основе наименования 6 озер на исследованной нами территории Витебщины лежит прилагательное *святой*. Лексема «святой» принадлежит к общему запасу славянских и балтских языков; ср. в русск. святой, свят, свята, свято, в укр. святий, в блр. святы, в др.-русск. свять, в польск. *święty*, в лит. *šventas* – «святой», на остальной индоевропейской территории она фиксируется только в древних письменных памятниках Ирана. Само понятие святости значительно древнее и христианства, и русского народа как такового, его культуры и языка. По мнению В.Н. Топорова, современный адъектив святой через праславянский корень **svęt-* (= **svent-*) восходит к индоевропейской основе со значением «возрастание, набухание, вспухание», то есть «увеличение», относящийся к материальному, природному миру. Поэтому христианское употребление слова святой могло иметь не только греческий (латинский), но и параллельный дохристианский источник. В свое время с крещением Руси произошла встреча мифологической языческой традиции с идеями, образцами христианства и сложилось представление об иной святости: понимание возрастания в материальном плане сменилось пониманием духовного возрастания, возрастания в духе. Таким образом, *святой* (*Святой*) имеет языческую подоплеку в виде его отношения к природному, материальному миру и христианское осмысление того, что «святой – это тот человек, в ком пребывает особый вид духовно-благодатного возрастания, называемого святостью» [2, с. 169].

Одно из «святых» озер расположено в Чашинском районе Витебской области. По легенде озеро получило название по стоявшей посреди него на острове церкви. В качестве доказательства жители показывают виднеющиеся посреди озера купола и сохранившиеся остатки развалин церкви «Святой девы Марии». Много лет тому назад церковь ушла под воду, остров был затоплен. С одной стороны, лексема «святой» как бы наполнена «религиозной» семантикой, и мы можем предположить, что и в названии озера *Святое* (распо-

ложено оно в Лепельском районе) так же, как и в основе предыдущего названия, содержится лексема *святой* в значении «обладающий божественной благодатью» (ср. святая вода, святой источник). В XIX веке М.Н. Макаров писал: «Как говорят, на озере этом совершалась какая-то великая святыня. Люди доньше уважают это озеро» [2, с. 123].

Современные исследователи отмечают: «Говорят, стояла на этом месте церковь. В час обедни случилась гроза. Ударил молния, и провалился храм с народом вместе. И стало тут озеро на этом месте. А водица там непостоя» [3].

Но наименование *Святое* связано, видимо, не только с преданиями фольклорного характера, но и с уходящим в глубь веков культом воды, имевшим место как у славянских, так и других народов, населявших некогда эту древнейшую территорию. Вода – один из основных элементов строения мира. Именно поэтому существуют легенды о культовых источниках воды, они сохранились у жителей местности, где зафиксированы подобные наименования озер. Эти легенды передаются из поколения в поколение. Так, например, В. Пазняк, житель деревни Боровка Лепельского района, рассказывал: «Местный житель однажды в урочище Боровка, расположенном на берегу озера, в лесу на сосне увидел икону. Он позвал людей, икону сняли и отнесли в каменную церковь, но назавтра икона оказалась опять на том же месте, на том же дереве. Икону снова отнесли в церковь, а на этом месте построили каплицу. Там стала бить криница, к которой собирались люди, потому что она обладала чудодейственными свойствами, а люди лечились водой из нее. Таковую воду давали больным, с ее помощью лечили глаза, ею освящали жилища. Криница дала название озеру».

Как правило, номинация определяется не только действиями молить(ся), освящать, просить, лечить, ходить (за водой), но и некоторыми другими, бытовыми, не связанными с отправлением культа, типа: *Свято озеро*. «Попы на санях зимой ехали по льду, да и утонули. С тех пор озеро *Святом* и зовут» (Забелье, Бешенковичский район).

В святых озерах вода, как правило, чистая и холодная. Как считают многие ученые, часто такие озера могли «постоять за себя». Например, в Бешенковичском районе Витебской области пастухи рассказывают о *Святом* (*Белом*) озере так: «Если выпить из него воды, то

обрушится небывалый ливень, а то и град, а если попробовать купаться без молитвы, то можно и не вылезти из воды живым, оно затянет. Затянет святая сила, сванский бог». Очень часто такие озера имели второе название, оно носило характер названия-табу. На берегах таких озер располагались древние капища, где наши предки приносили жертвы воде, поклонялись ей.

Святые озера, источники могли существовать на балтских и славянских землях задолго до того, как славяне и балты приняли христианство. Следовательно, с другой стороны, мотивы наименований части водных объектов, известных в настоящее время в Украине, России, Литве, Польше, могли быть связаны (во всяком случае, самые ранние) и с первоначальным значением прилагательного *святый* – «могущественный, неестественно быстрый», как правило, это древнейшие проточные озера, с очень холодной водой и мощным течением. Это озера ледникового происхождения. Ряд названий озер, содержащих в своей основе лексему «святый», можно связать с номинацией по признаку «качество воды», в них вода «светлая, чистая», это озера, не содержащие карстовых отложений.

Мы рассмотрели часть верхнего локуса духовной, сакральной сферы, а теперь обратим внимание на нижний локус, который представлен в основном единицами с корнем *-черт-*. Они связаны с представлением о нечистой силе, вредящей людям, поэтому с этими объектами (где живет нечистая сила) связаны какие-то неприятности, драматические или трагические события, или само расположение объекта, его удаленность каким-то образом повлияли на образование названия, также это могли быть какие-то отдельные признаки, которые вызывают опасение, внушают боязнь, страх и тем самым отрицательное отношение к нему. Таковыми, например, являются названия озер *Чертово*, *Чертик*, *Чертовье*. Ходили слухи, что там чертей видели. С тех пор и зовут *Чертово*. «В старину говорили, будто черти там жили. Вот и зовут *Чертово*» (Лепельский район). Интересно, на наш взгляд, и название озера *Чертова яма*. «Воды нет нисколько, и в нее страшно глядеть» (Витебский район). Названия озер с лексемой *-черт-* можно также сопоставить с «чертить, очерчивать участок» [4], возможно, потому что люди обходили такие места стороной, «чурались их».

Опасность для человека, исходящая от мифических существ, нечистых, недобрых духов, живущих в озерах, передается топонимическим эпитетом *черный*. Одно из значений прилагательного *черный* в литературном языке – устар. «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью» [4]. Это значение, реализующееся в оттопонимическом эпитете *черный*, сопрягается и с другими значениями данного адъектива: ср. перен. «отрицательный, плохой»; «злостный, низкий, коварный»; перен. «мрачный, безрадостный, тяжелый»; «темный, полностью лишенный света» [4]. Проявляются эти качества по отношению к значительно удаленному объекту, к малодоступному месту, трудному для проезда, прохода и потому таящему в себе опасность для здоровья, жизни человека, – как правило, к озеру, находящемуся в лесной чаще и т.д. Именно названными отрицательными свойствами обусловлены все неприятности, случившиеся, происходившие на том или ином объекте, поскольку они связаны с нечистой черной силой, ее проявлениями, действиями. *Черное озеро*, потому что там русалки живут. «Вода в нем черная была. Сейчас ничего нет. Воды нет. А все равно *Черное озеро* зовут» (Полоцкий район).

На исследованной нами территории было зафиксировано белых озер – 35, черных – 24 (белые озера – верхний локус, а черные озера – нижний локус). Во многих местах Витебщины можно услышать легенды, повествующие о добром старце с длинной белой бородой и посохом в руке. Согласно преданию, там, где он появлялся, торжествовала справедливость, воцарялся мир и покой. Он олицетворял Белобога, которому поклонялись наши предки. Быть может, в его честь озера называли белыми. В противовес белым существуют озера, в основу наименования которых положена лексема *черн-*, возможно, в память о злом Чернобоге, которого боялись, а потому приносили ему жертвы (на берегах некоторых озер исследователи отмечают наличие мест поклонения). Позже, с принятием христианства, о Чернобоге забыли, все чаще его имя стали связывать с «чертом» (видимо, поэтому фиксируется ряд названий озер, в наименовании которых основа *черн-* имеет параллельные названия, в основе которых лежит лексема *черт-*, например, *Черное озеро* / *Чертово озеро* (Полоцкий район). Использование слов «белый», «черный» в качестве основ для наименования озер восходит к двум культурным

традициям – индоевропейской (дохристианской, языческой) и восточной (кочевой, тюркской, евразийской). В соответствии с первой культурной традицией белый цвет являлся символом высшего, положительного, божественного начала, символом удачи и счастья. В соответствии с восточной культурной традицией некоторые цвета символизировали стороны света: восток обозначался голубым или синим, юг – красным, запад – белым, север – черным, то есть цветовая символика была вербальным эквивалентом карты в бесписьменный период. У восточных славян, которые унаследовали две культурные традиции, связанные с цветовой символикой, доминировала в сознании и до сих пор преобладает индоевропейская традиция белого цвета как символа божественности, могущества мира, чистоты. Чаще всего именно это значение слова отражено в славянских географических названиях. Но при исследовании названий озер, связанных с цветовыми обозначениями, думается, надо учитывать также и строение земной коры в местах их нахождения. Например, в местах донных отложений вода в озере темная, а где их нет – светлая, чистая (особенно, если в озере бьют ключи или родники), то есть не только ассоциативные восприятия белого цвета, а реальный цвет воды в озере вполне мог служить основой мотивации его названия (в бинарной оппозиции «белый» – «черный»). В данной оппозиции реальные признаки объектов названия могли проявиться и иначе. В частности, некоторые из названий, встречающихся на исследуемой нами территории и содержащих в своей основе указание на цветовую символику, могут быть образованы не от основы *бел-* (*белый*), а от основы *бель* – «заболоченный березовый лес», «болото с березняком, заболоченное низкое место» и *чернь* – «черное болото, торфяное болото». Хотя при этом нельзя не согласиться и с мнением А.В. Суперанской, которая отмечает в своих работах: «Цветовые обозначения встречаются слишком часто, для того чтобы быть случайными. В то же время набор их слишком беден для того, чтобы они могли отражать какие-либо реальные признаки объектов. Все это заставляет думать, что они служат и служили своеобразными местными географическими терминами» [2, с. 121].

Интересным, на наш взгляд, является и название озера *Бабча*. В основе названия и деревни, и озера выделяем лексему *баба* (д. *Бабча* и озеро *Бабча*, первично название

озера, как более древнего географического объекта), в местных диалектах лексема имеет значение «поганский, языческий идол», здесь было языческое капище, что подтверждается археологическими раскопками на берегу озера *Бабча*, другое значение лексемы *баба* – «старое русло реки». В «Опыте описания Могилевской губернии» 1864 года записано, что «местечко *Бабча* лежит при *Зеленском озере* на упраздненном Санкт-Петербургском тракте, окружено хвойным лесом и Веретейским болотом [5]. В *Зеленское озеро*, что расположено рядом с озером *Бабча*, впадает три реки. В древности это могли быть старые русла рек, следовательно, значение названия озера *Бабча* можно вывести из значения лексемы «старое устье реки» (возможно, что и это озеро когда-то было проточным). По словам местной жительницы О.А. Еленцовой, «баба» – это ком глины, подготовленный как сырье для изготовления гончарных изделий, таким образом, название может быть также мотивировано лексемой с диалектным значением, указывая на род деятельности человека.

Обращает на себя внимание топонимический эпитет *поганый* (озеро *Поганик*), связанный со значением апеллятива *поганый* «нехристианский», устар., а также – «мерзкий, отвратительный, скверный» [4], являющийся своеобразным синонимом к «черный». К нижнему локусу сакральной сферы тяготеют посредники между нечистой силой и миром людей – те, кто помогает нечистой силе: ведьмы, колдуны – черная, поганая сила: озеро *Пога́ник*. «Ведьмы и колдуны слетались туда па начам, калдавали да варажили. Атсюда и завут так» (Браславский район).

В отдельных названиях озер отражается сочетание мотивов разных религий – христианской и языческой – одно из частных проявлений христианско-языческого синкретизма. Например, рассмотрим название озера *Крестцы*. «На перекрестке двух дорог, ведущих в деревню, разлилось озеро. По преданию, там стояла часовенка.

– Там колдуны се собирались, часовенка там была. Дороги скре́щивались, вот и прозвали место Кресцы́, а от места и озера назвали» (Лепельский район).

Название озера *Мокоша* (на берегу озера есть маленькая церквушка, где хранится икона св. Параскевы), что расположено в Бешенковичском районе, недалеко от другого озера, носящего название *Забельское*, можно связать с образом *Мокоши* – покровительницы

Матери-сырой земли. Мифологические представления русской и других славянских традиций содержат немало доказательств того, что женское языческое божество связывалось с влагой и со стихией воды в целом. Прежде всего, ученые считают, что само имя Мокошь, вероятнее всего, восходит к корню *mok-, *mokъ- [1], а образ Мокоши соотносится с Матерью-сырой землей. Косвенным доказательством этого является почитание у русских св. Параскевы Пятницы как «водяной и земляной матушки». В качестве сравнения можно привести материал чешской мифологической традиции, где известно имя мужского рода *Mokos*, относящееся к божеству влаги, дождя и сырости, к которому обращались с молитвами и жертвоприношениями во время большой засухи. На соотнесение Мокоши с водой указывает и отмеченный запрет стирать в пятницу. Показательно также, что, например, в новгородских говорах словом *мукуш* называют *русалку*, то есть мифологическое существо, непосредственно связанное с водой. Ритуал с однокоренным названием «мокрида», но посвященный св. Параскеве Пятнице, заместившей Мокошь, в XIX веке сохранялся на Украине: в ходе обряда Пятнице приносили жертву, бросая в колодец пряжу.

Заключение. В представлениях славян язычников о подземно-подводном ярусе мира много общечеловеческого, много также отголосков той далекой эпохи, когда после таяния гигантского ледника континенты были затоплены морями и озерами, быстро менявшими свои очертания. Много не изучено с точки зрения того, какой резкий перелом должен был произойти в человеческом сознании при таком быстром перевороте в природе, в облике и сущности мира.

Единицы, отражающие языческое мировоззрение, связанные с названиями духов, нечистой (в представлении христианства) силы, свидетельствуют о сохранении языческого

компонента в миропонимании наших предков, говорят о сопряжении его с уже христианским мировосприятием, свидетельствуют о самом фундаментальном синтезе в нашей истории – синтезе славянского язычества и христианской этики. А священное, сакральное, как часть духовной культуры, дает людям возможность спастись от неизвестности, страха, помогает справиться с сомнениями, трудностями.

Лимноним может быть идентичен апеллятиву, может иметь ряд формальных отличий от него, но далеко не каждый из них может быть возведен к своему апеллятиву и сопоставлен с единственным значением, имеющим историко-культурное или географическое соответствие в условиях данной местности.

Названия озер – это своеобразные знаки, понять содержание и значение которых можно, опираясь на разнообразные исторические, типологические и лингвистические данные. Таким образом, важно изучение как самих объектов, так и окружающего их ландшафта, а также нематериального наследия традиционной культуры, позволяющего понять развитие и изменение этнических стереотипов отношения с окружающей средой.

Литература

1. Маковский, М.М. Язык – миф, культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М., 1997. – С. 199.
2. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М., 1974. – С. 169.
3. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира / Л.А. Климкова. – М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ 2007. – С. 126.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1976–1980.
5. «Опыт описания Могилевской губернии», 1864 (акты записей спецхрана ИРЛИ).

Поступила в редакцию 03.11.2015 г.

УДК 811.161.1

Лингвокреативная деятельность и ее проявления в интернет-дискурсе

Клемят Л.Е.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Развитие сети Интернет дает импульс для проявления творческих способностей пользователей. У современных авторов появляются новые возможности для лингвокреативной деятельности.

Цель статьи – изучить проявления лингвокреативной деятельности в интернет-дискурсе, дать определения понятиям «лингвокреативная деятельность», «языковая игра».

Материал и методы. Исследование проводилось на материале сетевых публикаций, находящихся в свободном доступе. Был проведен анализ источников и документов, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, использовался описательный метод.

Результаты и их обсуждение. В работе рассматривается проблема лингвокреативной деятельности, дается определение этому понятию, обозначается корреляция терминов «лингвокреативная деятельность» и «языковая игра». Изучаются особенности проявления языкового творчества в интернет-дискурсе, для этого анализируются различные формы проявления креативного мышления, представленные в Сети.

Заключение. Лингвокреативной может быть названа любая творческая деятельность, схваченная словом и репрезентированная в тексте. Интернет-дискурс открывает для читателя многочисленные новаторские находки пользователей. Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что сетевые поэты используют богатство языка, создавая новые приемы и методы выражения замысла.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, языковая игра, интернет-дискурс, интернет-поэзия, юмор, каламбур.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 206–213)

Linguistic and Creative Activity and its Manifestations in the Internet Discourse

Klemiat L.E.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The Internet development triggers off manifestation of users' creative abilities. Contemporary authors obtain new possibilities for linguistic creative activity.

The purpose of the research is to study manifestations of linguistic and creative activity in the Internet discourse, to give definitions to the notions of linguistic and creative activity and language play.

Material and methods. The study was conducted on the material of the Internet publications which are in free access. Analysis of sources and documents was conducted, as well as the context analysis, the discourse analysis, the descriptive method was used.

Findings and their discussion. The issue of linguistic and creative activity is considered in the article, the definition of this phenomenon is given, the correlation of the terms of the linguistic and creative activity and the language play is identified. Features of the manifestation of language creativity in the Internet discourse are studied. To do this different forms of manifestation of creative thinking available on the Internet are analyzed.

Conclusion. Any creative activity gripped with a word and represented in the text can be called linguistic and creative. The Internet discourse opens for the reader various users' findings. The examples considered in the article make it possible to state that the network poets use language riches thus creating new ways and methods of expressing the idea.

Key words: linguistic and creative activity, language play, the Internet discourse, the Internet poetry, humour, play of words.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 206–213)

Адрес для корреспонденции: e-mail: core21core@mail.ru – Л.Е. Клемят

В творчестве поэтов во все времена активно использовались результаты лингвокреативной деятельности. По мере информатизации общества и развития сети Интернет возможности для проявления творчества авторов значительно расширились, можно сказать, вышли на принципиально новый уровень. При этом лингвокреативный подход остается востребованным, будучи важной частью писательского инструментария.

Лингвокреативная деятельность изучалась многими учеными, в числе которых Т.А. Гридина, А.Д. Шмелев, Т.В. Булыгина, Е.А. Агеева, Н.А. Николина, Е.А. Земская и другие. Этот феномен исследуется как лингвоведами, так и психологами, педагогами.

Цель статьи – дать определение понятию «лингвокреативная деятельность», обозначить корреляцию понятий «лингвокреативная деятельность» и «языковая игра»; исследовать проявления лингвокреативности в интернет-дискурсе.

Материал и методы. Исследование проводилось на материале популярных интернет-ресурсов: сайтов, сообществ в соцсетях. Использовался комплекс научных методов, включающий анализ источников и документов, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ. При систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод.

Результаты и их обсуждение. Творческое отношение к языку свойственно его носителям: в процессе речи постоянно создаются новые слова и словоформы или каким-то необычным образом используются и раскрываются уже существующие и привычные. Тяга к подобного рода «конструированию» вообще присуща человеку: еще с детства, постигая язык и усваивая все новые его компоненты, он с удовольствием включается в эту игру и дополняет лексикон собственными «нововведениями»:

- *Танечка, давай-ка переоденемся! – А где переодежда?*
- *Я из супа картошку съел, а разные мелкие детали есть не стал.*
- *До нас были предки. После нас будут потомки. Получается, что мы теперьки?*

Примеров такого детского творчества у каждой внимательной мамы – внушительная коллекция. Однако время креативного подхода к языку не заканчивается в детстве: многим взрослым (особенно если они обладают тонким языковым чутьем и чувством юмора) он

позволяет максимально точно выражать мысли и чувства, а для авторов литературных произведений он становится важнейшей частью писательского инструментария, эффективным художественным приемом.

Прежде чем говорить о лингвокреативной деятельности как явлении, следует дать определение этому понятию, а также обозначить корреляцию терминов «лингвокреативная деятельность» и «языковая игра». Надо отметить, что если языковой игре различными исследователями давались десятки определений, то отчетливой и состоятельной формулировки того, что представляет собой лингвокреативная деятельность, нет ни в лингвистических справочниках и словарях, ни в работах ученых. Вероятнее всего, это произошло по той причине, что значение данного термина кажется интуитивно понятным. Однако такая неопределенность приводит к тому, что разными исследователями этот термин понимается по-разному, а потому неизбежна путаница.

Исследование феномена языковой игры также пока не привело к какой-либо единой, общепринятой формулировке его определения. Так, одно из ранних определений, принимаемых до сих пор, было дано философом и культурологом Л. Витгенштейном в середине XX века. По его мнению, речевая игра – это ключевой элемент и речевой, и неречевой деятельности человека. То есть, по Витгенштейну, вся разумная деятельность человека, так или иначе связанная с речью, – это совокупность речевых игр [1, с. 238]. В конце XX века В.П. Руднев определил языковую игру как элемент реальности, воспринимаемый через призму языка ее носителями [2, с. 303].

Более современное и более широкое определение, данное Т.А. Гридиной, представляет языковую игру как форму лингвокреативной деятельности, цель которой – посредством осознанного нарушения языкового канона обнаружить собственную компетенцию в реализации возможностей языка. Лингвокреативная деятельность неразрывно связана с языковыми стереотипами, поскольку без них не будет возможности принять какую-то языковую тактику за канон, а предлагаемую новую, следовательно, – за отступление от канона [3, с. 28].

Некоторые российские исследователи (Е.А. Агеева, Н.А. Николина) указывают на почти полную тождественность языковых игр в письменной художественной речи и в разговорной устной. Основываясь на многообразии

приемов и универсальности их применения, они утверждают, что языковая игра и есть основа всей лингвокреативной деятельности [4, с. 43].

Е.А. Земская рассматривает лингвокреативную деятельность как один из способов реализовать поэтическую функцию языка, особенно в разговорной речи. Чаще всего говорящий в этом случае старается достичь комического эффекта, однако не всегда. Кроме того, лингвокреативная деятельность позволяет реализовывать экспрессивную функцию языка: смягчать или ужесточать речь, передавать мысль более точно, образно и выразительно [5, с. 202].

А.Д. Шмелев и Т.В. Булыгина обращают внимание на возможность использования парадоксов и логических противоречий, что также помогает достичь комического и любого другого эффекта [6, с. 51].

Впрочем, не все исследователи согласны со столь универсальным подходом к определению языковой игры. Некоторые, например К.Ф. Седов и И.Н. Горелов, считают языковую игру феноменом речевого общения, направленным на достижение комического эффекта, и именно в этом видят ключевое отличие языковой игры от стилистического приема [7, с. 174]. В пользу такого подхода приводятся два основных аргумента. С одной стороны, стилистический прием не ограничен комическим эффектом, но ограничен правилами языка и языковой логики. С другой стороны, языковая игра, по мнению некоторых ученых, направлена на достижение, в первую очередь, комического эффекта, зато совершенно не ограничена в арсенале методов и зачастую обращается к диалектизмам, просторечиям, жаргонизмам, смешению слов, каламбуру и множеству других средств, далеко не все из которых можно применить в художественной речи.

Мы будем исходить из того, что языковая игра и лингвокреативная деятельность – понятия разного объема. Языковая игра представляет собой одну из разновидностей лингвокреативной деятельности, сама же лингвокреативная деятельность – понятие более широкое.

Таким образом, можно дать следующее определение лингвокреативной деятельности: это творческий процесс, направленный на языковое самовыражение личности, позволяющий находить индивидуальный способ изложения мыслей; осознанно отступить

от принятых норм, создавая в рамках языка нечто новое, уникальное.

Можно назвать немало количество видов лингвокреативной деятельности, сюда входят многочисленные формы языковой игры, а также метафоризация, смысловая транспозиция, концептуальная интеграция и гибридизация, аппроксимация и т.д. Даже вымысел (и художественный и бытовой) можно рассматривать как вид лингвокреативной деятельности.

Лингвокреативная деятельность поистине универсальна. С одной стороны, она присуща в большей или меньшей мере всем носителям языка, вне зависимости от сферы жизни. С другой стороны, она захватывает все уровни языка – от фонетического до синтаксического.

Язык как таковой представляет собой гибкую систему, использование которой предполагает творческий подход, а креативная функция – одна из важнейших функций языка наряду с коммуникативной, информационной и другими.

Следовательно, *лингвокреативной может быть названа любая творческая деятельность, схваченная словом и репрезентированная в тексте.*

Еще одно удачное определение мы можем найти в работах Б.Ю. Нормана, хотя сам термин «лингвокреативная деятельность» там не применяется. «Языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, это ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [8, с. 58]. Здесь мы видим, что «языковой игрой в максимально широком понимании этого слова» называется не что иное, как лингвокреативная деятельность человека.

Для ее успешного осуществления, как уже отмечалось, требуется тонкое языковое чутье, а кроме того, идеальное знание норм языка, интуиция. Лингвистическое новшество должно быть точным, легко определяемым, иначе оно будет выглядеть как речевая ошибка, ничем неоправданный «ляп» в тексте или в речи.

Нужно отметить, что эта деятельность не может быть односторонней: как говорящий рассчитывает на то, что собеседник поймет и оценит его пассаж, так и автор, который использует творческий элемент в произведении, делает это в расчете на сообразительного и подготовленного читателя. Удовольствие от процесса получают обе стороны – автор при создании удачного «выверта», а читатель (слушатель) – при разгадывании задумки автора.

Иногда довольно трудно провести четкую грань между простым отступлением от канона (речевой ошибкой) и проявлением лингвистической креативности. Оценка зачастую бывает субъективной и основывается на том, достиг ли говорящий или пишущий желаемого эффекта.

Благоприятным полем для изучения проявлений лингвокреативной деятельности современных авторов становятся тематические сообщества Рунета. Интернет вообще и социальные сети в частности как пространство для проявления творчества стали явлением уникальным. Сегодня автору для того, чтобы быть услышанным и оцененным, нет необходимости ходить по редакциям СМИ, издавать сборники или участвовать в литературных конкурсах (хотя все это, безусловно, важно). Опубликовав на популярном тематическом интернет-ресурсе свое произведение, уже спустя считанные часы можно получить читательский отклик.

Особую роль в этом процессе играют социальные сети, становясь своеобразным фильтром, через который проходят (или не проходят) произведения современных авторов. Как отметили еще А. и Б. Стругацкие, «читатель – существо неорганизованное. <...> Он с удовольствием читает хорошие стихи и даже заучивает их наизусть, а плохие знать не желает». Сегодня, благодаря соцсетям, хорошими, по мнению пользователей, стихами (а также прочими проявлениями творческой мысли) стало принято еще и «делиться с друзьями».

Учитывая то, что у типичного пользователя соцсетей в «друзьях» находится от нескольких десятков до нескольких сотен человек и они в новостных лентах видят ту ин-

формацию, которой он считает нужным поделиться, мы имеем дело с геометрической прогрессией или так называемым вирусным характером распространения информации.

Таким образом, многие удачные примеры творческой деятельности становятся достоянием общественности и исследователей.

Изучая популярные в Сети тексты, мы не должны забывать, что имеем дело с материалом, «хорошим и достойным» по мнению массового читателя. Безусловно, где-то на просторах интернета есть куда более интересные и качественные произведения, которые, возможно, оказались слишком хороши или слишком сложны для того, чтобы получить массовое признание.

Самое широкое поле для лингвокреативной деятельности представляют собой шутки и анекдоты. Нестандартный взгляд на неологизмы нашего времени и соотнесение их с историческими фактами и персонами дают комический эффект:

– *Иосифу Виссарионовичу понравилось бы слово «гиперссылка».*

– *А Ивану Грозному – слово «кол-центр».*

Многозначность слов в русском языке издавна служила основой для создания многочисленных каламбуров. Сегодня в интернете появилось целое направление «графически-словесного» юмора: художники выкладывают в Сеть многочисленные иллюстрации к высказываниям и идиомам, демонстрируя, «как они это видят». Как правило, такие картинки подписываются авторами (рис. 1–2).

А в некоторых читателю предлагается самому разгадать этот ребус и понять, что именно изображено (рис. 3).

Рис. 1. Графически-словесный юмор с подписью.

Рис. 2. Графически-словесный юмор с подписью.

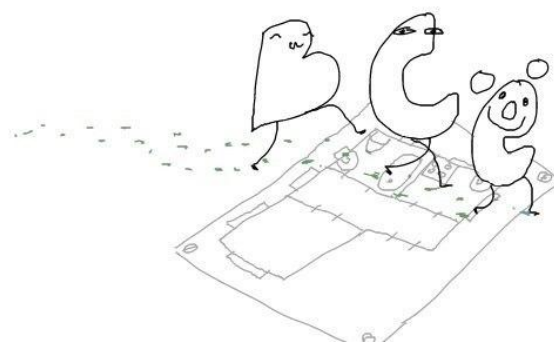

Рис. 3. Графически-словесный юмор (выражение «все идет по плану»).

Еще одно интересное использование идиом и устойчивых словосочетаний мы встречаем в известной психотехнике «Симорон» – сообществе веселых волшебников. Это игровой психотренинг, который направлен на раскрытие врожденных талантов, гениальности личности, служит для преодоления проблемных ситуаций и состояний и предполагает преобразование окружающей действительности. Оставив за рамками данного исследования вопрос его эффективности, рассмотрим исключительно лингвистический аспект. В рамках этой методики используются различные «ритуальные действия» или т.н. симоронские техники. Например, если настроение оставляет желать лучшего – его нужно поднять: написать на листке бумаги слово «настроение» и положить листок на самый высокий шкаф. Настроение поднято.

По аналогии выполняется такая задача, как «погасить кредит». Тут возможны варианты: содой и уксусом, желательным, в банке (в этом случае используется «усиление» – омоформы: стеклянная банка становится символом кредитного учреждения – банка); написать слово «кредит» на спичке, зажечь ее, а после *пога-*

сить. «Сидеть на диете», используя эту технику, также можно без жертв и вреда для здоровья: достаточно на листке бумаги написать слово «диета» и сесть на него.

Чтобы помириться после ссоры, следует «зарыть топор войны» (на эту роль предлагается кухонный топорик) и т.д.

Следует отметить, что все эти техники и «ритуальные действия» не придумываются каким-то одним автором и не являются «окончательными», напротив, все желающие могут добавить что-то свое и поделиться новыми идеями в тематических сообществах, на форумах, в результате чего наиболее удачные находки становятся популярными.

То есть и здесь мы имеем дело с потребностью человека не просто использовать язык «как есть», но и привносить в него нечто новое. И более того, наблюдаем своего рода «обратное заимствование» – не от фактов жизни к слову, а от слова – к факту жизни.

Но чаще всего креативный подход к языку проявляется в художественных произведениях. Рассмотрим, каким образом интернет-поэзия (популярные в Сети стихи-«пирожки» – относительно новый жанр поэзии, который заро-

дился на просторах рунета в 2003 году и с тех пор стремительно набирает популярность. Они представляют собой нерифмованные четверостишия, стихотворный размер которых дублирует начало «онегинской строфы». Впоследствии появились «порошки», отличающиеся тем, что вторая строка в них рифмуется с четвертой. К жанровым особенностям следует отнести отсутствие знаков препинания, заглавных букв; кроме того, в этих произведениях часто встречается нарочито неправильное написание орфограмм) дает возможность авторам играть словами, внося в них новые смыслы.

Основа для языковой игры может быть самой разной, и в каждом случае эффективность выбранного приема определяется тем, насколько точно удалось автору реализовать свою задумку, понял ли его читатель.

Языковая игра может основываться на звучании слова и даже на его графическом намерении:

*на покосившемся заборе
семен напишет слово жук
и детям почитать не стыдно
и взрослым пища для ума*
© *sometime*

Как видим, комический эффект достигается за счет фонетического и графического сходства слова «жук» с тем, что обычно пишется на заборах.

Иногда выбор лексики сам по себе становится игрой. Например, ирония в отношении тех носителей языка, которые не могут полноценно изъясняться и злоупотребляют словами-паразитами, становится очевидной, если составить стихотворение практически только из этих слов:

*а вот еще такой был случай
приходит этот как его
к тому который ну ты знаешь
и это самое прикинь*
© *Л.М.*

Однако наибольший простор для лингвокреативной деятельности современным авторам дают формы языковой игры, основанные на многозначности слов. Они становятся способом проявить уникальный авторский стиль и собственную манеру письма, дают возможность создать лирический, юмористический, пародийный или сатирический смысл, пользуясь иносказаниями и намеками. Авторы обращаются к каламбуру – литературному приему с использованием в одном контексте

разных значений слова или словосочетаний, сходных по звучанию.

Удачную классификацию, основанную на внутреннем построении каламбура, предложили С.И. Влахов и С.К. Флорин. Они считают, что каламбуры могут быть построены:

1) преимущественно на фонетической основе (преобладание звуковой стороны над смысловой);

2) преимущественно на лексической основе (единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов, а также и некоторые особые случаи – каламбуры на основе терминов и имен собственных);

3) преимущественно на фразеологической основе (обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний) [9, с. 13].

Все эти виды каламбуров присутствуют в исследуемых произведениях.

Первый из них – фонетические каламбуры – встречается довольно редко. Можно предположить, что причина этого как раз в жанровом своеобразии произведений интернет-поэзии. В отличие от большинства других стихотворений, которые лучше воспринимать на слух, стихи-«пирожки» и их производные следует именно читать «с листа»: отсутствие знаков препинания предполагает, что читатель сам должен расставить паузы и определиться с интонацией, и эта необходимость уже включена в «меню», она важна для восприятия. Однако при желании здесь можно отыскать и фонетические каламбуры:

*зухра гуляла с той терьером
сказал олег а николай
его поправил с тем терьером
или с терьерой если с той*
© *Олег Олег*

Значительно больше «пирожковых» каламбуров относятся к третьей группе – основным преимущественно на фразеологической основе. Творческий подход к устойчивым словосочетаниям и идиомам, как уже отмечалось, дает особые возможности для самовыражения:

*когда мы встретились глазами
мы оба поняли что нам
необходимо повстречаться
друг с другом чем нибудь еще*
© *бес*

Часто эти шутки глубоко «лингвистичны», то есть игра слов не используется просто как прием, на ней строится основная идея стихотворения,

ради этого пассажа произведение и написано. Вот как совместили две идиомы с общим словом «фигура речи» и «бережь фигуру»:

*я берегу фигуру речи
после шести не говорю
чужых не слушаю рассказов
и не читаю на ночь книг*
© *александра*

Стихотворений, в которых языковая игра становится самоцелью, встречается довольно много, авторы с удовольствием подсказывают читателям интересные пассажи:

*ребенок битый час рыдает
сей лингвистический кульбит
не даст понять без интонаций
кто бит*
© *Олег Олег*

Отсутствие в этих стихах знаков препинания как таковых заставляет читателей самостоятельно решать знаменитую задачку «казнить нельзя помиловать», на чем и акцентировал внимание автор этого произведения.

Нередко в интернет-поэзии используются жаргонные устойчивые выражения:

*да что вы знаете о страсти
что понимаете в любви
а вот у богомоллов вправду
снос крыши и отрыв башки*
© *zeinab*

«Снос крыши», «отрыв башки» – обе эти идиомы означают определенную степень неадекватности, сумасшествие, однако употребляются они преимущественно в положительной коннотации и потому вполне подходят для описания состояния, свойственного влюбленным. Комический эффект достигается за счет проведения параллели с богомолами, самки которых, как известно, после спаривания убивают самцов, откусывая им голову.

Игра с каламбурами не всегда призвана создавать исключительно комический эффект. Так, например, соединив воедино «журавлиный клин» и «клин клином вышибают», автор передает читателям невеселое «осеннее» настроение:

*стоять в полях и любоваться
как осень лету на лету
наносит клином журавлиным
свой добивающий удар*
© *Олег Олег*

Самая же многочисленная группа каламбуров, которые применяются в интернет-

поэзии, – это единицы, построенные преимущественно на лексической основе:

*передо мной стоит задача
и нерешительно молчит
я говорю ей будь попоже
давай решайся говорю*
© *ethorpevoila*

«Быть поже» и «решиться на что-то» – в этом значении указанные слова обычно относятся к людям. Для задачи же это означало бы быстро и легко найденное решение, на чем и концентрирует внимание автор (здесь наблюдается два приема, в основе которых лежит многозначность, – использование каламбура и олицетворения).

Жаргонизмы часто присутствуют и в каламбурах этой группы:

*ах как же вы меня достали
новорожденный закричал*
© *Марыся Ковальска*

Комический эффект этого двустипия («полпирога») основан на игре слов: «достали» в его прямом значении – извлекли, и в переносном – надоели.

Не менее часто встречаются такого рода каламбуры и в белорусской интернет-поэзии:

*генадзь сваю кахае жонку
на дзень народзін дорыць ёй
ён найцудоўнейшую норку
яе капаў ён цэлы год*
(*автор неизвестен*)

Как понимает читатель, «норка» в значении «мех» или в переносном значении «норковая шуба» была бы значительно более желанным подарком для жены Геннадия, чем норка в значении «нора», которую необходимо копать [10–12].

Заключение. Лингвокреативной может быть названа любая творческая деятельность, схваченная словом и репрезентированная в тексте. Она находит свое отражение в разговорной и публицистической речи, но именно поэтическое творчество позволяет увидеть все многообразие возможных форм языковых игр. Интернет-дискурс открывает перед читателями многочисленные новаторские находки как поэтов, так и рядовых пользователей. Лингвокреативная деятельность тесно связана с поэтическим новаторством, что подтверждается многочисленными примерами в русской и белорусской интернет-поэзии. Исследованный материал позволяет с уверенностью говорить о том, что поэты используют богатство

языка, создавая новые приемы и методы выражения замысла.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: Наука, 1945. – 340 с.
2. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 380 с.
3. Гридина, Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т.А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: материалы докладов и сообщений Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 25–26 апр. 2002 г. / Уральск. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – С. 28–33.
4. Николина, Н.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста / Н.А. Николина, Е.А. Агеева // Русский язык сегодня: сб. ст. – М., 2000. – Вып. 1.
5. Земская, Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М., 1981. – 276 с.
6. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Высшая школа, 1997. – 253 с.
7. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Международные отношения, 1997. – 492 с.
8. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М.: Наука, 2006. – 341 с.
9. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
10. Пирожки + [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/perawki>. – Дата доступа: 10.09.2015.
11. Пирожки из бездны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/piroprofound>. – Дата доступа: 10.09.2015.
12. Ты богиня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milosskaya.ru/>. – Дата доступа: 10.09.2015.

Поступила в редакцию 21.09.2015 г.

УДК 070:81*42+811.161

Праздничный дискурс в районной прессе

Пивоварчик Т.А.

Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно

Информационное поле районной газеты формируется репертуаром тем и типичными способами их представления через общественно признанные и официально одобренные культурные сценарии. Одним из таких сценариев является праздник как символически организованное социокультурное и коммуникативное событие.

Цель статьи – выявить основные признаки и функции праздничного дискурса в современной районной газете, описать когнитивно-аксиологическое и речезанровое поле праздника как медиатизированного события на основе анализа устойчивых тематических коллокаций.

Материал и методы. Объектом исследования выступают разножанровые публикации, выбранные из 75 номеров 11 двуязычных районных газет Гродненской области (2013–2015 гг.), а также высказывания и формирующие их языковые единицы как маркеры дискурсных конфигураций. Методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в сфере дискурс-анализа и медиалингвистики.

Результаты и их обсуждение. Широта и разноплановость праздничного дискурса районной газеты объясняется актуальностью праздника как социокультурного феномена и возможностями его взаимодействия с другими дискурсами в рамках содержательного поля СМИ – информационным, политическим, рекламным, просветительским, повседневным и т.д. Праздник в публикации может выступать в качестве фокусного или фонового события. Выбор модели освещения праздничных событий зависит от типа праздника, его масштаба и значимости. Анализ газет позволил выявить жанрово-тематическое ядро и периферию праздничного дискурса районной газеты, а также наиболее устойчивые тематические коллокации, регулярно воспроизводимые на страницах районных газет при освещении праздника.

Заключение. Праздник является устойчивым топиком и одним из опорных концептов дискурса современной районной газеты. Полифункциональность, аксиологичность, смысловая насыщенность позволяют праздничному дискурсу выполнять роль одного из универсальных механизмов формирования повестки дня и влияния на мировоззрение читательской аудитории.

Ключевые слова: районная газета, дискурс СМИ, событие, праздничный дискурс, газетный жанр, тематика газеты, устойчивые тематические коллокации.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 214–221)

Festive Discourse in Local Press

Pivovarchik T.A.

Educational Establishment «Grodno State Yanka Kupala University», Grodno

The information field of the district newspaper is shaped by means of theme repertoire and typical ways of their presentation by the socially recognized and officially approved cultural scripts. One of such script is the festival as a symbolically organized social and cultural as well as communicative event

The aim of the article is to reveal the main features and functions of festive discourse in contemporary district newspaper, to describe the cognitive and axiological field, speech and genre field of festival as media event on the base of sustainable thematic collocations analysis.

Material and methods. The object of the research is publications of different genres selected from 75 issues of 11 bilingual Grodno Region newspapers (2013–2015), as well as utterances and linguistic units, which shape them, as markers of discursive configurations. The methodological basis of the research is scientific works of domestic and foreign scientists in the field of discourse analysis and media linguistics.

Findings and their discussion. The wide range and diversity of festive discourse in the regional newspaper are explained by festive topicality as a social and cultural phenomenon and by the possibilities of its interaction with the other discourses within the content field of media – informational, political, advertising, educational, everyday, etc. The festival in a publication can be both a focus and a background event. The model of festive event media coverage depends on the type of event, its scale and importance. The analysis of newspapers revealed the genre and thematic core and the periphery of festive discourse in the district newspaper, as well as the most stable thematic collocations regularly reproduced in district newspapers in covering the festival.

Адрес для корреспонденции: e-mail: t.pivovarchik@grsu.by tpi_v@tut.by – Т.А. Пивоварчик

Conclusion. *The holiday is a sustainable topic and one of the bearing concepts of modern district newspaper discourse. Multifunctionality, axiological and semantic richness help festive discourse to fulfill the role of one of the universal mechanisms of agenda formation and influence on the audience world view.*

Key words: *district newspaper, media discourse, event, festive discourse, journalistic genre, newspaper theme, sustainable thematic collocation.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 214–221)

Информационное поле любого издания, в том числе районной газеты, – категория прагматическая, так как связана с нормой и выбором: в идеале газета должна сообщать обо всех возможных фрагментах действительности, на деле объем информационного поля всегда ограничен, что создает основу для формирования повестки дня. При этом можно говорить не только о репертуаре тем, но и о типичных способах их представления через узнаваемые читателем, общественно признанные и официально одобренные культурные сценарии, благодаря чему СМИ могут оказывать идеологическое влияние на свою аудиторию.

Одним из таких сценариев в районной газете нередко становится праздник как «духовно-практическая деятельность, опирающаяся на систему ценностей, апробированных межпоколенным общением людей, и протекающая в сакральном времени и пространстве, свободно, в соответствии с регламентом праздничного кодекса» [1, с. 16]. Будучи одной из разновидностей «событий как символически организованных действий» [2], праздник вовлекает в свое коммуникативное пространство читателей газеты как представителей единого районного сообщества, а информирование о празднике превращается в одну из «индустрий» в сфере социокультурных коммуникаций.

Феномен современного праздника в связи с различными дискурсами его существования (политическим, маркетинговым, религиозным, повседневным и т.д.) становился объектом различных гуманитарных исследований, в основном имеющих междисциплинарный характер (Т.П. Ванченко, В.Н. Ефремова, Е.А. Каверина, В.В. Кашпур, Т.Н. Паренчук, Ю.М. Соболева, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер, А.И. Щербинин и т.д.). При этом особое внимание уделялось социокультурной природе праздника и его символично-семиотическим и когнитивным аспектам.

Проблема дискурса современных региональных СМИ (в том числе областной, городской, районной прессы) разрабатывалась в работах зарубежных ученых Н.В. Бергер, Н. Вайнонена, К. ван Вуурен, О.А. Вороно-

вой, М. Герули, Р.В. Даутовой, Е.Я. Дугина, Ю.М. Ершова, Б.Н. Киршина, М.В. Ливановой, Т.В. Назаровой, Д. Рэдклиффа, Л.Л. Черепановой и др. Региональной прессе Беларуси посвящены исследования В.А. Беляковой, В.П. Воробьева, Е.В. Красовской, А.А. Лавицкого, А.Г. Петроченко, Н.В. Тумилович и др. Особую значимость такие работы имеют в свете современной концепции частных функционально-стилевых картин мира (Г.Я. Солганик, Л.Р. Дускаева), исходя из которой можно предположить, что семантическое пространство, коммуникативный и языковой узусы районной газеты как типа издания имеют свои особенности. В силу этого требуют исследовательского внимания тематические и смысловые доминанты региональных СМИ. Так, ученые обращали внимание на регулярную представленность в локальной прессе однотипных материалов, приуроченных к различным праздникам и написанных «в бодром, оптимистичном тоне», при этом давали совершенно разную оценку этому жанрово-содержательному феномену в повестке дня местных СМИ [3, с. 17; 4, с. 115 и др.]. Отсутствие специальных работ, посвященных комплексному исследованию особенностей отражения и конструирования тех или иных социально значимых тем в региональной прессе Беларуси, обуславливает актуальность данного исследования.

Цель статьи – выявить основные признаки и функции праздничного дискурса в современной районной газете, описать когнитивно-аксиологическое и речевое поле праздника как медиатизированного события, в том числе на основе описания устойчивых тематических коллокаций.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили номера 11 двуязычных районных газет Гродненской области, изданные в 2013–2015 гг. Общее количество публикаций, полученных в результате сплошной выборки из 75 номеров газет, составило 270 белорусскоязычных и 310 русскоязычных текстов. Исследование основано на тематическом подходе к пониманию дискурса как совокупности «продуктов речевой деятельности

вокруг определенных социально значимых тем, которые в тот или иной момент оказываются в центре общественного внимания» [5]. Объектом анализа являлись как разножанровые публикации, так и высказывания и формирующие их языковые единицы, которые рассматривались как маркеры дискурсных конфигураций, выражающих идеологическую позицию автора статьи в отношении определенного события [6, с. 22].

Опираясь на утверждение Т. ван Дейка о том, что на формирование у читателей ментальных моделей (то есть субъективных интерпретаций событий) влияет скорее не общая тема публикации, а используемые журналистами формулировки [7], именно этим формулировкам мы уделили наибольшее внимание. Анализ газет позволил выявить наиболее устойчивые тематические коллокации (Т.Г. Добросклонская), регулярно воспроизводимые на страницах районных газет при освещении праздника.

Результаты и их обсуждение. «Разговоры вокруг праздника» нельзя отнести к «новым дискурсивным практикам» (С.О. Иссерс) в пространстве районной газеты, но точно можно заметить, что в последние годы эта практика активизируется, прирастает жанровыми разновидностями, расширяется за счет коммуникативных технологий, то есть закономерно меняется под влиянием меняющихся социальных обстоятельств [8]. Широкая представленность праздничных ценностей и символов на страницах районной газеты, с одной стороны, объективно отражает изменения в организации жизненного хронотопа современного жителя района, прежде всего – рост числа праздников, с другой стороны, становится авторским способом моделирования в медийном языке наблюдаемых и описываемых событий через определенную систему ценностей, представлений, установок. Праздник стал устойчивым топиком и, одновременно, одним из опорных концептов дискурса районной газеты. На это обратил внимание и главный редактор одной из районных газет, сетуя на «бесконечную череду больших, маленьких и неизвестных праздников»: «Жыццё ў нас зараз – суцэльная чарада святочных дзён: адкрыты календар на любой старонцы – і абавязкова даведаешся, якая сёння нагода, каб “адзначыць”. Кожны дзень – якое-небудзь свята: дзяржаўнае, прафесійнае, рэлігійнае ці, як гаворыць моладзь, “прыкольнае”» (АП. 15.10.2014). Районная газета, определившая

для себя в качестве информационной нормы обязательное реагирование на основные календарные даты и обязательное освещение праздничных событий, иной раз оказывается в непростой ситуации при планировании номера газеты. Так, на первой полосе № 49 от 28.06.2015 г. «Бераставіцкай газеты» соседствуют сразу четыре материала, посвященных разным праздникам: два поздравления от органов местной власти – с Днем молодежи (29 июня) и Днем экономиста (30 июня), информация в жанре «вопрос – ответ» о фестивале польской культуры и быта и его программа (29 июня), анонс-приглашение на фестиваль-конкурс «Здоровая нация – квітнеючая Беларусь» (29 июня).

Праздничный дискурс районной газеты неоднороден, во-первых, потому что существуют разные типы праздников, изначально принадлежащие различным сферам жизни общества (государственные, религиозные, народные, семейные и т.д.), во-вторых, потому что благодаря усилиям журналиста идеология праздника может использоваться для моделирования иного дискурса. «Праздничный дискурс по своей природе является “дискурсом-восприимчиком”, он открыт другим дискурсам, активно взаимодействует с фольклорным, бытовым, политическим, педагогическим и другими дискурсами, включая некоторые из жанров в неизменном виде либо наполняя их праздничным содержанием» [9, с. 55].

Праздник как объект журналистского описания представлен в районной газете в двух видах: как фокусное событие и как событие фоновое (термины В.З. Демьянкова). В первом случае праздник становится основной темой отдельной публикации, некоторой совокупности публикаций в одном номере или их серии в нескольких номерах, тематической полосы, вкладыша или даже специального выпуска. Во втором случае праздник используется как календарный повод для создания материала другой тематической направленности. Информация, поданная сквозь идеологию праздника, упрощает ее восприятие, встраивает ее в уже понятные читателю сценарии повседневной жизни.

Если праздник в районной газете становится фокусным событием, то материал о нем (или анонс материала) чаще всего размещается уже на первой полосе, затем тема развивается на внутренних страницах газеты в структуре разножанровых материалов, благодаря

чему праздник рассматривается и освещается многоуровнево (от фокусного события – к фоновому). Например, в № 45 от 14.06.2014 г. газеты «Полымя», вышедшем накануне Дня медицинских работников, на первой полосе размещены четыре тематических материала: официальное поздравление от органов местной власти, поздравительное обращение главного врача районной больницы, заметка о тематической акции «Сохраним и укрепим наше здоровье», информация о награждении работников отрасли. Вся вторая полоса отведена под интервью с победителем районного конкурса в номинации «Лучший руководитель учреждения здравоохранения». На третьей странице представлены два очерка о представителях профессии, на 11-й – частные объявления-благодарности медицинским работникам от жителей района.

Ядром праздничного газетного дискурса становятся (1) информационный дискурс о подготовке, организации и проведении праздничных мероприятий и их итогах в жанрах заметки, информационного отчета, режиссуры – репортажа и (2) социально-ритуальный дискурс, представленный жанром официального поздравления. Ближнюю периферию образует (3) информационно-имиджевый (иначе – корпоративно-маркетинговый) дискурс о «героях праздника» (административных единицах, предприятиях и организациях, людях) с характерными названиями рубрик: *Адреса опыта* (ЗН. 16.04.2014); *Професіяналы* (НЖ. 22.03.2014). К дальней периферии можно отнести (4) просветительский дискурс, посвященный историческим событиям; обычно такие материалы размещаются под соответствующими рубриками: *К 75-летию воссоединения Беларуси* (ВГ. 24.09.2014); *3 августа – День железнодорожника* (СГ. 02.08.2014), а также (5) дискурс повседневности, представленный частными объявлениями в жанрах поздравления и благодарности.

Анализ районных газет позволяет увидеть различные модели освещения праздничных событий и обнаружить зависимость этих моделей от типа праздника, его масштаба и значимости. Публикации праздничной тематики в проанализированных номерах газет были представлены в следующих основных жанрах: объявления-приглашения, объявления-анонсы, заметки, информационные и аналитические отчеты, репортажи, зарисовки, очерки. Также следует отметить постоянное присутствие на страницах газет материалов

с праздничной тематикой в других жанровых формах: в политическом дискурсе – поздравления, выступления, интервью и т.д. представителей власти и других акторов политики; в корпоративно-маркетинговом дискурсе – юбилейные интервью, статьи, очерки о ведущих предприятиях и организациях и их руководителях, рекламные статьи и объявления; в дискурсе повседневности – письма и частные объявления читателей газеты. Все упомянутые выше тексты создают единое и постоянное поле праздника в информационно-жанровом пространстве газеты. Таким образом, характерное для современных масс-медиа смешение дискурсов (интердискурсивность) проявляется в районной газете и в тематическом поле праздника.

Анализ газетных номеров позволил выделить целый ряд функций праздничного дискурса в районном издании; в большинстве случаев эти функции идентичны функциям праздника как социокультурного феномена; газета при этом выступает в роли медиатора, через который эти функции реализуются.

Одной из важнейших функций текстов праздничной тематики является функция интеграции – объединения местного сообщества на основе позитивной идентичности и общих ценностей, воплощаемых в идее праздника: *Эти весенние дни наполнены особым смыслом. Они помогают каждому из нас ощутить удивительную красоту окружающей жизни* (ЗН. 19.04.2014). При этом наибольшей риторической силой обладают мотивы героики – боевых подвигов, героического труда, побед, рекордов и достижений в трудные времена, общего славного прошлого и т.д.: *Сёння мы <...> ушаноўваем хлебарабаў, дзякуючы нялёгкай працы якіх квітнее і развіваецца родная Беларусь...* (Пер. 27.08.2014); *Мы нікогда не забудем, **каким трудным был путь и какой ценой** дасталася Вялікая Перада* (БГ. 15.07.2014); *За **всеми** перадамі і дасягненнямі, безумоўна, **стоит напряженный, добросовестный труд** **каждого** члена **трудоваго** **коллектива**...* (Дз. 14.02.2014). Идея всеохватности праздника подчеркивается кванторами всеобщности, личными и посессивными местоимениями, оценочной лексикой, идеологемами, эпистемической модальностью и т.д.: ***Як вядома, **набліжаецца слаўная дата:** трэцяга ліпеня г.г. **наша краіна** рыхтуецца адзначыць 70-годдзе з дня вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. **Безумоўна, гэта*****

свята з'яўляецца сімвалам свабоды і незалежнасці беларускай нацыі і служыць напамінкам усім грамадзянам аб тым, што для нас вельмі важны мір і спакой на зямлі (Пол. 18.06.2014).

Прагматический эффект праздничного дискурса в газете объясняется тем, что большую часть разножанровых текстов, связанных с календарными праздниками, можно уверенно отнести к «текстам, которые содержат разделяемые неким коллективом убеждения, порождают либо усиливают их и предполагают ту или иную позицию в дискурсном поле» [6, с. 18], апеллируют к чувствам читателей на основе актуализации оппозиции «свой – чужой». Ср.: *Мы одни из немногих на постсоветском пространстве, кто отдает дань уважения этой исторической дате* (ВГ. 12.11.2014). Поскольку современная районная газета наибольшее внимание уделяет праздникам, связанным с государственно-политическими и профессионально-трудовыми традициями, она способствует росту популярности среди населения района в первую очередь этих праздников и, как следствие, участвует в формировании национально-государственной и профессиональной идентификации читателей.

Обращают на себя внимание оценочные перифразы, подчеркивающие значимые ценностные характеристики того или иного события и подтверждающие таким образом его статус праздника: бел. *свята вясны і прыгажосці* (8 сакавіка); *свята дзяцінства і юнацтва* (1 верасня); *свята кнігі і друку* (Дзень беларускага пісьменства); *свята працаўнікоў* (Дажынкi) и т.д., например: *Сапраўднае свята спорту і здароўя адбылося ў Гудагайскай сярэдняй школе. Тут прайшлі фінальныя спаборніцтвы па рухальных гульнях сярод вучняў пачатковых класаў школ раёна* (АП. 02.01.2015); *Ежегодно в последнее воскресенье июня Беларусь отмечает День молодежи – праздник творчества и вдохновения, энергии и задора, познания и самоутверждения, любви и романтики* (НЧ. 28.06.2014).

Выполняет праздничный дискурс и функцию легитимации существующего порядка вещей, сложившегося образа жизни («именно политические праздники были наиболее эффективным средством идентификации индивида с режимом, а это означало наиболее эффективный механизм легитимации нового строя и социализации граждан» [10, с. 52–

53]), а также имиджевую функцию позиционирования местных органов власти как организаторов праздника: *З глыбокай павагай да вялікага падзвігу* (Пол. 18.06.2014); *Спасибо руководству города, которое подарило его жителям такой замечательный праздник* (ЛГ. 19.09.2013); *Руніўся на добраўпарадкаванні да свята мясцовы сельвыканкам...* (Пер. 27.08.2014); *До следующего праздника деревни односельчане будут благодарить организаторов этого чудесного мероприятия* (ЛГ. 19.07.2014).

Функция мобилизации реализуется через специальные жанры (напутствие, пожелание, завет, совет) и языковые средства, отражающие совместность «проживания» праздника, разделения со всеми участниками его ценностей и ритуалов: *Уважаемые работники отрасли! Мы уверены, что и в дальнейшем вы будете успешно решать стоящие перед вами задачи* (СГ. 02.08.2014).

Воспитательно-просветительскую функцию выполняют тексты, посвященные прежде всего религиозным праздникам и важным историческим событиям. В первом случае дискурс имеет черты проповеднического слова (назидательность, риторические приемы, библеизмы, орфография и т.д.), авторами публикаций и героями интервью становятся преимущественно священники: *На сороковой день после Святой Пасхи Православная церковь празднует Вознесение Господне <...> Спаситель осязательно уверял их в том, что действительно воскрес и готовил апостолов к великому делу – проповедовать Евангелие всем народам, крестить, учить всему, что Он заповедал* (Пол. 28.05.2014). Во втором случае в качестве авторов-экспертов выступают ученые, учителя, краеведы, а сами тексты демонстрируют черты научно-популярного дискурса.

Рекреационной функции праздничного дискурса способствуют широкое использование изобразительно-выразительных речевых средств, эксплуатация различных типов пафоса, употребление приема инфотейнмента (разыгрывания новости) и включение в содержательное поле газеты развлекательного контента (конкурсов, игр, забавных историй и т.д.). В текстах постоянно подчеркивается значимость праздника как радостного времяпрепровождения: *Эмоций, подаренных одним праздничным днем, теперь хватит на целый год* (ЛГ. 19.07.2014); *Всех, кто так долго ждал праздника, веселья и развлечений, от-*

дел идеологической работы, культуры и по делам молодежи райисполкома, приглашает на большой праздничный концерт...<...> Приходите! Будет весело! (Пол. 28.05.2014); Все были очень довольны проведенным праздником. Много радости и веселья подарил он всем присутствовавшим здесь в тот незабываемый декабрьский вечер (ЗН. 22.12.2013).

В реализации всех вышеобозначенных функций немалое место занимает представление праздника как сакрального, необычного, экстраординарного события, противопоставленного будням: *Старажытны пасёлак Мір на працягу трох дзён ператворыцца ў адкрытую канцэртную пляцоўку* (Пол. 18.06.2014).

Лексико-семантическую основу праздничного дискурса районных газет составляют ключевые слова и повторяющиеся, устойчивые тематические коллокации, отражающие видение события и его оценку, дающие представление об образном обобщении праздничного события.

Поскольку каждый праздник обязательно является коммуникативным событием, то многие его характеристики описываются глаголами и глагольно-именными сочетаниями, называющими речевые действия участников праздника. Глаголы позволяют проследить последовательность обязательных действий, получающих ритуальный и символический характер: бел. *ушаноўваць, уручаць, узнагароджваць, адзначаць, адначываць*. В газете реализуются и одновременно демонстрируются модели нормативного коммуникативного поведения в ситуации праздника. Эта модель включает в себя типичные речевые акты: рус. *выступить с торжественной речью, адресовать напутственное послание*; бел. *прывітаць, запрасіць, віншаваць, выказаць словы ўдзячнасці*.

Отдельным объектом исследования могут стать разноструктурные наименования праздников, представляющих собой самостоятельное событие или элемент праздничных мероприятий: бел. *урачыстасць, урачыстае мерапрыемства, імпрэза, кірмаш, тэатралізаванае прадстаўленне, кірмашовы карнавал, урачысты сход, шэсце, парад (сельскагаспадарчай) тэхнікі, свята-шанаванне, выстава-продаж, фестываль-конкурс, мітынг-рэквіем, светадыёдна-лазерна-танцавальнае шоу, гульні-забаўляльнае мерапрыемства*. Форма множественного

числа наименования подчеркивает временную протяженность праздника и одновременно его многоэлементную структуру: рус. *торжества, праздничные мероприятия, спортивно-массовые мероприятия*; бел. *навагоднія святы, святочныя мерапрыемствы, народныя гулянні, урачыстасці*. Регулярными на страницах газеты являются штампы, заимствованные из официально-делового дискурса и призванные «повысить» статусность и масштабность мероприятия, подчеркнуть его организованный характер, например: бел. *канцэртная праграма* (ср.: канцэрт).

Оценочные определения ранжируют праздники по степени их значимости, привязанности к хронотопу, а также по особенностям празднования: рус. *светлый праздник, знаменательный праздник, незабываемый праздник, значимый праздник*, бел. *феерычнае свята, вельмі сямейнае свята, шчырае і сардэчнае свята, шчодрае свята, багатае на падарункі і словы падзякі свята, захапляльнае і непаўторнае свята*. Временная протяженность праздничных мероприятий подчеркивается разнообразной темпоральной лексикой, но особо следует подчеркнуть, что как праздничные мероприятия, так и публикации в газетах обычно предшествуют календарным датам, поэтому наиболее частотны лексические единицы со значением предшествования: рус. *накануне (праздника); в преддверии (праздника); предпраздничная (выставка)*; бел. *перадсвятчны (дзень), напарэдадні (святаў)*. Ср. с названием рубрики: *Готовимся к празднику* (ЗН. 16.04.2014).

Интерес представляет и еще один тип устойчивых конструкций – на основе глаголов *приурочить (прмеркаваць), посвятить (присвяціць), отметить (адзначаць)*, которые «соединяют» в содержании праздника две его составляющие: дату (повод) и организованные (по поводу) события – и отражают разнообразие форматов празднования: *Свята нашы авіятары адзначылі маштабным шоу* (ЛГ. 19.09.2013); *Радонная акцыя, прымеркаваная да жаночага дня, прайшла 7 сакавіка ў гарадскім парку* (АП. 14.03.2014); *К юбилею приурочена и тематическая выставка...* (Пол. 18.06.2014).

В районной газете частотными являются сочетания с прилагательным *праздничный* (бел. *святчны*), при этом слово нередко реализует и дополнительные значения „торжественный“, „особый“, „радостный“ и

т.п.: бел. *святочнае прадстаўленне, святочнае мерапрыемства, святочны гандаль, святочная атмасфера, святочны настрой, святочны вальс, святочны карагод, святочная вечарына, святочная сустрэча, святочны мітынг, святочная дошка, святочныя вішаванні, святочныя касцюмы.*

Ценность праздника подчеркивается его постоянством, наличием традиций, о чем журналисты часто заявляют уже в первых абзацах текста; поэтому в праздничном дискурсе регулярными становятся устойчивые сочетания типа рус. *хорошая (добрая) традиция, по сложившейся традиции*, бел. *па даўняй і добрай традыцыі*, например: рус. *проводить праздники деревень уже стало доброй традицией* (ЛГ. 19.07.2014); бел. *добрая традыцыя ўрачыстага ўшаноўвання маладых спецыялістаў* (АП. 13.01.2014); *сёння мы па добрай традыцыі адзначаем раённае свята* (Пер. 27.08.2014).

Еще с советских времен важными элементами праздничного дискурса являются подведение итогов, выполнение к той или иной особой дате календаря некоторых обязательств, демонстрация достигнутых успехов: *Да свята быў капітальна адрамантаваны, лепш сказаць, перабудаваны адміністрацыйны будынак спіртзавода. Вялікае абнаўленне зроблена ў школе...* (Пер. 27.08.2014). Особая ценность труда как важнейшей составляющей будней только подтверждается в «пустые», то есть свободные от трудовых забот, праздничные дни: *Па працы і гонар* (Дз. 14.02.2014); *Не дзеля славы стараюцца нашы працаўнікі, а дзеля справы* (Дз. 14.02.2014).

Заключение. Праздничный дискурс является одной из тематических доминант (устойчивым медиатопиком) районной газеты. Широкая представленность праздничных ценностей и символов на страницах районной газеты, с одной стороны, объективно отражает изменения в организации жизненного хронотопа современного жителя района, прежде всего – рост числа праздников, с другой стороны, становится авторским способом моделирования в медийном языке наблюдаемых и описываемых событий через определенную систему ценностей, представлений, установок.

Праздник как объект журналистского описания представлен в районной газете в двух видах: как фокусное событие и как событие

фоновое. В первом случае праздник становится основной темой отдельной публикации, некоторой совокупности публикаций в одном номере или их серии в нескольких номерах, тематической полосы, вкладыша или даже специального выпуска. Во втором случае праздник используется как календарный повод для создания материала другой тематической направленности. Информация, поданная сквозь идеологию праздника, упрощает ее восприятие, встраивает ее в уже понятные читателю сценарии повседневной жизни.

Выступая в качестве общественно признанного и официально одобренного культурного сценария, медиасобытие праздника способствует аксиологическому и содержательному развитию различных тем (политических, экономических, повседневных и т.д.) с заданной идеологической установкой. Праздник вовлекает в свое коммуникативное пространство читателей газеты как представителей единого районного сообщества (функция идентификации), а информирование о празднике превращается в одну из «индустрий» в сфере социокультурных коммуникаций (функция мобилизации).

Праздничный дискурс районных СМИ обладает концептуальным, речезанровым и прагматистическим своеобразием. Полифункциональность, аксиологичность, смысловая насыщенность позволяют праздничному дискурсу выполнять роль одного из универсальных механизмов формирования повестки дня и влияния на мировоззрение читательской аудитории.

Литература

1. Лазарева, Л.Н. История и теория праздников: учеб. пособие / Л.Н. Лазарева. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. – 251 с.
2. Каверина, Е.А. Событийные коммуникации в культуре: философская пропедевтика и маркетинговая практика / Е.А. Каверина. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2011. – 187 с.
3. Вайнонен, Н. Пулеметная районка: все четыре колеса / Н. Вайнонен // Журналист. – 2004. – № 9. – С. 24–25.
4. Назарова, Т.В. Типологические особенности локальных газет Волгоградской области / Т.В. Назарова // Вестн. ВолГУ. Сер. 8. – 2005. – Вып. 4. – С. 114–117.
5. Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика. – 2015. – № 1(6). – С. 45–57.

6. Шевченко, А.Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А.Ю. Шевченко // Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 18–23.
7. Тён ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тён ван Дейк; пер. с англ. – М.: URSS, 2015. – 352 с.
8. Пивоварчик, Т.А. Речевой жанр поздравления как «образ времени» в дискурсе районной газеты / Т.А. Пивоварчик // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. ст. / под ред. Л.Р. Дускаевой; отв. ред. Н.С. Цветова. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. – С. 96–100.
9. Эмер, Ю.А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование / Ю.А. Эмер // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 4(16). – С. 53–68.
10. Щербинин, А.И. Политический праздник: концепт и коммуникация / А.И. Щербинин // Политическая концептология. – 2014. – № 3. – С. 45–59.

Принятые сокращения источников

АП = Астровецкая праўда; БГ = Бераставіцкая газета; ВГ = Воранаўская газета;

Дз. = Дзянніца; ЗН = Зара над Нёманам;

ЛГ = Лідская газета; НЖ = Новае жыццё;

НЧ = Наш час; Пер. = Перамога;

Пол. = Польша; СГ = Свіслацкая газета.

Поступила в редакцию 17.09.2015 г.

УДК 811.161.3'373.23(476.5)

Месца рэгіянальных даследаванняў у аномастыцы

Зайцава К.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Рэгіянальная антрапанімія як асноўны кампанент аномастычных даследаванняў выдзелілася адносна нядаўна і ўжо паспела заняць адну з галоўных пазіцый сярод асноўных падыходаў у вывучэнні антрапаніміі.

Мэта артыкула – устанавіць месца рэгіянальных даследаванняў у аномастыцы.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі працы айчынных і замежных вучоных у вобласці аномастыкі. У якасці метадаў даследавання былі абраны аналітычны і супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Публікацыя пабудавана на вызначэнні месца рэгіянальных даследаванняў у сучаснай аномастыцы. Акрамя рэгіянальнага падыходу прааналізаваны сучасныя аспекты ў вывучэнні онімнай лексікі на аснове прац славянскіх даследчыкаў. У артыкуле даецца дэфініцыя тэрміна антрапанімія рэгіяналістыка, якая характарызуеца спецыфічнай цэласнасцю і займаецца вывучэннем заканамернасцей функцыянавання асобных тыпаў антрапанімаў асобнага рэгіёна ў розных аспектах з улікам храналагічных паказчыкаў. Акрамя таго, робіцца вынік аб тым, што ў развіцці славянскай аномастыкі бачыцца неабходнасць працягу аномастычных даследаванняў з боку поліаспектнага падыходу, што дазволіць усебакова вызначыць асаблівасці фарміравання і функцыянавання аномастычных адзінак.

Заклучэнне. Антрапанімы даследуюцца як у маштабах усёй краіны, так і на ўзроўні асобных рэгіёнаў. У сучаснай антрапаніміцы рэгіянальны, арэальны аспект вывучэння выходзіць на першы план. Рэгіён, у адрозненне ад тэрыторыі, уяўляе сабой сукупнасць узаемазвязаных з’яў, якія і фарміруюць мяжу рэгіёна. Кожны арэал – гэта самабытная тэрыторыя, якая валодае сацыякультурным кодам. Вывучэнне моўных асаблівасцей асобных рэгіёнаў дазволіць выявіць лінгвістычную спецыфіку агульнай тэрыторыі.

Ключавыя словы: антрапанімія, антрапанімія рэгіяналістыка, раяніраванне, рэгіён.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 222–226)

Place of Regional Research in Onomastics

Zaytseva E.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

Regional anthroponymy as the main constituent of onomastic researches has been singled out not long ago and has taken one of the principal stands among basic approaches in the study of anthroponymy.

The purpose of the study is to determine the place of regional researches in onomastics.

Material and methods. The material for the research was works on onomastics by national and foreign scientists. Analytical and comparative methods were chosen as the methods of the investigation.

Findings and their discussion. The article is built up on determination of the place of regional researches in contemporary onomastics. In addition to regional approach present-day aspects in the study of proper names have been analyzed on the basis of works by Slavonic researchers. The definition of the term of anthroponomical regionalistics, which is characterized by specific integrity and study functioning mechanism of separate types of anthroponyms in separate region from different angles taking into account chronological index, is given in the article. Besides we draw a conclusion that for the development of Slavonic onomastics it is necessary to proceed with onomastic researches using polyaspect approach, which allows defining formation and functioning peculiarities of onomastic units thoroughly.

Conclusion. Anthroponyms are examined both on a country and regional scale. In up-to-date onomastics regional aspect of study is put in the forefront. Region, unlike territory, is a system of interconnected phenomena which form region border. Each area is an original territory which possesses social and cultural code. Study of linguistic features of every region will allow determining common linguistic characteristics on common territory.

Key words: anthroponymy, anthroponomical regionalistics, zoning, region.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 222–226)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: katsyaryna_zaytsava@mail.ru – К.А. Зайцава

На працягу апошніх дзесяцігоддзяў даследаванні ў вобласці анамастыкі вядуцца ў рэчышчы розных напрамкаў: праблем намінацыі (І.А. Гапоненка, С.І. Гасімава, С.В. Глушчык, Т.А. Карніўская, Г.М. Мезенка, Я.Ю. Сідарэнка, Л.Ф. Цімірава), літаратурнай (Г.М. Дзеравяга, М.В. Карпенка, Т.І. Ларына, І.М. Петрачкова, І.Э. Ратнікава, В.В. Шур), прыкладной анамастыкі (А.М. Анісім, І.У. Бародзіч, Т.П. Валынец, Л.П. Калауцкая, А.І. Копач, В.Э. Сталтманэ, П.У. Сцяцко), сацыялінгвістычным (Р.А. Агеева, С.Д. Алейнікава, Ю.А. Гурская, Г.Ю. Каваленка), рэгіянальным (Р.М. Казлова, І.Л. Капылоў, І.А. Каралёва, Т.Б. Кузняцова, В.П. Лемцюгова, Ю.Ю. Марчанкава, Г.К. Усціновіч) аспектах. Сярод вышэй адзначаных падыходаў рэгіянальная антрапанімія як асноўны кампанент анамастычных даследаванняў у цяперашні час набывае найбольшую актуалізацыю.

Мэта артыкула – вызначыць месца рэгіянальных даследаванняў у анамастыцы.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі працы айчынных і замежных вучоных у вобласці анамастыкі. У якасці метадаў даследавання былі абраны аналітычны і супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сёння ў навуцы ўсё большую актуальнасць набывае вывучэнне моўнай карціны свету і моўнай асобы. Антрапонім – адзін з важных кампанентаў моўнай карціны свету, паколькі з’яўляецца галоўным іменаваннем чалавека і выступае не толькі як носьбіт лінгвістычнай інфармацыі, але і як адлюстраванне культурна-гістарычных традыцый, паколькі вельмі чуйна і дастаткова хутка рэагуе на любыя змены, якія адбываюцца ў соцыуме [1, с. 128]. У сучасных анамастычных даследаваннях антрапонімы сталі разглядацца з пункту погляду адлюстравання этнакультурнай інфармацыі, кагнітыўных мадэляў успрыняцця аб’ектаў прасторы. У працэсе развіцця анамастычнай навукі склаліся асноўныя напрамкі антрапацэнтрычных анамастычных даследаванняў: намінатыўны, лінгвакультуралагічны, лінгвагеаграфічны, псіхалінгвістычны, сацыялінгвістычны, прыкладны.

З боку праблем намінацыі Т.А. Карніўская даследуе фарміраванне, функцыянаванне і паходжанне іменаслова Гомеля другой паловы XX ст.; украінскі даследчык С.В. Глушчык аналізуе словаўтваральную і марфалагічную структуру ўкраінскай

антрапаніміі левабярэжнай Украіны перыяду XVIII ст.; Я.Ю. Сідарэнка на аснове матэрыялу помнікаў дзелавай пісьменнасці г. Табольска падрабязна апісала структурныя мадэлі ўласных імён розных слаёў гараджан, іх варыятыўнасць ва ўтварэнні. Л.Ф. Цімірава ў выніку аналізу онімаў Актанышскага арэала выявіла лексіка-семантычныя асаблівасці антрапонімаў, вызначыла асноўныя структурна-словаўтваральныя мадэлі намінацый. І.А. Гапоненка даследуе праблемы станаўлення старажытнай беларускай іменаслоўнай сістэмы пачатку XX ст., у развіцці беларускай антрапаніміі аўтар выдзяляе перыяд беларускага адраджэння, калі ў працэсе фарміравання новай беларускай мовы на жывой народнай аснове беларускі імянік узяў выразную арыентацыю на нацыянальную самабытнасць [2, с. 47].

Лінгвагеаграфічны аспект вывучэння антрапонімаў прадугледжвае выяўленне фонавых ведаў, што датычацца ўласнага імя, Л.В. Окунева ў сваім дысертацыйным даследаванні, прысвечаным вывучэнню архангельскіх помнікаў дзелавай пісьменнасці, падзяляе дадзеныя крыніцы на паўночныя і паўднёвыя тэрытарыяльныя групы на аснове іх лінгвагеаграфічнай характарыстыкі.

Сацыялінгвістычны аспект прадугледжвае выяўленне асаблівасцей антрапонімаў, з дапамогай якіх выяўляецца сацыякультурная значнасць таго ці іншага арэала. Р.А. Агеева ў навукова-аналітычным аглядзе дала падрабязную сацыялінгвістычную характарыстыку ўласных імён Заходняй Сібіры. І.М. Ганжына адзначае, што ўжо ў XVI ст. у асяроддзі памешчыкаў трохчленная формула пераважае ў якасці самай звычайнай, найбольш кароткай і інфарматыўна ёмістай [3, с. 8].

Праблемамі функцыянавання імя ў грамадстве, матывацыяй выбару ўласнага імя на рэгіянальным узроўні займаецца С.Д. Алейнікава, якая ўстанавіла, што ўласнае імя самым цесным чынам звязана з індывідам, уваходзячы разам з чалавекам у цэнтр яго моўнай свядомасці [4, с. 5].

Рэпрэзентацыйнай ведаў аб анамастычных адзінках і перадаваемым імі канцэптуальным змесце займаецца А.С. Шчарбак, якая ў сваёй доктарскай дысертацыі даказвае, што асноўнай задачай лінгвакультуралогіі і этналінгвістыкі з’яўляецца даследаванне і апісанне механізмаў, на аснове якіх

ажыццяўляецца ўзаемадзеянне онімаў як адзінак мовы з семантыкай культурнага кода. Прыхільнікі кагнітыўнага падыходу ў анамастыцы разглядаюць значэнне імя ўласнага “як вынік адлюстравання рэчаіснасці свядомасцю чалавека” (І.С. Карабулатава). Кагнітыўная функцыя анамастычных з’яў, на думку М.В. Галамідавай, праяўляецца ва ўдзеле ўласных імён у працэсе мысленчай дзейнасці чалавека і ў магчымасці захоўваць веды як асабіста моўныя, так і энцыклапедычныя [цыт. па 5].

Праблемы прыкладной анамастыкі застаюцца актуальнымі як у беларускім, так і ў рускім мовазнаўстве (А.В. Супяранская, А.У. Суслава, Л.П. Калакуцкая, В.Э. Сталтманэ), паколькі назіраецца варыянтнасць граматычных формаў антрапонімаў. На пасяджэнні “круглага стала” “Праблемы стандартызацыі нацыянальнай анамастыкі” на канферэнцыі “Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць” (2010 г., г. Мінск) айчыннымі вучонымі (А.М. Анісімам, І.У. Бародзіч, А.І. Копачам) былі абмеркаваны пытанні правапісу беларускіх прозвішчаў [6]. Акрамя таго пытаннімі скланення і ўжывання беларускіх прозвішчаў займаюцца Т.П. Валынец, П.У. Сцяцко. Праблемы станаўлення нормаў беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст. у галіне графікі, арфаграфіі, лексікі даследуе І.А. Гапоненка, у сваёй доктарскай дысертацыі аўтар разглядае “станаўленне нацыянальных онімных формаў”. Спосабы перадачы беларускіх імён па-руску, чэшскіх, славацкіх па-беларуску адлюстраваны ў працах Г.Н. Ключава, І.І. Лучыца-Федарца. Даследаванне пытанняў перакладу і скланення прозвішчаў сёння застаецца асабліва актуальным і патрабуе ўвагі лінгвістаў.

Аналізуючы анамастычныя даследаванні апошніх гадоў можна заўважыць значную колькасць прац, у якіх онімы разглядаюцца поліаспектна. М.Ю. Бяляевай быў зроблены комплексны аналіз анамастыкону заходніх раёнаў Краснадарскага краю. Аўтар падкрэслівае, што полісістэмнасць рэгіянальнага анамастыкону вызначаецца яго прыналежнасцю да прасторы мовы [7, с. 30]. А.В. Шаўлякоў займаўся вывучэннем антрапонімаў рускага паўночнага арэала з боку семантычнага, функцыянальнага, лексікаграфічнага падыходаў. Поліаспектны падыход прымяняўся С.І. Гасімавай, якая прапанавала шматбаковую класіфікацыю

татарскіх адпелятыўных антрапонімаў. К.А. Андрэевай упершыню зроблена спроба комплекснага аналізу ўласнага імя пры маўленчых зносінах. Г.Ю. Каваленка разгледзіла ўласныя імёны на матэрыяле пскоўскай дзелавай пісьменнасці ў сацыялінгвістычным аспекце.

На сучасным этапе развіцця навукі актывізавалася ўвага да рэгіянальных даследаванняў амаль ва ўсіх сферах: палітыцы, філасофіі, гісторыі, у тым ліку і лінгвістыцы. Рэгіяналістыка – інтэгральная навука, якая адлюстроўвае сінтэз розных навук у падыходзе да рэгіянальных даследаванняў. Арэальныя даследаванні прадугледжваюць вывучэнне асобных заканамернасцей вызначанай галіны не толькі паміж абласцямі розных краін, але і паміж сельскімі, раённымі і абласнымі рэгіёнамі ў межах адной краіны. Кожны рэгіён – гэта асобная тэрыторыя, якая адрозніваецца і выдзяляецца сукупнасцю гістарычных, эканамічных, палітычных і нацыянальных асаблівасцей.

У свеце ўрбанізацыі актуальным прадстаўляецца вывучэнне і фіксацыя анамастычных адзінак кожнага рэгіёна, і яшчэ большай каштоўнасцю з’яўляецца палявы метада збору інфармацыі. Аналіз антрапанімікону асобнай тэрыторыі дазволіць выявіць асаблівасці, якія характэрны для ўсёй сістэмы мовы ў цэлым, а таксама дасць магчымасць вызначыць лінгвістычную спецыфіку даследуемага рэгіёна. Н.В. Бубнава сцвярджае, што рэгіянальныя онімы па прычыне сваёй непасрэднай блізкасці да ўспрымаемага суб’екта могуць мець нават большае значэнне для фарміравання канкрэтнай моўнай асобы, чым уласныя імёны больш высокіх узроўняў [8].

На погляд прафесара У.А. Дзергачова, рэгіяналістыка – гэта навука аб цэласных тэрытарыяльных аб’яднаннях, якія валодаюць цывілізацыйным (сацыякультурным) кодам на макрарэгіянальным, рэгіянальным і субрэгіянальным узроўнях [9]. А.Г. Ісачанка прытрымліваецца думкі, што рэгіяналістыка павінна ўключаць такія кірункі, як раённыстыка (распрацоўка агульных прынцыпаў і метадаў сістэматызацыі шляхам раённавання), рэгіёназнаўства (вывучэнне спецыфікі развіцця рэгіёнаў у шматлікіх аспектах – ад прыродных да этнаканфесійных) і інш. [10]. Рэгіяналістыка можа разглядацца як “макрадысцыпліна, якая аперыруе

абагульненымі, кантрольнымі вынікамі ў рамках галіновых прыродазнаўчых і гуманітарных дысцыплін”. Па словах У.М. Стралецкага, у такой інтэрпрэтацыі рэгіяналістыка выступае ў ролі звязуючага звяна, якое аб’ядноўвае самыя розныя напрамкі рэгіянальных даследаванняў [11, с. 3]. Н.У. Падольская таксама вызначае асобна тэрмін “рэгіянальная анамастыка” [12, с. 103]. Акрамя таго аўтар выдзяляе яшчэ адно паняцце, звязанае з папярэднім, – анамастычны арэал – вобласць распаўсюджвання аднаго анамастычнага факта або з’явы, якая была ўстаноўлена ў выніку анамастычнага даследавання дадзенай тэрыторыі [12, с. 101]. Вызначыўшы асноўныя прыкметы рэгіяналістыкі як навукі, можна даць дэфініцыю тэрміну ў дачыненні да антрапаніміі. *Антрапанімная* рэгіяналістыка – накірунак у сістэме анамастычных даследаванняў, які характарызуецца спецыфічнай цэласнасцю і займаецца вывучэннем заканамернасцей функцыянавання асобных тыпаў антрапанімаў канкрэтнага рэгіёна ў розных аспектах з улікам храналагічных паказчыкаў. Антрапанімнае рэгіянальнае даследаванне не можа прэтэндаваць на глыбіню і дакладнасць вывучэння без уліку гістарычнай састаўляючай рэгіёна. У.М. Стралецкі ўказвае, што паколькі адзінства рэгіёна мысліцца як агульнасць людзей, то пры такім даследаванні рэгіёна проста немагчыма абысціся без уліку фактару гістарычнай спадчыны. “Тэрытарыяльныя супольнасці людзей – катэгорыі, якія развіваюцца не проста зменліва, але і перманентна, і не выпадкова, што адно з самых распаўсюджаных паняццяў у рэгіяналістыцы – гэта паняцце хранатопа (прастора + час). Часавая дамінанта ў рэгіянальным аналізе не менш важная, чым прасторавая” [11, с. 4]. Вызначальныя рысы любога рэгіёна наўпрост залежаць не толькі ад яго сучаснага, але і ад мінулага.

Даволі актыўна філалагічная рэгіяналістыка развіваецца ў Расіі і Беларусі. Яшчэ ў пачатку XX ст. былі закладзены асновы рэгіянальнай антрапаніміі ў працы М.М. Тупікова “Слоўнік старажытнарускіх уласных асабовых імён” (“Словарь древнерусских личных имен”), дзе на аснове фактычнага матэрыялу аўтар устанавіў арэалы бытавання канкрэтных антрапаніменных асноў.

Рэгіянальная антрапаніміка як асобны накірунак мае сваю методыку даследавання

асобных арэалаў. Асаблівасці арэальных анамастычных даследаванняў базіруюцца на аснове прац і методык беларускіх вучоных. Г.М. Мезенка даследуе антрапанімікон Віцебшчыны ад XVII ст. і да сучаснасці, паходжаннем імён, прозвішчаў і мянушак на Віцебшчыне займаюцца В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. Імянік беларускага пагранічча (тэрыторыя Браслаўскага, Верхнядзвінскага, Расонскага, Мёрскага, Лёзненскага раёнаў) даследуе Ю.М. Галкоўская. Цэнтральныя раёны Віцебшчыны застаюцца маладаследаванымі. На тэрыторыі Брэстчыны і Гродзеншчыны пытанням паходжання антрапанімаў, іх скланення, словаўтварэння прысвяцілі свае працы Т.М. Аліферчык, С.Ф. Бут-Гусаім, З.І. Макаранка, І.А. Шумская і Г.К. Усціновіч. А.А. Лукашанец у публікацыях “Лакальная сістэма ўласных асабовых імён” і “Родавыя (спадчыныя) найменні ў сістэме мясцовага антрапанімікону” разглядае сістэму традыцыйных беларускіх уласных асабовых імён адной з вёсак цэнтральнага раёна Міншчыны.

Новым кірункам у вывучэнні анамастыкі з’яўляецца пытанне анамастычнай лексікаграфіі. Гэтай галіной актыўна займаецца С.У. Шахоўская, якая распрацавала тыпалогію онімных слоўнікаў з улікам аб’екта лексікаграфічнага апісання і спецыфікі іх структуры, вызначыла асноўныя вектары развіцця сучаснай анамастычнай лексікаграфіі Беларусі.

Актуалізацыю рэгіянальнага ракурсу анамастычнай навукі пацвердзілі рэгіянальныя канферэнцыі “Анамастыка ў Смаленску і Віцебску” (г. Смаленск, 17–18 сакавіка 2015 г.), “Ономастика Поволжья” (першая канферэнцыя адбылася ў 1967 г.), часопіс “Филологическая регионалистика”.

У гэтым рэчышчы працуюць буйныя анамастычныя школы цэнтральных раёнаў Расіі – Растоў-на-Доне (Л.М. Шчацінін), Волагада (І.Ю. Чайкіна, С.М. Смольнікаў), Перм (А.М. Палякова, Т.А. Сіроткіна), Урал (А.П. Беразовіч, М.Э. Рут), Смаленск (Н.В. Бубнава, І.В. Данілава, І.А. Каралёва, М.В. Салаўёў), Казань (Г.Ф. Сатараў) і інш. Актыўна займаюцца анамастычнымі даследаваннямі лабараторыя рэгіянальнай анамастыкі ў Рэспубліцы Адыгея (Р.Ю. Намітокава) і навуковая школа рэгіянальнай анамастыкі ў Рэспубліцы Бурація (Л.В. Шулунова). Значны ўклад у развіццё рэгіянальнай украінскай анамастыкі

ўнеслі прадстаўнікі Данецкай анамастычнай школы пад кіраўніцтвам прафесара Я.С. Оціна: Г.П. Лукаш, Я.В. Філатава. Рэгіянальная антрапанімія Украіны стала аб'ектам даследавання такіх вучоных, як А.Я. Бучко, М.А. Дзямчук, І.М. Жалызняк, П.П. Чучка, Л.М. Верховых. Ля вытокаў латышскай анамастычнай навукі стаяла В. Дамбэ, анамастычныя ідэі прафесара распрацоўваюцца яе паслядоўнікамі А. Бушасам, П. Балодзісам, літоўскімі даследчыкамі Г. Блажэнай, А. Клявінскай.

Уласным імёнам рэгіянальнай лакацыі ў Польшчы прысвечаны працы З. Абрамовіч, І. Мытнік (антрапанімія польска-ўкраінскага пагранічча), К. Рымут, С. Роспанд, Я. Баўко, М. Койдар, М. Малец.

Заклучэнне. Антрапонімы даследуюцца як у маштабах усёй краіны, так і на ўзроўні асобных рэгіёнаў. У сучаснай антрапаніміцы рэгіянальны аспект вывучэння выходзіць на першы план. Рэгіён уяўляе сабой сукупнасць узаемазвязаных з'яў, якія і фарміруюць мяжу рэгіёна. Кожны арэал – гэта самабытная тэрыторыя, якая валодае сацыякультурным кодам. Вывучэнне моўных асаблівасцей асобных рэгіёнаў дазволіць выявіць лінгвістычную спецыфіку агульнай тэрыторыі.

Работа выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД (праект № Г14М-103 ад 23.05.2014 г.).

Літаратура

1. Королева, И.А. Именники приграничных регионов: проблемы и перспективы исследования / И.А. Королева // Смоленская ономастика (к 1150-летию со дня основания города Смоленска). Статьи разных лет. – Смоленск: Маджента, 2012. – 220 с.
2. Гапоненка, І.А. Беларускі іменаслоў перыяду першага беларускага адраджэння. Аўтарскія подпісы і псеўданімы / І.А. Гапоненка // Роднае слова. – 2002. – № 4. – С. 45–47.
3. Ганжина, И.М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах: (на материале тверских писцовых книг): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.М. Ганжина; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1992. – 20 с.
4. Олейникова, С.Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.Д. Олейникова; Тамбовский гос. ун-т имени Г.Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 23 с.
5. Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / А.С. Щербак; Тамбовский гос. ун-т имени Г.Р. Державина. – Тамбов, 2008. – 46 с.
6. Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 20 крас. 2010 г. / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2010. – 314 с.
7. Беляева, М.Ю. Ономастикон западных регионов Краснодарского края: полисистемный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.Ю. Беляева; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2010. – 37 с.
8. Бубнова, Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Бубнова; Смолен. гос. ун-т. – Смоленск, 2011. – 23 с.
9. Дергачев, В.А. Регионалистика [Электронный ресурс] / В.А. Дергачев. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/book-7/00.html>. – Дата доступа: 25.08.2015.
10. Регионалистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Регионалистика>. – Дата доступа: 07.09.2015.
11. Стрелецкий, В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия / В.Н. Стрелецкий // Псковский регионологический журнал. – 2007. – № 5. – С. 3–13.
12. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 192 с.

Паступіў ў рэдакцыю 04.11.2015 г.